Ирина Токмакова

Издательство
«Детская литература»

Ирина Токмакова

Избранное

Рисовал Лев Токмаков

Москва
«Детская литература»
1992

ББК 84Р7
Т51

Т $\frac{4803010201-020}{\text{М101 (03)-92}}$ Без объявл.

ISBN 5—08—002729—0

НАСТАЛО ВЕСЁЛОЕ УТРО...

Если по порядку, то было так.

Пой-ка, подпевай-ка:
Десять птичек — стайка...
Эта — зяблик. Эта — стриж.
Эта — развесёлый чиж.
Ну, а эта — злой орлан.
Птички, птички,— по домам!

И двухлетняя девочка проворно ложится на пол, смешно изображает на лице ужас и ловко уползает под кровать.

Так началось моё знакомство с поэзией Ирины Токмаковой. Под кровать уползала моя дочь, а стихи «Десять птичек — стайка» читала с выражением её мама.

Десять лет спустя я увидел в газете «Правда» статью Токмаковой. Она писала, что современная детская литература, в особенности обращённая к малышам, должна прежде всего учить... взрослого, учить его обращению с ребёнком!

Писательница была права, и я знал это уже по собственному опыту.

Ирина Петровна работает для самого маленького слушателя и читателя — для дошкольников и младших школьников. Пишет стихи, песенки, повести, сказки, пьесы. И во всех её произведениях идут рядом и дружат быль и небылица. Послушайте, почитайте стихотворения «В чудно́й стране» и «Букваринск», «Котята» и «Скороговорка», и вы согласитесь со мной.

Например, сказка «Букваринск» — и небылица о необычной стране, и занимательная рифмованная азбука. Две истории про одну девочку — «Аля, Кляксич и буква А» и «Может, нуль не виноват» — увлекательные буквенный и цифровой детективы. Это даже не повести-сказки, а повести-игры. Читают их девочки и мальчики и не замечают, как Ирина Токмакова учит их читать и считать. А ведь это очень важно — учиться и даже не подозревать, что учишься!

Стихотворения Токмаковой простые, обычно короткие, звонкие и легко запоминаются. Они так же необходимы нам, как и первые слова.

По-разному каждый из нас познаёт мир: одним познание даётся легко, другим труднее. Одни взрослеют быстрее, другие помедленнее. Но в любом случае никто из нас не обходится без родного языка, без слов и выражений самых простых. Они чудесным образом соединяются в ту прочную нить, которая связывает родные слова и между собою, и с мудростью сказки, и с радостью и печалью нашего времени. С самых ранних лет вместе с узнаванием родного языка ребёнок погружается в определённую культуру. Потому и говорят: «Слово, язык — это целый мир».

С помощью слов узнают себя и других. Слова можно повторять, декламировать, петь, ими можно интересно играть.

Откуда же Ирина Петровна — взрослый человек — так хорошо знает первые слова детей, первые слова Детства?

Или она их выдумывает, сочиняет?

Я точно не знаю. Наверное, хорошие детские книжки получаются лишь у того писателя, который не забыл, как это — быть маленьким среди взрослых. Такой писатель ясно помнит, как дети думают, чувствуют, как ссорятся и мирятся,— помнит, как они растут. Если бы не помнил, не нашёл бы слов, которым вы сразу поверите.

— Сколько же надо помнить! — может удивиться кто-то из вас.

Помнить и правда надо много. Но всё запомнить про детство не может даже детский писатель. И тогда он сочиняет, придумывает интересные истории, которые вполне могли быть на самом деле.

Как на горке — снег, снег,
И под горкой — снег, снег,
И на ёлке — снег, снег,
И под ёлкой — снег, снег.
А под снегом спит медведь.
Тише, тише... Не шуметь.

Чем раньше пробуждается в человеческой душе чувство любви к родному селу, городу, дому, друзьям и соседям, тем больше душевных сил становится у человека. Ирина Петровна помнит об этом всегда. Тридцать лет она ни на один день не расстаётся со стихами, сказками, повестями, а значит, и с вами — своими читателями.

Это мы немножко поговорили об особенных взрослых.

Теперь поговорим об особенных детях. Это легче, потому что дети все особенные. Только особенный человек играет в «дочки-матери» и в принцесс, в докторов и больных, в учителей и разбойников, в диких

зверей и продавцов. В таких играх всё как на самом деле, как в жизни — всё «по правде»: ваши серьёзные лица, важные поступки, настоящие обиды и радости, настоящая дружба «не разлей водой». Значит, детская игра не просто забава, а мечта каждого из вас о завтрашнем дне. Детская игра — это ваша уверенность в том, что надо подражать лучшим делам и поступкам взрослых. Это вечное ребячье желание поскорее вырасти. Вот Ирина Петровна всем вам и помогает: пишет, сочиняет про всё на свете. Но пишет не просто чтобы развлечь, нет. Она хочет научить серьёзно думать о жизни, уважать красивые поступки. Об этом её повести, например, «Сосны шумят», «Ростик и Кеша», десятки стихотворений, сказки и пьесы-сказки «И настанет весёлое утро», «Заколдованное копытце», «Звездоход Федя»...

У всех есть любимые игрушки. Вырастая, вы ещё долго не расстаётесь с ними: расставляете на шкафу, полках, усаживаете на диван, на пол. И правильно делаете!

Любимые игрушки, особенно куклы и зверюшки,— часть вашего детства, ваш детский мир. Вы сами его сочинили вокруг себя. В таком мире можно жить сколько угодно, ведь кругом друзья. Этот мир населяют красивые герои — озорные и послушные, смешные и трогательные, честные и преданные. Зачем же с ними расставаться!

Точно такой же жизнью живут и детские книжки — самые лучшие ваши друзья и советчики. У игрушки, например Дюймовочки или медведя, спросишь о чём-нибудь, дашь им минутку помолчать-подумать и сам же за них себе отвечаешь. Интересно! А вот книжка сама отвечает нам голосами своих героев на любые вопросы. Помоему, ещё интереснее! Одну из таких книжек вы и держите сейчас в руках.

Любое известное произведение Токмаковой, вошедшее в книгу «Счастливо, Ивушкин!», обязательно заставит вас найти и вспомнить другие стихи и прозу Ирины Петровны, её переводы произведений для детей с армянского, литовского, молдавского, таджикского, узбекского, английского, болгарского, немецкого, шведского, других языков. Токмакова вообще много переводит — помогает писателям других республик и стран прийти со своими книжками к детям, читающим по-русски. Так читатели и писатели с помощью книг учатся друг у друга, лучше и быстрее понимают, что люди рождаются и живут для счастья. А если человек этого не понимает, его жизнь проходит впустую, никому не приносит ни радости, ни пользы. Значит, зря родился...

И всё же радости и печали в жизни идут рядом. Взрослые, много пожившие люди говорят:

— Так устроен мир.

Интересно, что писатели и дети, не сговариваясь, чаще всего отвечают на это так:

— А мы хотим сделать мир лучше.

Правильный ответ.

Чужого горя не бывает. Не должно быть. Поэтому детские писатели всегда ищут причины хороших и дурных поступков взрослых и детей.

Я ненавижу Тарасова:
Он застрелил лосиху.
Я слышал, как он рассказывал,
Хоть он говорил тихо.

Теперь лосёнка губастого
Кто же в лесу накормит?
Я ненавижу Тарасова.
Пусть он домой уходит!

Когда человек стремится жить лучше, он хочет справедливости не только для себя, но обязательно и для других. А «другие» — это не только люди, это всё живое вокруг. Ирина Токмакова много пишет о природе, её обитателях, умеет личное состояние героев — детей и взрослых, деревьев и цветов, домашних и диких животных — сделать интересным каждому читателю. Даже в коротеньком стихотворении она мудро очеловечивает природу, показывает ежедневные заботы и дерева и зверя.

Один мой товарищ рассказывал мне как-то о своей дочери. Её воспитывала бабушка. Она за внучку делала всё: и уроки, и работы по дому и огороду. Кроме внучки и бабушки, в доме жил ещё пёс Лель. И вот однажды бабушка заболела.

Бабушка заболела,— значит, не истопила печь, не поставила чай. А внучка не умела этого делать.

И что же случилось? Пёс Лель выскочил на улицу и стал носить в дом дрова и укладывать на бабушку! Собака знала: дрова и бабушка дают тепло. Внучка, видя, что собака по своему разумению что-то делает, начала под бабушкиным руководством растапливать печь и греть чай. Девочка, которая ничего не умела, вскипятила чай и напоила старого человека. А после этого позвала соседей, чтобы помогли.

Я вспомнил этот случай, когда впервые читал известную повесть-сказку Токмаковой «Счастливо, Ивушкин!». В ней автор открывает нам очень важный, пожалуй даже огромный, секрет:

как выйти из безвыходного положения.

Оказывается, для этого не надо падать духом.

Потрясающий всё-таки совет-секрет!

Узнал я секрет и подумал: а когда начинается биография человека?

Наверное, она начинается с первого самостоятельного поступка, с первой самостоятельной большой заботы о другом человеке. Именно это делает девчонку и мальчишку личностями. Повесть-сказка «Счастливо, Ивушкин!», мне кажется, как раз про это.

В одной своей статье Ирина Петровна писала: «Дети, как всегда, чутко реагируют на сегодняшний день. У них стало появляться интересное, какое-то материнское чувство по отношению к живому. Они стали чувствовать свою ответственность и причастность к необходимости сберечь и сохранить природу».

Про вас, ребята, написано! Этим можно гордиться.

Каждому из нас, детей и взрослых, но детям всё-таки больше, очень хочется познать мир. Желание так велико, что «в один прекрасный день» непременно почудится, будто всё вокруг запело-заговорило. Почему? Да потому что хочет объяснить себя.

Вот тут писатель и поможет нам, детям и взрослым, услышать дерево и реку, луг и бабочку, лошадку и соловья, таинственный чердак и печную трубу...

Волшебное часто возникает из хорошо знакомого. Потому взрослые и любят говорить:

— Вещи имеют душу. Особенно старые, любимые вещи.

Вполне вероятно — и многие из вас это переживали — увидеть и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду, и «всю природу в свои объятья заключить». Это помогает дышать, расти.

У ежа зимою спячка,
Это значит — ёжик спит.
На дворе живёт собачка,
Дом хозяйский сторожит.
Ходит кот по краю крыши,
Окунь — в проруби речной.
Из трубы всё выше, выше
Улетает дым печной.

Идёт человек — мальчик или девочка — цветущим лугом. Травы душистые — выше колен, а то и носа касаются. Жизнь вокруг душистая, цветная, поющая, летающая, текучая, светящаяся.

Идёт человек и чувствует, как любят его воздух и вода, день и вечер, земля и травы, ночь и утро, дом и бабушка, луна и облака.

Вот тебе и повседневность. Вот тебе и быт. Вот тебе и дом родной! Из них и творится наш духовный и художественный мир.

Как научиться замечать отблески детства, не замечаемые никем на свете? Как сегодня отыскать слова, которые задевали бы вас, которые вам хотелось бы спеть или просто прокричать?

...Если по порядку, то снова получается так.

Пой-ка, подпевай-ка:
Десять птичек — стайка...—

читает нараспев, с выражением бабушка — бывшая мама бывшей двухлетней девочки.

— Ну, а эта — злой орлан! — пытается прокричать двухлетний белобрысый мальчишка — сын бывшей двухлетней девочки.

И бабушка отвечает ему, как двадцать лет назад отвечала его «пугливой» маме:

— Птички, птички — по домам!

И этот белобрысый мальчик-птичка плюхается на пол и ловко уползает под кровать.

Настало весёлое утро...

Нет, друзья, видно, не суждено мне разогнать этот шумный домашний птичник.

Ах, Ирина Петровна, Ирина Петровна!

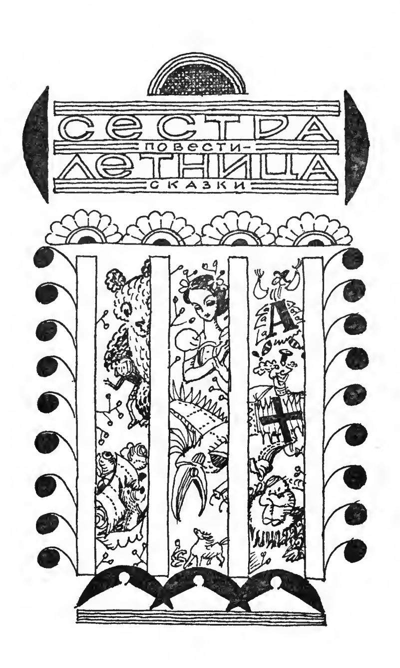
Жители Востока говорят:

— Буква — это воспоминание о слове.

Детская литература — это воспоминание о жизни, которую каждый из нас нафантазировал себе в детстве. А через детство проходят все.

Прошла через него и Ирина Токмакова...

Владимир Александров

СЕСТРА
ПОВЕСТИ-
ЛЕТНИЦА
СКАЗКИ

ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК
ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК ТИК

СЧАСТЛИВО, ИВУШКИН!

Глава первая

ЛУША

Ивушкин не подслушивал. Просто они думали, что он спит, а он — проснулся. Разбудило противное слово «диссертация», которое шипело за дощатой перегородкой и извивалось там, как змея.

— Ну, конечно, сразу же после защиты диссертации,— говорил папин голос.

— Как только защитишь диссертацию? — спрашивал мамин.

— Как только диссертацию утвердят и присвоят звание,— объяснил папин.

— Филипп будет жить в угловой, там балкон и солнце,— продолжал мамин голос.

Филипп — это он и есть, Ивушкин. Его зовут Филиппом в честь дедушки. Только он привык, что он — Ивушкин. Так его звали в яслях и в детском саду. Это тогда, когда они жили в городе. Но вот уже два года, как семья агронома Ивана Филипповича Ивушкина перебралась в деревню. Два года, два прекраснейших года они прожили в этом славном доме. В нём есть большие сени и лесенка оттуда на чердак, где пахнет сухими листьями и тёплой крышей, где лежит старый угольный утюг, который умеет превращаться в пароход, где кем-то оставлены чёрные прокопчённые крынки. Внутри крынок темно и таинственно, и кажется, кто-то там на дне шебуршит, и дышит, и живёт. И ещё в этом доме есть русская печь, в которой разжигается настоящий домашний костёр. Костёр

горит живым огнём, а потом превращается в красные угли. По ним бегают синие огоньки, а после они куда-то исчезают, и угли накрываются пушистым серым одеялом, и гаснут, и ложатся спать.

Да что говорить! Главное-то всё-таки не это! Главное, что в доме — нет, не в доме, а в крытом дворе, куда ведёт из сеней маленькая скрипучая дверка,— живёт Луша!

Вот про Лушу-то и пошёл дальше разговор, который не должен был слышать Ивушкин, но услышал, вроде как бы подслушал, хотя подслушивать некрасиво и стыдно, но если человек проснулся утром, то в чём же тут его вина?

— Что сказал дядя Кузьма? Они возьмут Лушу на конюшню? — Это спрашивала мама.

— Варенька, ну посу́ди сама, зачем им в хозяйстве такая старая лошадь?

— Ну ты хоть погоди, Фильке не говори, он разнервничается.

— Я и сам расстроен, да что поделаешь?

Дело в том, что семья Ивушкиных переезжала обратно в город.

Папа Иван Филиппович написал в деревне какую-то диссертацию. Это много-много листов бумаги, напечатанных на машинке, и какие-то листы с непонятными линиями, похожими на зубцы горного хребта, которые называются «диаграммы». И вот теперь почему-то из-за всей этой бумаги папа больше не будет работать в деревне Высоково, и они не будут жить больше в этом замечательном доме, всеми пятью окошками — на тихую речку Меру, на луг, покрытый красной смолкой, и колокольчиками, и ромашками, и дрёмой. В городе им дают трёхкомнатную квартиру, а папа будет работать в НИИ. Ивушкин пока ещё не очень понял, что это значит. Самое ужасное, что во всех этих трёхкомнатных квартирах люди почему-то не держат лошадей. И вот теперь... Теперь от него что-то скрывают, что-то плохое обязательно должно случиться с Лушей.

— Из хозяйства они её списали.— Это сказал папа.— Она списанная, понимаешь? — повторил он.

От этого непонятного, чем-то смертельно угрожающего

слова у Ивушкина внутри что-то заболело, как умеет болеть зуб. Ивушкин тихонько застонал.

Шёпот за стеной прекратился. В комнату вошла мама с таким лицом, точно завтра Первое мая или Новый год.

— Филюшка, ты не спишь?

— Проснулся,— мрачно буркнул Ивушкин.

Он был уже большой, осенью — в школу. Он понимал, что, если зареветь, завопить, заскандалить, всё равно ничего не получится. Он решил подождать, подумать хорошенько.

— Филюшка, вставай, приберись немножко. Я пошла в Родово, в магазин: у меня вся соль вышла. Папа уезжает на дальнее поле, сейчас за ним «газик» придёт.

И действительно, на дороге тут же что-то заурчало, и, переваливаясь на дорожных колдобинах, к дому подкатил колхозный «газик». Ивушкин видел в окно, как папа сел рядом с шофёром Кирюшей и укатил.

— На столе в кухне молоко в жбанчике и коржики. Поешь, посуду сполосни и подмети, ладно, Филюшка? Сделаешь?

— Сделаю,— ответил Ивушкин как-то уж очень неприветливо.

Видно, мама была занята своими радостными мыслями, раз она не обратила внимания на то, что её всегда ясный и ласковый мальчик хмур и чем-то озабочен.

Взрослые люди иногда впадают в страшное волнение по пустякам, а бывает, проходят мимо вещей важных и серьёзных.

Как бы там ни было, мама, взяв сумку, маленький кошелёчек в виде кошачьей головы и повязав от солнца косынку в синий горошек, легко сбежала с крыльца и направилась в соседнюю деревню Родово, где был магазин.

Ивушкин остался один. Он глядел на окно, на отставший уголок пожелтевшей марлюшки. Сейчас марлю трепал ветер в том месте, где откнопилась кнопка. Марлю прикрепили весной — от комаров. А сейчас комаров нету. Ивушкин отогнал эту ненужную мысль. Прислушался. На комоде тикал будильник. Тикал, тикал — у него никогда ни на что другое не хватало фантазии. Гнал время, гнал

время, дуралей! А время, наоборот, надо бы остановить, чтоб можно было хорошенько во всём разобраться!

Что значит «списанная»? Ивушкин вспомнил, что про боропы, которые долго валялись у сараев на главной усадьбе колхоза, в Худяках, и которые недавно наконец свезли как металлолом, тоже кто-то говорил «списанные». Списанные — значит, негодные, ненужные ничьи. Но Луша!!! Луша умница, труженица, добрая, душевная, такая рассудительная, такая, такая... да, любимая, ну и что? Ивушкин её любил, потому что Луша его друг и прямо так и говорит ему об этом.

Ах нет, пожалуйста, не начинайте сразу же говорить, что это чудо или что так не бывает.

Умела Луша говорить, умела. И только всем было недосуг прислушаться, а может, просто все в это заранее не верили. А уж раз не веришь, так разве услышишь?

Тик-так, тик-так, тик-так!..

Тьфу ты, пропасть!

Ивушкин встал и оделся. С кем посоветоваться? Поговорить с конюхом, дядей Кузей?

Ещё неизвестно, что из этого получится. Единственный друг Валька, который старше на два года и очень умный, укатил к бабушке в Макарьев.

Дождаться маму? А зачем? Это ведь она сказала: «Ты хоть Фильке не говори». «Не говори»... А что «не говори»? Что они уезжают в этот проклятый город, он знает. Что «не говори»? Про Лушу? Куда, куда они собираются её девать?

На дворе что-то брякнуло. Может, Луша, пытаясь урезонить надоедливых мух, задела копытом стену?

Ивушкин поспешил на двор. Дверь скрипнула. Луша скосила на Ивушкина большой лиловый глаз, передёрнула серой в светлых пятнышках шкурой, махнула хвостом, спросила, позабыв поздороваться:

— Сегодня купаемся, Ивушкин?

Потом заметила, что с ним что-то происходит.

— Ты что не такой? Что-нибудь случилось?

— Случилось.

— Что?

— Беда, вот что.

— Какая?

Луша спросила спокойно, точно он просто ей сообщил, что к ним залетала бабочка.

— Ну мы же переезжаем в город!

— Почему ты кричишь? Переедем, и всё.

Ивушкин мучился ужасно. Он не знал, как сказать, чтобы сразу не огорчить, не обидеть Лушу.

— Луш, но ты ведь лошадь.

— Да ну? — притворно удивилась Луша. — Вот новость-то!

Ивушкин даже и не улыбнулся.

— Лошади в городе не бывают, — сказал он уныло.

— А кто бывает?

— Машины. Легковые и грузовики. УАЗы, МАЗы, КамАЗы.

— Да будет тебе, таких и слов нет.

— Есть. Это марки машин.

— Ты смотри!

— Луш, ладно тебе, ведь не до шуток.

— Ивушкин, я не понимаю. Ты объясни.

Деваться было некуда. Пришлось объяснять.

Луша сразу посерьёзнела, погрустнела.

Два года вместе. Она так привязалась к Ивушкиным. Любила возить Ивана Филипповича в поле, пастись тихонько у обочины, пока он распекал младшего агронома и бригадира, а уж как она любила Ивушкина!

Ивушкин был лёгкий, почти невесомый! Они вместе неслись через луг и влетали в Меру, там, где пологий бережок и маленькая золотистая песчаная отмель. Мера взрывалась брызгами, в каждой капельке отражались сразу и луговые цветы, и солнышко, и прибрежные ракитовые кусты, от этого капельки речной воды делались разноцветными, и на душе у обоих становилось весело, легко и разноцветно.

А зимой! Ивушкин насыпа́л Луше овса, садился рядом на маленькую скамеечку, которая осталась от прежних жильцов (хозяйка, сидя на этой скамеечке, доила корову Ромашку). Ивушкин усаживался на скамеечку, и они с Лушей беседовали...

А что же теперь получается? Вся семья уедет в город,

где эти «разы, двазы, мазы», а она останется одна — голодная, холодная, печальная и никем не любимая? Брошенная?

«Так не бывает,— думала Луша.— Разве своих бросают?»

Что-то во всём этом не было похоже на правду, что-то кололось и царапалось в голове, или в душе, или где уж там — неизвестно, где-то внутри. Не вязалось, не верилось. Но Ивушкин объяснил всё складно, и выходило всё так.

Ах, не надо было, не надо было Ивушкину просыпаться и слушать разговор! Тогда бы не получилось столько разных тревог.

Впрочем, тогда не получилось бы и сказки, которую пережили Ивушкин и Луша. А у кого в детстве не бывает сказки, тот вырастает сухим, колючим человеком, и люди об него ушибаются, как о лежащий на дороге камень, и укалываются, как о лист осота.

Забегая вперёд, я вам скажу: Ивушкин вырастет хорошим человеком. Добрым, душевным, понимающим. Может быть, и оттого, что в детстве у него была Луша, и с ними обоими случилась сказка.

Потому что дальше было так.

Глава вторая

ВИХРОНИЙ

— Ивушкин, ты думаешь, в этом нет никакой ошибки? Они уедут? Тебя возьмут, а меня — нет?

— Ну, я же слышал! Ты понимаешь?

— Но они хорошие. Они твои папа и мама. Папа и мама не бывают плохими.

— Луш. Я не сказал, что они плохие. Только они не всё понимают. Они — взрослые.

— Значит, я тебя больше никогда не увижу, так, что ли?

Ивушкин не ревел только потому, что рёвой он не был. Внутри у него всё плакало и всхлипывало по-девчачьи. Он молчал, бессмысленно уставившись взглядом в пол.

По полу полз муравей, пытаясь утащить соломину в четыре его собственных роста. Куда он её волок? В лес? В лес...

— Луша,— сказал Ивушкин,— ничего другого не остаётся.

— Что ты говоришь? — дёрнула своими аккуратными серыми ушками Луша.

— Я говорю,— повторил Ивушкин каким-то севшим, с хрипотцой голосом,— что ничего другого не остаётся. Нам надо убежать.

— Как это? Куда?

— Так. Уйдём. В Синий лес, например.

— Ты думаешь, так будет правильно?

Правильно — неправильно, для Ивушкина в тот момент это никакого значения не имело. Он не хотел, впрочем — что я! — просто не мог расстаться с Лушей, её надо было срочно, быстро спасти от этого страшного слова «списали». Больше ни одна мысль не помещалась у Ивушкина в голове. А уж правильно ли он поступает и даже как ему здорово за это влетит, он не думал, не думал он и о том, как мама будет тревожиться, когда, вернувшись, не обнаружит его дома. Забыл, а впрочем, должно быть, никогда толком и не знал, как обмирает мамино сердце, когда она теряет из виду своего ребёнка, как волнуется папа, когда сын бродит неизвестно где. Хотя, может, и меньше, чем мама, потому что чувствует, что сын — мужчина, что просто так, ни с того ни с сего, не пропадёт.

Ивушкин когда-нибудь сообразит, что заставлять волноваться других людей не годится. Он узна́ет, что это называется эгоизмом. Всё поймёт и постарается так не поступать.

Но это будет потом. А пока что, в тот день, первого августа, когда будильник с электрической батарейкой внутри показывает без четверти двенадцать и тихонечко тикает и тикает, Ивушкин окончательно принимает решение.

— Пошли!

— Хорошо. Пошли.— Луша вздохнула длинным, печальным, протяжным вздохом: — Ффухх!

И вот они уже идут через главную усадьбу в Худяках по просёлку, в сторону Синего леса.

В Худяках народу на улице мало. Все — в поле. Им попались навстречу только две старых-престарых бабушки да совсем маленький мальчонка. Этим решительно не было никакого дела до того, куда Ивушкин ведёт среди дня старую Лушу. Может, в Угольки на кузню, может, в Синий лес за волнушками...

Пыль па дороге пахла тепло и уютно. В ней аккуратно отпечатывались Лушины копыта и кеды Ивушкина.

Над головами проносились деревенские ласточки, которые по дурной привычке всегда выбирают самое неподходящее место для игры в догонялки и ни на кого пе обращают внимания.

Луша и Ивушкин миновали поле, покрытое кучами соломы, похожими на отдыхающих львов.

«Пресс-подборщик здесь не работал»,— отметил про себя Ивушкин и тут же про это забыл.

Вот и Синий лес. Они за лето бывали здесь уже сто раз. Тут они любят входить в лес — возле старой липы. Луша чуть-чуть пригнулась, и они сразу оказались в прохладе и тишине.

Всё здесь было как обычно. Рядом с обгорелым осиновым пнём лежал вот уже второе лето и ржавел неизвестно кем и зачем принесённый обруч от бочки. Посреди обруча цвёл лютик, и цвёл колокольчик, и рос кустик земляники. Один листок сделался по-осеннему краспым и вроде светился, точно под ним горела малепькая лампочка. Пропел свою всегдашнюю песенку зяблик. Слетела на землю еловая шишка. Как всегда, всюду синели полянки, сплошь покрытые вероникой. Она цвела здесь всё лето.

Может, лес потому и называется Синим?

Луша остановилась. Ивушкин тоже.

— Ивушкин, постой,— начала Луша каким-то торжественным голосом, как будто собиралась сообщить по радио важные новости.

— Ты что, Луш? Ну чего тут стоять на опушке, когда всякий может увидеть.

— Конечно. Но ты подумай всё-таки, хорошо ли так — взять и убежать. А? Ты всё-таки подумай.

— Да перестань. Трусишь ты, что ли? Сейчас не про это надо думать, а про то, где нам спрятаться, где укрыться, чтоб не нашли.

— В «Нигде и никогда»,— сказал незнакомый суховатый голос из травы.

Ивушкин и Луша поглядели друг на друга.

— Что ты сказал, Ивушкин?

— Я — ничего. Это кто-то, неизвестно кто.

— Известно. Это я сказал. И повторяю: в «Нигде и никогда» укрыться очень удобно.

Листики травы шевельнулись у самых Лушиных копыт. Из травы выпутался ёж. Вроде бы ёж как ёж, может, немного больше обычного ежа. Но разговаривал, несомненно, он. Больше было некому.

Ивушкину показалось, что ёж даже вежливо поклонился.

— Вихроний,— представился он.

— Ежи разве умеют говорить? — не очень-то деликатно воскликнул Ивушкин.

— Ах, люди, люди!..— вздохнул ёж Вихроний.— Как они сопротивляются всему естественному и стараются втиснуть всё в свои представления!

Он говорил так мудрено, что Ивушкину пришлось переспросить.

— Да ведь ты только что говорил с лошадью! — сказал Вихроний уже по-другому, обыкновенно.— Ну, раз ты знаешь, что лошадь говорит, почему бы не говорить и ежу?

— В самом деле, Ивушкин,— заметила Луша.

Ивушкин растерялся.

— Да ты... да вы... не обижайся,— нескладно пробормотал он.

— Говори мне ты, так проще,— смягчился ёж.

Луша оправилась от этой неожиданности раньше Ивушкина и начала беседовать с Вихронием, как со старым знакомым.

— Его зовут Ивушкин,— сказала она.— А меня — Луша.

— Это мне известно, ваше совместное пребывание здесь мной постоянно фиксировалось.

— Ты что, заговариваешься, что ли? — спросила Луша сердито.

— Вовсе нет,— ответил ёж.— Ну, попросту я видел вас всякий раз, как вы приходили сюда играть или собирать сыроежки.

— Мы тут играли одни,— заметил Ивушкин.— Валька — в Артеке.

— Совершенно верно. Однако визуально...

— Или говори понятно, или умолкни,— оборвала его Луша.

— Ну, лошадь, с тобой не забалуешь! — засмеялся ёж как-то совсем по-человечески.

— Объясни,— потребовала Луша.

— Это я и пытаюсь сделать. И если вы оба постоите спокойно и послушаете, вам всё станет ясно, потому что лица у вас довольно смышлёные и вселяют надежду, что вы не совсем уж тупицы.

На такие речи ежа Ивушкин только вдохнул побольше воздуха и проглотил его, а Луша фыркнула.

— Это страна «Нигде и никогда», — продолжал ёж.

Ивушкин и Луша стали с удивлением оглядываться.

— Нет, вы не верти́те головами. Так её решительно нельзя разглядеть.

— А как же тогда? — спросил Ивушкин.

— Сейчас всё растолкую. Только сначала я должен удостовериться, правильно ли я вас понял. Правда, что у вас возникла надобность укрыться, так сказать, найти укромное прибежище, чтоб вас и не видно, и не слышно было и всё прочее в этом же роде?

— Правда,— мрачно подтвердил Ивушкин.

Луша молча кивнула.

— С вами случилась беда?

— Случилась,— сказал Ивушкин.

— Тогда всё правильно,— удовлетворённо заметил ёж, точно они сообщили ему про себя вовсе не грустное, а радостное известие.— В «Нигде и никогда» вы попадёте в невидимое пространство. Оно из вашего леса не видно. Вас оттуда никто не заметит и не найдёт.

— И надолго мы туда попадём? — опасливо спросила Луша.

— На этот вопрос ответить нельзя. Потому что там времени нет. Там неизвестно — долго или недолго, нельзя определить. Потому страна и называется «Нигде и никогда».

Ивушкину стало не по себе. Как же так — уйти куда-то и сделаться невидимым, вроде быть и вроде бы даже и нет! А как же мама с папой, и Валька, и вообще всё остальное?

Рыжая белка перепрыгнула с ветки на ветку. Зяблик снова пропел свою короткую песенку. Несколько раз по сухой берёзе стукнул дятел. С дальних лугов залетел в лес запах сена. Осинка начала перебирать листиками. Снова шлёпнулась на землю шишка.

Как же быть: соглашаться или не соглашаться?

— А почему же ты,— спросила дотошная Луша,— если нас так часто видел, ни разу к нам не вышел и с нами не поговорил?

Она всё-таки сомневалась в том, что ёж сообщал им правду. Может, это он просто так?

— Ясно, почему,— ответил Вихроний, не задумываясь.— Вы были весёлые и счастливые. Вам не надо было укрываться и прятаться. Я не был вам нужен. А теперь — нужен. Вот я и пришёл. Сейчас я произнесу необходимые слова. Перед вами появятся двери. Вы не зевайте. Как только створки распахнутся, сразу же идите за мной.

Луша хотела ещё о чём-то спросить, но Вихроний остановил её:

— Пока помолчите.— Он нахмурился, сосредоточился и проговорил:

Совершись, чудо,
Совершись!
Из ниоткуда,
Дверь, появись!
В зелёном пригорке
Скрипнули створки,
У ветра за спиной,
Передо мной.

И в самом деле, маленький зелёный пригорочек вдруг стал расти, расти, и в нём обозначились двери, и обе их половинки распахнулись настежь, и все двинулись в таком порядке: сначала ёж Вихроний, следом Луша и, наконец, Ивушкин.

Как только они вошли, двери за ними захлопнулись и исчезли, пригорок снова уменьшился до своих обычных размеров. На поляне в Синем лесу не осталось ни души. Только шевельнулся колокольчик. Только пролетела белая бабочка-капустница. Где-то далеко-далеко пропищал чей-то транзистор. Было ровно двенадцать часов. На поляне воцарилась непривычная, очень неподвижная тишина.

Но вы не пугайтесь. Ничего плохого не случилось. Потому что дальше было так.

Глава третья

НИГДЕ И НИКОГДА

Как только они прошли через двери, обе створки за ними закрылись и двери растаяли.

— Добро пожаловать в «Нигде и никогда»,— торжественно приветствовал их Вихроний.— Теперь вы как следует спрятаны.— И он улыбнулся им приветливо и повёл своим острым кожаным носиком.

Вихроний очень понравился Ивушкину. Ему казалось, что Вихроний, хоть и покрытый колючками ёж, а совсем-совсем добрый, и умный, и надёжный какой-то.

Это и на самом деле было так.

Ивушкин и Луша стали оглядываться вокруг. Что это за страна «Нигде и никогда»? Куда они попали?

Кругом было зелено от листьев, пестро от цветов: сразу стало ясно, что страна эта — лесная. Вокруг росли высоченные деревья с толстыми красноватыми стволами, под деревьями была густая трава, тоже необычайно высокая, мягкая, ласковая. В ней что-то шелестело, шептало, непрерывно двигалось. Небо было бледно-голубое, каким оно бывало у них в Высокове на рассвете. По небу иногда пробегали небольшие чистенькие облачка. Странность была в

том, что на небе одновременно находились солнце, и луна, и звёзды. Как же это так?

Вихроний заметил их удивление.

— Совершенно верно,— подтвердил он.— У нас и солнце, и луна — всё вместе. Время тут не идёт. Нет ни дня, ни ночи. А всё сразу. Нет минут. Нет секунд. Нет часов, будильников, ходиков...

Не успел Вихроний это проговорить, как послышалось совершенно отчётливое тиканье: тик-так, тик-так, тик-так.

— Что такое? — воскликнули Луша и Ивушкин в один голос.— Часы тикают!

Вихроний рассмеялся.

— Вы принесли тиканье с собой, как, бывает, кто-нибудь приносит с собой запах сеновала, или парикмахерской, или кухни, откуда он только что пришёл. Вы явились оттуда, где идёт время, где есть минуты и секунды. Где есть часы. Тиканье слышится от вас.

— Как странно!

Ивушкину стало неуютно. Вихроний заметил это и поспешил его успокоить:

— Да ничего страшного! Просто по этому тиканью все будут узнавать, что вы нездешние, только и всего!

— Вихроний,— сказала Луша, которую рассудительность и здравый смысл не покидали даже в этих необычных обстоятельствах.— Вихроний, теперь не худо бы обсудить, что нам делать. Не топтаться же здесь до самой ночи...

Луша вдруг умолкла, сообразив, что никакой ночи вовсе и не будет.

- Давайте рассуждать,— сказал Вихроний.

— Давай,— охотно согласилась Луша.

— Ваша беда в чём заключается?

— Ты же знаешь: меня хотят увезти в город без Луши,— пробурчал Ивушкин.

— А ты, соответственно, не хочешь.

— Да как же я захочу? — крикнул Ивушкин, и голос у него сорвался.— Друзей не бросают!

— Подожди. Не кричи. Я понял. Значит, пока вы здесь, тебя увезти не могут. Тебя всё равно что и нету.

Увезти того, кого нету, нельзя. Ты согласен? Значит, пока всё в порядке. Так?

— Ну,— буркнул Ивушкин.

— А дальше? — поинтересовалась Луша.

— А вот как быть дальше, надо спросить сестру Летницу.

— Чью сестру? — не понял Ивушкин.

— Она, видишь ли, всем сестра. Она обо всех заботится. Обо всех печалится. Всех любит. И всех понимает.

— Вот как! — удивилась Луша.

— Она мудрая и может дать самый мудрый на свете совет.

— Всё это хорошо и ладно,— сказала Луша.— Только где она, как нам её увидать?

— Пойдём к ней скорее,— заторопился Ивушкин.— Спросим, что надо сделать, чтобы Лушу тоже взяли в город! Вихроний, ну пойдём, пожалуйста.

Вихроний вздохнул. Видно, что-то его удерживало.

— Понимаете что,— стал объяснять Вихроний.— Всё совсем не так просто, совсем не просто... В «Нигде и никогда» есть одно очень злое существо — чёрная птица Гагана. Птица Гагана очень опасна. А сестре Летнице — в особенности. Потому что сестра Летница одно на свете только и не может — не может оборониться от её неукротимого зла. И поэтому к сестре Летнице непросто дойти и найти её нелегко. Она — там, где её не найдёт птица Гагана. Я вам подскажу начало пути. Другие вам тоже помогут.

— Ты нас проводишь хоть немного? — спросил Ивушкин.

— Я должен быть возле ворот,— с сожалением сказал Вихроний.— Если мне удастся найти кого-нибудь, кто меня ненадолго заменит, я нагоню вас. Только вряд ли — все здесь заняты своим делом. Но вы не бойтесь. Я вам сейчас расскажу, как идти. Ивушкин, ты меня не слушаешь?

Ивушкин действительно его не слушал. Он прислушался к шёпоту и шелесту деревьев, потому что в этом шелесте различил слова:

«Вихроний привёл печального мальчика и печальную

лошадь. Мальчика зовут Ивушкин, а лошадь зовут Луша, и они друзья и ни за что не хотят расставаться. Вихроний укрыл их в нашей стране, и они собрались в путь к сестре Летнице...»

— Вихроний, кто это говорит?

— Деревья,— просто сказал Вихроний, точно в этом не было ничего необычного.

— Деревья разве умеют?

— Всё живое умеет говорить,— сказал Вихроний, чуть-чуть вроде бы даже обидевшись.

— А у нас, в Синем лесу, они не говорят,— сказал Ивушкин.

— Говорят. Это вам только кажется, что они шелестят без смысла.

Вот так новость!

— Вихроний, а почему деревья рассказывают про нас с Лушей?

— Запоминают. Вот и повторяют потихонечку. Деревья всё-всё запоминают.

— А у нас?

— И у вас тоже. Деревья всё помнят. Просто они ещё не знают, как сказать, чтобы людям было понятно. Научатся когда-нибудь. Ведь вот наши-то научились.

— Всё это хорошо и ладно,— снова сказала Луша, которую все эти загадочные вещи не могли сбить с основного направления мыслей.— Нам-то с Ивушкиным как дальше быть?

— Вы идите сейчас вот этой тропкой, видите? Вдоль неё растёт гусиный лук, видите? Идите прямо, никуда не сворачивайте, а как дойдёте до старой ивы с дуплом, так у неё и спросите, куда вам дальше идти. Поняли? Не сворачивайте никуда!

— Пошли, Ивушкин,— решительно позвала Луша.— Тебе спасибо, ёж. Будь здоров.

— До свидания, Вихроний,— промолвил слегка растерянный Ивушкин.

И они двинулись по тропинке, с двух сторон поросшей не таким как в Высокове, а крупным-крупным, с большими цветами, гусиным луком.

— Доброго пути! — пожелал им Вихроний. И когда

они уже совсем почти скрылись из виду, крикнул вдогонку: — Только не верьте Развигóру!

Но они торопились вперёд и слов его не расслышали.

Они шли и шли прямо и прямо по тропе. Деревья продолжали шептать, шелестеть, что-то вспоминать, что-то друг другу рассказывать.

Вдруг Ивушкин метнулся в сторону.

— Луша, постой! — крикнул он.— Какая необыкновенная, прекрасная бабочка! Погоди!

И он скрылся за кустами. Луша в недоумении остановилась.

А Ивушкин гнался за бабочкой необычайной величины и красоты — она была золотисто-голубая и точно отливала перламутром. Она то вспархивала к вершинам деревьев, то пряталась в густой траве. Ивушкину так хотелось её поймать и рассмотреть хорошенько! Но бабочка никак не давалась. Вот она замерла на нижней ветке дерева, похожего на липу, он подскочил, схватил и осторожно разжал ладони, но в них ничего не оказалось. Он с удивлением посмотрел на свои руки и тут же услышал тоненький смешок. Он огляделся. Никого не было видно, но смешок повторился:

— Хи-хи-хи!

Ивушкину показалось, что смех доносится откуда-то снизу, из-под ног. Так оно и было! Смеялась... трава.

— Что ты смеёшься? — растерянно спросил Ивушкин.

— Смеюсь, потому что ты пытаешься поймать бабочку. А её поймать нельзя.

— Почему?

— Это неуловимая бабочка!

Трава вдруг замолчала.

— Ой, как ты странно тикаешь. Ты нездешний? Конечно, нездешний,— ответила она сама себе.

Так вот оно что! Неуловимая! Как же её поймаешь? А где Луша?

Ивушкин вертел головой и не видел ни тропинки, ни Луши. Он метнулся вправо, потом влево. Тропинки не было.

— Луша-а-а! — позвал он громко.

«Слушай-ай-й!» — ответило лесное эхо.

— Ты кого зовёшь? — спросила смешливая трава.

— Лушу.

— Не знаю,— сказала трава.

— Луша-а! — снова закричал Ивушкин.

Кинулся в сторону, вернулся. Прислушался. Кусты ломались, трещали, всхлипывали. Кто-то двигался к нему через кусты. Ивушкин закрыл глаза, а когда открыл — увидел, что перед ним стоит Луша.

— Ивушкин, Ивушкин, куда же ты подевался? Я думала, что ты уж пропал совсем. Какой же ты легкомысленный, Ивушкин!

Луша, потеряв его из виду, растревожилась. И теперь только, найдя Ивушкина невредимым, постепенно успокаивалась. Она подошла к нему, тепло и влажно подышала в ухо.

— Ну, пошли обратно на тропу. Нам же надо дойти до дуплистой ивы. Смотри хорошенько, чтобы нам её не прозевать.

И они пошли, как им показалось, обратно.

Но не тут-то было! Сколько ни искали Ивушкин с Лушей за кустами и кустиками, деревцами и деревьями, тропа не находилась. Не было никаких сомнений — они заблудились.

Луша остановилась и задумалась. А Ивушкину вдруг сделалось тоскливо и одиноко, хотя Луша была тут, рядом с ним. Что же это была за тоска? Даже не то чтобы он осознал, как он виноват перед папой и мамой. Даже не то чтобы он почувствовал, что хочет домой, или что хочет есть, или ещё что-нибудь. Просто как будто оборвались какие-то ниточки, которые его ко всему привычному и своему привязывали, и он оказался один, совершенно один.

Луша почувствовала такое его настроение и потёрлась о его щёку своей щекотной, шерстяной щекой.

— Ну, Ивушкин, ладно уж. Не падай духом. Только не падай духом. Сейчас мы отыщем тропинку, и всё ещё образуется.

И всё действительно в конце концов образовалось, но не сразу. Далеко не сразу.

Потому что дальше было так.

Глава четвёртая

ОСТОРОЖНО: СЛОВА!

Тропинка не находилась. Она каким-то образом совершенно потерялась. У Ивушкина в голове от поисков и кружения по лесу стал образовываться лёгкий туман. Луша бодрилась. Она уговорила Ивушкина сесть верхом и пошла наугад, прямо через лес, раздвигая грудью кусты и подлесок. Шли они, как им казалось, довольно долго. Но как определить точно, если в этой стране ни минут, ни часов нет совсем?

Не темнело, не светало. Высоченные деревья тянулись вверх, к спокойному блёклому небу, были деревья и пониже. Попадались кусты в цвету. Но вот постепенно лес начал редеть, и они вышли на обширную поляну.

На поляне стоял маленький аккуратный, вроде игрушечного кубика, домик с треугольной крышей, с резным крыльцом и квадратными окошками. Стены и крыша были одинаково зелёными, потому что были сплошь выложены мхом. От этого домик выглядел забавным, мягоньким, тёплым, точно меховым.

Перед домом на траве стояли корыта, тазы, деревянные ушаты и шайки. Они были наполнены водой, и в них что-то мокло. Чуть поодаль горел небольшой костёр, и над костром в стиральном баке что-то кипело.

— Куда-то мы пришли, Ивушкин. Попробуем здесь спросить, как искать нашу тропинку.

— Попробуем. Но только у кого же мы спросим? Тут что-то никого не видно.

— А ты покричи.

— Мне вроде боязно, Луш.

— Ивушкин, ну с чего это ты стал такой робкий?

— Но ведь мы с тобой, Луш, не у себя в Высокове. Мало ли что тут может случиться. Вдруг выскочит какой-нибудь опасный зверь.

— Всё равно спрашивать надо. Иначе мы до конца жизни сестру Летницу не отыщем,— решительно заявила Луша. Она собралась с духом и крикнула: — Эй, есть тут кто-нибудь?

И копнула землю копытом.

Никто не откликнулся.

— Хозяйка! — позвал Ивушкин так, как обычно звали у калитки маму вышедшие из леса и сбившиеся с пути туристы.

Но и ему никто не ответил.

Кипевший на костре бак выпустил струйку пара. Вдруг послышались шаги, шорох веток, чей-то вздох, и на поляну вышел енот. Он нёс на плечах коромысло. На коромысле висели два ведра. В вёдрах было что-то белое. Видимо, он вернулся с речки или ручья, прополоскав там это белое, отстиранное. Простыни не простыни, чехлы не чехлы, неизвестно что, в общем, какое-то, по-видимому, бельё. Он тяжело опустил вёдра на траву, поднял с земли верёвку, скатанную в клубок, стал её натягивать между двумя толстенными стволами. При этом он без конца вздыхал и бормотал про себя:

— Ох, сколько же у меня работы! Сколько работы! Бедный Нотя, бедный старый Нотя. Стирке никогда не будет конца, никогда не будет конца...

Он стал развешивать стирку на верёвке, зажимая прищепками, чтобы не унёс ветер. Белое в вёдрах не было простынями, потому что было не простынной, а неизвестно какой самой разнообразной формы: в виде рыбы, в виде двугорбого верблюда, в виде черепахи, даже в виде слона...

Развесив всё, енот ещё раз тяжело вздохнул и направился к баку. При его приближении крышка сама поднялась, и он стал мешать кипящее бельё чисто обструганной палочкой.

Потом он отошёл от бака и стал тыкать той же палочкой в тазы и ушаты, в которых что-то мокло.

— Ну как можно, как можно так неаккуратно обращаться со словами,— бормотал он.— Ведь грязи-то, грязи-то — не оберёшься. Хоть бы кто-нибудь помнил, кто-нибудь бы жалел старого Нотю!

— Простите...— начала было Луша.

Но енот не обернулся. Он продолжал ворчать себе под нос:

— Уж полощешь-полощешь, отбеливаешь-отбеливаешь...

— Скажите, пожалуйста...— решился обратить на себя его внимание Ивушкин.

Нет, не обратил. Енот продолжал заниматься своим делом, как будто их вовсе рядом с ним и не было.

— Вот овсяный жмых! — выругалась Луша.

Енот отложил палку и медленно к ним повернулся.

— Как? Кто-то бранится? И где же? Прямо возле моего дома? Ну и дожил я, ну и дожил...

Видно было, что енот расстроился необычайно. Личико его сморщилось в тоскующую, обиженную гримаску, на глубоко спрятанные глаза навернулись слёзы.

— Извините,— забормотали Ивушкин и Луша.

— Да что уж...— вздохнул енот.

— Мы не хотели вас расстраивать.

— Да ладно уж. Давайте знакомиться. Нотя. И можно на «ты», по-дружески.

— Отчего ты расстроился? — спросила его Луша после того, как они с Ивушкиным представились.— Я же ничего ужасного не сказала.

Старый Нотя опять вздохнул. Потом стал прислушиваться.

— Почему вы так странно тикаете? Тик-так,— сказал он задумчиво.— Что это?

— Это не мы тикаем,— пояснила Луша.— Это тиканье просто к нам прицепилось, как запах. У нас дома так тикает время.

— Ах, время! — воскликнул енот.— Так вы нездешние! Не то бы вы поняли, отчего я расстроился!

— Мы и правда нездешние. И мы действительно не поняли,— согласилась с ним Луша.

— Вот ведь какое дело, новые мои друзья,— начал рассказывать енот.— На всём свете так неаккуратно обращаются со словами! А ведь сказанное слово никуда не девается. Сказано — значит, оно уже есть.

— Ну и что? — подивился Ивушкин.

— А то, что слова бывают разные. Хорошие слова, немножко подержавшись возле земли, улетают на звёзды и там превращаются в прекрасные цветы. Звёзды радуются и начинают светить ещё ярче. Это они так возвращают радость на землю. И тогда всем делается хорошо.

Вы не думайте, что звёзды просто так светят, от нечего делать. Чем больше чистого звёздного света, тем лучше живётся всему живому — людям, зверям, птицам, деревьям, кустам. Поэтому чем больше хороших, красивых слов говорится, тем радостнее всем.

— Вот это да! — подивился Ивушкин такому неожиданному обороту.

— Молчи, Ивушкин, не перебивай,— одёрнула его Луша.

— Да только беда, что плохих слов говорят почти столько же!

— Как это? — опять не удержался Ивушкин.

— Да так,— вздохнул Нотя.— У одних плохое слово вылетает, потому что человек брякнул, не подумавши, у других — потому что человек ночью во сне с бабушкой поссорился, у третьих — душа невоспитанная. Да мало ли ещё почему?

— Да ты-то что так расстраиваешься? Ведь не тебе же все плохие слова достаются!

— Да как же не мне, когда мне! Плохие слова куда деваются?

— Куда? — полюбопытствовала Луша.

— Как только на земле кого-нибудь обидят или расстроят, так после этого слова сразу же летят на облака. И расплываются на них уродливыми грязными кляксами. Если не успеешь выстирать, такой безобразный грязный дождь на землю польётся — ужас!

— Так это ты облака стираешь, да? — изумился Ивушкин.

— Облака,— сокрушённо покачал головой Нотя.— Ловлю сачком — и стираю, и стираю. И развешиваю. И высушиваю. И отпускаю обратно на небо. Без передышки. Хоть бы люди поняли наконец, что плохое слово не просто так — брякнул, и до свидания. Это каждый раз — грязное пятно на чистом облаке, а бедному Ноте — работа, работа, работа.

Вода из бака стала убегать в костёр. Поленья зашипели. Нотя пошёл мешать облака палочкой.

— Нотя! — обратилась к еноту Луша.— Послушай, Нотя, как нам выйти к старой дуплистой иве?

— К иве? Да ведь отсюда к ней никакой дороги нет. А зачем она вам? — спросил Нотя.

— Ива подскажет нам, как искать сестру Летницу. Нам очень-очень нужен совет, как нам быть дальше,— сказал Ивушкин.

— Да,— сказал Нотя.— Сестра Летница всё знает и может дать самый мудрый совет.

— Куда же нам идти отсюда, Нотя?

— Иву вам не найти. Вы и вправду заблудились.

— Как же нам быть? — с испугом спросил Ивушкин.

— Ничего, можно и другой дорогой пойти. Идите по той дороге, которая начинается прямо за моим домом. Идите себе и идите. На развилке увидите куст жимолости. Это очень воспитанный куст, который никогда не говорит плохих слов. Он мой друг. Скажите, мол, Нотя велел кланяться и просил показать вам, как дальше идти к сестре Летнице.

Ивушкин и Луша поблагодарили доброго Нотю и двинулись в путь.

— Только не верьте Развигору! — крикнул енот им вдогонку.

Но они его уже не услышали. И очень жаль.

Потому что дальше было так.

Глава пятая

ЧУЖАЯ БЕДА

Сухая песчаная дорога начиналась действительно сразу за домиком енота. Дорога была широкая, с зелёными островками посередине. На островках росли маленькие деревца-дети. Они ничего не рассказывали, не повторяли для памяти, а только мурлыкали какие-то детские припевочки.

Одно напевало:

Ходит-бродит солнце,
Ходит-бродит месяц.
Кто на чистом небе
Звёздочки развесит?

А другое отвечало:

И не я,
И не ты,
Не деревья, не кусты,
Цвет калины, расцветай!
Зяблик, зяблик, вылетай!

Видно, это была какая-то песенка-игра, считалочка, что ли? Ивушкин и Луша слышали такую впервые.

Впрочем, они стали уже привыкать к тому, что деревья всё время что-то говорят своё, поэтому шли, не останавливаясь и не особенно прислушиваясь, а стараясь, главное, не пропустить развилку дорог, где им должен был встретиться на пути вежливый и воспитанный куст цветущей жимолости и рассказать, куда двигаться дальше.

— Ивушкин, ты не устал? — спросила Луша заботливо.— Может, я тебя немножко прокачу, а?

Ивушкин мотнул головой.

— Да не хмурься ты. Сейчас дойдём до куста, и он нам скажет, как нам дальше идти к сестре Летнице.

Луша не успела договорить. Справа от дороги кто-то, пока невидимый, звал на помощь.

Они остановились.

— Луш, по-моему, кто-то стонет. Слушай!

Они оба примолкли. Теперь им показалось, что справа, в кустах, кто-то, тихонько всхлипывая, плачет.

— Может, это так шелестят деревья, а, Луш? — неуверенно сказал Ивушкин.

— Нет, не похоже,— откликнулась Луша.— Ивушкин,— сказала она решительно,— там, в лесу, за кустами, кто-то плачет и этот кто-то зовёт на помощь. Нет, вовсе это не деревья шумят! С кем-то стряслась беда!

То ли им почудилось, то ли было на самом деле: кусты сами раздвигались, расступались, давая им пройти.

Луша шла первой, глядя под ноги, предупреждая Ивушкина, когда попадалась ямка или рытвинка, чтобы он не упал и не ушибся. Голос того, кто плакал, становился ближе, значит, они двигались в правильном направлении.

Кусты кончились, начался ельник. Ели были огром-

ные, и лапы их с тёмной длинной хвоей доходили до самой земли.

Возле большой ели кто-то лежал.

Это была лосиха. Она лежала и не двигалась. Заметив Лушу и Ивушкина, подняла голову. Они увидели, как из её глаз медленно, одна за другой, катятся слёзы.

— Что с тобой? Почему ты лежишь и плачешь? — спросил Ивушкин.

А Луша подошла и подышала на неё,— тепло, ласково, успокаивающе.

— У меня горе. Очень большое горе,— начала говорить лосиха и вдруг замолчала, прислушиваясь.— Что это такое странное?

Они тоже прислушались, но ничего странного не услышали.

— Тик-так, тик-так? — с недоумением произнесла лосиха.

Ах вот оно что! Они-то уже попривыкли и не обращали внимания на то тиканье, которое сопровождало их в стране «Нигде и никогда».

— Ничего,— сказала Луша.— Не пугайся. Это время тикает. Это наше время, к тебе оно не относится.

— Время? — переспросила лосиха.— Тикает? Как это страшно!

— Да нет, ничего страшного, успокойся,— сказала Луша.— Так расскажи, в чем твоё горе. Может, мы сумеем тебе помочь.

И вот что оказалось.

Лосиху звали Светлина. Она жила вместе со своим лосёнком в домике на еловой опушке. Он никуда от неё не отходил и любил слушать сказки. Да, между прочим, звали лосёнка Люсик.

Луша, с её обстоятельностью, хотела было спросить, сколько ему лет, большой он или маленький, но не спросила. Каких же лет, если тут нет времени? Должно быть, лосёнок так и оставался лосёнком всегда и никогда не делался большим лосем... Она в этих рассуждениях запуталась и не сказала вслух вообще ничего.

Лосиха тем временем продолжала рассказывать, как ни с того ни с сего пришло в голову Люсику, что он не

маленький, а взрослый и сильный лось. И стал он убегать от своей мамы Светлины.

А последний раз и вовсе не вернулся. Не дождавшись своего лосёнка в домике на еловой опушке, растревоженная Светлина отправилась на поиски. У неё уже и сомнений не осталось, что придётся набраться сил и отваги и двигаться в страшные места, где обитает птица Гагана, потому что иначе куда бы мог потеряться маленький Люсик? Кроме злобной птицы, его никто не мог обидеть. И вот двинулась она к бездонному оврагу. Но не дошла. Попала ногой в расщелившееся дерево, упала и сломала переднюю ногу.

Дерево говорит, что предупреждало её, что в стволе у него расщелина, но Светлина шла, глубоко погрузившись в свою тревогу, и предупреждения не услышала.

И бедная лосиха опять заплакала тихими, горькими слезами.

— Ты постой, не реви,— грубовато сказала Луша, а Ивушкин тут же ей напомнил:

— Луш, не вздумай ругаться. Не прибавляй Ноте работы!

Луша ругаться не стала.

— Действовать надо, а не плакать,— только и сказала она.

— Я не могу подняться! — в отчаянии воскликнула Светлина.— У меня сломана нога.— И она опять, хоть и побаивалась Лушу, заплакала.

— Ивушкин, помнишь, когда Буян ногу сломал, что тогда делали?

Ивушкин отлично помнил. Бык Буян, своенравный и взбалмошный, как-то, отбившись от стада, зачем-то помчался к забору, которым был огорожен домик правления, и попал передней ногой между штакетинами. Ой, что было! Буян рухнул на землю и ревел, как пароход! Никто не решался к нему подойти, пока шофёр Кирюша не сгонял на «газике» за ветеринаром Иваном Карловичем и тот не побоялся подойти к Буяну и сделал ему какой-то укол. А что же было потом-то? Ах, да! Потом взяли дощечки — называли их лубки — и приложили к ноге и прибинтовали.

— Так и мы сделаем,— скомандовала Луша.

Но легко было командовать. Во-первых, неизвестно, как и из чего делать лубки, досок никаких рядом не было, а деревья тут были говорящие и совсем как люди. Как же ты от них будешь ветки отламывать? А потом — бинтовать-то чем?

Но всё оказалось достижимым. Дерево с расщелиной само сбросило несколько крепких веток. Правда, с бинтами дело обстояло хуже. Пришлось Ивушкину снять рубашку, скинуть маечку и с великим трудом изорвать её на бинты. Майка была новенькая, трикотаж хорошего качества, он никак не хотел рваться. Вот если б ножницы! Но ножниц, естественно, неоткуда было взять.

Луша помогала, придерживала палочки, Ивушкин бинтовал больную ногу Светлины. Повязка получилась ничего себе, вполне грамотная, Иван Карлович наверняка бы Ивушкина похвалил. Светлина со стоном поднялась. Ступать ей было очень больно.

— Ивушкин, ничего не поделаешь,— сказала Луша.

Ивушкин понял её и без слов. «Ничего не поделаешь» обозначало, что, несмотря на чёрную птицу Гагану, и страшный бездонный овраг, и прочие опасности, придётся идти самим разыскивать этого маленького самонадеянного лосёнка, по имени Люсик, потому что убитая горем мать едва может ковылять, и хорошо, если доковыляет до своего дома на еловой опушке.

— Луш, ничего не поделаешь,— подтвердил Ивушкин.— Слушай, Светлина, а дом твой далеко?

— Нет. Здесь — за большими елями, на опушке.

— Сама дойдёшь?

— А как же Люсик?

— Да пойдём мы с Ивушкиным искать твоего Люсика. Куда ж деваться!

— Спасибо, спасибо вам, нездешние, тикающие гости,— сказала Светлина и чуть было снова не заплакала.— Только разве вы не боитесь?

Луша увидела слёзы в её глазах и постаралась ответить помягче:

— Ну, а если и боимся, так что? Я же сказала, мы пойдём и найдём его.

— Нет,— вздохнула Светлина.— Если боитесь — то не найдёте.

— Как же это так? — спросил Ивушкин.

— Потому что мост через овраг виден только тому, кто бесстрашен. Тому, кто боится, мост не показывается, и тогда овраг перейти нельзя. Он — бездонный. А за оврагом ведь ещё через тёмное поле надо пройти. Над ним нет ни луны, ни солнца. Там кромешная тьма.

— Ладно,— сказал Ивушкин.— Мы не испугаемся. И значит, мост мы увидим. А с тёмным полем как быть? Фонарей там, уж наверное, нету?

— Я не знаю, что такое фонари.

— Ну, ночью лампы такие большие зажигают на улицах.

— Я не знаю, что такое ночь.

— Ну, когда солнце уходит и светят луна и звёзды.

— Так не бывает,— сказала Светлина.

— Долго объяснять. Лучше скажи, как нам в темноте дорогу искать? — спросила Луша всё ещё раздражённо.

— Если ты будешь на меня сердиться, то дорогу через поле вам не найти.

— Да почему же?

— Поле надо переходить со светлым чувством. Тогда и дорогу будет видно. А если нет, тогда недобрые болотные огоньки, слуги Гаганы, завлекут вас в трясину.

— Ладно. Я уже не сержусь,— сказала Луша.— Только не плачь ты так жалобно. Найдётся твой Люсик.

— Обязательно найдётся,— сказал Ивушкин, надевая свою ковбоечку на голое тело.— Иди домой. И жди. А мы — пошли.

И вдруг Ивушкин осёкся. А куда — пошли? Где этот овраг?

— Дорогу-то нам кто укажет? Куст жимолости? — спросил он.

— Ой, нет! — забеспокоилась Светлина.— Куст жимолости растёт совсем в другой стороне!

Луша и Ивушкин переглянулись. Значит, им придётся пока оставить свои поиски и отложить встречу с сестрой Летницей! Ну, ничего не поделаешь: чужая беда — она

ведь тоже беда. И значит, надо в этой беде помогать, и о своей пока что не думать.

— Вы идите здесь через еловый подлесок. От большого красного мухомора сверните влево, а там отсчитайте три моховых кочки. И если не раздумаете, то как раз и окажетесь возле оврага. А если не решитесь, тогда вы к нему не выйдете.

— Как тут всё чудно́ устроено, да, Луш? — заметил Ивушкин.

— Чудней уж и некуда, Ивушкин,— отозвалась Луша.— Но всё равно — надо идти.

И они двинулись по тому пути, который указала Светлина. Решимость их по дороге, конечно, нисколько не ослабла, и вскоре они оказались на краю глубоченного оврага. Был ли он на самом деле бездонным? Да похоже на то, кто его там знает. Склон его уходил вниз, вниз, вниз, и глядеть туда было жутко, и перед глазами всё начинало как-то противненько плыть и кружиться.

По склону росли кусты. Ветки их были усеяны мелкими колючками и мелкими жёлтенькими цветочками, которые издавали довольно неприятный запах.

Они стали внимательно приглядываться. Никакого моста решительно нигде не было видно. С противоположной стороны скатился небольшой камешек и полетел, точно в пропасть. Смотреть на это было жутко.

Что ж это такое? Неужели они так и не наберутся храбрости? Не увидят таинственный мост, о котором говорила Светлина? Не найдут попавшего в беду лосёнка Люсика?

Нет, нет! Всё это им в конце концов удалось. Но не сразу. Совсем даже не сразу. Потому что дальше было так.

Глава шестая

РАЗВИГОР

— Ивушкин, ты не трусишь? — спросила Луша.

— Когда это я трусил? — обиделся Ивушкин.

И напрасно обиделся. Потому что в этот раз ему было страшно

— Похоже, и правда у этого оврага дна нет,— заметила Луша.

— Похоже,— согласился Ивушкин.

— Что же это за мост такой, я пока никакого моста не вижу. А ты?

— И я не вижу. Я думаю, Луш, может, его и вовсе нет, может, это так только говорится.

— А на самом деле?

— А на самом деле, перепрыгивать придётся. Да широко-то как! Ты видала, как камешек полетел. Видала?

Ивушкин заглянул в овраг и поёжился.

— Как же нам его перепрыгнуть?

— Ты и не пытайся, Ивушкин. Ты на меня садись. Я вот только немножечко постою, вспомню, как я рядышком с мамой на сладком лугу жеребёночком паслась, а потом разбегусь да вместе с тобой и прыгну. Я перепрыгну, ты не бойся. Сейчас. Сейчас.

— Ах нет, нет, милые мои, зачем же так рисковать? — сказал кто-то над ними голосом приятным, мелодичным, и прямо откуда-то с высоты, с неба, что ли, к ним спустился... некто.

Кто именно, трудно было определить. Он походил на человека, но был расплывчат, воздушен, прозрачен, то опускался на траву, то покачивался в воздухе.

— Мы не знакомы, но это неважно. Мы познакомимся. Нет, мы обязательно подружимся. Я — Развигор. Я — прохладный ветерок. А Развигор — это моё имя. Вы недавно прибыли? Я обожаю новых людей, новых зверей, новых друзей, новые впечатления. Вы мне очень нравитесь. Просто невероятно как. К тому же вы так странно, так обаятельно, так необычно тикаете. Вы оттуда, где есть время?

«Развигор? — мелькнуло у Ивушкина в голове.— Я вроде бы такого имени не слышал, а?»

«Кто-то что-то про него говорил,— подумала Луша,— или нет? Что-то не помню».

Развигор был лёгок, он так приятно улыбался, так приветливо помахивал руками.

«Кого только тут не встретишь»,— подумал Ивушкин.

«А он такой приятный»,— подумала Луша.

Развигор продолжал:

— Вам надо перебраться через овраг? Я вам помогу!

— Вот спасибо! — сказала Луша.

— Я вам обязательно помогу. Однако не сразу. У меня самое что ни на есть гостевое настроение. И я вас приглашаю к себе в гости.

— Луш, мы не пойдём,— ответил Ивушкин, обращаясь почему-то к Луше, а не к приглашавшему их Развигору.

Что-то Ивушкину с самого начала не нравилось в нём. А Луше, напротив, он казался очень милым и приятным.

— Правда, мы спешим,— сказала Луша нехотя.

— Далеко?

— Нам надо найти пропавшего лосёнка. Может, ты знаешь, как его быстрее найти? Раз ты — ветер, должен везде летать,— сказал Ивушкин.

— Ну, конечно. Я всё знаю. Всё расскажу. Во всём помогу. Только сначала ко мне. Перекусить. Отдохнуть. В скромный мой домик.

«Скромный домик» оказался большим домом, сплетённым из ивовых ветвей. Ивовые кусты были посажены большим квадратом, ивы были живые, ветки были покрыты душистыми зелёными листьями. Ветки заплетались, образовали стены с дверными и оконными проёмами, в которых поблёскивали голубые прозрачные стёкла. Дом был весёлый, красивый, в него очень хотелось войти.

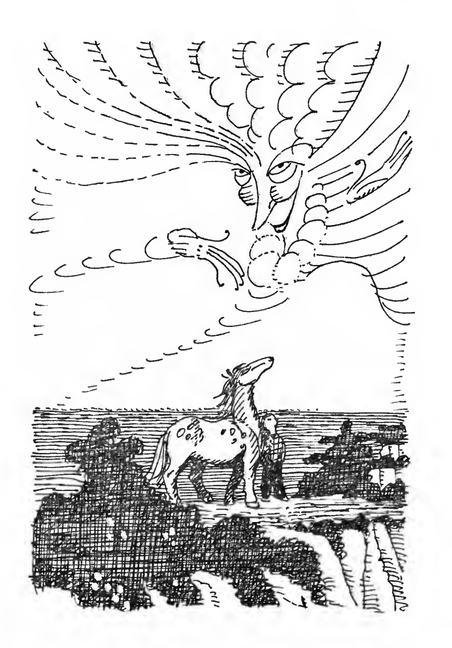
Как только Развигор и оба его гостя приблизились, листья на стенах приветливо зашелестели: «Входите, входите, добро пожаловать». Двери сами собой распахнулись, и Развигор не то вошёл, не то влетел в них, указывая дорогу.

Как только Развигор скрылся в доме, Ивушкин сказал:

— Луша, ну зачем мы сюда идём?

Он замешкался у порога. Его не пускало внутрь какое-то неприятное чувство. Но Луше так понравился шелестящий домик и его любезный хозяин, что она и слушать ничего не стала. И куда только подевалась её постоянная рассудительность?

— Ивушкин, но ведь Развигор обещал нам помочь.

— Мне что-то не верится...

— Когда ещё в жизни удастся побывать в гостях у ветра? В городе, что ли, ты его встретишь?

Луша не вполне убедила Ивушкина, но продолжать топтаться у порога было неудобно, и они вошли. Луша — осторожно ступая, Ивушкин — нехотя переставляя ноги. И оказались в мило обставленной комнате.

— Располагайтесь, располагайтесь,— просил их Развигор. В комнате был постелен пушистый зелёный ковёр, стояли мягко пружинящие, застланные мягким зелёным бархатом — а может, это был мох? — диваны.

Луша смутилась. Она не привыкла к такой обстановке. В её дворе, в стойле, было значительно проще.

— Не смущайтесь, будьте как дома.

Развигор вылетел из комнаты, влетел обратно, поставил перед Ивушкиным два бокала и блюдо с ягодами.

— Угощайтесь. Роса. Берёзовый сок. Земляника. Ведь там, откуда вы прибыли, принято есть.

Опять вылетел. Мгновенно вернулся. Поместил перед Лушей огромное блюдо с овсом.

— Овёс дикорастущий, уж извините. Но отборный, отборный, уверяю вас, очень высокого качества, вполне достойный вас. Кушайте и рассказывайте. Мне так интересно. Так интересно всё про вас узнать.

Ивушкин из вежливости ел ягоды. Есть, в общем-то, не хотелось. Как они потом вспоминали, в «Нигде и никогда» они ни разу не только не испытывали голода, но даже аппетита не почувствовали. Луша аккуратно прихватывала с блюда овёс, неспешно его пережёвывала и рассказывала Развигору все их беды и приключения. Развигор слушал. Вроде бы внимательно. Но иногда перебивал Лушу своими замечаниями, которые, казалось бы, никакого отношения к её рассказу не имели. Они касались только самого Развигора, он не упускал случая, чтобы что-нибудь не сказать о самом себе.

Луша рассказала ему о том, какие беды ей сулит переезд Ивушкина в город.

— А вот я,— сказал Развигор,— я так люблю переезды. Я тогда от одного только любопытства к новому становлюсь ещё легче, ещё прохладнее.

И он засмеялся и украдкой поглядел на себя в зеркало.

Белый, лёгкий, то вдруг розовый, расплывчатый, улыбчивый, прохладный, красивый. Он самому себе очень нравился. И ему очень нравилось нравиться.

Он всячески старался, чтобы хорошее впечатление о нём усилилось и укрепилось.

Луша всё рассказывала, а Развигор кивал и время от времени вставлял замечания, каждое из которых начиналось со слов: «А я».

Когда Луша кончила свой рассказ, он задумался, потом сказал:

— Я, пожалуй, знаю, где вам искать лосёнка. Это наверняка дела птицы Гаганы. Она не очень-то добра.

Развигор вздохнул.

— За тёмным полем есть неодолимый дуб. А под тем дубом растёт трава улови-ветер. Это её Гагана там посеяла. Добыла где-то за горами, за долами, принесла в клюве — и посеяла. Мы-то с этой травой враги. Она никакому ветерку подуть не даёт — ловит. И всякого, кто ни подойдёт,— ловит. И держит цепко — не вырвешься. Несимпатичная трава, ничего не скажешь. Ах уж эта Гагана! Клюв у неё, вы слыхали,— медный, а когти — железные.

— Что это, вертолёт, что ли? — буркнул Ивушкин.

— Я вашей шутки не понял,— ласково отозвался Развигор.

— Ивушкин, тут тебе МАЗов и КамАЗов нет, не забывайся,— оборвала его Луша, она боялась, что Ивушкин обидит их обходительного хозяина.

— А как мы через овраг перейдём? — сурово спросил Ивушкин.— Мы никакого моста не увидели. Хотя и не трусили.

— Ах, да не беспокойтесь. Всё уладится,— уверил их Развигор.— Я непременно вас переправлю.

— Вот видишь, Ивушкин,— сказала Луша с упрёком в голосе. Мол, обрати внимание на то, как он заботлив и мил.

— Ну, тогда пошли скорее к оврагу,— попросил Ивушкин.

— Что вы, что вы, и слышать не хочу! — закричал

Развигор.— Вы у меня ещё так мало погостили! Погостите ещё, прошу вас! Сейчас я вам покажу свой сад.

Высокая дверь сама открылась и выпустила их в сад.

Батюшки мои! Каких тут только не было деревьев! И самые обычные, известные Ивушкину, и те, которые он знал из книг, а были и такие, каких ни в книжках, ни в кино, ни по телевизору Ивушкин ни разу не видал.

— Нравится? — спросил Развигор.

Луша усиленно закивала.

— Это моя скромная коллекция деревьев. Я коллекционирую деревья, понимаете?

— Откуда вы их берёте? — спросила Луша.

— Ах, да по-разному, по-разному,— отвечал небрежно Развигор.— За некоторыми далеко пришлось летать самому. А некоторые дарят, дарят друзья, ветерки, ветерочки, добывают в дальних странах и дарят.— Он неопределённо покрутил рукой в воздухе, отчего обоих обдало прохладным, пахнущим молодыми листьями ветерком.

— Не хотите ли отдохнуть? Вот тут — шёлковый гамак,— предложил он Ивушкину,— а тут, пожалуйста, свежее, душистое сено.

— Ивушкин, а? — взглянула на Ивушкина Луша.

— Нет, Луш,— сказал Ивушкин жёстко.— Нам надо найти лосёнка. Мы же обещали! Нам необходимо идти.

— Что ж,— без особой радости согласилась Луша.

Ей казалось, что всё-таки Развигор поможет им перебраться через овраг и поможет найти лосёнка, и вообще, что он друг, и даже очень надёжный.

Но она ошибалась. Она очень даже ошибалась. И надо было хорошенько слушать, когда умный Вихроний с самого начала предупреждал: «Только не верьте Развигору», и не надо было торопиться, а лучше прислушаться повнимательнее, когда добрый усталый Нотя крикнул им вслед: «Только не верьте Развигору!»

Тогда бы они сразу его поняли. Он был незлой, симпатичный, но такой неверный, такой ненадёжный! Но они не прислушались. За это им пришлось пережить печальное разочарование. Потому что дальше было так.

Глава седьмая

БЕЗДОННЫЙ ОВРАГ И ПОЮЩИЙ ЛЕС

Развигор только дунул, только дохнул лёгким, прохладным, душистым дыханием, и — пожалуйста! — они снова оказались возле бездонного оврага.

Ивушкин глядел на тот берег с тоской. Что ни говори, а страшно...

Луша подняла глаза на Развигора. Развигор улыбался.

«Вот сейчас, сейчас он нас перенесёт через овраг!» — думала Луша с замирающим сердцем.

— Прощайте,— сказал он вдруг.— Вряд ли мы с вами когда-нибудь увидимся.

Луша мотнула головой, почти что не поняв, что он сказал.

— То есть как это «прощайте»?

— Ты же обещал нам помочь перебраться через овраг! — вознегодовал Ивушкин, забыв в сердцах, на «вы» или на «ты» надо говорить с прохладным ветром.

— В самом деле? — рассеянно спросил Развигор.

— Вы что же — нас прямо тут и бросите одних? — удивилась Луша.

— Ну, почему же брошу. Я просто удалюсь. По своим делам.

— А как же мы? Как же я? Ты же сказал... Вы же сказали... Ты же сказал такое слово... и ты обещал помочь. Это... это что... неправда? Ты нас обманывал?

— Ну, почему же? Когда я говорил, я так чувствовал. Так думал. Там.

— А здесь?

— Здесь — нет.

— Как же так может быть?

— Переменился. Выдохся. Охладел. Я же прохладный ветер.

И действительно, тут же повеяло прохладой, Ивушкину показалось, что он мёрзнет, Лушина грива разлетелась по ветру. Возникло такое чувство, будто разом настала осень. Но нет. Никаких времён года не случается в стране «Нигде и никогда». Это просто Развигор взвился в небо и исчез. Истаял.

Луша стояла понуро, молчала. Ивушкин тоже как-то не сразу пришёл в себя. Но он был не так потрясён предательством Развигора, потому что тот ему чем-то сразу не понравился.

— Ивушкин,— сказала Луша грустным голосом,— Ивушкин, возьми-ка ты в руки хороший прут!

— Это ещё зачем?

— Отстегай свою глупую старую лошадь!

— Да ладно, Луш!

— Отхлещи её, чтоб неповадно было ей так раскисать, так доверяться тому, кому верить нельзя. Боюсь, никогда мы через этот овраг не перейдём. Никогда. Я сделалась какая-то слабая. Мне что-то страшно.

Они долго молчали, и казалось, этому молчанию не будет конца. Как же им быть? Развигор обещал им помочь, так их уверил в своей дружбе и вроде бы окружил заботой. А теперь что? Вот снова стоят они над крутым склоном, беспомощные. И никакого моста и в помине нет, а там где-то пропадает маленький лосёнок Люсик, и плачет, и волнуется, ждёт бедная его мать с переломанной ногой.

— Луш, хватит так стоять, надо что-то делать! — встрепенулся наконец Ивушкин.

— И то хватит,— сказала Луша уже другим, бодрым голосом.— Помогать нам некому. Мы с тобой бояться не будем.

Ивушкину при этих словах показалось, что в душе его страх перед оврагом отступает, а его место занимает злость на Развигора и желание не зависеть от такого неверного, ненадёжного существа. И по мере того как исчезал страх, проступали очертания моста, точно он сам собой наводился через овраг. Вот одна лёгкая дощечка. А вот рядом вторая. Вот увиделась и третья. Выросли тонкие перильца. Светлина сказала правду. Мостик стал ясно виден, как только ими овладела решимость и отвага.

— Видишь, Ивушкин, видишь! — обрадовалась Луша.— Никогда не надо падать духом! А ну-ка быстренько садись на меня верхом и зажмурься. У тебя от высоты может закружиться голова.

— А ты как же? — спросил Ивушкин.

— У меня в жизни больше никогда голова кружиться не будет,— решительно заявила Луша.

Лушины копыта твёрдо и уверенно застучали по дощечкам. Они благополучно перебрались на другую сторону бездонного оврага. Деревья на этой стороне росли часто-часто. И был густым кустарник и подлесок. Солнечные лучи проникали сюда с трудом и казались тоненькими, редкими, косо натянутыми между небом и землёю золотыми нитками. Лунные и звёздные лучи не проникали совсем.

Шелест этого леса был особенный, сначала раздавался просто шорох, и всё, а потом из него, как деревья из тумана, начинали выступать слова, после они снова погружались в шорох и становились непонятными.

— Луш, слушай.

Луша прислушалась.

— Ивушкин, по-моему, деревья поют.

— Но только не всегда понятно. Иногда просто шелестят — и всё.

Они оба затаили дыхание и прислушались.

— Слышишь, Ивушкин, слышишь, вот опять шелест превращается в слова.

И действительно, Ивушкин различил слова странной песенки:

Под алою аркой зари
Ты стой и тихонько смотри,
Как входит в ворота
Таинственный кто-то,
Ты стой и тихонько смотри.

Приносит он солнечный блеск,
И шорох, и шелест, и плеск,
И грустные звуки,
И песни от скуки,
И шорох, и шёпот, и плеск.

Потом звуки песенки стали затихать, слова забормотались и перешли в шелест листьев, а потом стали опять немного превращаться в слова, ещё чуднее прежних:

А в правом кармане его
Решительно нет ничего,
Ни шёпота ели,
Ни песни, ни трели,
Решительно нет ничего.

Там в правом кармане дыра,
Большая, как лисья нора,
И в ней, точно в бездне,
Всё тут же исчезнет,
Такая уж это дыра!

Потом опять листья зашелестели неразборчиво и снова зазвучали слова:

Когда ты отправишься в путь,
Ты песенку эту забудь.
В дороге она
Совсем не нужна,
Ты песенку эту забудь!

И потом снова песня перешла в шелест, и Луша с Ивушкиным почувствовали, что они не запомнили из этой песенки ни единого слова.

— Луша,— сказал Ивушкин, когда песенка уже больше не возобновилась,— через овраг-то мы с тобой перебрались, но ведь нам ещё тёмное поле надо перейти. А где оно?

Да, вот вопрос! Поля никакого не было, вокруг были одни только поющие деревья. Рядом рос малюсенький невзрачный кустик. Он не пел. Стоял молча. Поэтому Луша решилась обратиться к нему.

— Послушай, дружочек,— сказала она,— ты не смог бы нам объяснить, как нам пройти к тёмному полю?

Кустик заметно испугался.

— Ой, а зачем вам? Говорят, там темно и страшно. Правда, я сам не видел.

— Нам нужно перейти через поле,— сказал Ивушкин.

— Ой! — опять ойкнул маленький куст.— А вы не боитесь?

— Нет,— отрезала Луша.— Так знаешь ты или не знаешь, как туда пройти?

— Надо идти по тополям.

— Лошади не умеют ходить по деревьям,— сказала Луша, и к её голосу примешалась капелька отчаяния.

— Да нет,— успокоил кустик.— Я не то хотел сказать. Просто от тополя к тополю. По стволам. Они выходят к тёмному полю. От них я про него и слыхал.

— Ах, вот что!

Луша немного успокоилась, вдохнула воздух своими мягкими влажными ноздрями, повела головой.

— Вон там, Ивушкин. Вон оттуда пахнет горьковато-сладковатым тополиным духом. Ты устал? Пойдёшь или поедешь?

— Не устал я, Луш. Я пойду рядышком.

И они двинулись на тополиный запах.

Один большой тополь действительно рос неподалёку, он тут же им указал, куда идти дальше, а там второй тополь направил их к третьему, третий — к четвёртому, и так тополя передавали их «из рук в руки», пока не кончился поющий лес и они не очутились на опушке. Последний тополь махнул веткой, указывая направление. Они в этом направлении и собрались идти, но только успели шагнуть шаг, как вдруг точно кто-то мгновенно выключил солнце, и луну, и звёзды, и сделалась кромешная слепая темнота. Вроде бы даже стало холодней, но это только показалось, потому что глаза перестали что-либо различать.

— Луша, ты где, Луша? — забеспокоился Ивушкин.

— Здесь я, подойди ко мне, Ивушкин.

Ивушкин подошёл, нащупал рукой тёплый Лушин бок, ухватился пальцами за гриву.

Вдали пробежали несколько огоньков. Один, другой, третий. Но они ничего не осветили, и от них стало как-то тоскливо. Ивушкин вспомнил, что говорила Светлина. Это, видно, и были блуждающие огни. Но почему — они? Разве они, отложив свои дела, отправились на поиски Люсика не со светлым чувством?

— Луш, разве это плохо, что мы пошли лосёнка искать?

— По-моему, нет,— ответила Луша задумчиво.

— Почему же тогда мелькают эти тоскливые огоньки?

Луша не успела ответить, потому что по полю пробежал слабый мерцающий синеватый луч.

«Как прожектор в кино про пограничников»,— подумал Ивушкин.

Луч дрогнул, остановился, приблизился к земле и улёгся спокойно, высветив дорогу, которая перерезала поле прямо поперёк.

— Видишь, Ивушкин,— сказала Луша,— никогда не надо падать духом раньше времени. Вот и дорога. Ну, садись верхом, и поехали.

Ивушкин забрался Луше на спину, и они двинулись вперёд — по голубоватому лучу. Это был хороший, добрый луч, он в конце концов приведёт их туда, куда надо. И всё в конце концов получилось неплохо. Потому что дальше было так.

Глава восьмая

ЛЮСИК

Казалось, тёмному полю не будет конца. Они всё шли и шли, вернее, шла Луша, а Ивушкин сидел у неё на спине и вглядывался, вглядывался. Никогда в жизни не встречал он такой темнотищи. Даже когда однажды в Худяках в клубе погас свет на фильме «Карлсон, который живёт на крыше», так в зале какое-то всё-таки было мерцание света от человеческих рук и лиц. А потом кто-то зажёг спичку. А тут — ну ничего, ничегошеньки не видно вокруг, точно совершенно ослеп. Ивушкин так бы и решил, да глаза его всё-таки различали луч, лежащий вдоль всей длины дороги.

И вдруг луч света неожиданно погас. Луша остановилась, точно у неё на каждой ноге было по хорошему тормозу и кто-то на них сразу сильно нажал. И тут же впереди они увидели дубовую рощу. В небе опять, как и прежде, светили солнце, луна и звёзды.

— Луша-а-а!

— Ивушки-и-ин!

Они закричали оба разом, потому что оба одновременно увидели за невысокой дубовой порослью огромный дубище. Комель у него был такой широченный, что если бы Ивушкин и его друг Валька взялись бы за руки, а один из них взял бы Лушу за уздечку, а другой за хвост, всё равно им бы этот дуб не обхватить, а если бы на помощь пришли бы ещё и папа с мамой, так и то — сомнительно.

Крона дуба раскинулась над всем лесом, точно дуб разметал руки в желании всех защитить и загородить от ему одному известной опасности.

— Луш, это он...— Ивушкин вдруг перешёл на шёпот.

Этот дуб внушал ему трепет.

— Он,— сказала Луша.— Неодолимый дуб.

— Где же нам Люсика искать, как ты думаешь?

— Подойдём да у дуба и спросим,— предложила Луша.

Ах да! Ивушкин иногда забывал, что в этой стране всё живое, даже кустик, даже самая маленькая былинка,— все умеют говорить.

Они подошли к высоченному дубу и посмотрели вверх. Но спросить ни о чём не успели. Что-то захлестнуло им ноги, опутало, и они разом упали. Оба тут же попытались вскочить, но снова упали и в чём-то так запутались, что не могли и пошевелиться.

— Луша, Луша, что меня держит? — в испуге крикнул Ивушкин.— Я не могу шелохнуться, Луш!

— Ивушкин, и я не могу, и меня что-то держит. Тебе не больно?

— Нет. Только коленку ссадил немного. Что это, что в нас вцепилось, ой, Луша!

Луша дёрнулась, но опять не смогла выпутаться и встать и не знала, что ответить Ивушкину. Что-то прочно держит. А что? Было очень неудобно и, прямо сказать, жутковато.

Вдруг кто-то не очень громко произнёс:

— Встать и не пытайтесссь!

— Кто это говорит, Луш? — в ужасе прошептал Ивушкин.

Но ответила ему не Луша.

— Трава улови-ветер. Я вассс поймала, я вассс не отпущу.

Трава? Так это трава их так опутала? Луша немного успокоилась. Ну, с травой-то уж они как-нибудь справятся.

— Отпусти сейчас же,— сказала Луша.— Ты ветер лови, а мы никакой не ветер, как ты легко могла и сама заметить.

— Ветер,— сказала трава.— От всякого идущего, летящего, бегущего делается ветер. И я его ловлю.

Луша пыталась освободиться, перекусывая стебли травы. Но не тут-то было!

Потому что сразу же вырастали новые и опутывали, и держали цепко.

— Что же ты собираешься с нами делать? — осторожно спросила Луша.

— Ничего,— засмеялась трава.— Держать. Чтоб от вас не было ветра.

— А дальше что?

— Дальше прилетит хозяйка. Она и решит.

— А кто такая?

— Чёрная птица Гагана.

— Гагана!

И они, значит, будут лежать здесь, спутанные, пока не прилетит эта злая птица! И они не успеют разыскать Люсика, и вообще — что ж это будет! Что же будет?

Отчаяние охватило обоих.

Вдруг послышался чей-то низкий, глухой голос. Это говорил неодолимый дуб, обращаясь к траве:

— Не мешало бы тебе быть поосторожнее.

Ивушкин и Луша прислушались.

— С какой ссстати? — прошипела трава.

— А с такой, что если ты их будешь долго держать, ты превратишься в сено.

— Что такое — сссено?

— Это мёртвая трава.

— Замолчи, сссосед. Я ссслышала про это. Но ведь в нашей ссстране — всссе вссегда живы.

— Именно. Но разве ты не слышишь? Тик-так. Это идёт время. Оно-то тебя и высушит, если ты их не распу-

таешь и не отпустишь. Это пришельцы. И они принесли с собой тик-так — тень времени. Ты рискуешь превратиться в сено.

— Ты шутишь? — спросила трава, всё ещё не веря.

— Нисколько,— решительно сказал дуб.

Тогда травяные путы начали ослабевать, ослабевать, крепкие стебли травы улови-ветер разошлись в стороны, и Ивушкин с Лушей смогли подняться.

— Косилки на тебя нет,— проворчала Луша сердито.

Она чувствовала себя униженной. Подумать только — какая-то трава сумела повалить её на землю и заставила лежать спутанной, а при этом трудно было сохранять достоинство. Она хотела отпустить по адресу травы ещё что-то иронические и уничтожающее, но вдруг до них долетел слабый голосок, который звал:

— Ма-ма!

— Ивушкин, слышишь? Это, наверно, зовёт лосёнок!

Жалобный голосок опять позвал:

— Ма-ма!

— Ивушкин, он там, голос слышится со стороны молодого дубнячка. Скорее!

Ивушкин сел верхом, и они поскакали в том направлении, откуда доносился голос.

За дубовым молодняком оказалась небольшая поляна. Вся она была покрыта белыми цветами, похожими на ветреницу, которая в Высокове цветёт, едва стает снег. А на этой поляне опутанный сетью, сплетённой из крепкой болотной травы, лежал лосёнок.

— Люсик! — крикнул Ивушкин, спрыгивая с Лушиной спины и подбегая к нему.

Лосёнок плакал.

Луша стала зубами раздирать крепчайшую сеть Ивушкин ей, как мог, помогал, пытаясь распутывать узлы.

До чего крепка была эта сеть! Видно, Гагана её сама сплела. Чего только не сплетёшь, имея железные когти, медный клюв и жестокое сердце, которое глухо к добру!

Сеть с трудом начала поддаваться. Они так были заняты делом, что не заметили, как над ними нависла чёрная зловещая тень.

Это была чёрная птица Гагана!

— Как смеете вы, кто бы вы ни были, прикасаться к моему добру! — закричала она страшным резким и хриплым голосом.— Берегитесь!

Со всех сторон ей отозвалось пугающее эхо. Возле Ивушкина сверкнули острые железные когти на вытянутых огромных лапах, зловещим пламенем полыхнул медный клюв.

Она с налёту впилась бы, наверное, Ивушкину в спину, но верная Луша успела её оттолкнуть, и птица только дёрнула Лушу за гриву, отлетела, сделала над ними круг и снова устремилась к Ивушкину. Луша опять её опередила, загородила его от птицы и уже ждала, что острые когти вот сейчас разорвут ей бок. Она замерла, готовая проститься с жизнью, но только защитить Ивушкина. Но сзади кто-то, ей не было видно кто, закричал:

— Дуй, я тебе приказываю! Дуй изо всех сил, скорее!

И действительно, налетел порыв сильнейшего ветра. Луша едва удержалась на ногах. Она оглянулась. На поляне стоял добрый, хороший Вихроний, а рядом с ним Развигор, весь напрягшись, дул изо всех сил, и было видно, как ему, прохладному ветерку, трудно и несвойственно делаться ураганным ветром.

Птица Гагана, немного поборовшись с ураганом, взмыла в небо и, прежде чем скрыться из виду, крикнула:

— Я ещё с тобой посчитаюсь, Развигор!

И когда все немного успокоились, выяснилось, как было дело.

Развигор похвастался Вихронию, какое у него было смешное приключение с тикающим мальчиком и лошадью и как они собрались к Гагане на поиски пропавшего лосёнка.

И добрый Вихроний в первый и (скажем, потому что знаем) в последний раз оставил волшебные ворота без присмотра и кинулся на помощь своим новым друзьям. Он-то знал, чем может кончиться встреча с Гаганой. Он и Развигора притащил с собой, потому что ему одному было не одолеть зловещую птицу.

Все вместе, торопясь, стали высвобождать из сети насмерть перепуганного лосёнка. Он встал на ослабевшие

ножки, ещё не понимая, что он свободен, что ему больше не грозит эта страшная птица.

— Мама! — позвал он.

Но мама была далеко!

Что-то в этот момент маленькой иголочкой кольнуло Ивушкина. А как там мама? Тревожится? Сердится? Как там всё дома?

Развигор подлетел к Луше, но она смотрела куда-то вбок. Даже то, что он помог им прогнать страшную Гагану, Лушу с ним не примирило.

Луша верила в надёжную дружбу, в обещания, которые не нарушаются, в слова, которые и значат то, что они значат, а не фу-фу, сейчас — так, а чуть погодя — этак.

— Вам больше нечего бояться, милая Луша. Я прогнал злую птицу,— сказал Развигор.

— Ивушкин,— сказала Луша, точно Развигор к ней и не обращался.— Ивушкин, отряхнись, ты что-то очень запылился.

Вихроний заулыбался. Луша обернулась к нему.

— Спасибо, Вихроний,— сказала она.— Эта птица убила бы нас, наверно, если б ты не подоспел.

— Мы с Развигором,— уточнил Вихроний.

— Ну да, да. Конечно,— сказала Луша холодно.

— Мне надо спешить назад,— заторопился Вихроний.

— А нам-то как быть дальше? — спросил Ивушкин, который ещё не очень-то пришёл в себя после пережитого страха.

— Люсика я провожу,— сказал Вихроний.— И вам надо отсюда скорее уходить. Гагана может прилететь обратно. Поторопитесь.

— Вихроний, но мы уж совсем теперь сбились и не знаем, куда нам идти,— жалобно пролепетал Ивушкин.

— Может быть, я провожу и помогу? — сказал Развигор, но в голосе у него не было уверенности. Ему уже хотелось взвиться в небо, полетать свободно, повеселиться. Он устал от серьёзности. Подумать только — пришлось быть ураганом! После такого дела ему нужен был отдых и развлечения.

— Спасибо, не надо,— сказала Луша.— Только скажи, Вихроний, куда нам идти.

— Верней всего вас теперь поведёт к сестре Летнице весёлый мак.

— Весёлый? Мак? — удивились Луша и Ивушкин.

— Да,— подтвердил Вихроний.— Вы сейчас ступайте к Макосейке. Попросите у него мак. Он даст. Он добрый.

— Видишь, Ивушкин,— успокоительно сказала Луша,— мак приведёт нас к сестре Летнице. И она нас научит, как сделать, чтобы меня тоже взяли в город. И нам не надо будет расставаться.

— Расставаться не надо. Расставаться — это очень грустно,— вступил вдруг в разговор маленький Люсик.

— Хорошо тебе говорить,— пробормотал Ивушкин.— Они переезжают, а Луша должна оставаться, да?

— Это неправильно, Ивушкин,— сказала Луша.— Неправильно.

— Что неправильно?

— Неправильно говорить — они.

— Почему это?

— Потому что они — это все остальные. А папа и мама — это всегда папа и мама. Не надо говорить про них «они», это им обидно.

— А чего мы вообще с тобой здесь? — вдруг озлобился Ивушкин.— Давай я поеду в город, а ты оставайся в Высокове ничьей лошадью и погибай. Так, что ли?

— Нет, не так, Ивушкин. Но всё равно. Никогда не говори — они. Это им обидно.

В глубине души Ивушкин и сам это понимал. Только он никак не мог примириться с тем, что папа и мама, не поговорив с ним, всё без него решили про Лушу. И так неправильно, так печально решили!

— Не ссорьтесь,— примирительно сказал Вихроний.— Лучше послушайте, что я вам скажу. Если вы пойдёте опушкой дубовой рощи, то увидите там высокий пень. А от него — как от всего здесь — две тени: одна от месяца, одна — от солнышка. Идите в том направлении, какое вам укажет тень от месяца. И дойдите вы до можжевёловой гряды. Там тянется полосой драчливый можжевёловый лес. Через него трудновато пройти, но вы постарайтесь. За этим лесом как раз и живёт Макосейка. А теперь — в путь. Пошли, Люсик, дурашка!

Люсик весело побежал рядом с Вихронием, Развигор махнул им рукой, улыбнулся, беззаботно взлетел в небо и тут же исчез из виду. А Луша и Ивушкин, ещё раз поблагодарив доброго ежа Вихрония, пошли туда, куда он им указал.

Уходя, Вихроний им крикнул:

— Да, не забывайте хвалить Макосейку!

Как и за что хвалить — он не объяснил. Но дальше выяснилось, что это был добрый совет.

Потому что дальше было так.

Глава девятая

МАКОСЕЙКА

Луша и Ивушкин шли опушкой дубовой рощи и вскоре действительно увидели высокий пень, который отбрасывал две тени: одну — солнечную, другую — лунную. Они пошли туда, куда падала бледная лунная тень. В дубовом мелколесье, по которому они шли, было тихо. Совсем молоденькие дубочки на опушке покачивали тоненькими веточками и только перебирали прозрачными листиками. По траве лунные зайчики убегали от солнечных, взбирались на нижние ветки, солнечные их настигали, солнечный свет перепутывался с лунным, и было это очень красиво. Откуда-то доносились нежный запах черёмухи и медовый аромат цветущей липы. Всё в этой стране цвело одновременно, цвело всегда!

Луша и Ивушкин шли в тишине, каждый думал о своём, каждый своим удивлением удивляясь тому, что с ними происходит.

Но тишину неожиданно нарушили звуки какой-то возни, даже, может быть, драки, какие-то выкрики, кто-то будто бы кричал:

— Чего ты толкаешься? Я тебя сейчас и сам как толкну!

— Я тебя трогал, да? Я тебя трогал? Кто сам первый полез?

И тут же мелкий дубнячок кончился, и они оказались перед сплошной полосой не очень высокого, но и не очень

маленького, почти что в рост Ивушкина можжевельника. Каждый можжевёловый куст размахивал колючими своими веточками, бодался с соседом.

Тут и гадать было нечего — сразу делалось ясно, что можжевельник полон мальчишечьих драк. Опасного в этих потасовках, конечно, ничего не было. Но, согласитесь, и приятного было мало — идти сквозь такой лес, где тебе будет попадать от чужих дурацких драк колючими ветками по чему попало. Никакая дорожка, никакая тропинка через эти дерущиеся можжевёловые заросли не вела.

— Ивушкин, у меня шкура потолще,— сказала Луша.— Давай-ка усаживайся верхом.

Надо было продираться сквозь можжевёловые заросли.

Вряд ли был какой другой выход. Если бы он существовал, Вихроний непременно бы сказал.

Ничего не поделаешь, Ивушкин взобрался на Лушину спину, и она мужественно двинулась вперёд, грудью раздвигая ветки дерущихся можжевёловых кустов.

Голые ноги Ивушкина тут же покрылись царапинами, и ему пришлось влезть на спину к Луше с ногами и, балансируя и рискуя упасть и ободраться как следует, ехать, сидя на корточках, точно он исполнял какой-то цирковой номер на манеже.

Можжевёловый лес оказался нешироким, и вскоре они сквозь него продрались. Луша почти что и не поцарапалась.

На опушке можжевельника обнаружилась тропинка, которая вела вдоль леса, а потом круто сворачивала и брала вправо. И бежала эта дорожка через маковое поле необычайной красоты. Уж на что красивыми были луга в Высокове, а такого ни Ивушкин, ни Луша никогда не видывали.

По одну сторону дорожки цвёл алый мак. На тонких стеблях покачивались красные чаши с иссиня-чёрным узором на дне. И было этих цветов неведомо сколько — видимо-невидимо! Они то плавно кланялись, то распрямлялись, чему-то улыбаясь, чему-то беспрестанно радуясь.

А по другую сторону цвёл мак белый, и белые его чаши были с таким же узором по дну, и было их столько же,

сколько и красных, и они так же приветливо кланялись и так же радостно улыбались.

— Ух ты! — выдохнули Луша и Ивушкин оба разом.— Красиво-то как!

Кроме маков, маков, бесконечных маков, ничего не было видно, и они двинулись по стёжке — Ивушкин всё ещё верхом, правильно полагая, что раз уж тропинка протоптана, так кто-нибудь по ней да должен ходить.

Так оно и оказалось, потому что послышался тоненький голосок, который напевал песенку:

Частый дождик, дождик-моросейка,
В чистом поле ходит Макосейка.

И тут же они увидели маленького бурого мишку, который занимался, по видимости, очень странным делом. Он наклонялся к деревянной кадке, из которой зачерпывал воду решетом и потом быстро разбрасывал её над вспаханной жирной землёй.

Увидев Лушу и верхом на ней Ивушкина, он выпрямился, улыбнулся и сказал вместо приветствия:

— Сею мак.

И опять улыбнулся.

— Мак? — подивилась Луша.

Ивушкин спрыгнул на землю.

— Сею мак,— повторил медведь.

— Какой же мак, ты же воду разбрызгиваешь. Да ещё решетом,— заметила Луша.

— Нет, ты так не говори. Я хорошо сею мак,— обиделся медведь.

— Ты — Макосейка? — спросила она.

— Он самый,— сказал медведь.

— Хорошо сеешь,— сказала Луша, правда очень неуверенно и только лишь потому, что вспомнила, что Вихроний велел Макосейку хвалить.

Медвежья мордочка так вся и просияла от похвалы.

— Конечно,— быстро согласился он с Лушей.— Хорошо. Потому что ведь я какой мак сею?

— Какой? — полюбопытствовал освоившийся немного Ивушкин.

— Весёлый! Не обычный какой-нибудь. А весёлый. Он улыбается. И даже смеётся. Вот. А сеять его надо вместе с весёлыми капельками воды.

— Молодец,— опять похвалила Луша.

Медведь покивал ей, быстро несколько раз нагнулся к кадке и старательно разбрызгал воду.

— Я такой,— сказал он со вздохом.— Такой, и ничего уж с этим не поделаешь.

— Какой? — переспросил Ивушкин.

— Я всё могу делать. Я всё очень даже хорошо могу делать. Но только меня надо хвалить. У меня всё из лап валится, когда меня не хвалят.— И Макосейка опять вздохнул.— А когда меня хвалят, у меня душа веселеет, и тогда я сею весёлый мак. И всё мне хорошо удаётся.

— А скажи, Макосейка...— начала было Луша, но он её перебил:

— Тебе хочется головочку весёлого мака?

— Как ты угадал?

— Потому что,— сказал Макосейка.

— Почему? — полюбопытствовал Ивушкин.

— Потому что. И всё.

И он опять стал сеять в землю весёлые брызги из решета.

— Какой ты умный, что всё понимаешь просто «потому что»,— снова похвалила Луша.

И Макосейка опять весь заулыбался. И рот у него улыбался. И глазки. И маленькие аккуратные ушки. И густая бурая шерсть. Он открыл маленький деревянный сундучок, который стоял тут же возле кадки, и вынул оттуда две маковые головки.

— Это тебе,— сказал он Луше.— А это тебе,— и протянул обе головки Ивушкину.

— Да нам хватит и одной,— застеснялся Ивушкин.

— Берите, берите,— улыбался Макосейка.— Пригодится. Это же весёлый мак!

— Спасибо. Ты добрый,— снова похвалила его Луша.

Умница Луша! Хорошая, дельная лошадь!

— Послушай, а ты не скажешь нам, как найти сестру Летницу?

— Найдёте, найдёте,— сказал Макосейка.— Найдёте в

свой черёд. Только разве есть у вас вода из загорного колодца?

— Нету никакой воды!

— Ну вот, видите. И у меня нету.

— Как же быть, ты, наверно, знаешь?

— Знаю,— сказал Макосейка.— Надо идти к колодцу и зачерпнуть воды. За белой горой. Вон, глядите.

Они стали глядеть туда, куда показывал Макосейка. Но там ничего, кроме неба, не было, а по нему плыли белоснежные, хорошо отстиранные Нотей облака.

— Там ничего нет,— сказала Луша.

— И мне ничего не видно,— подтвердил Ивушкин.

— Да как же не видно? — удивился Макосейка.— Ну, глядите ещё.

Они снова пригляделись, и им показалось, что одно облако вроде бы не двигается.

Это и была белая гора.

— Когда ж это мы туда доскачем? — сказала Луша.— Это сколько же времени пройдёт?

Но в том-то и дело, что в «Нигде и никогда» никакого времени вообще не было. И до белой горы они добрались по-нашему — в одно мгновение. И это было очень удачно.

Потому что дальше было так.

Глава десятая

ВОДА ИЗ ЗАГОРНОГО КОЛОДЦА

— Я не понял: кто и куда пройдёт? — спросил Макосейка.

— Время пройдёт,— сказала Луша.

— Я с ним не знаком, никогда не встречался,— покачал головой Макосейка.

Ивушкин открыл было рот, чтобы объяснить медведю, что такое время, но ничего убедительного ему не пришло в голову. В самом деле: а как скажешь? Время — это всегда тикающий будильник, у которого внутри сидит электрическая батарейка, время — это когда кончился длинный и интересный день и уже надо ложиться спать, а спать

совершенно не хочется. Время — это то, что, по словам взрослых, все без конца теряют, а вот находить никогда не находят. Однажды Ивушкин слышал, как папа сказал: «В главке только тянут время», но это для объяснения Макосейке, что такое время, никак не годилось.

— Время — это то, что всегда проходит,— сказала Луша, но Макосейка из этого объяснения всё равно ничего себе не уяснил.

— Раз вам нужен загорный колодец, значит, надо оказаться за белой горой,— сказал Макосейка.

— Ты такой умный, Макосейка,— сказала Луша.— Ты объясни попроще, как это — оказаться за белой горой?

— Да чего же тут объяснять. У вас же есть ноги!

Выходила какая-то нелепица. Конечно, ноги у них есть. Но ведь до горы, которая едва виднеется, сливаясь вдалеке с облаками, ногами как раз идти далеко. Ноги не заправишь бензином, не включишь зажигание, не нажмёшь на акселератор!

— Подними правую переднюю ногу,— скомандовал Макосейка Луше.

Луша так и сделала.

— Теперь поставь. Подними левую. Теперь правую заднюю. Теперь — левую.

Луша послушно проделала всю эту гимнастику.

А Ивушкин стоял и с удивлением смотрел на Лушу и ждал, что же от этого топанья то одной, то другой ногой произойдёт.

— Что же ты стоишь? — вдруг обратился к нему Макосейка.— Ну же! Правой! Теперь — левой!

И — трудно себе представить!

Не успел Ивушкин опустить левую ногу на землю и отпечатать на ней узорчатый след резиновой подошвы своих кед, как исчез из виду и симпатичный бурый Макосейка, и весёлые, улыбающиеся поля красивейшего алого и белого мака. Всё это куда-то подевалось. И оказались они с Лушей у подножия не очень высокой горы, которая была вся покрыта кустами черёмухи. Черёмуха цвела таким буйным цветом, что гора казалась вспененной, как будто неведомый великан развёл целую гору мыла и вот-вот начнёт пускать в небеса огромные и прекрасные мыль-

ные пузыри. А пахло как! Точно кто-то только что разбил огромный флакон с хорошими духами. Из черёмуховых зарослей доносилась звонкая соловьиная песня.

Первой опомнилась Луша.

— Ты смотри, Ивушкин,— сказала она,— мы ведь не только горы достигли, мы ведь с тобой уже и через гору перебрались!

— Интересно, хоть кто-нибудь нам дома поверит, когда мы им расскажем? Валька уж точно скажет: «Ты, Ивушкин, опять сказки рассказываешь». Или скажет: «Это ещё пока наукой не доказано». Он всегда так говорит.

— Вот мы и докажем,— сказала Луша.

— Да ведь кто же поверит нам?

— Ладно, Ивушкин,— вернула его к действительности Луша.— Дома ещё оказаться надо сперва. А потом уж и «поверят — не поверят».

Действительно! Что это он, о чём думает! Точно не находятся они оба неведомо где, никому не видимые, для всех потерянные. Точно пасёт он Лушу в селе Высокове на лугу за поскотиной. Эх, Ивушкин!

Вдруг их внимание привлёк звук плещущейся воды. Где-то вода переливалась, тенькала, булькала, напевала. Они обернулись на звук и увидели, что рядом с ними, ну просто в двух шагах находится низенький колодезный сруб, накрытый чистеньким, гладко обструганным дощатым щитом, а к щиту прибита деревянная ручка, чтоб удобнее открывать.

Ивушкин кинулся к колодцу, поднатужился, стащил с него крышку.

Вода была не близко и не далеко. Она плескалась, качалась, смеялась, выдыхая прохладу.

Луша подошла, опустила голову в сруб. Нет, ни Ивушкин — рукой, ни Луша — мордой дотянуться до воды не могли. И вдруг оба разом поняли, что у них ничего, ну прямо ничегошеньки нет, во что взять воду. Ни чашки, ни плошки, ни фляжки, ни консервной банки, ни даже чай ной ложки.

— Погоди, Ивушкин, ты только не падай духом,— сказала Луша, потому что поняла, о чём он подумал.

А подумал он, конечно, о том, что вода им просто до зарезу нужна, что без неё им никогда не узнать, как им быть, и никогда домой не вернуться. А раз воду взять не во что, так и думать нечего, что всё образуется. А надо сесть на траву, прямо тут, возле белой горы, и пропасть в этом сладком вареньевом запахе черёмухи.

Ивушкину представился их дом и маленькая банька, которую мама топила по субботам. Она звала их с папой: «Мужики, париться!» И ещё вспомнил он маленькие мосточки на Мере, и как они с папой стояли на этих мосточках на закате и ловили рыбу на ручейника, и как он, Ивушкин, ещё совсем недавно поймал серебристую рыбку, которая смешно называется «уклейка». Ну зачем, зачем, зачем надо было писать эту шипучую, змейскую диссертацию?

А Луша вспомнила своё уютное стойло на дворе, и как Иван Филиппович, бывало, чистил её щёткой, и было приятно и щекотно, казалось, что хозяин её любит и что хорошей и доброй жизни не будет конца.

— Ивушкин,— сказала Луша печальным голосом,— ты послушай меня. Ты только духом не падай.

— За каким лешим ты мне всё это говоришь! — завопил Ивушкин в полном отчаянии.

И вдруг рядом трава зашелестела, из неё со вздохом послышались слова:

— Ох, нет, нет, не надо браниться, пожалуйста!

И из травы показалась мордочка. Чья бы, вы думали? Мордочка старого доброго енота.

— Как ты тут оказался, Нотя? — воскликнул Ивушкин.

— Дружеские чувства, что поделаешь,— вздохнул енот.— Мне здесь не приходилось бывать. Я с большим трудом вас отыскал. Никто не мог мне толком сказать, куда вы пошли. Я бы и не нашёл, если бы не Вихроний. Он мне всё рассказал. Вы хорошие ребята,— добавил он, помолчав.— Светлина так счастлива!

— Недотёпы мы, вот кто,— сказала Луша.— Воду-то нам зачерпнуть нечем. Взять нам её не во что.

— Я за этим сюда и пришёл,— заметил енот и про-

тянул им маленькое, весело расписанное ведёрочко на шёлковом шнурке.

— Подарок от Ноти,— сказал он скромно.— С ним я к вам и спешил.

— Ну и молодец же ты, Нотя! — обрадовался Ивушкин.

Но енот, которому надо было неотлучно быть при своей стирке, не дожидаясь их благодарности, вдруг так же неожиданно исчез, как и появился.

Черёмуха пахла, вода в колодце весело булькала, и было уже не страшно ни Ивушкину, ни Луше.

— Хватит верёвочки, как ты думаешь, Ивушкин? — спросила Луша озабоченно.

— А сейчас попробуем.

Ивушкин залез на сруб и опустил туда ведро на шнурке. Ведро воду не задело.

— Луш, не хватает!

— А ты не спеши,— сказала Луша.— Спешить — это неправильно. Надо придумать. Надо исхитриться.

Ивушкин улёгся животом на край колодца. Перегнулся туда весь. Луша головой прижала его метнувшиеся в воздух ноги. Если бы не она, мог бы Ивушкин рухнуть в колодец! Теперь ведёрко коснулось поверхности воды, легло набок, пустило по воде круги и стало погружаться в студёную весёлую прохладу. Ивушкин потянул шнурок кверху. Сначала ведёрко пошло легко, потом он ощутил его тяжесть, ухватился ещё и второй рукой, потом сполз на землю и поставил ведро.

Вода в ведре поплескалась, потом успокоилась. И тут настала для Ивушкина и Луши настоящая радость. Потому что дальше было так.

Глава одиннадцатая

СЕСТРА ЛЕТНИЦА

С поверхности гладкого водяного зеркала глянуло на них молодое весёлое девичье лицо. Оно всё светилось доброй, ласковой улыбкой. Не было сомнений, что улыбка эта предназначалась именно им.

— Кто это? — спросила Луша оторопело.

Но Ивушкин даже никакой догадки не успел высказать, потому что девушка, а вернее, её отражение в воде обратилось к ним:

— Я рада, что вы не упали духом и сумели меня найти! Я — сестра Летница.

— Но где же ты? — спросила Луша.— Ведь не можешь же ты быть в ведре с водой?

Сестра Летница улыбалась ещё ласковее.

— Нет, конечно. Я не могу сказать вам, где я. Я буду ждать вас в своём доме, а приведёт вас ко мне весёлый мак.

— Мак? — изумился Ивушкин.

— Мак,— подтвердила она.

— Как же это может быть? — не поверила Луша.

— У вас есть головка весёлого мака?

— Есть.

— Вот и возьмите её, и бросайте маковые зёрнышки на землю. А как зёрнышко покатится, бросайте второе. А потом — третье. И идите, глядите только на него.

— А с водой что делать?

— Ничего. Выплесните её назад в колодец.

— И мы... и ты...— заговорил Ивушкин, сбиваясь.— Ты не поможешь нам?

— Помогу, конечно,— сказала сестра Летница. И она опять ласково улыбнулась.

После этих слов поверхность воды в ведёрке погасла, как экран телевизора, когда кончились передачи.

В душе у Ивушкина и у Луши, как рыбка в пруду, плескалась весёлая надежда.

Ивушкин разломал маковую головку, вынул зёрнышко и бросил его на землю, пристально на него глядя, боясь потерять из виду. Зёрнышко покатилось. Они двинулись вслед за ним. Зёрнышко весело бежало по земле, потом останавливалось. Тогда Ивушкин кидал следующее. И оно вновь катилось.

Куда они шли, трудно было себе представить, потому что зёрнышки были маленькие, глядеть на них надо было сосредоточенно.

И вот уже побежало-покатилось последнее зёрнышко.

И остановилось. Ивушкин остановился. Луша остановилась. Оба подняли головы и оглянулись.

Цвели яблони. Белые, доверчивые цветы покачивались на распахнутых ветвях и тихо напевали, едва слышно, едва различимо, выводили какую-то ласковую мелодию. За яблоневым садом стоял маленький белый домик с зелёным крылечком и зелёными ставенками. С крылечка по зелёным ступенькам спускалась им навстречу сестра Летница. Платье на ней было белое, широкое, длинное. И лицо у неё было белое, только на щеках румянец, и то неяркий, она улыбалась ласково и приветливо, и было в ней что-то такое, что сразу вызывало воспоминание о летнем деревенском утре, когда лёгкий туман плывёт над озером, тра́вы стоят в росе неподвижно, а на опушке леса проснулась лазоревка и звонкими капельками роняет свою песенку в траву. И светает, светает, и встаёт из-за леса ясное, нежаркое, хорошо выспавшееся солнышко.

«Кто же она? — подумал Ивушкин.— Может, это и есть сама летняя заря?»

— Заходите, заходите, дорогие гости! — поздоровалась она с ними.

— И мне заходить? — спросила Луша.

— Ну, непременно,— сказала сестра Летница.— Входи, Луша, и ты, Ивушкин!

— Разве ты знаешь, как нас зовут? — спросил Ивушкин.

— А как же! — удивилась сестра Летница.— Всегда надо знать, как зовут того, с кем разговариваешь.

В саду у сестры Летницы под яблонями стоял стол, а вокруг него — четыре лавочки. Ивушкин и сестра Летница сели друг против друга. Луша встала рядом с Ивушкиным.

— А теперь рассказывайте, а я подумаю, как и чем вам помочь. На ваших лицах написана какая-то печаль. А печали быть не должно. Потому что вы оба — добрые и хорошие и преданные друзья.

Ивушкин и Луша стали рассказывать сестре Летнице про свою беду, а она внимательно слушала и не перебивала, а только кивала головой и иногда улыбалась доброй, ободряющей улыбкой.

— Почему они меня не спросили? — говорил Ивушкин.— Я не хочу — один без Луши. Они не понимают, что Луша — мой друг. Своих не бросают.

— Я-то думаю, что здесь что-то не так,— говорила Луша.— Но выходит, что так. И я не могу разобраться. Хоть всё это неправильно. И не должно быть. Но Ивушкин сам слышал. Хозяин сказал — «списанная». А это значит не просто ничья, а ещё и ненужная.

— Три комнаты! — продолжал возмущаться Ивушкин.— Очень даже просто — мамина, папина, моя. А Лушина — где? Хотел бы я знать — где Лушина? Им там в городе лошади не нужны. Как это — не нужны? Лошади везде нужны! И вот что теперь делать? Что делать? Ты можешь нам как-нибудь помочь?

Сестра Летница опять улыбнулась своей доброй улыбкой.

— Видите ли что,— сказала она.— Ведь беды-то на самом деле у вас нет!

Луша и Ивушкин посмотрели на неё в удивлении.

— Да, да,— сказала сестра Летница.— Вы вернётесь домой, туда, где тикают ваши часы, и тогда узна́ете, что беды никакой нет.

— А как же город? И я? И Луша? — сбиваясь и волнуясь, спросил Ивушкин.

— Увидишь,— сказала сестра Летница.— Всё будет хорошо. Правда, маленькая беда с вами всё-таки произошла...

— Какая? — спросили Ивушкин и Луша в один голос.

— А такая, что вы не знали или забыли, что в каждом человеке и звере, в каждой птице живёт маленький тёплый солнечный зайчик. И если ко всякому-всякому живому существу отнестись с добром (только не притворяться, только по-настоящему!), то в нём этот солнечный зайчик проснётся, и всякий ответит вам тоже добром, потому что почувствует в себе солнышко и жизнь. И если тебе вдруг покажется, что человек — злой или делает плохо, ты сразу же не сердись на него, не обвиняй его. Это значит просто, что солнечный зайчик уж очень крепко заснул. Ты постарайся разбудить его и увидишь, как всё будет хорошо!

— А как же нам быть?..— начал было Ивушкин, но сестра Летница остановила его.

— Ты, Ивушкин, очень виноват.— И она печально покачала головой.— Ты не сумел увидеть солнечного зайчика в самых дорогих людях — в папе и маме. Ты подумал о них дурно. Ты даже решил от них убежать.

Ивушкин вдруг, пожалуй в первый раз, подумал, что же он натворил! Ведь он даже ни о чём и не спросил ни маму, ни папу. Просто услышал разговор. И сбежал, и Лушу увёл со двора. Ему стало как-то трудно дышать, и горячо лицу, и особенно ушам. Словом, ему стало стыдно. Он ощутил в глазах какое-то неудобство, и лицо его стало краснеть. Не знаю, может, он бы и заплакал, но сестра Летница встала со скамейки, подошла к нему и положила ему на голову свою мягкую, прохладную руку.

Жар в лице и в ушах моментально остыл, глаза перестало щипать. Что-то тёплое шевельнулось в нём, радостно запрыгало.

Что это было? Солнечный зайчик?

Ему сразу же поверилось, что теперь-то уж всё будет хорошо и что вообще с ним в жизни ничего плохого случиться не может.

Сестра Летница подошла к Луше, потрепала её серую лохматую гриву.

И Луша сразу тоже успокоилась и подумала: «Ну, ладно — Ивушкин. Но как же я, старая лошадь, могла подумать, что меня выкинут, как негодную ржавую борону?»

И Луше тоже показалось, что всё обязательно хорошо кончится. Только она немного тревожилась, как же им поскорее вернуться назад в своё село Высоково, которое находится уж решительно неизвестно где.

— А если,— сказал Ивушкин,— а если всё-таки они не захотят брать Лушу с собой?

— Ты забыл про солнечного зайчика,— сказала сестра Летница.— Возвращайтесь. Я знаю, что с вами ничего не случится плохого. Только никогда-никогда не говори про маму с папой «они» — как про чужих.

— Ладно,— сказал Ивушкин.— Понял. Не буду. Не понял я только, как же мы вернёмся. Ведь мы здесь куда

только не ходили — и через бездонный овраг, и за белую гору, и по маковым зёрнышкам...

— Раз ты самое главное понял,— сказала сестра Летница,— то теперь уж ты никогда не заблудишься. Теперь-то уж всё образуется.

И правда — всё обошлось наилучшим образом.

Глава двенадцатая

ПОТОМУ ЧТО ДАЛЬШЕ БЫЛО ТАК

Сестра Летница махнула рукой, повела своим широким белым рукавом, и вдруг перед Лушей и Ивушкиным в памяти прошли все их странствия, но только в обратном порядке. Вот они идут по маковым зёрнышкам, вот они у колодца под белой горой, вот летит страшная Гагана (в этом месте у Ивушкина ёкнуло сердце), и дальше, дальше, пока они не оказались в том самом лесу, где (кто знает уже теперь когда) они вошли через невидимые ворота в страну «Нигде и никогда».

Ого! А вот и Вихроний!

И они оказались у ворот и увидели перед собой Вихрония — живого!

— Привет, друзья мои! Всё благополучно? Вы нашли сестру Летницу?

— Нашли, Вихроний, нашли. Спасибо!

— Вы возвращаетесь назад?

— Да,— закивали они оба.

— Сестра Летница помогла вам?

— Она научила нас про солнечного зайчика,— заметил Ивушкин.

— И обещала, что всё устроится? — полюбопытствовал Вихроний.

— Она сказала, что всё образуется,— подтвердила Луша.

— Она никогда ничего не обещает напрасно. А теперь, когда вы побыли у нас и узнали от сестры Летницы очень-очень важную для жизни вещь и когда она вам сказала, что всё будет хорошо,— значит, так и будет. Уж она об этом позаботится.

— Как?
— Я не знаю как. Она всё может.
— Она — волшебница? — спросил Ивушкин.
Вихроний покачал головой.
— Нет. Просто она добрая и всех любит. Ну что же,— добавил он.— Давайте прощаться.
После этих слов Вихроний замолчал, сосредоточился и произнёс, как тогда:

Совершись, чудо,
Совершись!
Из ниоткуда,
Дверь, появись.
В зелёном пригорке
Скрипнули створки
У ветра за спиной,
Передо мной.

И опять перед ними распахнулись неизвестно откуда взявшиеся двери, и они через них вышли, и двери исчезли. И они снова оказались в Синем лесу!
Посреди старого ржавого обруча тихонько качался колокольчик. Вокруг синели полянки, заросшие вероникой. Вдалеке чей-то транзистор пропищал шесть раз.
Который же это был час?
Домой они возвращались быстро и молча. Они ещё не могли осознать, что все приключения кончились и что они идут домой, и пока ещё не знают, каким же образом сдержит своё обещание Летница. А может, ничего и не было? Может, им всё примерещилось, придумалось, приснилось?
Но солнечный зайчик внутри, такой теперь ощутимый, не позволял разрастись опасениям. Дома всё было спокойно. Никого ни в палисаднике, ни в огороде не было.
— Луш, ты постой здесь,— сказал Ивушкин и кинулся по крылечку в дом. Никого нет. Совсем тихо.
Впрочем, не совсем. Потому что на комоде тикает будильник. Ивушкин поглядел на него. Будильник показывал десять минут первого. Времени совсем не прошло! Как же так? Они ведь ушли без четверти двенадцать!
Ивушкин начал считать. Пятнадцать минут до Синего

леса — если идти медленно. Десять минут — если быстро. Они с Лушей ушли без четверти двенадцать. Он это ясно помнит... А... там? Как же — там?

Ивушкин ничего не успел предположить, потому что заскрипели ступеньки и вошла мама.

— Филь, ты зачем Лушу вывел? Поить водил? Там же в ведре вода ещё была.

Ивушкин промолчал.

— Филюшка, берись за веник. А я обедом займусь, папа сегодня — не поздно. Только заведи Лушу в стойло, там прохладнее, а то её тут мухи одолеют. Филь, да не стой ты столбом, правда же, времени у нас мало!

Ивушкин горным обвалом обрушился с крыльца.

Луша скосила на него глаза.

— Ну что, Ивушкин?

— Луш, да ведь времени писколечко не прошло. Только то, что мы до леса дошли и пришли обратно. Как же это?

— Ну чего ты удивляешься, Ивушкин! Они же ведь так и говорили — время там ещё не началось!

— Луш, уж давай никому не рассказывать. А не то нас засмеют.

— Как знаешь! — Луша согнала хвостом с правого бока нахального слепня.

— Луш, ну подумай, если мы скажем, что были в «Нигде и никогда», нам ведь никтошеньки не поверит.

— А Валька?

— А что Валька? Валька первый и начнёт шуточки выстраивать.

— Как знаешь,— повторила Луша.

— Луш, да было ли оно всё, а?

— Может, и не было.

Луша щипнула траву.

— Ивушкин, а что это у тебя в кармане?

Ивушкин сунул руку в карман, вытащил это «что-то» и стал на него пристально смотреть. Это была маковая головка. Он её встряхнул. Внутри зашелестели сухие зёрнышки.

— А майка? — спросила Луша.

Ивушкин пощупал под рубашкой. Майки на нём не было.

Первого сентября будильник с батарейкой внутри показывал восемь, когда папа, мама и мальчик с букетом вышли из дверей своей новой квартиры. Замок захлопнулся с весёлым звоном, и они быстро сбежали по лестнице с третьего этажа.

Много ребят с букетами и без букетов шли и бежали по широкому проспекту прямо к школе. Но папа, мама и мальчик с букетом свернули в переулок и быстрыми шагами дошли до ворот с вывеской «Садово-парковое хозяйство». В это время как раз ворота открывались и из них выезжала - нет, вовсе и не машина, что естественно было бы ожидать в городе. Из них выезжала запряжённая в телегу серая со светлыми пятнышками лошадь. На телегу были нагружены какие-то молодые кустики.

— Я иду в школу, Луш! — крикнул мальчик.

Лошадь кивнула.

— Счастливо, Ивушкин! — сказала она мальчику. — Счастливо.

И НАСТАНЕТ ВЕСЁЛОЕ УТРО

Глава первая

ПЛОХОЕ УТРО, ПЛОХОЙ ДЕНЬ, СОВСЕМ ПЛОХОЙ ВЕЧЕР

Геркулесовая каша на кухне начала подгорать. Папа высунул голову из ванной и, жужжа бритвой, сердито крикнул бабушке:

— Таисья Гурьевна, даже здесь слышно, что горит! Ну когда ж это наконец...— И снова скрылся в ванной.

Бабушка метнулась в кухню, огорчённо понюхала кашу в кастрюльке, переложила её в другую кастрюльку, негорелую, снова понюхала, совсем огорчилась, достала сковородку, стала жарить яичницу, но в это время вспенился и убежал кофе.

Папа пил кофе стоя, жевал бутерброд с сыром. Яичницу он есть не стал, и мама сказала сердито, что это бабушке назло. У бабушки дёргались губы, когда она заплетала Полине косы. У Полины у одной изо всей группы в их детском саду были косы. Всех остальных девочек мамы водили стричься в парикмахерскую. А бабушке хотелось, чтобы у Полины были косы, как когда-то в бабушкином детстве: все девочки отращивали косички и не носили брюк, а только надевали сатиновые шаровары на гимнастику. Шаровары Полине шить не стали, а косы бабушка всё-таки попросила отрастить и сама заботливо мыла внучке голову то яичным желтком, то ещё ей только одной известным способом. А папа говорил, что это всё — ему назло. Потому что он терпеть не может всё старомодное и считает, что жить надо по-современному, а не назад оглядываться, так и шею можно свернуть.

В бабушкиной комнате стоял старинный буфет, и большое зеркало в резной раме, и комод из шести ящиков, а на комоде в высоких вазах — сухие цветы и травы. Полине казалось, что это очень красиво, а папа, когда за чем-нибудь входил в бабушкину комнату, каждый раз, выходя оттуда, говорил:

— Это мне назло.

А мама на него за это обижалась, и Полина тоже, потому что знали: вовсе не назло; но он на их обиды не обращал никакого внимания.

Полина думала, вот в телевизоре часто показывают разных дядей и тётей, и все они без конца говорят: «Благополучные семьи — неблагополучные семьи, благополучные-неблагополучные». Передачи эти — скучища, ужас! И слово-то какое-то противное — «получные-неполучные»...

У них в семье, во всяком случае, всё благополучно. Бабушка так говорит соседке, Ванде Феликсовне Бамбурской, когда та приходит к бабушке в гости и они сидят и долго-долго разговаривают и вяжут. А что это обозначает — «благополучно»? Кто-нибудь объясните это Полине, пожалуйста! Благополучно! Вот-вот!

Например, сегодня. Не успели встать, а уже бабушке за кашу попало от папы, папе за бабушку — от мамы, бабушка подёргивает губами и молчит — а это значит, вспоминает прошлое. Бабушка всегда — когда так по-особенному молчит, это значит, что она вспоминает прошлое. Дедушку. Небольшой городок Крутогорск, где они жили, и где выросла мама, и где дедушка несколько лет тому назад умер, как бабушка говорит, «от сердца».

«Благополучно», — ворчит про себя Полина.

Бабушкины воспоминания и Полинины размышления прерывает папин голос:

— Между прочим, у меня заседание ровно в десять. — Маме: — Вера, ты готова? — Бабушке: — Таисья Гурьевна, боярышнины косы когда-нибудь заплетутся наконец? У меня заседание не в двенадцать, не в половине шестого, не послезавтра, а сегодня — ровно в десять!

Бабушка криво завязывает банты на косах и, махнув

рукой, отпускает Полину, мама хватает сумку с рукописями, и они выскакивают на площадку. Мама вызывает лифт, папа, не дожидаясь, пока кабина приползёт на восьмой этаж, несётся по лестнице пешком. Когда Полина и мама выходят из подъезда, красные «Жигули» уже фыркают, и обе двери раскрыты настежь. Никто не видит, что бабушка вышла на балкон и машет рукой.

Какое невесёлое, плохое утро! Почему такое утро случается не так уж редко в их доме? Полина даже не успевает подумать об этом, как папа тормозит возле детского сада, как мама торопливо её целует, перегнувшись с переднего сиденья, как Полина бежит по дорожке в свою старшую группу, а «Жигули» уже умчались по направлению к маминому издательству, где она работает редактором. Папа, наверно, успеет на заседание. Министерство от издательства близко — рукой подать.

Так отчего же оно такое плохое, невесёлое, недоброе, это утро?

— Доброе утро, Полиночка! — окликает её воспитательница Анна Ильинична.— Ты чего это, дружочек, хмуришься?

И, не ожидая, пока Полина ей объяснит, хлопает в ладоши и кричит:

— Ребята, строиться, всем строиться! Мы сегодня идём гулять в парк!

Март! Март! Солнечный мартовский день! Две сороки на верхушке клёна о чём-то спорят хриплыми голосами. Полина прислушивается. О грачах? Не о грачах? Нет, не понять. А вот и сами грачи. Их двое. Чёрные-чёрные. Носят прутики на берёзу, укладывают там на верхних ветках. Вьют гнездо, что ли? Бабушка говорила Полине, что грачи теперь перестали улетать на зиму из больших городов. В городе стало теплее. И есть чем кормиться — много пищевых отходов. Бабушка смешно сказала:

— Ты погляди, Полинка, грачи-то совсем обрусели!

Точно, когда они улетали в чужие края, они переставали быть русскими грачами и делались, например, индийскими. А куда они улетали раньше? В Африку? В Индию? Надо будет спросить у папы...

Полина вспомнила сегодняшнее утро, и вообще, как папе стало последнее время всё некогда и некогда и не до неё, и опять нахмурилась.

Ребята столпились вокруг скамейки, где сидела Анна Ильинична и читала книжку про ослика или козлика. А Полина отошла в сторонку и спряталась за толстым кленовым стволом. Сейчас она будет играть в свою любимую игру. Когда она в неё играет, ей хорошо и радостно. Дело в том, что у Полины есть собака. Та собака, которую она уже давно просит ей купить, которую давно любит: весёлый, умный, добрый пёс. Его зовут Фокки. Да, та самая собака, которую ей не купили ко дню рождения, а, наоборот, купили ковёр в её комнату. А ещё раньше купили ковёр в большую комнату. Объясните, пожалуйста, почему собака или ковёр? Ковёр собаке не доставит никаких неприятностей. Собаке очень даже удобно будет спать на ковре. И возиться с Полиной на ковре тоже приятнее, чем просто на полу. Ладно! Как хотят! У Полины всё равно есть собака. Фокки. Это ничего, что Фокки понарошковая собака. Придуманная. Всё равно — он есть.

— Фокки, ко мне! — позвала Полина.

Фокки, чёрный, гладенький, с торчащими ушами и мохнатой мордочкой, тотчас же подбежал к своей хозяйке. Полина погладила его тёплую спинку.

— Ну, пойдём гулять, пойдём гулять, дурачок!

Фокки завилял своим коротеньким, обрубленным хвостиком. Полина застегнула на нём ошейник и к ошейнику прицепила поводок. Они пошли гулять по аллейкам. Фокки бежал вперёд, иногда оглядываясь на Полину. Полина с ним беседовала.

— Понимаешь, Фокки,— говорила она,— я никак не могу понять, что значит «всё благополучно». Мама, как приходит с работы, тут же начинает читать какие-то бумаги, которые называются «рукописи». Вчера я её просила почитать мне книгу, а она сказала, что пока не прочтёт рукопись про модальные глаголы... Ты что-нибудь понимаешь, Фокки? Миндальные — это понятно. Это пирожные такие. Мотальные — тоже понятно. Это когда мотают. Но — модальные? По-моему, так не бывает. «Не

мешай, мне не до тебя, у меня эти самые, «модальные глаголы»...» И папе тоже не до меня. А кому же до меня, Фокки?

Фокки сочувствовал, не забывая, однако, время от времени поднимать ножку возле кленовых и липовых стволов.

— Бабушка Тая очень хорошая,— продолжала Полина.— Только знаешь, Фокки, она грустит всё время. И вспоминает Крутогорск и дедушку. Она мне рассказывала о розах. Хочешь, я тебе расскажу? Слушай. Давно-давно — это время называется «сразупослевойны» — в Крутогорске жил один армянин по имени Вардкез. Откуда я это знаю? Ну, бабушка рассказала, конечно. Чудной ты, Фокки, откуда бы мне ещё знать? Он жил там и жил, и он разводил розы. Прекрасные розы, алые и белые. Он их продавал иногда, бабушка говорит, что очень дёшево, а иногда так давал, потому что был он совсем не жадный. И вот бабушка рассказывала, как дедушка приносил ей розы от Вардкеза. Он ходил к нему далеко-далеко, на самый край города, потому что Вардкез жил на самом краю города, который назывался «Козье Болото». То ли правда там козы водились и квакали вместо лягушек, то ли улица эта крайняя так называлась. Я не знаю. И бабушка теперь всегда говорит:

«Ничего больше, Полиночка, и не нужно было. Ни ковров, ни хрусталя. Ни дорогих обоев».

«Ни цветного телевизора?» — спросила я у неё.

А она засмеялась.

«Телевизоров,— говорит,— тогда совсем не было. Ни цветных, ни никаких вообще. Дедушка дарил мне розы от Вардкеза, и нам было легко и весело. Мне, ему и Верочке. Каждое утро было таким весёлым!» Ты представляешь себе, Фокки?

Фокки слушал внимательно, наклоняя головку то на одну, то на другую сторону. Он всё понимал.

— Я как-то спросила у мамы: «Ты помнишь розы от Вардкеза?» — продолжала Полина.— Мама сначала сказала: «Подожди, мне не до тебя! Видишь, я работаю? — А потом улыбнулась и подобрела: — Розы! Конечно, помню! Твой дедушка, мой папа, приносил их моей маме,

твоей бабушке. Алые и белые розы. И почему-то от них было весело. Каждое утро было таким весёлым!»

Фокки тянул поводок, Полина шла вприпрыжку следом. Как хорошо, как славно иметь свою собаку!

— Полина-а-а-а! — вдруг донеслось до неё. Это звала Анна Ильинична.— Полина-а-а-а! Мы уходим! Полина! Строиться!

И тут произошло то, что происходило всегда, когда кто-нибудь окликал её громким и повелительным голосом. Фокки сильно рванул поводок, и Полина не смогла его удержать в руках. Фокки помчался без оглядки. Петелька поводка подпрыгивала, разбрызгивая воду в лужах натаявшего снега.

— Фокки, Фокки-и, остановись! — звала Полина.

Но всё было бесполезно. И она это знала. Её собака, собственная любимая понарошковая собака, когда вмешивался кто-то третий, всегда убегала, уносилась, таяла вдали.

Полина пошла строиться. Плохо начавшийся день и продолжался плохо, потому что ей совсем мало удалось побыть с Фокки. Но дальше всё пошло ещё хуже. После тихого часа она не захотела вставать. Анна Ильинична посердилась немного, потом забеспокоилась и принесла градусник. Померив температуру, она оставила Полину в постели и только велела выпить тёплого молока. Полине не хотелось, но она выпила.

Папа задерживался в министерстве, забирать Полину из детского сада пришла мама с двумя тяжёлыми сумками: в одной — продукты, в другой — модальные глаголы. Мама очень затревожилась, одела Полину сама, оставила возле неё сумки, пошла на улицу, поймала такси. По дороге в такси она всё время щупала Полинин лоб и говорила:

— Что ж это ты, доченька?

У Полины болела голова и горло. Резало в глазах. Плохой день кончился совсем плохим вечером. Полина заболела.

Глава вторая

ДОКТОР ДОРОХОВ. ДЕВОЧКА-ЗВЕЗДА

Кто, скажите на милость, любит болеть? Казалось бы, никто на свете. А вот Полина... Впрочем, нет. Болеть Полина тоже не любит. Кому это может понравиться — температура, и лекарства всякие, и в постели лежать, да ещё в шерстяных носках. Ну что может быть противнее — под одеялом и в шерстяных носках!

Но дело в том... Дело-то в том, что если Полина заболеет, то мама или бабушка позвонят в детскую поликлинику и придёт доктор Дорохов. А это уже кое-что! Это просто очень даже хорошо! Собственно, почему это так хорошо, Полина не могла бы так вот сразу взять и объяснить.

Доктора Дорохова зовут Алексей Иванович. Он такой молоденький, что всем хочется называть его просто Алёша. А это невежливо — называть доктора в белом халате и с трубочкой-фонендоскопом просто Алёша. Поэтому, чтобы как-нибудь не оговориться, папа, и мама, и бабушка, и Полина зовут его между собой доктор Дорохов.

Доктор Дорохов высокий-высокий, и у него такой взгляд особенный, внимательный, и добрый, и понимающий — всё сразу. Полине кажется, что она бы могла рассказать ему про Фокки. Никому из взрослых — только ему.

Среди дня раздался звонок в дверь, и через несколько минут, вытирая руки и отдавая бабушке на ходу мохнатое полотенце, к Полине вошёл — конечно, он — доктор Дорохов.

Бабушка пододвинула ему стул, и он сел рядом с Полининой кроватью.

— Ну что, нашлёпалась по лужам, Веснушка? — спросил доктор Дорохов.

У Полины и правда по обеим сторонам носа, как только чуть весна, высыпáли весёлые веснушки. Но никто её так никогда не называл. Она бы и не позволила. А док-

тору Дорохову было можно: у него это получалось не обидно и даже ласково.

Он, как всегда, послушал через трубочку «дыши — не дыши», а потом, словно не доверяя трубочке, приложил ухо к Полининой спине и опять велел то дышать, то не дышать.

— Ничего особенного, простудилась,— сказал он Полине, беря обе её руки в свои и глядя на неё пристально.— Ты чем-то озабочена, Веснушка? — спросил он тихим голосом.— У тебя плохое настроение?

Полина посмотрела доктору Дорохову в глаза и кивнула. Не могла не кивнуть. Он понял. Он больше ни о чём не стал спрашивать. Только, уходя, улыбнулся, сказал:

— Ничего, скоро поправишься, Веснушка!

И еле слышно — или Полине это только показалось? — почти шёпотом, пропел:

Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

Подмигнул, чего обычно никогда не делал, и быстро вышел в коридор. Полина очень удивилась, но когда, проводив доктора Дорохова, в комнату вернулась бабушка, Полина ничего ей не сказала и только попросила:

— Бабушка Тая, расскажи мне про Крутогорск.

— Дак ведь что же рассказывать, Полинушка. Что было, то прошло, того уж нет нигде.

Бабушка вздохнула.

— Что, и города нет? — удивилась Полина.— Ты же туда ездила, даже открытки с видами Крутогорска привезла!

— Город есть. Только он не тот же самый. Новый. Большой. Дома высокие. Каменные. Людей в них много живёт. Чужих.

Бабушка замолчала, задумалась.

— Бабуль,— не отставала Полина,— а ты мне про т о т Крутогорск расскажи. Ну тот, прежний.

Полина хитрила немножко. Девочка знала, что бабушка любит тот Крутогорск, где она сама выросла и мама выросла и где раньше был дедушка.

«Крутогорск маленький,— говорит она обычно.— Но ведь это моя родина!»

— Бабушка Тая, ну расскажи.

— Полиночка, обед у меня ещё не готов. Мама придёт с работы усталая, папа придёт с работы голодный. А я борщ затеяла со сморчками.

— Откуда ты сморчки взяла? Грибов ещё нет! Снег ведь не стаял!

— Ты разве забыла, дедушкин друг, дядя Йонас, приезжал из Литвы нас с тобой навестить, он нам мешочек сушёных сморчков привёз. Так у меня ещё остались. Вот с ними борщ и варится.

— Ну, пусть ещё поварится. А ты со мной посиди, расскажи. Я больная. Доктор Дорохов ведь сказал, что больная!

— Ты кого хочешь уговоришь,— улыбнулась бабушка.— Сейчас только схожу немного газ прикручу. И то — пусть борщ упреет хорошенечко.

Как только бабушка вышла из комнаты и пока не вернулась, Полина ясно слышала, как в воздухе звучат слова, которые произнести было решительно некому:

Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

Или это всё только кажется?

— Ну вот,— сказала бабушка Тая, садясь возле Полининой кровати.— Слушай. Вокзальчик в Крутогорске раньше был маленький, но красивый. Как теремок. Весь он был жёлтый, а под крышей бордюр и наличники белые-белые, их каждую весну белили.

— А где вы жили? — перебила Полина. Хотя она и про красивый вокзальчик и про то, где жили, слышала не один раз.

— Где жили? Жили мы на самой крутой горе, на самой верхотуре. Город-то ведь недаром Крутогорском называется. Надо было сначала в гору подняться, потом липовым сквером пройти, а за сквером и начиналась наша улица. Пальмовая называлась. И откуда такое название, никто докопаться не мог. Я даже, когда в школе училась, в краеведческий музей бегала. Там сказали: мол, жил раньше на этой улице некто по фамилии то ли Пальмин, то ли Пальмов. А что за Пальмин или Пальмов и почему улицу в честь него назвали, пока неизвестно. Ну, вот. А когда твой дедушка с войны пришёл...

— Он был герой? — в сотый раз спрашивает Полина.

— Да нет, Полиночка, героем он не успел стать. Он же был тогда молоденький. Как ему разрешили на фронт добровольцем пойти, тут скоро и вóйна кончилась. Герой не герой, но и трусом не был. Хороший был у тебя дедушка...

Полина замерла. Она знала, что сейчас будет самый красивый бабушкин рассказ про Вардкеза и его необычайные алые и белые розы.

Но тут зазвонил телефон. Бабушкина приятельница Ванда Феликсовна долго держала её у телефона, а вскоре пришли мама и папа, и бабушка стала кормить их обедом. После обеда мама только на минутку зашла к Полине, погладила по голове и дала лекарство, снова взялась за свои рукописи, и всем было опять не до Полины. Температура у неё уже спала. Полина была только вялая и сонная. Но кто-то всё время говорил и приговаривал:

Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

А у неё даже не было сил подумать, кто же это говорит? Бабушка зашла, погасила лампу, и Полина стала задрёмывать...

Бабушка Тая отгремела на кухне посудой и ушла в свою комнату, к большой дедушкиной фотографии и вазам с сухими травами. Некоторое время в щёлочку под дверью Полининой комнаты проникал свет из коридора, но потом и он погас.

Полине не спалось, только так, дремалось. Где-то за стеной в соседней квартире кто-то играл и играл на скрипке всё одну и ту же, одну и ту же мелодию.

Дверь в её комнату никто не открывал. Это точно. Окно тоже было закрыто, потому что Полина простужена и бабушка бережёт тепло. Но вдруг...

Совершенно неизвестно откуда посреди комнаты оказалась девочка. В комнате сделалось светло как днём не потому, что зажглись лампы, а потому, что девочка светилась. И платьице на ней было светлое, блестящее. Полина села на кровати.

— Ты мне снишься? — спросила она светящуюся девочку.

— Но ты ведь не спишь! — сказала загадочная гостья, и от её слов по стенам забегали светло-зелёные огоньки.

— Кто ты? — шёпотом спросила Полина. Ей сделалось страшно. Она никогда в жизни не видела светящихся девочек с разноцветными словами.

— Не бойся,— сказала девочка. И снова побежали огоньки, но только уже не зелёные, а голубые.— Не надо пугаться. Я — звезда.

— Как — звезда? Так не бывает!

Девочка засмеялась. Огоньков стало ещё больше. Они были всех цветов радуги.

— Разве ты никогда не видела звёзд на небе? И больших и маленьких...

Так ведь то же на небе!

— У звёзд есть лучи, которые связывают небо с землёй,— сказала девочка.

— А тебя как-нибудь зовут? — спросила Полина растерянно.

— Ая. Я — девочка-звезда, и меня зовут Ая.

— Как же ты здесь оказалась?

Ая опять засмеялась своим цветным смехом.

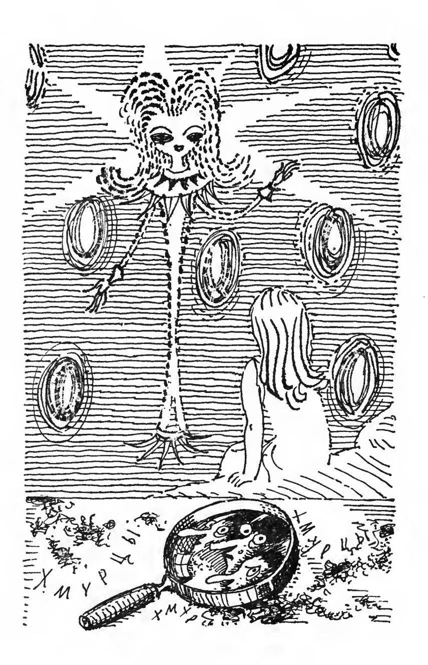
— Это-то совсем просто. Ты лучше спроси, зачем?

— За-зачем? — машинально переспросила Полина.

— Так ведь тебе плохо? — сказала Ая.

— Ничего. Температура уже спала.

— Я не об этом говорю. Подумай.

ХМУРЦЫ
ХМУРЦЫ

Полина задумалась. Да, перед девочкой, которая светилась и смеялась разноцветным смехом, что было притворяться! Хотя Полина вообще-то была девочка скрытная и не всякому рассказывала, как там у неё на душе — хорошо или плохо.

«Сокровенная»,— называла её бабушка Тая.

— Можешь не говорить,— продолжала Ая.— Звёзды знают про людей гораздо больше, чем ты думаешь. А я знаю: и про Фокки, и про ковёр, и про модальные глаголы.

— Как же так? — робко спросила Полина.— Ты — звезда, но ты не на небе. И вид у тебя — ну совсем как у девочки. Только платье — как будто ты в костюме Снежной королевы...

— Звёзды умеют иногда принимать человеческий вид.

Девочка-звезда помолчала.

— Слушай,— сказала она наконец.— А ведь ты любишь и маму и папу.— Она не спрашивала. Она просто сказала.

Полина подумала, точно заглянула сама в себя. У мамы тёплые руки, и так хорошо, когда у неё оказывается время с Полиной поговорить. И папа бывает добрым. Он тогда поёт ей:

Полинет, Полинет,
Слышишь ты или нет?
Коровы сжевали пшеницу.

Это кусочек какой-то французской песенки. И они тогда оба, папа и Полина, весело смеются.

— Люблю,— сказала она.— И бабушку Таю. Только...

— Я знаю. Только после того, как получили новую квартиру и так ей радовались, сами все стали какие-то безрадостные. Занятые. И в дом перестало приходить весёлое утро. А жить без весёлого утра нельзя.

Полина кивнула.

— Понимаешь, что случилось,— продолжала Ая.— У вас в доме поселились хмурцы. Как только все сделались невесёлыми, так они на вас и напали.

— Хмурцы? — удивилась Полина.— Кто это? Звери? Насекомые?

— И не звери и не насекомые.

— Кто же тогда?

— Они такие маленькие существа. Как пылинки. Только пылинки весёлые, а эти — хмурые.

— Страшные?

— Да не страшные, а вредные. Они любят, чтобы люди были невесёлые, озабоченные, хмурые. Они плетут хмурость из невидимых хмурых нитей и, как пауки, ловят в них весёлые слова, улыбки, смешинки. Ловят и уносят и прячут где-то в далёких пещерах, куда не заглядывают ни люди, ни звёзды. И очень любят делать людям мелкие пакости.

— Как же нам теперь быть? — спросила Полина.

— Тихонечко одевайся, и пойдём.

— Куда? Мне нельзя, я больная,— испугалась Полина.— Меня гулять не пускают. Доктор Дорохов велел дома сидеть.

— Ты уже почти здорова, у тебя нет температуры,— сказала Ая.— Вот увидишь, тебе наша прогулка не повредит.

— А как же мама и папа? И бабушка Тая? Они ведь будут меня искать?

— Решайся, Полина,— сказала Ая.— Многое зависит от тебя.

Полина думала всего одну минутку. Потом быстро оделась. Оглядела комнату. Ах да, вот что! Она приготовила бабушке и маме на день рождения рисунки. Бабушка и мама родились в один и тот же день — двадцать третьего марта. Эти рисунки — сюрприз. На одном нарисованы пальмы, на них висят гроздьями жёлтые бананы, а на вершине самой высокой пальмы сидит синяя обезьянка. Почему синяя? Потому что коричневый карандаш сломался. А Полине показалось, что синяя даже лучше — смешнее. На другом рисунке пасутся кони. Красивые разноцветные кони на опушке леса. И солнце в небе светит. И плывут большие, похожие на птиц облака. Полина достала с полки третий том Детской энциклопедии, спрятала рисунки между страницами и поставила книгу обратно в шкаф.

— Пошли,— сказала она Ае.

Пока они на цыпочках шли к двери, Ая тихо нашёптывала:

Мы с тобой уйдём неслышно
И тихонечко придём.
Алой розы кустик пышный
В прежнем времени найдём.
В небе отсвет голубой.
Ты не бойся, я с тобой!

Глава третья

АЯ РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ. СТРАННЫЙ ПОЕЗД НА ГРАНИЦЕ ВЕТРЕНОЙ ПУСТЫНИ

Лифт не работал. Лампочки на лестнице горели по-ночному тускло. Но в ту ночь это решительно ничего не значило. Ая, девочка-звезда, новая удивительная подруга Полины, так сияла, что было светло, как в летний полдень.

Она негромко говорила, спускаясь по лестнице. Слова её тоже светились, но неярко, на стены лестничной клетки взбегал то один, то другой бледно-сиреневый огонёк.

— Понимаешь, что надо сделать,— говорила Ая Полине.— Надо во что бы то ни стало вернуть в ваш дом весёлое утро. И всё будет хорошо.

— А как? Это ведь, наверно, совсем невозможно? — вздохнула Полина.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мама никогда не перестанет носить домой свои глаголы.

— Не может этого быть,— сказала Ая.— Это она берёт дополнительную работу. Потому и домой. Вот увидишь, что перестанет.

— Да никогда! Они хотят купить цветной телевизор! — воскликнула Полина.

— Не помогает,— заметила Ая.

— Как — не помогает? — удивилась Полина.— Не помогает от чего?

— От хмурцов. Цветной телевизор — хорошая вещь.

Но от хмурцов не помогает. И потом — о нём не надо думать специально. Понимаешь?

— Понимаю,— сказала Полина.— И тогда не будет хмурцов?

— Меньше, во всяком случае,— задумчиво отозвалась Ая.

— А что же ещё надо? Чтоб совсем, а? — Полина с надеждой заглянула в синие лучистые глаза.

— Надо, чтобы хоть раз настало весёлое утро.

— Ая, ну скажи, скажи, что же для этого мы можем с тобой сделать? Да ещё ночью? Ая, я боюсь!

Ая остановилась. Это было на площадке между третьим и вторым этажом.

— Слушай, Полина,— сказала она медленно, немного торжественно.— И пожалуйста, обещай, что ты не будешь бояться.

— Я слушаю,— прошептала Полина.

— Мы с тобой, ты и я, и ещё кое-кто, а кто — ты сейчас увидишь, должны вернуть в ваш дом весёлое утро. А для этого нам необходимо достать АЛЫЕ И БЕЛЫЕ РОЗЫ ВАРДКЕЗА!

— Но ведь он жил давно! Это было, как бабушка говорит, сразупослевойны. Он был тогда уже немолодой. Его, наверно, больше нет на свете!

— Что значит — нет? Это ты говоришь совсем даже неточно,— отозвалась Ая.

— Точно, точно, по-моему, бабушка говорила, что Вардкеза уже нет.

— Может, сегодня и нет,— заметила Ая.— Но тогда-то он есть.

— Сразупослевойны?

— Ну конечно. Он есть т о г д а. И я ведь есть т о г д а. Это должно нам как-то помочь.

— Ая,— сказала Полина.— А может быть, ты одна...

— Полина, даже и не думай,— перебила её Ая.— Без тебя ничего не получится. Кто это станет со мной разговаривать? Люди пугаются, когда видят перед собой звезду! И вообще... Никто, никто на свете за тебя этого сделать не может. Только ты — для своей семьи. Для папы, для мамы, для бабушки.

Они спустились до первого этажа; аккуратно придержав парадную дверь, вышли во двор. Но оказались совсем не во дворе, к которому привыкла Полина. Тот был ещё слегка завален строительным мусором и с чахлыми липками, которые осенью посадили вдоль тротуара. А этот был какой-то двор не двор, пустырь не пустырь, весь покрытый рыхлым тающим снегом.

— Сейчас мы ещё кое-кого позовём. Фокки! — крикнула Ая.

Синий огонёк метнулся куда-то в темноту. И к удивлению Полины, на свет выскочил Фокки, милый Фокки, Полинина заветная, желанная собака! Он так и был, как убежал тогда в парке,— в ошейнике, с вымокшим в лужах поводком.

После того как Полина и Фокки наконец нарадовались друг другу, Полина вдруг сообразила:

— Погоди, Ая! Но ведь про Фокки знаю только я одна. В детском саду никто не догадывается даже и дома тоже. Ведь он есть только для меня — потому что я *так* одна играю...

— Ты ведь *очень-очень* хочешь, чтоб Фокки у тебя был по-настоящему? — спросила Ая.

— Очень-очень,— подтвердила Полина.

— Вот он у тебя и есть!

— Так мой Фокки — теперь настоящий, что ли? — изумилась Полина.

— Теперь настоящий.

— Но ведь это же чудо! А чудес не бывает,— добавила Полина неуверенно и погладила Фокки.

Ая опять, как тогда в комнате, рассмеялась разноцветным смехом.

— Да как же не бывает, когда бывает! Чудеса встречаются прямо на каждом шагу! Вот увидишь. Сама увидишь!

Полина вспомнила, как папа говорил бабушке: «Чудес не бывает, Таисья Гурьевна, вещи сами в дом не придут».

И они, правда ведь, сами и не приходили.

Это сейчас немного сбивало Полину с толку. И то, что Ая, светлая девочка-звезда, говорила так мудро, почти как взрослая, тоже удивляло Полину. Правда, она подумала:

«Ая сказала, что она была т о г д а, в сразупослевойны. А может, она была и раньше? Она ведь звезда! А звёзды в с е г д а светят на небе! Как всё непонятно! Как интересно! Может быть, всё-таки бывают чудеса?»

Ая наклонилась, стряхнула капли с мокрого поводка, сказала:

— Ну, Фокки, миленький. Ищи. Нам надо найти дорогу к волшебному вокзалу. Не то поезд уйдёт, и нам придётся ждать другого долго-долго.

Фокки ткнулся носом в Полинину руку, потом стал пристально нюхать землю, искать дорогу.

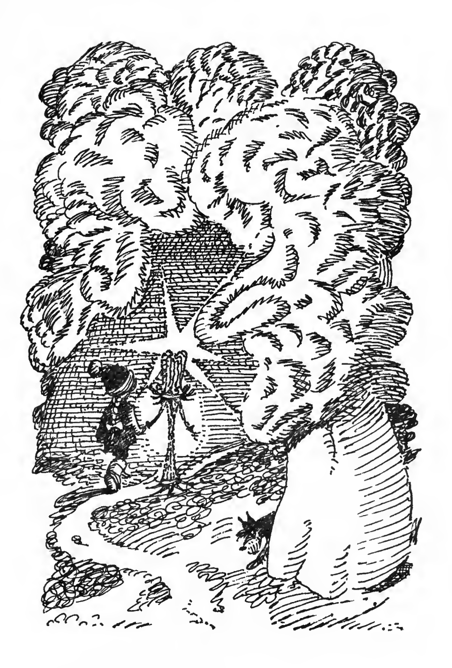
Нет, Полине явно эта местность не была знакома. Но Фокки нанюхал дорогу. Мартовский тающий снег перестал хлюпать у Полины под сапогами. Сапожки почему-то не промокли. А между прочим, могли бы и промокнуть по такой слякоти. Ая шла рядом, как шла бы, например, Полинина детсадовская подружка Люба. Люба ходила очень легко. Полина пригляделась. Нет. Ая шла ещё легче, ещё воздушнее, а вместе с тем она была даже чем-то похожа на Любу. Совсем-совсем немножко. А потом... Да нет! Какая там Люба! Ая вся светилась, и слова её были не только звук голоса, а ещё и блеск и цвет!

Фокки резво бежал впереди, Ая спустила его с поводка и поводок отдала Полине.

Ночь всё длилась и длилась. Но как ни странно, время года стало постепенно меняться. У них там, возле дома, был март. А тут вдруг донёсся запах согревающейся майской земли, потом цветущей черёмухи, потом сирени. Но постепенно эти запахи исчезли, и запахло грибами. Дорога вошла в лес. Грибной запах усилился. Деревья в лесу стояли не шелохнувшись. Не качалась ни одна ветка. Не вздрагивал ни один лист.

Полина вдруг с удивлением заметила, что и веток и листьев на деревьях вовсе нет. Они высились какими-то странными глыбами. Полина дотронулась до одного из них и сразу же отдёрнула руку. Дерево было холодное и неприятно скользкое.

— Ая, что это? Куда это мы пришли? — воскликнула она.— Что это за странные, неприятные деревья и почему так пахнет грибами?

— Это же вовсе не деревья,— сказала Ая.— Ты никогда не видала такого леса. Это сморчковый лес.

— Смор-чко-вый?

— Ну да. Здесь растут гигантские грибы сморчки, высокие-превысокие. Они сами себе деревья и сами себе грибы.

Полина подумала, что это надо запомнить и обязательно потом рассказать бабушке Тае. Вот она удивится!

Фокки вдруг кинулся в сторону. Полина испугалась, что он, как это обычно бывало, убежит и исчезнет. Но Фокки тут же вернулся и стал громко лаять.

— Полиночка, Полиночка! — обрадованно закричала Ая.— Мы дошли. Вот и вокзал.

Разноцветные огоньки ринулись туда, откуда только что прибежал Фокки.

— Хотя, кажется, тут нам будет непросто,— добавила Ая задумчиво.— Я вижу одного человека... Вот досада...

И тут Полина увидела вокзал. Странно. На кирпичном здании, там, где обычно бывает написано название станции, значилось просто слово «ВОКЗАЛ». У единственного перрона стоял поезд. Чудны́е вагоны — товарные не товарные, пассажирские не пассажирские. Вроде бы такие, в каком Полина с мамой ездили на юг. Но тогда где же окна? И самое удивительное, что поезд стоял без рельсов — прямо на земле. С той стороны, где должен бы оказаться паровоз, или тепловоз, или электровоз, ничего не было прицеплено.

«Электричка это, что ли?» — подумала Полина.

Перед каждым вагоном высилось несметное количество одинаковой величины ящиков. Народу никакого не было. Только вдоль состава ходил один-единственный угрюмого вида человек и грузил эти ящики в вагоны.

— Здравствуйте,— сказала Ая.

Человек резко обернулся и молча уставился на всю компанию. Довольно долго помолчав, он сказал неприветливо:

— Чего надо?

Фокки гавкнул. Ая велела ему молчать. Полина вообще не знала, что сказать.

Заговорила Ая:

— Если я не ошибаюсь, вы — Шкандыба?

— Ну, Шкандыба. А ты я уже вижу кто. И что это, в самом деле, звёздам на небе не сидится? Чего тебе?

— Нам надо в город Крутогорск, в сразупослевойны.

— Пассажиров не возим. Вон — ящиков полно. Понятно? А тут ещё девчонки, собаки, звёзды... Много охотников наберётся. Помогли бы лучше грузить. А то Шкандыба и тут вкалывай — нагружай, Шкандыба, и там вкалывай — разгружай. И кто ты есть — то ли грузчик, то ли машинист, то ли тутошний, то ли тамошний,— сам не знаешь. Ишь, в Крутогорск им занадобилось! В сразупослевойны, видите ли.

— Вы не сердитесь,— попросила его Ая.

— Как же не сердиться,— бурчал Шкандыба.— Не возим мы сегодняшних пассажиров т у д а. Те времена для здешних прошли.

— Но я-то могу и там быть и здесь, вы же сами видите,— настаивала Ая.

— Допустим, вижу. Что я, звезду от девчонки не отличу, что ли? Собака, положим, мысленная. Ей в любом времени можно быть. Ну а подружка-то твоя? Подружка-то — сегодняшняя, здешняя. И без разговоров, и проваливайте. Звёзды, понимаешь ли, собаки, а поезд ещё не нагруженный стоит.

И тут Ая, улыбнувшись и пустив вдоль вагонов разноцветные огоньки, вдруг хитро сказала:

— А вы приглядитесь хорошенечко.

— Чего тут приглядываться? Есть мне когда приглядываться.

— Девочка тоже тогдашняя,— продолжая хитро улыбаться, говорила Ая.— Разве вы не видите — косы.

— Чего? — по-прежнему неласково спросил Шкандыба.

— Косы. Т е п е р е ш н и е девочки — стриженые.

— Это верно,— бурчал Шкандыба.— За модой глядят. Подстригаются по моде с трёхлетнего возраста.

— Да, да,— закивала Ая.— Верно. И я про то же говорю. Но у этой девочки — косы. Тогдашние косы. Вы что, не видите разве?

— М-м-м-м,— помычал Шкандыба.— Косы, оно конечно.

— Ну, значит, и она тогдашняя получается. Ну хоть немножко-то получается?

— Разве что,— засомневался Шкандыба.

— Вот и возьмите, возьмите нас с собой!

— Ты вот звезда — и понимать должна. Нам же ехать через Ветреную Пустыню.

— Я знаю,— спокойно отозвалась Ая.— Поезд как раз и стоит на границе Ветреной Пустыни.

— Ну, так вас сдует! Продует, и раздует, и вы́дует!

— Ты когда-нибудь видел, чтобы ветер сдул откуда-нибудь хоть одну звезду? Ну хоть раз: ветер подул, и звезда покатилась?

Ая так горячо убеждала Шкандыбу, что не заметила, как с почтительного «вы» перешла на «ты».

— Ну ладно, Шкандыба, ну давай попробуем,— не отставала Ая.

— Тебе хорошо пробовать, ты звезда. А они — люди. Тьфу-ты,— добавил он, взглянув на Фокки.— Ну всё равно они — другие.

— Но я-то ведь вот она, с ними! — сказала Ая громко, и разноцветные огоньки снова побежали вдоль вагонов.

— Ну ладно. Только давайте быстро помогайте грузить ящики.

Фокки бегал вокруг и тявкал, а Полина и Ая стали поднимать ящики и по дощатому настилу таскать их в вагоны.

Странное дело! Одинаковые по форме и величине, они весили совсем неодинаково. Одни были лёгкие, почти невесомые. А другие — не поднять их вдвоём, приходилось звать на помощь мрачного Шкандыбу.

— Что в этих ящиках? — спросила Полина.

— В ящиках, барышня, время. Минуты, часы, дни. Те, которые уже прошли. Они упакованы в ящики,— ответил Шкандыба уже не таким грубым голосом.

— А почему одни полные, а другие пустые?

— Точно что пустые. Но только пустые те, которые едва поднимешь. Потому что это попусту потраченное время, на болтовню, на безделье, на пустые дела.

— И... как же?

— А так. Пустота времени — очень тяжёлая вещь. Можно сказать, неподъёмная.

— А лёгкие ящики — что же?

— А лёгкие наполнены действительно нужными, полезными часами. От добрых и полезных дел легко на душе. Вот и ящики лёгкие! А ну — пора! Пора! — вдруг завопил Шкандыба.— Ветер! Открывай границу своей Пустыни! В путь! В путь! По-е-ха-ли!

Ая быстро прошмыгнула в вагон, втащила за собой Полину и Фокки. Заперла изнутри двери и обхватила-обняла сразу обоих: Полину и Фокки.

— Ну, держитесь. И только бы у вас не закружилась голова! — сказала она.

Глава четвёртая

ОСТРОВ ГОВОРЯЩИХ ЛОШАДЕЙ. ГДЕ ЖЕ АЯ?

Легко сказать — «не закружилась»! Поезд понёсся, полетел, точно это не поезд, а космическая ракета, в которых улетают космонавты в далёкое и загадочное небо. Окон в вагоне не было, поэтому не было видно, что делается снаружи, но было слышно, как там дует, завывает, свищет ветер. Да нет. Неправильно было бы сказать — ветер. Сотни, тысячи, миллионы ветров! Фокки опустил обрубок своего хвоста и плотно прижался к Полине. Полина с ужасом прислушивалась к свисту и завыванию ветра и не могла вымолвить ни слова.

Вау-уу! Воу-уу! Виу-уу! — доносилось снаружи.

— Ая, тебе не страшно? — спросила Полина.

— Могло быть и не страшно,— сказала Ая,— но эти увязались за нами, а от них можно ждать всего, чего хочешь. Вернее, чего совершенно даже не хочешь.

— Кто «эти»?

— Хмурцы. Им так не хочется, чтобы у вас в доме настало весёлое утро. Им тогда придётся убраться вон... Не смейте! Не трогайте запоры на дверях! — закричала Ая сердито, и тёмно-синие огоньки метнулись к двери вагона.

Полина в синем свете увидела по крайней мере десяток маленьких, безобразных, сморщенных, серых мордочек.

В то же самое мгновение дверь распахнулась, и в неё с воем ворвался могучий вихрь.

— Полина! Фокки! — закричала Ая.

Всё произошло ещё быстрее, чем закрыть и открыть глаза. Вихрь подхватил Полину и Фокки, точно закутал их в плотную простыню, и вынес из вагона. Поезд, нёсшийся на дикой скорости, тут же скрылся из виду. Полина и Фокки даже не успели понять, что они, завёрнутые в плотный, какой-то полотняный туман, стремительно опускаются.

Так же неожиданно, как и налетел, туманный вихрь растаял, и оба оказались на земле, на траве, в лесу с высокими, по-летнему шелестящими листвой деревьями. В небе занималась заря.

Сначала они долго лежали на шелковистой траве, не в силах оправиться от потрясения. Первым поднялся на ноги Фокки, лизнул Полину. Полина тряхнула головой. Села.

— Где мы, Фокки?

Фокки тихонько гавкнул и заскулил.

— Фокки, ты знаешь, нам, наверно, всё просто снится,— сказала Полина.— Ну ведь так же всё-таки не бывает? Где Ая?

Она протянула руку, думая, что Фокки исчезнет. Он не исчезал. Он был тёплый.

Фокки побежал направо, потом налево. Прибежал. Сел возле Полины. Полина встала. Огляделась. Позвала:

— Ая! Ая! Ая!

Никто не отзывался.

Только шелестели деревья, только мягко перебирали листьями кусты.

«Откуда листья? — мелькнуло в голове у Полины.— Ведь сейчас март. Или здесь, где мы очутились, совсем другое время года?»

— Фокки, если нам это всё не снится, то мы, значит, пропали, да? — говорила Полина, а Фокки молча и печально её слушал.— Мы пропали! А главное — никогда не придёт к нам в дом весёлое утро! Какое уж тут весёлое

утро! Папа, и мама, и бабушка Тая проснутся, а меня и вовсе нет. Это ведь будет ужас, а совсем даже никакое не утро, Фокки!

Слёзы уже накопились в каждом Полинином глазу и собирались сбежать оттуда, как вдруг кусты осторожно раздвинулись и перед ними предстал конь. Красивый белый конь, с длинной шелковистой гривой. Он подошёл к Полине, встал прямо перед ней и низко ей поклонился. И вдруг заговорил как человек, понятными словами:

— Приветствую тебя на вечнозелёном Острове Говорящих Лошадей, прекрасная Хозяйка.

— Но я вовсе никакая не хозяйка,— сказала Полина робко.— Я просто девочка. Меня зовут Полина. А это — Фокки. Честное слово, я ничья не хозяйка! Вот разве что его.— И она показала на Фокки.

— Не говори так,— продолжал Белый Конь торжественно и грустно.— Идите все сюда! — позвал он, обращаясь в сторону кустарников.— Идите скорее. К нам наконец-то прибыла Хозяйка.

И вдруг из-за всех кустов стали выходить лошади, лошади, лошади. Их собралось вокруг видимо-невидимо. И каждая прежде всего подходила и кланялась Полине. Девочке не было страшно, потому что лошади вели себя спокойно и учтиво. С тем, что они умеют говорить как люди, она очень быстро освоилась.

Когда вокруг Полины собрались, похоже что, все лошади со всего острова, они, окружив её тесным кольцом, снова медленно и молча, как по команде, отвесили ей три глубоких поклона.

— Я ничего не могу понять,— сказала Полина.— Почему вы мне кланяетесь? Я обыкновенная девочка. Я хожу в старшую группу детского сада и скоро пойду в школу. Мне надо достать алые и белые розы у Вардкеза. Вы, случайно, не знаете, где теперь Ая? Ая — это девочка-звезда.

Белый Конь, который первым встретил Полину, видимо, и был старшим, он первым и отозвался:

— Милая Хозяйка, ты говоришь много слов, смысл которых нам неясен. Мы не знаем, что значит «старшая группа детского сада», и мы незнакомы с Вардкезом, и

никакая звезда никогда не посещала наш остров. Ты спустилась с неба на вечнозелёный Остров Говорящих Лошадей. Этот остров находится посреди Ветреной Пустыни.

— Разве бывает остров не в море и не на реке? — удивилась Полина.

— Не бывает,— ответил Белый Конь.— Наш остров — единственный, который находится посреди Ветров, а не Воды. А теперь послушай, пожалуйста, я объясню тебе кое-что.

Все лошади дружно закивали головами:

— Объясни, объясни.

Белый Конь продолжал:

— В давние-стародавние времена один человек держал лошадей. Он наживал на них деньги. И совсем их не любил. А лошади не могут, когда их не любят.

— Не могут, не могут,— снова закивали стоявшие вокруг Полины лошади.

— И вот лошади — а это были наши предки — оставили его, долго скитались по свету и наконец поселились на вечнозелёном острове. Это прекрасный остров. Здесь всегда тепло. Здесь вечное лето. Но наши предки быстро поняли, что каким бы ни было прекрасным место, оно плохо для лошади, если рядом нет человека. Некому сказать ей ласковое слово и потрепать по холке. Некому запрячь в телегу или прокатиться верхом. Лошадь не выносит безделья. Она любит работу. А потом, после дневных трудов, любит ночью пастись на лугу. И чтобы рядом был человек. Чтобы он жёг костёр и вёл бы тихую ночную беседу с друзьями. Словом, лошади нужен хозяин. И наши предки-лошади стали гадать, как им быть. Они спрашивали ветры и солнце, луну и дожди. И то, что те им ответили, они нанесли на пергамент. Но пергамент этот затерялся в пыли веков. Мы не знаем, где он. Мы только слышали от стариков, что хозяин однажды к нам прилетит. И тогда всё опять будет хорошо. Он будет пахать и сеять. Будет скакать верхом и запрягать нас в телегу. И вот — сегодня ты прилетела. Поэтому мы приветствуем тебя и кланяемся тебе. Ты останешься у нас навсегда.

— Я бы осталась с вами,— сказала Полина.— Но я не умею быть хозяйкой и не умею пахать, и сеять, и запря-

гать лошадей в телегу. Я вообще очень мало чего умею. Скажите мне, пожалуйста, как же мне добраться в город Крутогорск? Ая пропала. Я совсем, совсем не знаю, как мне быть!

Полина снова собралась плакать. Что ещё остаётся делать в таком удивительном и при этом безвыходном положении? Чтобы удержать слёзы, Полина посмотрела вверх. На небе, хотя уже наступило утро, всё ещё светилась одна малюсенькая звёздочка.

Глава пятая

ПОЛИНА В ОТЧАЯНИИ. ОБЛАЧНАЯ ПТИЦА ЧУР

— Ничего,— сказал Белый Конь.— Это ничего. Ни один жеребёнок ещё не остался жеребёнком. Все жеребята становятся лошадьми.

— Да, да,— согласно закивали остальные лошади.

— И ты вырастешь и станешь Хозяйкой. И всему научишься. Ты наша. Ты нам нужна.

Полина молчала.

И тут случилось нечто совершенно неожиданное. Лошади придвинулись совсем близко к Полине. В одно мгновение она оказалась на спине у пегого коня, и все во главе с Белым Конём помчались, увозя Полину на другой конец острова. Фокки кинулся следом, залаял, заскулил, но ему не угнаться было за лошадьми, и он постепенно отстал и потерялся из виду.

Лошади добежали до маленькой поляны где-то в самой глубине густого леса и спустили Полину на траву. Полина скорчилась на земле, ткнулась носом в траву и зарыдала, не в силах сладить с горьким своим отчаянием. Мама — далеко. Папа — далеко. Бабушка — далеко. Ая — неизвестно где. Фокки потерялся. И вот она, маленькая и беззащитная, среди лошадей, которые хотят, чтобы она стала настоящей хозяйкой, конюхом, и наездником, и ещё чем-то, что Полина не знает, как называется. Кто делает телегу? А уздечку? Она из какой-то книжки помнила, что у коня бывает уздечка. А ещё что? Кажется, вожжи. Больше Полина не знала ничего.

ФОККИ ПОТЕРЯЛСЯ

Она плакала, и плакала, и плакала. Лошади стояли в полном молчании, по-видимому тоже огорчённые. Они так надеялись, что наконец-то на острове появится Человек. И он им поможет. И наконец-то кончится их безделье, которое для лошадей хуже болезни. Потому что лошадь — это умное, доброе и работящее животное. Они надеялись, что девочка вырастет и построит дом. Лошади ведь домашние животные. Они любят жить при доме. Но, видно, что-то такое не получалось. Не сходилось с тем, что предсказывали предки. Человек должен был прилететь. Он и прилетел. Ну, пусть маленькая девочка. Но ведь всё-таки Человек. Но оказывалось, что она может только отчаянно плакать и больше ничего. Лошадям стало её жалко.

— Мы приняли тебя за Хозяйку. Мы ошиблись. Извини нас,— сказал Белый Конь.— Только я не знаю, что же нам теперь делать.

Полина перестала плакать и взглянула на лошадей. Много больших лошадиных глаз глядели на неё с участием.

— Я знаю, что надо,— проговорила Полина сквозь слёзы.— Только не знаю — как. Надо найти Фокки. Надо добраться до Крутогорска. В то время, которое называется «сразупослевойны». Надо, чтобы нашлась Ая.

Полина снова всхлипнула.

— Не плачь,— стал утешать её Белый Конь.— Мы сейчас попробуем посоветоваться с нашими друзьями — маленькими ветерками.

У Полины шевельнулась робкая надежда.

Лошади застыли в молчании. Они стали прислушиваться. А по деревьям и кустам прошёл шелест. Шелест стал нарастать. И вот уже не было ни единой веточки, ни единого кусточка, ни единого листочка и травинки, которые не колыхались бы и не шептали. Ветерок растрепал Полинины косы. Потом вдруг всё разом стихло.

Белый Конь печально произнёс:

— Ветерки говорят, что они ничего не могут сделать. Они слабенькие. Им не по силам справиться с Ветрами Ветреной Пустыни.

— И ничего, ничего нельзя придумать? — спросила, всё ещё на что-то надеясь, Полина.

Белый Конь тряхнул своей прекрасной гривой.

— Мне жаль очень. Но — ничего. Совершенно ничего. Если только не...

— Прости, что перебиваю тебя,— сказал внезапно один из коней.— Настал час Песни. А ведь мы по велению предков должны петь её именно в этот час, чтобы не угасала надежда. Прости ещё раз, что я взял на себя смелость напомнить.

— Благодарю тебя,— сказал Белый Конь.— Ты ни в чём не виноват. Ты поступил правильно.

Белый Конь ударил правым передним копытом о землю.

Это был сигнал начинать песню. И все лошади запели хором, слегка откинув головы назад, точно глядя в небо:

В небе ясные светила,
Быстрых птиц полёт,
Может быть, Хозяин милый
Скоро к нам придёт.

Дальше шёл припев:

Ветер, вей, вей, вей,
Вихрь, вейся, вейся, вейся,
Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся... Ты надейся!

Чередой идут века,
Их немало пролетело.
Грустно нам без ездока,
И без дела, и без дела.

Лошади секундочку помолчали и потом снова выразительно спели припев:

Ветер, вей, вей, вей,
Вихрь, вейся, вейся, вейся,

Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся, ты надейся!

Пропев песню, лошади ещё некоторое время постояли молча, глядя в небо, потихонечку разошлись и исчезли за деревьями.

Возле Полины остался только Белый Конь.

— Мне жалко, что всё так получилось,— сказал он.— Мы очень огорчены.

— И я,— печально сказала Полина.

По примеру лошадей она тоже поглядела на небо. Солнце всходило ясное, но не горячее. Оно за это время поднялось уже довольно высоко. Чистые пушистые маленькие облачка пролетали мимо, на секундочку скрывая и тут же снова открывая его доброе лицо.

— Так вот,— сказал Белый Конь,— есть для тебя одна-единственная надежда.

— Правда? — не поверила своим ушам Полина.

— Я хотел тебе об этом сказать, когда настало время Песни. К сожалению, это слабая надежда.

— Ну хоть маленькая-малюсенькая? — почти прошептала Полина.

— Видишь облака в небе? — спросил Белый Конь.

— Вижу, очень красивые.

— Да. Только смысла в них — никакого.

— А какой вообще может быть от облаков смысл?

— Слушай. Есть одно могучее облако — облачная птица Чур. Только она может не подчиняться Ветрам Пустыни и подниматься, и опускаться, и лететь, куда захочет.

— Облачная птица Чур? Я никогда про такую не слыхала.

— Всё дело в том, как её вызвать с неба,— вздохнул Белый Конь.

Несмотря на то что солнце уже светило вовсю, та самая маленькая звёздочка всё ещё была видна на небе.

— Как ты думаешь,— спросила Полина у Белого Коня,— может быть, это Ая?

— Ты имеешь в виду воп ту маленькую звёздочку?

— Да.

— Если это она, если это она,— задумчиво проговорил Конь,— что ж, может быть, ей удастся... Гляди! Гляди! — вдруг перебил он сам себя.— Видишь?

Полина посмотрела, прищурившись, но всё так же светило тёплое розовое солнышко, мимо него всё так же проплывали чистенькие, беззаботные и, как выяснилось, бессмысленные облака.

— Да нет, вон там, на самом горизонте!

На горизонте действительно показалось облако потемнее и побольше других. Оно медленно плыло по небу всё в том же направлении, что и остальные облачка. И вдруг... вдруг оно круто повернуло, как будто сильный ветер подул в другую сторону. Оно направилось к маленькой звёздочке. Вот оно совершенно отчётливо приняло очертания гигантской, с огромным размахом крыльев птицы.

— Это облачная птица Чур! Нам всего несколько раз удавалось заметить её на небе.

«Хоть бы она прилетела за нами, хоть бы она прилетела за нами,— быстро-быстро повторила про себя Полина.— Но надо, надо ведь ещё найти Фокки...

Облачная птица покружила как раз в том месте, где мерцала звёздочка, потом она точно склюнула звёздочку, и Полина в ужасе закрыла лицо руками, но Белый Конь сказал ей:

— Не бойся. Значит, эта звёздочка точно твоя подруга Ая.

Птица становилась всё больше и больше. Птица была всё ближе и ближе. Вот она уже кружит над маленьким островом. Кружит, кружит и вдруг, сложив крылья, устремляется вниз. У Полины замерло сердце. Она зажмурилась.

Полина открыла глаза, услышав, что её громко окликают:

— Полинка! Полина! Полиночка!

Разноцветные огоньки скакали-плясали по деревьям, по траве, по гриве Белого Коня.

— Ая!

Не помня себя, девочка и звезда кинулись друг к другу, и обе чуть не заплакали от радости. Но всё-таки не заплакали. И поэтому мы до сих пор не знаем, как плачут звёзды.

Глава шестая

ФОККИ ВЕДЁТ РАСКОПКИ. ПТИЦА ЧУР ДАЁТ ОБЕЩАНИЕ

— Полина! — торопливо говорила Ая.— Хмурцы чуть было не погубили тебя! Они хотели, чтобы ты никогда-никогда не добралась до алых и белых роз Вардкеза! Они открыли вагонную дверь! И Ветры вас унесли! Шкандыба не может останавливать поезд на такой скорости. Ах, как я за тебя боялась! Если бы не птица Чур!

— Ая, я не понимаю, раз птица Чур... А почему мы её с самого начала не попросили? Мы ведь тогда могли обойтись без Шкандыбы и этого странного поезда. Или нет?

— Конечно, могли бы. Но у птицы Чур такой характер. Она редко появляется там, где её больше всего ждут! Такое счастье, что она в этот раз пролетала совсем близко от меня. Спасибо тебе, птица Чур,— сказала Ая с чувством, обращаясь к облачной птице.

Птица Чур была белая с серыми подкрыльями. Голова и клюв были как у орла, только значительно больше, чем у самого большого орла — кондора.

— Хватит, хватит! — сказала она резким и, как Полине показалось, ворчливым голосом.— Это, что ли, твоя подружка? Собирайтесь скорее. Я отнесу вас в Крутогорск и, надеюсь, не скоро теперь увижу. Терпеть не могу, когда меня заставляют лететь туда, куда я не собиралась. Я вам не перевозчик.

— Ты же добрая, птица Чур! — засмеялась Ая.— Не делай вид, что ты сердишься!

— Я уже сказала: я лечу, куда лечу, я не люблю, когда меня останавливают. Поторопитесь!

Белый Конь явно собирался обратиться с какими-то словами к птице Чур, но её сердитые речи его, по-видимому, пугали.

Вдруг по траве проскакали невесёлые, тёмно-синие огоньки. Это оттого, что Ая воскликнула с тревогой:

— Полина, а где Фокки?

Полина опустила голову.

— Он отстал от лошадей и потерялся,— сказала она с тоской.

— Как же так? Надо его немедленно разыскать! — сказала Ая.

— Ну вот,— опять заворчала гигантская птица.— Я совершенно не намерена ждать. Летим, иначе я улечу одна.

— Нет, милая птица Чур, ты этого не сделаешь. Согласись, не можем же мы бросить свою собаку!

— Бросать никого нельзя,— так же ворчливо продолжала птица.— Друга, собаку, птицу, кошку, подружку. И облако. И дерево. Ничто живое непозволительно бросать.

Полина, может быть, и спросила бы: «А разве облако — живое?» — но вспомнила, что птица Чур — хоть и такая огромная и даже сердитая — всё-таки облачная.

— Фокки, ко мне! — без всякой надежды позвала Полина.

Полная тишина. Фокки, видно, был далеко и поэтому не отзывался.

— Фокки! Фокки! Фокки!

Ничего не слышно. Только ровно дышит Белый Конь и сердито хлопает облачными крыльями птица Чур.

— Ну, скоро ли придёт ваша собака? Самой мне её искать, что ли?

Белый Конь огорчённо произнёс:

— Боюсь: тут виноваты мы. Нам так хотелось, чтобы девочка осталась у нас. Мы должны сами поискать собаку. Почтенная птица Чур не сможет её найти, тень от облака закроет листву. А листва слишком густа на острове.

Он кликнул лошадей и велел им искать Фокки.

— Птица Чур, добрая птица Чур, пожалуйста, не улетай. Пёсик найдётся. Хмурцы унеслись на поезде со Шкандыбой. Здесь нет врагов!

— Только скорее! — не преминула ворчнуть птица Чур.

А как скорее? Ая и Полина обежали всё вокруг, ворошили длинные стебли травы, заглядывали под каждый кустик.

Ну нет его, и нет его, и нет его решительно нигде!

— Ая,— всхлипнула Полина,— может, он теперь уже больше никогда не найдётся?

Время шло. Фокки не находился. Не возвращался и никто из лошадей.

— Я лечу, куда лечу, и терпеть не могу, чтобы меня заставляли делать то, что я не собираюсь. Я, кажется, это уже всем объяснила,— ворчала птица Чур.

Было ясно, что ещё немного — и её независимый характер возьмёт верх над её добротой, и она, раскинув свои широченные белые крылья с серыми подкрыльями, унесётся в небо.

Вдруг из чащи леса донёсся громкий голос одного из коней:

— Сюда! Сюда! Все скорее сюда!

Все, кроме птицы Чур, которая только и пробормотала: «Ну наконец-то!» — кинулись в лесную чащу. Первым — Белый Конь, за ним следом Ая и Полина. Одному ему известной самой короткой тропой Конь бежал на призывающий голос. И со всех концов леса к нему тоже бежали остальные лошади.

И что же они все увидели?

Фокки, живой и здоровый, ни на кого не глядя и никого не слушая, обеими лапами рыл, рыл, рыл сухую землю. Вокруг него разлетались серые пыльные фонтаны, а он всё копал, копал и копал как заведённый. Яма, которую он вырыл, была уже довольно глубокой. Кажется, он разворошил всю накопившуюся здесь «пыль веков»!

— Фокки! Это ты? Фокки! Ты нашёлся! Вот радость-то! — воскликнула Полина.

Но Фокки, поглощённый своей «работой», не услышал её, прыгнул в яму, еле выкарабкался со дна и с восторгом вытащил оттуда нечто очень пыльное. Он положил свою добычу к ногам Полины и стал изо всех сил отряхиваться.

Полина наклонилась и взяла в руки этот странный «подарок». Это был свёрнутый в свиток пергамент!

Полина и Ая развернули свиток. Лошади замерли. Что же было в нём сказано?

А в нём ничего не было сказано, а был только нанесён бледный выцветший рисунок. На рисунке изображалась птица, которая была в точности похожа на бледное, будто вылинявшее, изображение птицы Чур. А мужчина... Чудно и непонятно... Мужчина чем-то отдалённо напоминал... кого бы вы думали? Доктора Дорохова!

— Так всё-таки это должен быть именно Хозяин! — взволнованно произнёс Белый Конь.— И эта Птица! Та самая Птица! Птица должна принести его к нам! Вернёмся скорее к птице Чур и будем её просить.

Все двинулись туда, где нетерпеливо ждала птица Чур.

— Ая, что это? — спросила Полина, пока они шли.— Что это Фокки откопал?

— Гадание лошадиных предков. На нём изображена птица Чур, которая должна принести им Хозяина.

— А почему он похож на доктора Дорохова?

— Ты что-то путаешь,— сказала Ая.— Древние лошадиные предки не могли знать твоего доктора Дорохова.

— Ну, отыскалась ваша собака? — едва завидев всех, закричала птица Чур.— Летим, наконец?

Ни Ая, ни Полина ничего не успели ей ответить. Потому что все лошади, все до единой, окружили птицу, Белый Конь положил перед ней развёрнутый пергамент.

— Что это? — спросила птица брезгливо.

А все лошади, все до единой, молча стали перед ней на колени.

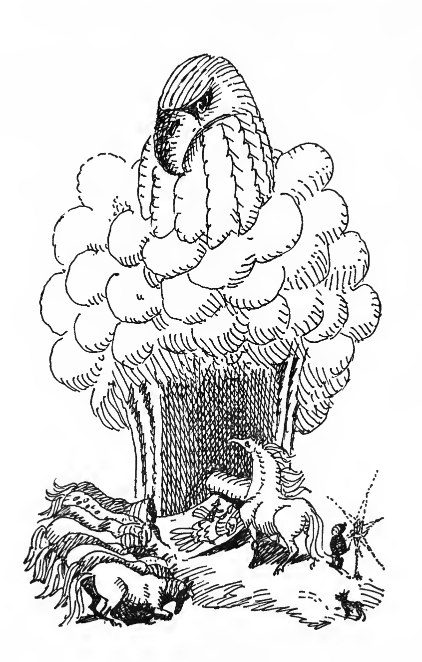
— Что это за игры? Что вы хотите от меня ещё, несносная публика?

Белый Конь заговорил торжественно:

— Вглядись внимательно, птица Чур! Это предсказание наших предков. На твою долю выпадает помощь и спасение.

— Что это ещё за «помощь и спасение»? — передразнила его птица.

— Вглядись хорошенько в этого человека. Это Хозяин, которого мы ждём и о котором поётся в нашей заветной песне. Принеси к нам этого человека через Ветреную

Пустыню. Он будет с нами жить. Он построит дом. А мы будем работать. У нас будет дело!

— Вообще-то я лечу, куда лечу, и никто не волен мной командовать. Но раз вы все так об этом просите, я даю вам обещание: хорошо, я это сделаю, когда настанет час,— ответила птица Чур.

— О! — счастливо выдохнули все лошади разом.

— Но ведь я не знаю, где он, откуда вам его принести. Вы мне можете сказать, где он живёт? Кто он?

— Не-е-ет,— сказали опять все лошади разом.— Мы не знаем.

— Ну ладно,— сказала птица Чур.— Раз я обещала, я обещала. Облачная птица Чур не бросает слов на ветер. Ей это может слишком дорого обойтись. Так Ветры могут её вообще разнести по кусочку. Нет, птица Чур не бросает слов на ветер,— повторила она.— Я принесу этого человека к вам, как только он будет найден. Хоть я и не перевозчик,— добавила она ворчливо.— А теперь быстро прощайтесь — и в путь! — сказала она Ае и Полине.— Я надеюсь, ваша собака здесь и не занята больше раскопками?

И вот уже Ая, Полина и Фокки взобрались на спину гигантской птицы и поднимаются в воздух.

Над ними голубеет ясное, безоблачное небо, в небе прохладно и тихо, а снизу, с вечнозелёного Острова Говорящих Лошадей, до них доносится песня:

Ветер, вей, вей, вей,
Вихрь, вейся, вейся, вейся,
Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся, ты надейся!

Глава седьмая

КУДА ДЕВАЛСЯ ТАТАРСКИЙ МОСТ? РАЗГОВОРЧИВЫЙ СТАРИЧОК НА ПЕРЕВОЗЕ

Птица Чур летела плавно, и лететь с ней было не страшно. Её перья укрывали от ветра, и поэтому Полине было совсем не холодно. Очень скоро птица Чур стала снижаться и опустилась далеко за городом.

— Терпеть не могу бывать близко от человеческих городов,— сказала она.— Слишком много потом возникает разговоров. Начинаются толки про летающие тарелки и прочее. А я — облачная птица и совсем не желаю, чтобы меня считали посудой, хотя бы даже и летающей. Достаточно того, что я принесла вас в сразу-послевойны. Это то время, о котором вы меня просили. Крутогорск находится вон там...— И она махнула крылом, указывая направление.— Идите и возвращайтесь скорее. Меня ждут там, где меня ждут, а я из-за вас всё никак не могу туда добраться. Ступайте по той дороге. И уж будьте любезны, не заставляйте меня торчать тут сто лет.

Полина, Ая и Фокки быстро двинулись, куда им махнула птица Чур. Было прохладно. Снег почти стаял, и кое-где маленькими зелёными щёточками пробивалась новая весенняя трава. Дорога шла через сосновый лес. Сосны росли не часто. Бор был светлый. Деревья о чём-то между собой неумолчно переговаривались, время от времени роняя длинные, скреплённые с одного конца двойные иглы. Воздух был душистый, от земли шёл лёгкий пар, и казалось, будто весь лес был затянут прозрачной душистой тканью. Вон и опушка виднеется. Сейчас они дойдут до неё и посмотрят, куда дальше поведёт их дорога. Может, Крутогорск покажется вдали, и тогда они быстро туда пойдут и отыщут Вардкеза и попросят у него алые и белые розы.

Вдруг Полина остановилась, точно ноги её прилипли к земле. Фокки подбежал к ней и заглянул в лицо.

— Ая! Какой ужас, Ая! — воскликнула она.

— Ты что, Полиночка, что с тобой? — спросила Ая.

— Ая,— продолжала Полина,— но ведь тут не Остров Говорящих Лошадей!

— Я не понимаю,— отозвалась Ая.— При чём тут это?

— Потому что остров — вечнозелёный. А здесь — ты видишь?

— Что «видишь»?

— Здесь тоже, как и у нас, весна. Ранняя весна! Наверно, март.

— Это хорошо,— неопределённо отозвалась Ая.—

Весной воздух становится прозрачным, весной звёзды начинают ярче блестеть...

— Ты не понимаешь, Ая! — начала уже сердиться Полина.— Ты меня не слушаешь!

— Чего ты вдруг рассердилась? Я и в самом деле не понимаю, что ты имеешь в виду,— сказала Ая.

— Самое главное. Вардкеза.

- Мы его найдём.

— Но, Ая, в марте розы разве цветут? Что-то я совсем запуталась, Ая!

— Я думаю, у него они цветут круглый год. Даже в марте.

Уверенный тон Аи немного успокоил Полину. Фокки, понимая, что происходит какое-то волнение, начал было вокруг них бегать, а тут и он утих.

Вскоре они вышли на опушку соснового бора и вдали, за широким-широким полем, увидели очертания города. Город, как видно, был расположен на холмах. Издали казалось, что он растёт вверх, как дерево. Виднелись дома внизу, а потом повыше, вроде бы прямо над ними,— снова дома.

— Пошли,— решительно сказала Ая.— Это, должно быть, и есть Крутогорск.

Они долго-долго шли по дороге, ведущей через поляну. Дорога была почти совсем пустынна. Только один раз их обогнал грузовик-полуторка. Он показался Полине странным. Маленьким, почти что ненастоящим. Навстречу проехала телега, которую тащила тощая лошадка. Телега громыхала по булыжной дороге. В телеге было довольно много народу, и лошадь медленно тащила всю ораву. Потом навстречу попалась ещё телега — в ней стояли связанные верёвкой три огромных бидона. Мальчик-кучер шёл возле лошадиной морды, помахивая вожжами и приговаривая:

— Но, Мишка, но же, недалеко уж.

Потом он сел боком на край телеги, и его рыжий Мишка пошёл почему-то быстрее. Никто не обратил на путников никакого внимания.

Ая шла молча, чтобы не бегали разноцветные огоньки и не смущали встречный народ.

Но вот город начал приближаться, и Полине даже стало казаться, что она уже издали узнаёт кое-что из того, о чём рассказывала бабушка.

Вон высится старая пожарная каланча. Вон на берегу реки — остатки старинного монастыря, и галки кружат над покосившейся колокольней. Вот тут, напротив, и должен оказаться мост через реку.

Бабушка говорила, он называется Татарский мост.

Они подошли к реке. Полина испугалась. Река не была похожа на спокойную речку бабушкиных рассказов. Вода едва не выходила из берегов, она была глинистая, мутная, временами по ней, вертясь, проплывали большие мохнатые льдины.

Город начинался прямо за рекой.

— Ты говорила про мост, Полина, а где же он? — спросила Ая.

— Не знаю. Он точно должен быть тут.

В голосе у Полины опять в который раз за это нелёгкое путешествие послышались слёзы.

Ая задумалась.

— Я могу перебраться и над водой. Но ты не можешь. А со мной Вардкез не станет говорить. Он испугается. Это только дети не боятся, когда к ним приходит звезда и начинает с ними разговаривать. Взрослые этого не переносят. Они пугаются. Значит, должна с ним разговаривать ты — настоящая девочка. Птица Чур сюда ни за что не полетит. Она уже объяснила почему.

— Так что же, вернёмся без роз? — почти плача, спросила Полина.— Фокки же нам ничем не поможет. Фокки!

Фокки опять не было рядом! Но не успели они обеспокоиться или рассердиться, как поблизости раздался отрывистый лай и послышался голос:

— Это чья тут собака? Не тронет?

— Фокки! Ко мне! — крикнула Полина.

И из-за полуразвалившегося сарайчика, стоявшего на берегу, выскочил Фокки, а за ним следом вышел старичок в прожжённой, вылинявшей телогрейке и в прожжённых валенках. Он курил смешную папиросу не папиросу, а просто газетную трубочку, из которой шёл противный дым.

— А, девочки,— сказал он.— Ваша, что ли, собака?

— Наша,— сказала Полина.

— А вы откуда?

Полине стало вдруг жарко от этого вопроса. Она совсем не знала, что же ей сказать.

Хорошо, что старичок был разговорчив и сам стал за них отвечать.

— Ты чего такая? — сказал он, поглядев на Аю.— А-а-а, вы, должно быть, на утреннике в железнодорожной школе были. Ишь в какую звезду нарядилась! Смотри не простынь, больно ты легко одета. Платьице всё аж просвечивает. А вы что же от других отстали? Я уже всех на ту сторону перевёз. Всё жду только, может, какой путник объявится. Я сегодня на перевозе дежурю.

— Дяденька...— робко начала Полина.— Дяденька, а где же... Татарский мост?

Старичок посмотрел на неё с большим удивлением.

— Да ты что, милка, с луны, что ли, свалилась? Не видишь, какой разлив? Озёрный лёд вдруг в реку хлынул, ну мост и снесло. Вода спадёт, снова наводить будут. А ты как же,— он поглядел на Полину подозрительно,— как же ты на ту сторону в школу перебиралась?

Полину опять бросило в жар. Но старичок снова сам её и выручил:

— А, должно быть, через железнодорожный мост, в объезд, на лошади, которая хлеб везла.

Полина на всякий случай быстро закивала.

— Ты чья же будешь?

Полина не поняла, что он говорит. Она не знала, что в Крутогорске так спрашивают фамилию.

— Не Коровина ли? У них внучка вроде такая же — конопатенькая.

Полина опять молча покивала.

— Ну, дак, чего делать, садитесь, перевезу вас. Ишь махонькие. И собаку везти?

— И собаку, и собаку,— затараторила Полина.

— Ладно уж, и собаку. Поехали. А то подружка твоя совсем закоченела, всё молчит да молчит.

Под берегом оказалась огромная лодка. Старичок усадил их всех на одну скамейку, и на ней осталось ещё много места.

Он быстро грёб и сам себе в усы приговаривал:

— Звезда. Нарядилась тоже. А сама дрожмя дрожит. Студёно ведь.

Вскоре они достигли противоположного берега. Старичок помог им выбраться.

— Дяденька,— снова набралась храбрости Полина,— а как нам на Козье Болото идти?

Старичок удивился:

— Да ведь Коровины не на Козьем Болоте живут? А, понятно, подружку проводить хочешь. Дак что ж ты, никогда на Козьем Болоте не бывала? А, ну да, может, бывала, да забыла. Дак вот так берегом идите, потом на Извозную свернёте, а там уж и Козье Болото. Уж почитай все улицы в Крутогорске переназвали, а вот Извозная да Козье Болото так по-старому и остались. Может, ещё Пальмовая...

Он махнул рукой и пошёл назад, к своей лодке.

— Спасибо, дяденька,— сказала Полина.

Ае стоило больших усилий промолчать и не поблагодарить доброго старичка.

Глава восьмая

ВНОВЬ ПЕСЕНКА ПРО ПЁСИКА. НА КОГО ПОХОЖ ВАРДКЕЗ?

И они пошли берегом, как им и было указано. У Полины дух замирал. Это же он, тот самый Крутогорск, город бесконечных рассказов бабушки Таи. И не как на открытках, которые бабушка Тая привезла в прошлом году, когда ездила на дедушкину могилу. Там, на фотографиях,— высоченные дома, как везде, новый детский театр с забавной плоской крышей и огромным блестящим металлическим петухом на стене. А на площади белый памятник — называется стела, в честь крутогорцев, отдавших свою жизнь за победу над фашистами.

Шёл март 1946 года. Первая послевоенная весна...

Перед ними был Крутогорск бабушкиной юности. Стояли одноэтажные и двухэтажные домики вдоль набережной. Собственно, набережной не было, был только спуск к реке. У каждого домика был небольшой палисадничек. Кое-где из дворов доносился приятный запах дыма — это жгли прошлогодние листья. Почему-то набережная в этот час была совершенно пуста. Однако же нет, вон показался человек — он несёт что-то за спиной в мешке. У него одна нога, а руки заняты костылями. Он шёл быстро, не оглядываясь, глядя в землю. Потом пробежала девочка. Полина заметила, какое на ней плохонькое пальтишко. Девочка несколько раз обернулась. Даже постояла. Потом пожала худым плечиком и куда-то побежала.

К Полине точно откуда-то издалека вдруг долетел папин голос:

«Чудес не бывает, Таисья Гурьевна!»

Вот тебе и не бывает! А может, со взрослыми не бывает? А только с детьми?

Её мысли прервал Аин голос:

— Посмотри, Полина, вот Извозная. Нам надо сюда свернуть.

Зелёные огоньки её голоса быстро пробежали по дощатой стене и высокому крылечку углового дома. Возле крылечка рос сиреневый куст. Он был ещё по-зимнему гол. Огоньки на минуточку украсили его живой, трепещущей листвой.

Они свернули на Извозную улицу. Тут вдоль домов тянулся дощатый тротуар. Доски были старые, размахрённые, а кое-где и вовсе отсутствовали, и было видно, как сквозь чёрную землю пробивается крапива. Некоторые дощечки еле-еле держались, и на них можно было подпрыгивать и качаться.

Фокки, конечно, тут же провалился лапой в щель. Лапа застряла. Полина с трудом её вытащила, а Фокки при этом повизгивал. Не столько ему было больно, сколько он перетрусил!

Полина, подпрыгивая на тротуарных досках, время от времени вертела головой в разные стороны. Ещё бы! Ведь

это Крутогорск! Окна некоторых домов были чисто вымыты, на подоконниках цвели шапочки герани и ещё какие-то цветы — большими колокольчиками. А другие окна были запылённые, немытые, на стёклах были наклеены крест-накрест полоски бумаги. Бабушка Тая рассказывала: это не только в Крутогорске, это везде так наклеивали — чтобы стёкла не вылетали, если будет бомбёжка. Вот они прошли уже почти всю Извозную, дощатый тротуар кончился. Обозначилась улица с правой стороны. Там вообще не было никакого тротуара, середина улицы была разъезжена, в тёмных колеях стояла вода. Они свернули направо, наугад, не очень-то зная, сюда ли им надо. На углу не было никакого обозначения улицы. Но на одном из домиков было написано: «Козье Болото, дом 15».

Они остановились.

— Полина! Вот же Козье Болото! Нам сюда! Нам сюда!

Ая засветилась, закружилась, разогнала огоньки по влажному, размякшему чернозёму.

— Мы такие молодцы! Скоро, скоро, скоро настанет весёлое утро! — пела она.

И Полина, глядя на неё, развеселилась, закружилась и чуть было не запела. И вдруг разом остановилась:

— Ая! Но это же какой-то пятнадцатый дом. Чей он? Бабушка Тая никогда мне не говорила, в каком доме жил Вардкез. Никогда!

— В самом деле,— сказала спокойно Ая.— Ещё немножко надо поискать.

Они прошли по одной стороне улицы. На домах не было написано фамилий хозяев. А если б и были они фамилии Вардкеза тоже не знали.

— И нету даже ни одной козы,— мрачно заметила Полина.

— Какой козы? — не поняла Ая.

— Но улица-то как называется?

— Козье Болото.

— Вот я и говорю — нету ни одной козы. Может, это совсем и не та улица. Хоть и грязно, но болота-то ведь тоже нету.

— А должно быть? Что тебе бабушка говорила?

— Бабушка ничего не говорила. Ни про болото, ни про козу. Она просто говорила: «А дедушка с Пальмовой ходил в такую-то далищу — к Вардкезу на Козье Болото!» Вот и всё.

— Ну, так, значит, и называется эта улица. А болото, наверно, было раньше. Раньше-раньше.

— Когда впервые построили Татарский мост?

— Может быть, и тогда.

И Фокки, почувствовав, что не всё в порядке, слегка приуныл.

— Ладно, Полиночка. Помнишь:

Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся, ты надейся!

— Как же! Заветная песня говорящих лошадей. Как давно это уже было!

Полина вдруг вспомнила, за городом их дожидается птица Чур.

— Ая, пойдём скорее. А то вдруг птица Чур улетит, и мы навсегда останемся в тогдашнем Крутогорске!

— Полина, но ты же обещала не бояться! — сказала Ая.— А ты всё время чего-то опасаешься. Так нельзя.

Они двинулись дальше. Прошли всю нечётную сторону. Их немного смутило то, что некоторые дома стояли пустые. Тёмные окна были заколочены досками. Но в иных, как видно, жили люди. На верёвках сушилось бельишко. На дворах дрова были сложены в поленницы. На некоторых — небольшой грудой был насыпан уголь. Дома были отгорожены заборами. В заборах — калитки, некоторые с железным дверным кольцом.

— Полина, постучи в этот дом, может быть, кто-нибудь там есть,— предложила Ая и сама отступила в тень.

Полина постучала. Но из этого ровным счётом ничего не вышло.

Никто на стук не ответил, никто не вышел открывать.

— Странно,— сказала Ая.— Какой-то у них чудной безлюдный час.— И чтобы подбодрить Полину, она опять пропела:

Ты не падай духом,
Эй!
Ты надейся, ты надейся!

Но даже светлые огоньки её песенки никого не выманили наружу.

— Ну, ладно,— сказала Ая.— Пошли теперь по чётной стороне.

И они медленно двинулись от дома номер два, по чётной стороне. Та же картина. Одни домá заколочены, в других — живут. Но дóма почему-то никого не оказывалось.

И вдруг...

Нет-нет-нет, этого никак не могло быть! Поэтому Полина сначала даже промолчала. Ей показалось, ей послышалось, что через высокий забор дома номер двадцать два перепорхнула песенка, которую кто-то напевал вполголоса.

Но какая это была песенка!

Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт.

Послушайте, ведь это и была та странная песенка, которую на прощание спел её любимый доктор Дорохов!

— Ая,— сказала Полина шёпотом.— Ты ничего не слышишь?

Ая прислушалась.

— Не слышу. Нет, нет, слышу!

И по забору побежали огоньки, потому что она повторила песенку:

Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт!

22

И не успела она допеть, как сама собой распахнулась калитка и показался человек.

— Кто это тут мне подпевает? — спросил он весело.

Человек был худощав, высок ростом, темноволос... Он показался Полине очень знакомым. Да это же доктор Дорохов! Ах, нет, доктор Дорохов молодой и светлый. А этот — средних лет и темноволосый. Но напоминает, ужасно напоминает доктора Дорохова!

— Полина! — вдруг закричала Ая. Она так громко закричала, что вся улица осветилась, точно праздничным салютом.— Полина! Да ведь это же Хозяин! Тот, что нарисован на пергаментном свитке! Хозяин! Конюх!

Да, да, да! Ведь тот, с пергаментного свитка, тоже был немного похож на доктора Дорохова!

— Я никогда не был конюхом, мои хорошие,— сказал тот, кто стоял в проёме калитки.— И не знаю ничего ни про какой свиток. Вы что-то путаете. Меня зовут Вардкез. Заходите, милые и странные девочки,— повторил он.— И пёсик, ты тоже заходи.

Он пропустил их вперёд, закрыл калитку на щеколду и по выложенной камешками тропинке провёл к дому. Дом был маленький, но с огромными окнами. В саду, конечно, были только островки тающего снега и никаких, никаких роз!

Пока шли они, Вардкез всё время напевал:

Пёсик в лодочке отчалил,
Пёсик в лодочке плывёт.
Не бывает сплошь печали,
Пёсик радость принесёт!

И, наклонившись, потрепал Фокки по спинке.

Все поднялись на крылечко, открылась обитая клеёнкой дверь, пропустила всех в тёмные сени, потом — в светлую комнату.

Вардкез внимательно пригляделся к Ае.

— Ага. Понимаю. Ты — звезда,— сказал он.— Как тебя зовут?

— Ая,— ответила за неё Полина.

— Ая? Какое хорошее звёздное имя,— обратился

Вардкез к Ае.— Ну, так разве не чудо, что звезда пришла к нам на землю и стала девочкой и подружилась с другой, просто земной девочкой. И захотела сделать её счастливой. Разве не чудо, ответь-ка мне, Веснушка?

Полина замерла. Так её на всём свете называл только один человек — доктор Дорохов.

— Я знаю, зачем вы пришли. Пойдёмте.

Он открыл ещё одну дверь, и там — там! Нет, этого описать даже нельзя! Там под стеклянной крышей был — нет, не сад, нет, не цветник,— там был розовый лес! И даже так: Розовый Лес.

На высоких стеблях чуть покачивались алые-алые и белые-белоснежные розы!

Совсем не такие, какие продаются в магазине или на базаре. Или даже расцветают на юге. Совсем не такие. Они были живые! Нет, не в том смысле, что они были похожи на людей или там умели разговаривать. Ничего такого не было. Просто это была невероятная живая красота!

— Правильно, Веснушка,— опять так назвал Полину Вардкез.— Правильно. Эта красота приносит веселье и радость, люди совсем по-другому начинают смотреть на вещи. И тебе нужны, обязательно нужны эти розы.

Он загадочно улыбнулся и подмигнул, совсем как доктор Дорохов, когда уходил от Полины в последний раз.

— Ой,— вдруг спохватилась Полина.— Но ведь у нас нет, совсем нет денег. Ни копеечки. Правда, бабушка говорила...

— Верно она говорила,— перебил её Вардкез.— Я люблю давать людям розы просто так, без денег. Наверно, это оттого, что на том языке, на каком говорили мои папа и мама, слово «вард» значит «роза». А оно, как видите, есть и в моём имени.

Он подошёл к розам, точно пошептался с ними и быстро нарезал огромный букет алых и белых роз. Он протянул его Полине.

— Полина! Какие розы! — воскликнула Ая.

Разноцветные огоньки разлетелись по всему Розовому Лесу, и Вардкез сказал:

— Вот видишь, я правильно догадался, что ты звезда.

В этот момент Фокки, про которого временно поза-

были, громко чихнул. Его нежные собачьи ноздри слишком щекотал сильный розовый запах.

Все пошли назад, в первую комнату, хотя уходить из Розового Леса девочкам не хотелось.

— Ну вот,— сказал Вардкез, словно ожидая, что гостьи поблагодарят его и уйдут. Но они топтались на месте и не уходили. Он удивлённо на них посмотрел. Потом вспомнил: — Да. Что это вы говорили там насчёт хозяина и конюха, я не понял. Какой конюх! Ему тоже нужны розы? Это естественно. Розы нужны всем. Хотите, я сделаю букет и для конюха?

— Нет, нет,— только и сумела сказать Полина. Она вдруг поняла, что не сможет складно поведать Вардкезу всю историю говорящих лошадей.

Ае пришлось подробно рассказать ему про вечнозелёный Остров Говорящих Лошадей, которым плохо живётся без Хозяина, без дома и без дела.

Вардкез выслушал её рассказ молча. Потом спросил:

— Говоришь, очень похож?

— В точности похож,— подтвердила Полина.

— Ну, что ж. Пусть в нужное время облачная птица Чур прилетит за мной. Надежды должны оправдаться, не так ли, Веснушка? А розы? На вечнозелёном острове они будут расти ещё веселее.

— Только птица Чур ни за что не захочет прилететь за вами в город,— сказала Полина.

— Это ничего,— ответил Вардкез.— Я найду её за городом! Я догадаюсь, что она прилетела за мной. И приду. Ты так ей и скажи.

И он улыбнулся. Хорошо-хорошо, весело и по-доброму улыбнулся.

— Всё будет отлично, вот увидишь, Веснушка! — крикнул он Полине вслед.

Калитка захлопнулась, и она не увидела, что он снова подмигнул, ну совсем как доктор Дорохов.

Глава девятая

ХМУРЦЫ НАПАДАЮТ. КТО ТАКАЯ АНЕЛА?

Ая, Полина и Фокки, выйдя от Вардкеза, пошли, как им показалось, как раз туда, откуда они пришли. Всю улицу с некрасивым названием «Козье Болото» наполнял теперь аромат удивительных роз, которые держала в руках Полина. Они прошли довольно далеко, но Извозная, на которую они должны были свернуть, всё никак не оказывалась на своём месте. Уж пора бы им дойти до перевоза. Полина нервничала. Она не знала, что же они скажут теперь доброму старичку, почему они теперь-то возвращаются назад.

— Что же мы ему скажем? — переспрашивала она Аю.

— Что-нибудь придумаем,— беспечно отзывалась Ая.

Полина вообще-то не любила врать. Из вранья всегда получалась какая-нибудь неприятность!

Дорога неожиданно стала подниматься в гору. На углу они свернули, но попали на какую-то совсем другую улицу, а вовсе не Извозную. Половинка фанерки, на которой было написано название, оторвалась. А на другой половинке было написано только «...арского». Непонятно, что это значило.

— Ая, мы идём не туда! — сказала Полина.

— Ты знаешь, Полина, мы, должно быть, как вышли из дому, так и пошли в другую сторону. Давай вернёмся. Мы направо пошли. А нам, наверно, надо было налево.

Они окликнули Фокки, который что-то обнюхивал возле разбитого фонаря, и пошли обратно. Но когда Полине уже казалось, что они пришли назад к Козьему Болоту и свернули за нужный угол, на трёхэтажном, давно не штукатуренном и не белённом доме стояло: «Ул. Красная». Эта Красная улица пошла опять в гору, в гору, в гору. Им навстречу попалось несколько прохожих. Они спешили куда-то, и Полина побоялась обратиться к ним с вопросом. Ая старалась спрятаться за Полину. Потому что обычному прохожему очень трудно объяснить, почему ты — звезда и вдруг разгуливаешь по городу, да ещё разговариваешь блестящими словами.

Ая и Полина, посовещавшись, решили вернуться и

опять всё начать сначала. И тут же заблудились. Все улицы почему-то уводили их круто вверх. И неизвестно по каким причинам, город в этот день был какой-то малолюдный.

Полина всё-таки два раза решилась подойти и спросить дорогу. В первый раз она спросила старушку, которая шла с кошёлкой, тазом и берёзовым веником в руках.

— Бабуля, как нам к реке пройти? — спросила она.

— К реке-то? — охотно отозвалась бабушка.— А вы бы лучше, девоньки, в баньку собрались. Нынче топят. Вода горячая. И попариться можно. Благодать!

Но, поняв, что не соблазнила девочек баней, спросила:

— А к какой же это вам реке занадобилось? У нас их тут, чай, три. Тура, Хрипанка и Свинуха.

Кажется, бабушка Тая называла реку Турой.

— К Туре, к Туре,— поспешила отозваться Полина.

Вместо ответа старушка вдруг заинтересовалась Полиной:

— Ты что, нездешняя будешь? Чистенькая да гладенькая. Ишь, пальтушка-то на тебе какая, новёхонькая. И где ж это тебе маманька такую пальтушку справила?

— До свиданья, бабушка,— торопливо сказала Полина.— Мы сами найдём.

И Полина, Ая и Фокки быстро пошли дальше, потому что всё-таки, несмотря на Полинины косички, было видно, что она другая. Не здешняя. То, что она не теперешняя, никому решительно не приходило в голову. Второй раз Полина решилась спросить у пробегавшего мимо мальчишки, который нёсся, по-видимому куда-то опаздывая.

— Тура? — переспросил он.— А вон там, не знаешь, что ли? — И, куда-то неопределённо махнув рукой, тут же скрылся из виду.

Полина устала. Фокки тоже еле шевелил лапками. Неожиданно они вышли на сквер. Отыскали не очень мокрую лавочку. Сели. Вокруг росли высоченные липы. Ветки были голые, мокрые, с них капало. Дул весенний, прохладный ветерок.

На Полину вдруг навалилась какая-то тяжесть и тоска.

Ей показалось, что им никогда отсюда не выбраться,

что все их старания — напрасны, что розы завянут до того, как они доберутся до дому, что птица Чур непременно, не дождавшись их, улетит. Ая старалась её ободрить, но безуспешно.

— Пойдём, Полина. Ну что ты в самом деле.— Ая даже стала на неё сердиться. Они сделали такое великое дело — достали розы, а Полина всё хмурится и хмурится!

Но Полину не отпускало какое-то непреодолимое уныние.

Вдруг Ая вскрикнула:

— Посмотри, что это?!

Она наклонилась к букету роз, который крепко держала в руках Полина, и что-то осторожно сняла с одной белой розочки и показала Полине:

— Видишь?

— Ничего не вижу!

— Хмурая паутинка! Отвратительная хмурая паутинка!

— Откуда? Что это значит?

— Это значит, что Шкандыба остановил поезд в Крутогорске! Как и обещал!

— И что, Ая, что? Ну, объясни мне, пожалуйста.

— Ты помнишь, что хмурцы увязались за нами и оказались в поезде?

— Да, да, помню!

— Ты поняла, что это они открыли дверь вагона, чтобы вас с Фокки выдуло вон?

— Поняла, да. Помню, да. Нас точно в простыню завернули.

— Это я попросила пролетавшее мимо низкое облако.

— А почему ты не полетела с нами в облаке?

— Мне надо было вернуться на небо и отыскать там птицу Чур. А эти негодники остались в поезде. И Шкандыба выполнил своё обещание и остановил поезд там, где нужно. Вот они и оказались в Крутогорске. И теперь они охотятся за нами и вовсю стараются, чтобы розы завяли.

— А где они сейчас? — спросила Полина шёпотом.

Ая что-то крикнула, осветила сквер, пристально присмотрелась к деревьям.

— Нет. Сейчас их здесь нет. Но они от нас всё равно

не отстанут. Пошли, Полиночка, пошли отсюда. Это они нагнали на тебя такой мрак. Уйдём скорее. Пусть вернутся и не застанут нас здесь. Мы хоть выиграем время.

Ая потащила Полину за собой наугад. Фокки засеменил следом.

Сквер вскоре кончился, и вдруг... вдруг Полина увидела на угловом доме слова «Пальмовая улица».

— Ая! — воскликнула она.— Ая! Это бабушкина улица. Бабушкина и дедушкина.

Полина так обрадовалась знакомой по бабушкиным рассказам улице. Она стала приглядываться, приглядываться, и вдруг... вдруг старые тополя и клёны, по-мартовски голые и мокрые, стали превращаться... превращаться в пальмы! И вот уже Пальмовая улица превратилась в пальмовую рощу. Вместо клёнов росли пальмы, пальмы, пальмы. И они увидели, как на одной из них прыгает, крутится и кувыркается... синяя обезьянка! Покувыркавшись немного, она села, примолкла, нахохлилась. То ли задумалась, то ли загрустила. Полина и Ая смотрели на неё во все глаза. Немного погрустив, обезьянка вдруг встрепенулась, перекувыркнулась и запела:

Ты что грустишь, Анела?
Твоё ли это дело?
Ну, где же ты видала
Печальных обезьян?

Качаться с миной постной,
Ах, неприлично просто,
Печаль для обезьяны —
Существенный изъян!

Пускай грустят питоны
И бегемот трёхтонный,
Пусть плачут крокодилы
И бык мохнатый — як,

Пусть хнычут дикобразы
И какаду — все сразу,
Тебе же, обезьяне,
Грустить нельзя никак!

Послушай-ка, Анела,
Ты что, с утра не ела?
Сорви скорее с ветки
И спелый съешь банан.

Ты синяя, Анела,
А это — очень смело!
Ну, где же ты видала
Синих обезьян?

И обезьянка, ещё раз перекувыркнувшись и перелетев с пальмы на пальму, так весело расхохоталась, так звонко и заразительно, скорчила такую уморительную рожицу что Полина и Ая не могли удержаться от смеха. Они хохотали, и хохотали, и хохотали, и разноцветные блестящие огоньки Аиного смеха разбежались по всей пальмовой роще, и даже Фокки весело завилял своим обрубленным хвостиком.

— Всё! — сказала обезьянка.— Мы их прогнали хохотом.

— Кого? — спросила Полина.

— Хмурцов! — догадалась Ая.

— Правильно! — сказала обезьянка.— А теперь бегите, куда вам надо.

— Как же нам добраться до Туры? — спросила Полина.

— Вниз, вниз, вниз под горку,— сказала она.

— Спасибо тебе,— сказали Ая и Полина вместе.

— Пустяки! — сказала обезьянка.— Не на чем! И не забудьте — меня зовут Анела! Счастливого пути!

Как только обезьянка замолчала, пальмовая роща тут же исчезла и они опять оказались на Пальмовой улице и увидели, что она действительно идёт вниз, под гору. Они пустились бегом. Очень скоро эта улица вывела их на набережную прямо к знакомому старичку с лодкой.

Какой это был чудесный старичок! Он умел сам отвечать на вопросы, которые задавал.

— Вы опять — на ту сторону? В школу? — сказал он.

Полина подумала, что у неё нет никакого правдоподобного ответа старичку.

Но он продолжал:

— Вот и умницы, что букет такой красивый несёте. Елизавете Васильевне будет радость. Хорошая учительница. Старая, заслуженная. Скольких ребят выучила.

Он быстро перевёз их через мутную, с проплывающими льдинами Туру. А обратная дорога через поле была им уже известна и поэтому показалась короче, чем в первый раз. Вот и пришли! А где же птица Чур? Неужели?.. Да нет, нет, вот она — белая, с серыми подкрыльями, сердитая-пресердитая.

— Наконец-то,— сказала она.— Меня ждут там, где ждут. А дождаться, между прочим, не могут.

Но она перестала сердиться, увидев розы.

— Красота — везде красота,— сказала она немного загадочно.

Путаясь и перебивая друг друга, боясь, что птица Чур снова станет сердиться, Полина и Ая рассказали ей про человека, который был нарисован на пергаменте.

— Он живёт в Крутогорске, сразупослевойны,— сказала Ая.— Его зовут Вардкез.

Неожиданно птица Чур не рассердилась. Она сказала:

— Я обещала, что обещала. Птица Чур не бросает слов на ветер. Я отвезу его на Остров Говорящих Лошадей, когда настанет час, как бы чудно́ его не звали. Вардкез. Странное имя... Ну, быстро. Куда вам надо? Опять в город? В другой? Нет уж, увольте. В теперешний город? Чтобы меня опять приняли за летающую тарелку, или кастрюльку, или, на худой конец, соусник!

— Ты оставишь нас в сморчковом лесу, птица Чур,— сказала Ая.— А это лес не теперешний, а волшебный. Оттуда мы дойдём до дому сами.

Глава десятая

СНОВА ДОМА. БЫВАЮТ ЖЕ НА СВЕТЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СНЫ!

Сморчковый лес оказался на месте. Тут Ая, Полина и Фокки распрощались с птицей Чур. Они её изо всех сил благодарили, но она не стала слушать и тут же улетела.

— Фокки,— сказала Ая,— ты должен помнить дорогу из сморчкового леса.

В сморчковом лесу, как и в начале их путешествия, была ночь. Полина взяла Фокки на поводок, и он быстро, уткнувшись носом в землю, побежал и повёл за собой Полину и Аю. Полина ничего другого, кроме острого грибного запаха, не чувствовала.

Ая напевала свою песенку, и поэтому идти было светло.

Мы с тобой ушли неслышно
И тихонечко пришли.
Алой розы кустик пышный
В прежнем времени нашли.
В небе отсвет голубой,
Ты не бойся, я с тобой.

Грибной запах кончился.

— Вот мы и пришли! — громко и светло сказала Ая.

И тут всё вдруг потемнело вокруг, потемнело в глазах у Полины, глаза сами собой закрылись, а когда открылись... Да что же это такое?

Бабушка Тая стояла возле Полининой кровати и стряхивала градусник.

— Проснулась, душенька моя? — ласково сказала бабушка.— Ну-ка, давай смерим температуру!

Полина ничего не ответила. Что? Что — в самом-то деле? Это был только сон? Сон — и больше ничего? Она было нахмурилась, и вдруг откуда-то издали, нет, даже не издали, а как бы это объяснить? Наоборот, внутри её самой зазвучала песенка:

Ты что грустишь, Анела,
Твоё ли это дело?
Ну, где же ты видала
Печальных обезьян?

И Полина засмеялась.

Температура тем временем смерилась, и оказалось, что её нет. То есть не то что совсем нет, а просто тридцать шесть и шесть — совершенно нормальная температура.

«Тебе наша прогулка не повредит»,— услышала она слова Аи. Ничего себе «прогулка»!

— Вот и хорошо, что нет температуры. Ты помнишь, какое завтра число?

— Завтра?

Ах да, ну да же, завтра двадцать третье марта — мамин и бабушкин день рождения.

Нет, Полина помнит. Она спрятала в своём книжном шкафчике в третьем томе Детской энциклопедии рисунки. На одном — Африка, пальмы, и на одной пальме — синяя обезьянка.

— Анела,— прошептала Полина.

А на другом рисунке — красивые лошади на опушке леса.

«Как там говорящие лошади? — подумала Полина.— Принесла ли к ним уже Вардкеза птица Чур? А как узнаешь? Неужели это был только сон? Нет, не может же всё-таки быть...»

— Бабушка Тая,— спросила Полина.— А папа и мама где?

Ей хотелось кое-что проверить насчёт хмурцов.

— На работе, дружок. Уже поздно, ты очень долго спала, милая. Сейчас мы будем с тобой завтракать. Доктор Дорохов сказал, надо пить тёплое молоко с мёдом.

Пока бабушка ходила на кухню греть молоко, Полина всё думала:

«Снилось или не снилось? А как же Ая? Такая добрая и светлая девочка-звезда? Новая подруга?»

Пришла бабушка, дала Полине молока, присела на край постели.

— Бабушка,— спросила Полина.— А ты знаешь, я видела во сне, что в Крутогорске нет никакого Татарского моста.

— Как это нет? Куда же он девался?

— Понимаешь, Тура так сильно разлилась, что мост снесло и через речку перевозят на лодке!

Бабушка изумлённо поглядела на Полину. Она так долго молчала, что Полина даже испугалась и окликнула её:

— Бабушка Тая!

Полиночка, но ведь это бывало раньше! Я тебе про это не рассказывала. Откуда ты можешь знать?

— Что бывало раньше, расскажи!

— Раньше, когда ещё не было нового железного высокого моста через Туру, деревянный-то каждую весну, как разлив, так и сносило.

— И что?

— Да как ты и говоришь — на заречную сторону, к товарному вокзалу и в железнодорожный район, перевозили лодками. Даже ребятишек в школу перевозили. Там была школа-семилетка.

— А потом как же?

— А потом новый наводили. До следующего половодья. Но ты-то откуда знаешь?

— Я же говорю тебе — видела во сне.

— Бывают же на свете удивительные сны! — сказала бабушка и даже покачала головой.

— Бабушка,— продолжала Полина,— а на Козье Болото с Извозной улицы надо сворачивать, да?

— Погоди, дай припомнить. С Извозной, ну да. А это-то кто тебе сказал?!

— Я же тебе говорю — видела во сне.

Бабушка пожала плечами. Она не очень-то верила в сны.

— Бабушка, а раз температуры нет, можно, я выйду погулять во двор? — попросилась Полина.

— Что ты, что ты, детка! — замахала руками бабушка, и Полина поняла, что дальнейшие уговоры бесполезны.

А ей так хотелось выйти из дома. Может, там и правда где-нибудь за уголком ждёт её Фокки?

Папа и мама вернулись с работы вместе и не поздно. Притащили большие сумки со всякой всячиной. Завтра же как-никак двойной день рождения!

Папа был не хмурый. Забежал поглядеть на Полину, пропел:

Полинет, Полинет,
Слышишь ты или нет?
Коровы топчут пшеницу...

Когда он пел эту французскую песенку, из которой дальше, по-видимому, ни строчки не помнил, это означало, что он в хорошем настроении.

Потом к Полине пришла мама. Дала лекарство. Полина поняла, что рассказать ей что-либо про свой удивительный сон ей не удастся: мама была вся в хозяйственных хлопотах. Она только спросила Полину:

— Как ты думаешь, наполеон испечь или уж чересчур большая возня?

— Испечь,— решительно сказала Полина.

Она очень любила, когда мама, подвязав фартучек и беленькую косыночку, что-нибудь пекла на кухне. Во-первых, всегда выходило вкусно, а во-вторых, она была так больше похожа на маму, чем когда вечерами напролёт редактировала свои «модальные глаголы».

Вечер прошёл быстро. Полине разрешили выйти в большую комнату и посмотреть по телевизору мультфильмы. Правда, они были неинтересные: ничего в них смешного не было, а только какие-то уродцы играли не в поправдашный, а в понарошковый хоккей и без конца орали: «Шайбу! шайбу!»

Когда совсем стемнело, Полина на цыпочках подошла к окну и отодвинула краешек шторы. Ей хотелось посмотреть на небо. Может, там светит особенная, ей одной видная звезда. Но небо к вечеру затянуло тучами.

Полина вздохнула и отправилась спать.

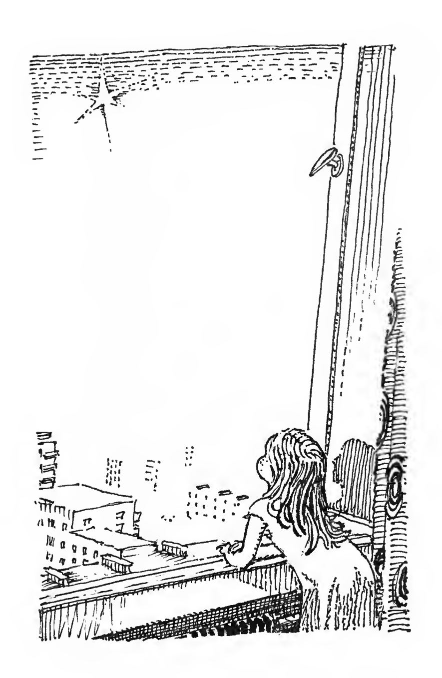
Глава одиннадцатая

И НАСТАЛО ВЕСЁЛОЕ УТРО

А к утру тучи разошлись. Полина проснулась рано. Первым делом она кинулась к окну. Небо светлело. И на нём — была! Была видна маленькая светлая звезда!

— Ая! — тихонько позвала Полина.

Звёздочка продолжала мерцать и светиться. Ну, смешно же думать, чтобы она могла услышать Полину. Хоть Ая и уверяла её, что от неба до земли не так далеко, как кажется.

«Спроси у космонавтов!» — говорила она.

Полина тихонько оделась, подошла к своему шкафчику, где на полках стояли её собственные книги, и вытащила оба рисунка, которые были спрятаны в третьем томе Детской энциклопедии.

На одном из них было написано: «Милая мамочка, поздравляю тебя с днём рождения. Будь всегда здоровая и весёлая». А на другом — просто: «Милой бабуленьке от Полины. В день рождения». На том и другом рисунках красным карандашом было красиво выведено число «23 марта».

Она положила оба рисунка рядышком на стол. И стала ждать, когда в доме проснутся остальные.

Некоторое время спустя она услыхала, как, стараясь не шуметь, в прихожую вышел папа и, осторожненько щёлкнув замком, куда-то ушёл.

Интересно, куда же он мог уйти? Ведь сегодня суббота! Неужели опять на работу, на сверхурочную, какую-то там ещё, не поймёшь какую! Но ведь этого же не может быть! Ведь сегодня же бабушкин и мамин д е н ь р о ж д е н и я.

— Ой! — Полина даже зажала рот рукой, так громко она вскрикнула.— Он забыл! Ну да, наверное, забыл, что у мамы и бабушки день рождения.— Она чуть не заплакала.— Забыл!

Папины «Жигули» фыркнули под окном и умчались. Всё снова стихло. Через некоторое время послышались шаги и скрип двери. Из своей комнаты вышла бабушка. Потом мама быстро пробежала на кухню. И вдруг! Вдруг сильно, громко, требовательно зазвонил звонок у двери.

Он заливался: динь-длинь-блям-бом-длинь!

Наверно, телеграмму принесли, подумала Полина. От Ванды Феликсовны.

Она всегда присылает телеграмму, хоть и живёт с ними на одной площадке.

Мама поспешила к двери. Дверь открылась.

— А-а-ах! — донёсся из коридора мамин голос. Потом она стала громко звать бабушку: — Мама! Мама, ты только посмотри!

Папин голос тоже послышался, но Полина не разобрала слов. Полина не выдержала. Она закричала:

— Ма! Па! Ба!

Все трое тут же очутились у Полины в комнате.

У папы в руках был огромный букет прекрасных свежих живых алых и белых роз!!!

Папа весело улыбался, протягивая розы маме и бабушке:

— Поздравляю вас, дорогие мои, хорошие женщины! — И он поцеловал сначала маму, потом бабушку.

У бабушки на глазах появились слёзы. Но она не плакала, она улыбалась.

— Миленький ты мой, да откуда же ты достал такие розы! Верочка, ты помнишь, Верочка, твой папа приносил нам такие розы от Вардкеза!

Полина не выдержала и закричала:

— Да это и есть розы от Вардкеза!

Бабушка погладила её по голове и сказала:

— Глупышка ты.

А папа сказал:

— А знаете, их продавал какой-то очень симпатичный армянин. И почему-то необыкновенно дёшево!

Потом Полина показала маме и бабушке свои рисунки. При этом она объяснила:

— Это — Пальмовая роща. А это — Остров Говорящих Лошадей.

Рисунки всем очень понравились.

Полина чувствовала себя совсем хорошо, но всё-таки мама позвонила доктору Дорохову. Он сказал, что попозже заглянет.

В доме была весёлая предгостевая суматоха. Все суетились, что-то говорили, что-то куда-то носили. Но все время от времени подходили и на минуточку застывали перед вазой с удивительными, невиданными розами.

Папа шёл с горкой тарелок в большую комнату, и вдруг — дзинь! — папа споткнулся, и сразу три тарелки разбились. Полина замерла. Вот сейчас, сейчас весёлое утро будет испорчено.

Ничего подобного! Бабушка сказала, что посуда по праздникам бьётся к счастью, а папа вдруг заявил:

— Верочка, я вечно спотыкаюсь об этот ковёр. Давай-ка его свернём, что ли?

Мама невероятно удивилась. Папа же сам хотел, чтобы во всю комнату был постелен ковёр.

— Ты знаешь, паркет красивее и гигиеничнее. Ты не думаешь? Давай сдадим ковёр в «комиссионку»!

Тут и мама удивила Полину. Она подошла к папе, крепко его обняла и сказала:

— А что? Давай!

И это получилось у неё очень весело.

Динь-длинь!..

Снова зазвонил звонок. На этот раз гость был к Полине. Это был доктор Дорохов.

— Ну, как дела, Веснушка! — спросил он её.

— Хорошо,— сказала Полина и посмотрела на доктора Дорохова пристально-пристально.

Он, не обращая внимания на Полинины пристальные взгляды, осмотрел её и послушал, и в горло не забыл слазить, хотя Полине это ужасно не нравилось, потому что она при этом давилась.

— И правда хорошо,— сказал доктор Дорохов.

Потом он подошёл к столу и посмотрел на Полинины рисунки.

— Послушай,— сказал он.— А где же конюх? Кто-то ведь должен заботиться о лошадях!

И быстро-быстро, Полина не успела оглянуться, нарисовал возле лошадей человека, который был немного похож на него самого, доктора Дорохова, а ещё больше — похож на Вардкеза. Когда доктор Дорохов кончил рисовать, Полина поняла, что птица Чур выполнила своё обещание. На Остров Говорящих Лошадей прибыл Хозяин.

Доктор Дорохов попрощался и ушёл.

Праздничная суматоха в доме продолжалась.

— Верочка! — опять позвал папа маму.— Раз мы решили отделаться от этого ковра, не взять ли и в самом деле собаку? Ведь Полинка так просит!

Полина не услышала, что сказала мама, но она уже

знала, что у неё будет собака — с чёрными торчащими ушками и обрубленным хвостиком, что эта собака, в общем-то, уже есть и зовут её не как-нибудь, а Фокки.

Полина подошла к окну своей комнаты. Звёздочка была еле различима, но всё-таки было видно, как мерцают её лучи.

— Ая,— сказала Полина,— Ая! У нас настало весёлое утро! — И, помолчав, добавила: — Приходи ко мне когда-нибудь ещё, Ая!

МАРУСЯ ЕЩЁ ВЕРНЁТСЯ

Глава первая

МАМА УЕХАЛА. ЗАТО ПОЯВИЛАСЬ МАРУСЯ

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили десять раз. Дверной замок щёлкнул язычком Захлопнулся. Вдоль дорожки, которая вела к калитке закачались розовые люпины. Мама пробежала так быстро, что получился ветер. Варя посмотрела в окно. Мамы уже не было видно. Через несколько минут послышался шум электрички и затих. Потом электричка взревела, как тёти Маринин бычок, когда он по вечерам просится домой. Снова послышался шум и окончательно замер вдали. Это значит — мама уехала.

Ой, как плохо, как грустно и даже, пожалуй, страшновато!

А получилось вот что...

Впрочем, вы ведь про Варю ничего не знаете. У Вари прямые волосы, светлые-светлые, красненький пластмассовый обруч держит их, чтоб не падали на лоб. Варя живёт с папой и с мамой в зелёном домике недалеко от Москвы. Варины папа и мама работают в Москве. Папа — в институте. И мама — в институте. Только это разные институты. Папа часто летает в Африку. Он там разведывает разные полезные ископаемые. А мама никуда не летает. Ей некуда летать — она историк.

Почему так неудобно устроились Варины родители — работают в городе, а живут в посёлке и ездят в свои институты на электричке?

Да вот ведь... Тут такие печальные дела... Когда Варя была совсем маленькая, было ей годика три, должно быть,

она заболела астмой. Сначала-то она очень чего-то испугалась, только забыла — чего, и вспомнить не может, рассказать про это не умеет.

А после Варя стала кашлять, и кто-то невидимый и злой будто душил её, и прибегали врачи и делали уколы... Словом, маме с папой сказали, что Варе надо жить за городом на свежем воздухе. И городскую квартиру в Пуговичном переулке, почти в самом центре, поменяли на зелёный домик в посёлке Глебова гора, куда летом приезжает много дачников, а зимой народу мало, и чистый снег, и прилетают птицы-свиристели и клюют рябину. Варе и правда за городом стало намного лучше. Только приступы астмы всё-таки иногда повторялись, и тогда мама пугалась и опять вызывала врачей...

Зимой с ними живёт бабушка Оля. Она не совсем бабушка. Она мамина тётя. А настоящая бабушка Лиза — мамина мама — это фотография на мамином письменном столе. Потому что мамина мама умерла ещё до того, как Варя родилась на свет...

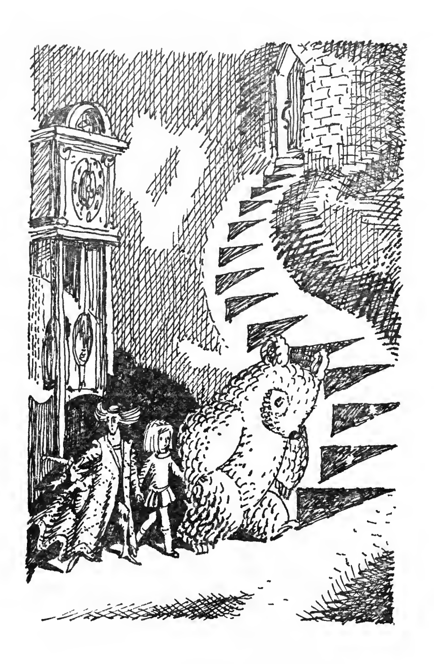
Да, так вот что получилось. Бабушка Оля отправилась на лето к себе на родину — в Пензу. Папа улетел в командировку в Оуáгадýгу. В Африку, конечно. Где ж ещё может оказаться город с таким чудны́м названием? А мама взяла отпуск, чтобы, как она сказала, «пасти Варю» и дописать наконец книжку, которую она вот уже два года пишет про древний перуанский город Мáчу-Пи́кчу.

Всё до сих пор шло прекрасно. Мама писала. Варя играла в саду и, чтобы не приставать к маме, сама себе читала сказку про странного летающего мальчика Питера Пэна и девочку Вэнди.

И никаких приступов астмы не было уже давно.

Варина летняя подруга Зина Репьёва пока ещё не переехала на дачу, и Варя ждала, что она приедет и они будут гулять с Зининой таксой по имени Тили и будут качаться на качелях и вместе смотреть кино по телевизору.

Но вот сегодня рано утром вовсе и не Зина приехала, а к калитке подкатила на велосипеде почтальонша Наташа и вручила маме телеграмму.

Мама прочла её и сказала:
— Ой!
Потом она растерянно посмотрела на Варю.
— Что ж теперь делать? С кем же я тебя оставлю?
— Мам, ты что? — забеспокоилась Варя.— Что-нибудь с папой? Или это от бабушки Оли? Ну, мам!
Варя взяла у мамы из рук клочок бумаги. Там было написано: «Профессор Хуан Анхель де ла Мендоса будет в Москве девятого июня проездом Токио тчк Турик».
— Какой Турик?
— Ах, да не в Турике дело,— ответила мама.— Володя Тураев, не помнишь, что ли?
— Который в твоей лаборатории?
— Который,— рассеянно отозвалась мама, и было видно, что она думает совсем о другом.— Боже мой, что же мне делать? Понимаешь, Варька, я всю жизнь мечтала поговорить с этим человеком.
— С Хуаном?
— Он самый главный специалист в моей области.
— В какой области? — не поняла Варя.— В Московской?
— Да нет, в моей теме, в культуре древнего Перу... Ах, как мне надо с ним встретиться. Необходимо. Ну просто необходимо!
Мама молчала. И Варя молчала. Потом Варя сказала:
— Ну, встречайся, раз надо.
— Как же я тебя оставлю? Как ты будешь одна? Репьёвы ещё не переезжали. И Елена Андреевна утром зачем-то потащилась в Москву! Ну, никого во всей округе.
Елена Андреевна — это соседка из восемнадцатого дома.
— Может, сегодня не девятое? Может, ещё только восьмое? — с надеждой сказала мама.
Но было девятое. Девятое было на большом календаре, который висел на стене и на нём была изображена африканская девочка со множеством косичек-рожек, девятое показывали и мамины часы, на которых, если нажать кнопочку, выскакивали и мигали календарные числа. Никуда не денешься. Девятое.
— Варя. Я тебя умоляю, Варя. Никуда не выходи из

дома. Я тебя умоляю. Сиди возле телефона. Я буду звонить каждый час. Если что — я схвачу такси и приеду. Ты слышишь, Варя? Будь разумной. Никуда не ходи. Никого не пускай в дом. Я к вечеру вернусь. А пока я буду звонить каждый час. Ты не будешь бояться, нет? Ты не станешь нервничать? Смотри, Варя, а то...

Мама хотела сказать: «А то закашляешь», но не сказала.

— Газ зажигай аккуратно. Слышишь? Там курица с рисом на сковородке. Погрей. Компот в холодильнике, но ты очень холодный не пей. Пусть постоит немного на кухне. Ты слышишь, Варя? Не забудь пообедать. Но я ещё позвоню. Сиди возле телефона, читай.

— Ладно, мам, я всё поняла.

Так вот. Шум электрички замер вдали. Варя была дома одна. Ей сделалось неуютно, тоскливо и хотелось плакать, но не плакалось. Варя забралась с ногами в большое старое кресло, которое стояло в столовой недалеко от телефонного столика, уткнулась носом в мягкий подлокотник и стала ждать, чтобы время проходило. Оно обязательно понемногу пройдёт, и тогда вернётся мама. Варя даже стала представлять себе, как час, и ещё час, и ещё час — такие одинаковые ростом и в одинаковых костюмчиках на цыпочках проходят по комнате и исчезают где-то за окном.

А пока Варя сидела, уткнувшись носом в подлокотник, за стеной в маминой комнате скрипнула светлая ореховая дверца шифоньера, и с верхей полки на ковёр тихонько соскользнул кто-то голубой и мягкий. Это была большая-пребольшая игрушечная медведица из голубого плюша.

— Так не годится,— сказала она.— А как быть, я и сама хорошенько не знаю. Светит месяц, светит ясный... Мда...

И она направилась в столовую, где в старом кресле, пригорюнившись, сидела Варя. Плюшевая медведица тихонько подошла к ней и погладила её по руке тёплой голубой лапой.

— Варя,— сказала она ласково.— Варенька, ты только не испугайся. Это я, Маруся.

Варя подняла голову и посмотрела.

— Я — Маруся,— повторила медведица.— Понимаешь, я твой подарок ко дню рождения. Только я не дождалась. Мне стало жалко тебя, что ты одна. Понимаешь?

— Тебя мама... принесла? — спросила Варя. Она хотела сказать «купила», но постеснялась. Как купишь медведицу, если она хоть и голубая, и плюшевая, а разговаривает и гладит мягкой лапкой по руке.

— Да, да, конечно,— сказала Маруся.— Мама. Мама меня купила в магазине. Ты только не пугайся. Не нервничай, хорошо?

— Разве игрушки умеют говорить?

— Некоторые,— сказала Маруся.— Те, которые приходят в игрушечный магазин из волшебной страны Тут.

— Где — тут?

— Так называется волшебная страна — Тут.

— Как интересно! — сказала Варя.

Маруся напрасно беспокоилась. Варе нисколько не было страшно, совсем наоборот, любопытно, легко и весело.

— Где же эта страна находится?

Маруся не успела ответить. Под самым потолком блеснул огонёк, да нет, даже и не огонёк, а сверкнула какая-то крохотная ослепительная точечка. Она стала быстро-быстро приближаться и расти. И вот уже на полу перед Варей и Марусей стоял невысокий человек в широком серебристом плаще и с маленькой круглой шапочкой на голове. Лицо у него было красивое. Чуть бледноватое, правда, но с очень правильными, как говорят, благородными чертами.

— Маруся,— позвал он, и голос у него оказался тоже красивый, мягкий и задушевный.

— Асей! — воскликнула Маруся.— Ты так всегда внезапно появляешься, что я каждый раз вздрагиваю и больно прикусываю язык. Ну на что это похоже!

— Извини,— сказал Асей.— Я не нарочно. Я иначе не могу.

— Исчезаешь тоже всегда на полуслове,— продолжала ворчать Маруся.

— Ну что поделаешь. Так уж получается,— улыбнулся Асей.

Варя смотрела во все глаза на прибывшего.

— Познакомься, Варя. Это — Асей. Хранитель негасимой свечи. Он тоже из страны Тут.

— Какой свечи? — спросила Варя.

— В стране Тут всегда-всегда горит свеча. И пока живо её пламя, эту страну нельзя погубить. Но надо следить всё время, чтобы пламя не погасло. Такая у Асея работа,— пояснила Маруся.

Асей поклонился Варе, потом протянул руку, погладил Варю по её прямым волосам, не задев красненького обруча, и сказал:

— Здравствуй, Варварушка.

Вот это да! Так её называл только папа!

— Здравствуй,— сказала Варя, ничуть не смущаясь, потому что ей показалось, будто она встретила старого друга, даже и не Зину Репьёву, а кого-то, с кем она давно-давно очень крепко дружила, а потом забыла, а теперь вот вспомнила.

— Асей, ты почему здесь? — спросила Маруся.

— Маруся, я к вам за помощью, вот ведь какое дело,— сказал Асей.

— Ты? За помощью? Что случилось?

— Беда. И мне с ней не справиться одному.

— Не можешь справиться? Даже ты? Тогда кто же сможет? Да говори же, наконец! Снова Злин? Опять что-то устроил?

— Опять.

Варя ничего не понимала из этого разговора. Она молча прислушивалась.

— О проклятущий Барна́бас! Что он учинил на этот раз?

— Он издевается над Рекой.

— Как это?

— А так! Он завязал Реку тройным колдовским узлом. И теперь она никуда не течёт. Она не журчит, не льётся, почти не дышит. И все вот-вот погибнут.

— Кто? — спросила Маруся.

— Решительно все,— сказал Асей.— Шёпоты, шорохи, влажные душистые ветерки. Рыбы, раки, стрекозы, бобры, выдры, тритоны, пиявки, моллюски, ондатры,

водоросли, водомерки, жуки, большие лягушки и малюсенькие головастики... Все, кто живёт в Реке, вдоль Реки, у Реки, Рекой.

— О, ехидна! — сказала Маруся.— Когда же это случилось?

— На прошлой неделе. Пламя свечи пришло в такое волнение, я прямо испугался.

— Светит месяц, светит ясный! И созвездие Большой Медведицы, между прочим...— проворчала Маруся.

— Кленовая Королева в отчаянии,— продолжал Асей.— Яшмовый Рыцарь и тот в ужасе, вообще — все-все в тоске и тревоге. Тебе ведь известно, что значит Река для всех жителей страны Тут.

— Что делать? Ты уже подумал, Асей? — спросила Маруся.

— Долго думать не пришлось. Крыса-Ворона проговорилась, что заклинание, которое развяжет узлы на Реке, Злин так запрятал, что его сроду не найти...

— Вздор,— сказала Маруся.— Раз один что-то спрятал, то другой может это отыскать... Это же ясно!

— Но это ещё не всё,— вздохнул Асей.— Заклинание должна помочь отыскать и произнести маленькая девочка. Только тогда оно сработает.

— О Барнабас Злин, злейший из злых и худший из худших! — воскликнула Маруся.

— Ты понимаешь сама, Маруся. Мне без тебя никакую девочку в страну Тут не провести. Что мне тебе рассказывать. Провести ребёнка в страну Тут может только игрушка, пришедшая из этой страны и знающая пароль. А многие ли удостоились этой чести? Единицы! Но ты-то ведь пароль знаешь.

— Знаю,— подтвердила Маруся.

— Ты теперь Варина. Значит, пойти в страну Тут должна с тобой Варя и никто другой.

Варя молча слушала. В неизвестной стране Тут злой Барнабас Злин решил погубить Реку. И всё это имело какое-то отношение к Варе. Короче, Варя должна была помочь её спасти.

Интересно!

Глава вторая

НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАЕШЬ, НАДО РЕШАТЬСЯ

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили одиннадцать.

И сразу же зазвонил телефон. Варя подняла трубку.

— Варя? — послышался мамин голос.— Варя, как ты там?

Варя вопросительно посмотрела на Марусю, Маруся сделала лапой знак: погоди, мол, пока ничего не рассказывай.

— Я — хорошо, мам,— сказала Варя бодрым голосом.

Она нисколечко и не притворялась! Ей действительно было хорошо.

— Варя, ты не нервничаешь, не боишься? Ты... Ты не кашляешь?

— Ну, мам! Я ж говорю, всё хорошо. А ты где?

— В институте. Сейчас приедет профессор де ла Мендоса.

— Хуан?

— Какой он тебе Хуан! Он профессор с мировым именем, а не мальчишка со двора! — вспылила мама.— Ладно, Варя, будь благоразумной. Я ещё позвоню.

Благоразумие — любимое мамино слово. А тут такие непонятности, что не до благоразумия!

— Ну что же, давайте решать, Маруся,— сказал Асей.

— Асей, но ведь у неё астма, мы не можем рисковать.

— Я думаю, риска нет. И даже наоборот,— сказал Асей.

Как это «наоборот», он пока что не объяснил.

— Варварушка, ну что? Пойдёшь с нами в страну Тут? — обратился Асей к Варе.

Варя на минуточку представила себе, кто-то завязал бы её любимую речку Яснышку, которая протекала у них на Глебовой горе, тремя узлами. Как бы она стала высыхать, и как бы она стала умирать, и стали бы погибать лягушки, и жуки, и смешные скользящие водомерки, и даже симпатичная водяная крыса, которую они видели с папой прошлым летом... Надо идти! Надо сделать всё воз можное. Но ведь мама будет звонить.

— Я бы с радостью,— сказала Варя.— Только как же я уйду из дома? Мама не разрешила. И потом... она же будет звонить. Она испугается, если я не отвечу!

— Ну, это мы уладим,— сказала Маруся.— Ты меня слышишь, Зелёный Клим?

— Слышу,— ответил глуховатый, но одновременно и ласковый голос.— Всё слышу.

Варя вздрогнула.

— Маруся, кто это говорит? — в страхе прошептала она.— Кого ты называешь «Зелёный Клим»? Я никого не вижу!

Маруся засмеялась.

— Домик ваш зелёной краской выкрашен, верно? Ну вот, его и зовут Зелёный Клим. Успокойся, детка. Нам отвечает твой дом. Ты разве не знала, что он умеет разговаривать?

— Не-ет,— протянула Варя.

— Идите спокойно. Я отвечу на телефонный звонок. Не беспокойтесь,— вдруг добавил он Вариным голосом. И опять глуховато и ласково: — Варенька умница. Она хорошая девочка. Она сумеет вам помочь. Только вы вот что. Вы, пожалуйста, Аллан-Мели́ка тоже с собой возьмите.

— Да полно, Клим,— засмеялся Асей.

— Что сможет этот маленький карманный волшебник? — заметила Маруся.

— Ну всё-таки,— продолжал Зелёный Клим.— Он может пригодиться. Берегите Вареньку. Злип такой коварный. Я тревожусь за девочку. Я так её люблю...

Варя изумилась. Подумала про себя:

«Как? Разве не только человек может любить свой дом? Оказывается, и дом может любить человека. Или, может быть, не любить? А я и не знала, что наш домик меня любит... Как интересно!»

— Ну, раз ты просишь, Клим,— сказал Асей.— Чтоб тебе не волноваться...

Он стал быстро удаляться и уменьшаться, и вот уже ослепительная бесконечно малая точка мелькнула где-то вверху, исчезла. Варе показалось, что в комнате стало темнее. Но вот точка блеснула снова, стала расти и прибли-

жаться, и через минуту Асей уже опять стоял перед ними и улыбался. Из кармана его серебристого плаща выглядывало крошечное личико маленького человечка или, может быть, гномика? Личико было смуглое, нос с горбинкой, а брови были так черны, что казались наведёнными углем, чтобы играть черкеса в самодеятельном спектакле.

Асей достал человечка из кармана, осторожно опустил на пол.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказал человечек, запахивая полы бухарского халата.— Для тех, кто не знает: я великий волшебник Аллан-Мелик, маг и чудодей. Хотя, как можно меня не знать, не представляю себе.

— Чудодей на пять минут,— проворчала про себя Маруся.

— Как ты можешь так говорить? — возмутился Аллан-Мелик.— Не станешь же ты спорить, что каждый час без пяти минут я могу делать маленькие чудеса и видеть то, чего не видят другие?

— Тебе хоть ясно, зачем тебя позвали? — спросила его Маруся.

Карманный волшебник кинул взгляд на стенные часы.

— Но сейчас же не без пяти минут,— отозвался он с возмущением.— Как же мне может быть ясно?

— Вот то-то,— поддразнила его Маруся.

— Не ссорьтесь, милые мои,— остановил их Асей.— Нам пора в путь. Пошли, Варварушка. Ничего не поделаешь. Надо решаться. Реку надо спасать.

— У нас в дверях английский замок,— сказала Варя растерянно.— Он захлопнется. А мама не оставила мне ключа. Как я вернусь обратно?

Она немного сомневалась. Реку, конечно, надо было спасать. Ей было жалко всех в неведомой сказочной стране Тут. Но особенно почему-то маленьких беззащитных головастиков. Но всё-таки...

— Не надо отпирать никакого замка,— сказал Асей.

— Не надо? — с удивлением спросила Варя.— А как же тогда?

— Но ведь страна называется Тут! — непонятно объяснил Асей.

Маруся взяла плюшевой лапкой Варю за руку. И они

пошли. И всё было так необычно, и странно, и интересно. Только они сделали шаг или два по комнате, как оказались на ступеньках, ведущих к входу в высокую треугольную башню. Башня, похоже, была сложена из белого кирпича. Не обычного белого, а белоснежного. Она уходила куда-то вверх, вверх, терялась где-то в вышине, и вершины её, или крыши, или купола, или чем там она заканчивалась, не было видно. Лёгкая дверь открылась, как только Асей к ней притронулся. И обнаружилась лестница. Ступени её тоже были треугольные.

«Почему это?» — подумала Варя.

— Три точки, три линии, три угла — это прочно и надёжно,— откликнулся Асей.

Как интересно! Видно, он умел слышать ещё не высказанные мысли. Варе было удивительно легко с Асеем и Марусей, как будто она знала их всегда. Никакого напряжения, как бывает иногда с малознакомыми людьми, когда так и ждёшь, что тебе начнут задавать идиотские вопросы, вроде: «А ты кого больше любишь, папу или маму?» или «А ты читать научилась? Буквы знаешь».

Буквы-клюквы... Варя ненавидела такие вопросы, всегда смотрела на вопрошавшего исподлобья и ни слова не отвечала.

— Откуда в нашей комнате башня? Как она тут очутилась? — спросила Варя.

— Не очутилась. Она всегда тут. Просто её никто не видит и не осязает. Ну, на ощупь не чувствует. Такая уж это башня.

— А почему же сейчас я её вижу и... ос... Это, чувствую на ощупь?

— Потому что ты с нами, потому что ты направляешься в страну Тут,— сказала Маруся.

Все трое и Аллан-Мелик в кармане в одно мгновенье легко преодолели ступени.

Варя оглянулась. Батюшки мои! Они уже высоко-высоко поднялись по треугольной лестнице.

«Ой, наверно, там, куда мы идём, опасно?» — подумала Варя.

— Всё опасно для бояки, ничего не опасно для отважного,— услышал её мысли Асей.

— Подождите,— вдруг позвал Аллан-Мелик из кармана.— Без пяти. Ага. Ничего объяснять не надо. Я понял, куда и зачем мы идём.

Голос его звучал сейчас не хвастливо, а совсем по-другому. Чётко, серьёзно и солидно.

— Быстро, Алланчик, сосредоточься, пока у тебя есть твои волшебные пять минут,— попросила его Маруся, на этот раз нисколько не ворча и не подшучивая над ним.

— Всё очень странно,— сказал Аллан-Мелик.— Я пытаюсь разглядеть, куда Злип спрятал заклинание, которое расколдует Реку. И вижу только какую-то непроглядную тьму. Надо искать какую-то темноту. Где? Какую? Не вижу! Темнота — и всё,— добавил он с отчаянием.

— Ну и дальше, дальше что? — торопила его Маруся.

— Ах, да не знаю что,— отозвался Аллан-Мелик из кармана прежним капризным голоском.

Должно быть, его волшебные пять минут кончились.

Все поднялись ещё на пару ступенек, и вдруг путь им преградил... огромный раскрытый железный зонтик.

— Пароль! — сказал то ли зонтик, то ли ещё кто-то металлическим голосом.— Для прохода с ребёнком нужно сказать пароль!

— Вечно пристают с глупостями,— заворчала Маруся.— Светит месяц, светит ясный! Слушай пароль, коли тебе так надо.

Маруся минуточку что-то повспоминала. Потом произнесла:

Солнце и луна,
Ветер и волна,
Вода и огонь,
Детская ладонь
К замку прикоснётся.
Замок отомкнётся.

Зонтик с грохотом закрылся, и они все миновали преграду: Маруся, Варя, Асей и Аллан-Мелик у него в кармане.

Глава третья

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА ТУТ, КУДА ПОПАДАЕШЬ, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили двенадцать раз.

Как зазвонил телефон и что ответил Зелёный Клим Вариным голосом, они уже не слыхали.

— Оглядись, Варварушка, и ничего не бойся,— сказал Асей. А Маруся молча погладила её руку голубой лапкой.

Перед ними вилась узенькая стёжка через огромный, бескрайний некошеный луг. Сухо шелестели высокие травы, повесили головки пёстрые цветы. Варя не знала, как они называются, потому что у них на Глебовой горе таких цветов не было. Это были не ромашки, не лютики, не колокольчики, а неизвестно кто такие. Они тихонько покачивались на высоких стеблях и печально звенели: то ли что-то негромко напевали, то ли жаловались. От этого стояла необычная, мелодичная и грустная тишина. Небо было высокое, какое-то шёлковое и без единого облачка. От солнца расходились радужные лучи — красные, оранжевые, золотистые, зелёные, фиолетовые. В воздухе было как-то необычно сухо. Однако Варя отметила про себя, что ей это пока что не мешает дышать.

— Видишь, как травы и цветы хотят пить,— сказала Маруся, обращаясь к Асею.— Эх, светит месяц, светит ясный!.. Что мы будем делать, Асей?

— Надо пойти посмотреть, в каком состоянии Река. Может ли она говорить. Порасспрашивать, кто какие знает подробности.

Вдруг на солнце точно набежала тень. В воздухе мелькнула большая тёмная птица, покружилась над их головами, исчезла.

— Ну вот! Видали? — сказал Асей раздражённо.— Уже шпионит.

— Сейчас доложит своему хозяину, что мы здесь,— проворчала Маруся.

Варя с испугом на неё поглядела:

— Кто это?

— Это Крыса-Ворона,— объяснила Маруся.— Самая первая подружка и подхалимка Барнабаса Злина.

— Как это можно быть крысой и вороной сразу? — не поняла Варя.

— А вот так. По-разному — для разных надобностей. И все — подлые,— объяснила Маруся.

— Давайте радоваться, что хоть сам первым делом не явился к нам навстречу,— сказал Асей.

«Кто это «сам»?» — подумала Варя.

— Злин,— ответил на её невысказанный вопрос Асей.

Они пошли вперёд по стёжке среди печально позванивающих, изнывающих от жажды трав.

— Маруся, а разве здесь не бывает дождя? — спросила Варя.

— Бывает, почему не бывает? — сказала Маруся.— Но если Река не течёт и воды её высыхают, облакам неоткуда напиться. Откуда же они возьмут воду? Видишь, даже и облаков-то на небе никаких нет.

И тут вдруг им показалось, что на горизонте как раз и возникло облако, которое очень быстро приближалось. Но было оно странным. Оно не плыло по небу, как полагается всякому приличному облаку, а точно соединяло небо и землю, как это случается, когда идёт сильный дождь. Облако надвигалось на них и надвигалось. При этом оно издавало какой-то противный писк.

Вот облако почти приблизилось, как бы повисло в воздухе перед ними серой грязной тряпкой, а справа от стёжки из травы донёсся скрипучий голос:

— Ну, что? Как вы теперь попадёте к Реке? Они ведь куса-а-чие! Ха! Больно кусают! И не глупых медведей, и не дурацких волшебников в кармане, а детушек, живых человеческих детушек, до крови, до крови!

Крыса! Это скрипела Крыса-Ворона. И тут всё стало ясно. Это не было облако, полное спасительного дождя. Это была туча огромных, пищащих, отвратительно ноющих комаров!

Комариная туча приблизилась на расстояние шага, остановилась, повисла в воздухе. А мерзкий крысиный голос продолжал скрипеть:

— К Реке? Как же вы пройдёте к Реке? Комарики не

пустят, не пустят! Да и Река ваша теперь — лужа, лужа! Ха!

И тут же из травы взвилась огромная ворона и полетела прочь.

— Рано радоваться! Рано радоваться! — каркала она во всё горло.

— Стойте,— скомандовал Асей.— Маруся, Варя, не двигаться! Я сейчас!

И он мгновенно исчез.

— Маруся, какие страшные комары,— прошептала Варя в ужасе.— Я таких огромных никогда не видала.

— Стой спокойно, девочка,— ласково сказала Маруся.— Не делай ни шагу.

— Откуда они взялись, Маруся?

Маруся печально вздохнула.

— Раз Злин мучает Реку, значит, она стала превращаться в болото. Вот он их там и разводит, проклятый Барнабас. Болото — это ведь иногда просто мёртвая река...

Над их головами сверкнула точечка. Это возвращался Асей. А за ним неслись ласточки. Огромная стая белогрудых изящных птиц с воинственным цвирканьем кинулась на комариное облако.

Что тут началось! Ласточки бросались на комаров, хватали их острыми клювиками, комары пищали, ныли и зудели и просили пощады. Они пытались удирать от ласточек, подлетали вверх, опускались вниз, мелькали и мельтешили перед глазами, всё комариное облако точно плясало в воздухе. И было противно смотреть на этот уродливый танец...

Но вот облако стало редеть, в нём, как в старой серой тряпке, появились дыры, потом оно стало совсем прозрачным и наконец в жарком воздухе не осталось ни одного комара.

— Фу! — облегчённо перевела дух Маруся.

— Нечего было за ними летать, я бы сам что-нибудь придумал,— пробурчал Аллан-Мелик из кармана.

— Молчи уж, карманный! — проворчала Маруся.— Опять хвастаешь!

— Браво, птицы! — воскликнул Асей и помахал ласточкам рукой.— Спасибо!

— Не́ на чем, не́ на чем,— зацвиркали ласточки.— Ценим дружбу, ценим дружбу и верность ценим!

Ласточки покружились над лугом и улетели.

— Ну вот, справились,— сказал Асей.— Теперь вперёд. Тут недалеко — берег.

— Был берег,— печально откликнулась Маруся.— Эх, светит месяц, светит ясный...

Вскоре луг кончился, и они действительно вышли к Реке.

К Реке! Боже мой, сплошные слёзы!

Река лежала, как старая заношенная ленточка из косы, давно потерянная и забытая. Воды в ней было совсем мало, и вода эта была неподвижна, темна и не отражала разноцветных радужных лучей здешнего солнца. Прибрежные травы повяли и не шелестели, и было что-то очень печальное в этой тишине. Тишину нарушал только время от времени доносившийся от Реки то ли вздох, то ли стон. По берегу не бегали кулички, над Рекой не летали весёлые стрекозы. Никого не было видно, сплошная неподвижность и погибель.

— Бедная, бедная,— прошептала Маруся.— О злой, гадкий Барнабас! За то, что он такой злобный, такой ничтожный, он хочет отомстить всему свету и не оставить радости никому. Ведь Река так любила всех! Для всех у неё находилась капелька радости, для каждого у неё было хорошее слово и весёлый подарок.

Варя стояла ошеломлённая. Ей было так жалко Реку, что захотелось заплакать. Маруся поняла, что она чувствует, и сжала её руку своей мягкой лапой.

— Что же... делать? Что же... делать? — повторяла Варя, уже начиная всхлипывать.

— Варварушка, погоди плакать, погоди,— сказал Асей.— Мы ведь с тобой для того здесь, чтобы спасти её, чтобы вернуть ей жизнь.

— Мы многое можем, я с вами, не забывай,— важно произнёс Аллан-Мелик, а у Маруси даже не было сил, чтобы одёрнуть его.

— Посидим, подумаем,— сказал Асей.

И они все присели на печальном речном берегу.

— Давайте рассуждать,— продолжал он.— Ты говоришь, Аллан-Мелик, что видишь темноту. Значит, Злип спрятал волшебное заклинание в каком-то тёмном месте.

— А то, что один спрятал, другой может найти. Верно? Нельзя найти только то, чего нет. А что есть, то непременно рано или поздно отыщется.

— Должно отыскаться! Должно! Не дадим же мы ему погубить Реку! — горячо отозвалась Маруся.

— Варварушка, что с тобой? — спросил вдруг Асей.

Варя действительно что-то очень побледнела. Она попыталась вдохнуть воздух, но он не вдыхался. Ой, сейчас начнётся приступ астмы. А она даже ни таблеточки не взяла с собой.

— Посмотри! — закричал вдруг Аллан-Мелик, высовываясь из кармана.— Видишь?

Аллан-Мелик протянул к Варе свои маленькие ладошки, а на них оказались два маленьких пёстрых петушка. Они дважды прокукарекали, а потом затеяли смешную драку, налетали друг на друга, петушились и важничали.

Варя рассмеялась, воздух вдохнулся, бледность прошла.

Немного подравнись, петушки вдруг исчезли.

— Всё,— сказал Аллан-Мелик серьёзно.— Пять минут кончились. А что,— добавил он уже другим, хвастливым голосом,— годятся на что-то ведь и такие искусные вол шебники, как я?

— Цены бы тебе не было, если бы ты не был таким задавалой,— сказала Маруся.

Но Аллан-Мелик её не услышал. Потому что Асей исчез вместе с ним.

— Ну вот,— сказала Маруся.— Как всегда. И главное, с этим ничего не поделаешь. Свеча. Он должен проверить, как она там.

— А почему именно Асей должен? - спросила Варя.

— Жители страны просят самого уважаемого, самого надёжного и мудрого хранить огонь свечи. Они выбрали Асея. Вот почему Асей мгновенно исчезает, если он чувствует, что подул ветерок, или надо поправить фитиль,

или ещё там что. Он отвечает за свечу. Это очень серьёзно. Понимаешь?

— Да,— ответила Варя.— Но как же Река? Что нам-то теперь делать?

— А вот мы с тобой сейчас и поразмыслим,— отозвалась Маруся.

Глава четвёртая

КЛЕНОВАЯ КОРОЛЕВА

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили час. Там, где-то далеко, дома. А здесь были умирающая Река, и глубоко задумавшаяся Маруся, и растерянная Варя.

У Вари в мыслях точно прыгал и никак не мог успокоиться звонкий резиновый мячик. И при этом ей точно кто-то что-то нашёптывал, да ещё и одновременно в оба уха. В правое ухо ей говорилось, что всё это вздор и сплошное безрассудство и что так не бывает и всё просто сплошная фантазия. Варя догадывалась, кто это шепчет. Это шептала мамина рассудительность. Как-никак Варя мамина дочка, в ней целая половинка — мамина. Но в левое ухо влетали слова: «Как необычно! Как интересно! Чего там рассуждать «бывает — не бывает». Надо действовать!»

А это говорило папино всегдашнее весёлое любопытство. Потому что как-никак Варя ведь ещё и папина дочка. И другая половинка в ней — папина.

— Значит, так. Я думаю, нам надо что-то самим предпринимать,— сказала Маруся в лад папиным словам.— Не можем же мы тут сидеть вечно и смотреть, как погибает Река. Давай соображать. Раз Аллан-Мелик увидел темноту, значит, давай думать, где бывает темно.

— А где? Если не ночью? — спросила Варя.

— Ну, например, в лесу. В густом лесу, где деревья отбрасывают тёмные тени...

Она не договорила, потому что в этот момент у них над головами пропорхнула маленькая птичка.

— Читайте! — прощебетала она и улетела.

— Что читать? — удивилась Маруся. И сейчас же заметила, как откуда-то сверху, кружась в воздухе, к ним опускается листок. Он был похож на кленовый, только гораздо больше, чем бывают листья даже у самого большого клёна.

Варя подхватила его и показала Марусе. Что же тут можно было прочесть? Изображённое на листе выглядело так: две стрелочки показывали разные направления. Под ними был нарисован кленовый лист и корона. Под этим изображением был вопросительный и восклицательный знаки, а дальше буква «Х» или крест, и перед ним и после него — восклицательный знак.

Варя тихонько сказала:

— Ой!

И в самом деле, как же не «ой», если написано не буквами, а какими-то непонятными знаками?

— Кто-то над нами подшутил, что ли? — задумчиво спросила она.

— Им сейчас в стране Тут не до шуток,— ответила Маруся.— Это какие-то новые письмена. Они изобрели их, пока меня не было. Светит месяц, светит ясный... Ну-ка, давай сосредоточимся! Стрелки... Что могут обозначать стрелки?

— Например, куда надо ехать. Или идти,— сказала Варя.— Но почему они тогда показывают в разные стороны?

— Да, почему в разные стороны? — как эхо откликнулась Маруся.— И что обозначают лист и корона?

— Короны носили короли и королевы, когда они были,— заметила Варя.— Золотые. С драгоценными камнями.

— А при чём тогда лист? — озадачила её вопросом Маруся.

К чему кленовый лист, было совсем непонятно. Никакого толку от этого странного птичьего письма не получалось.

Но тут опять над ними пропорхнула маленькая птица, то ли та самая, то ли другая, и пискнула:

— Читайте стихи.

— Какие стихи?

Варя быстро стала вспоминать, какие она знает стихи, и принялась читать первый всплывший в памяти стишок, который она когда-то выучила наизусть. Надо сказать, стишок вовсе не подходил к случаю:

У ежа зимою спячка,
Это значит — ёжик спит.
На дворе живёт собачка,
Дом хозяйский сторожит.
Ходит кот по краю крыши,
Окунь — в проруби речной.
Из трубы всё выше, выше
Улетает дым печной.

Но от такого стихотворения суть написанного на листе нисколечко не прояснилась.

— Да нет,— сказала Маруся.— При чём тут собачка? Смысл в чём-то другом.

— Вот только бы знать — в чём,— сказала Варя.

— Ах, если б Асей был с нами или, на худой конец, Аллан-Мелик,— заметила Маруся.

Она глубоко задумалась.

— Кажется, ясно,— проговорила она наконец.— Конечно! Как же я сразу не сообразила. Тут написано стихами. Вот посмотри.

Маруся стала показывать значки на листе и читать. Действительно, получалось как бы стихотворение:

Сначала направо.
Потом — налево.
Вас ждёт Кленовая Королева.
Задайте вопрос.
Получите ответ.
Всё, что узнаете,
Строгий секрет.

Вроде бы то, что сказала Маруся, действительно совпадало со знаками на листе.

— Ну, тогда скорей пошли, это очень интересно! — заторопила Варю папина половинка. Мамина рассудитель-

ная половинка на этот раз даже и не попыталась вступить в спор.

— Странно,— сказала Маруся.— Насколько я помню, к Клеповой Королеве надо бы идти отсюда, наоборот, сначала налево, потом направо. Видимо, она перенесла свой дворец в другое место. Чтобы не знал Злин. А! — вдруг воскликнула Маруся.— Я понимаю! Пока меня здесь не было, они договорились в Тут писать нарисованными стихами. Злин ведь не понимает ни рисунков, ни стихов. Пойдём, Варя!

И они пошли, как было указано в письме,— направо. И вскоре деревья с высоченными стволами, прямыми и толстыми, стали выходить им навстречу: одно, ещё одно, потом сразу несколько. Варя и Маруся вошли в лес.

Они увидели тропинку, ведущую вправо, и пошли по ней. В лесу было тенисто, сумрачно, тихо. Только листья, похожие на листья клёнов, сухо и печально шелестели, да ещё под ногами потрескивал сухой мох. Через некоторое время тропинка раздвоилась. Они повернули налево, как им показывала стрелка на листе, и шли довольно долго. Тропинка вела их, вела, как бы заманивала. Стволы деревьев росли чаще и были выше, чем на опушке. Кроны почти что образовывали крышу.

Потом Варя и Маруся попали в заросли папоротника и уткнулись в густую, непроходимую изгородь из какого-то кустарника с жёлтыми шипами. Тропинка возле кустов кончалась, и непонятно было, куда дальше идти. Но в изгороди оказалась калитка. На калитке висел золотой молоток.

— Стучи,— сказала Маруся.

Варя взялась за молоток и постучала. Калитка отворилась. Перед ними возник привратник. Казалось, он был вырезан из дерева. На нём были зелёные до колен штанишки, зелёные чулки и зелёный же камзольчик. Он довольно изящно поклонился и сказал тихим, шелестящим голосом:

— Их величество Кленовая Королева ждёт вас. Входите.

За высоким забором из колючего, шипастого кустарника на лужайке стоял королевский дворец. Странного,

надо сказать, вида. Он был построен так, как будто он — дерево. Широкая лестница вела к парадному входу в «стволе» этого «дерева». По «стволу» располагались большие светлые окна в два этажа. А дальше бесчисленные галереи и переходы как бы образовывали ветки, на которых располагались разные дворцовые помещения в виде огромных листьев. В каждом листе тоже было по большому окну.

Зелёный слуга поднялся по ступеням и распахнул двери. Маруся и Варя прошли в широкие сени, затем он отворил ещё одни двери, и Маруся с Варей оказались в тронном зале. У дальней стены стоял королевский трон. Трон сверкал, отливал золотыми бликами, и сделан он был в виде огромного пня! Пол в зале был устлан мягким мхом, стены завешаны коврами, сплетёнными из диковинных растений. Откуда-то сверху лился приятный зеленоватый свет. На троне восседала Кленовая Королева.

— Мы их ждали, не правда ли, душенька? — обратилась Кленовая Королева к самой себе.

— Нам передали письмо Вашего величества, и вот мы здесь,— сказала Маруся с поклоном.

— Хорошо, что вы пришли, мои маленькие, хорошо,— отозвалась Кленовая Королева.— У нас такое несчастье.

Она всхлипнула, достала из кармана своей длинной зелёной мантии кружевной платочек и вытерла набежавшие слёзы.

— Так жалко Реку. Она так много для нас сделала. Поверите ли, однажды Злин пошёл войной на наше королевство. Вообразите, он решил его сжечь! И что же сделала Река? Рискуя обмелеть, послала нам на подмогу несметные свои волны, и нам удалось победить. А теперь что? Как печально, душенька, правда, как печально? — опять сказала самой себе Кленовая Королева.— Молодец, что ты привела девочку,— обратилась она на этот раз к Марусе.— Но ведь это ещё не всё. Нам неизвестно, куда он спрятал нужные слова... Нам хотелось увидеть тебя, маленькая,— сказала она Варе.— Но что нам делать, мы не знаем, ах, не знаем!

Варя обратила внимание на то, что Королева говорила о себе во множественном числе.

— Ваше величество,— сказала Маруся.— Известно, что он спрятал волшебные слова в очень тёмном месте.

— Да? Где ж оно может быть? — спросила Кленовая Королева.— В лесу? — задумчиво промолвила она.— А вдруг в лесу? Деревья отбрасывают густые, тёмные тени, темнота живёт в глубоких оврагах, темно бывает в лесных лощинах... Что ж, попробуй, душенька, попробуешь, а?

Кленовая Королева позвонила в колокольчик, вошёл зелёный слуга.

— Мы приказываем всем, у кого ещё остались силы преодолевать жажду, зверям, птицам, насекомым, кто ещё может ходить, летать и ползать, осмотреть все места в нашем королевстве, где живёт темнота. Надо найти волшебные слова, которые спрятал Барнабас Злин.

Слуга молча поклонился и вышел.

— Может, есть ещё надежда, маленькие мои, а? — сказала Королева.— Сейчас, сейчас они явятся. А вдруг? Вдруг?

Слуга действительно очень скоро вернулся.

— Говори нам — что? — воскликнула Королева.— Мы в таком волнении. Ну же, нашли?

Слуга молча покачал головой.

— Ах, какое отчаяние!

Кленовая Королева опять достала свой платочек.

— Не нашли! Что ж, мои маленькие, остаётся вам искать. Ищите, где темно. Но где? Где? Вам придётся самим, самим. Я даже не могу послать с вами никого из моих слуг. В стране Тут каждый должен оставаться на своём месте, в своих пределах. Ах, ах, что же придумать, душенька, а? Что ж придумать? Где же ещё темно? Где темно? Ах вот что. Я советую вам пойти к Яшмовой горе. Да, да. Повидайтесь с Яшмовым Рыцарем. Уж в горé-то полно тёмных закоулков, и пещер, и гротов, и переходов, и туннелей. Может, Злин спрятал волшебные слова именно там? Ах, как знать, как знать... Я дам вам письмо к Яшмовому Рыцарю. Он может не принять вас без письма. Ах, сейчас такие времена настали...

Кленовая Королева взяла листок и что-то на нём написала каким-то особенным карандашом, или это была палочка?

На листе расположились такие же, как в первом письме, знаки. Там было нарисовано сердечко, дальше под ним изображались корона, такая же, как в первом письме; треугольник, по-видимому обозначавший гору, и цветочек с пятью лепестками. Дальше была просто черта, и от неё — стрелка вниз. А под этой как бы строкой — солнышко с расходящимися лучами.

Варя и Маруся уставились на листок, опять ничего не понимая.

— Мы вот что пишем Яшмовому Рыцарю,— сказала Кленовая Королева.

«Сердечный друг,
Отведи моих посланцев на горный луг».

Корона — это значит мы, королева; треугольник обозначает гору, а цветок — луг. А остальное значит:

«Направь их под землю, в пещеры.
И не теряй веры».

Последняя строка обозначена солнышком, понимаете, маленькие мои?

— Да-а,— протянула Маруся.

— Что ж, идите. Будьте очень осторожны, Крыса-Ворона наверняка за вами пристально следит. Держите в секрете, куда вы направляетесь. Да, вот ещё что. Будьте очень деликатны с Яшмовым Рыцарем.

— Он сердитый? — осмелилась спросить Варя.

— Ах, нет, нет. Только очень вспыльчивый. Особенно если ему покажется, что ему говорят неправду. Он не выносит лгунов.

— Мы не станем говорить неправду,— заверила её Маруся.

— Счастливо вам, маленькие мои. Мы будем надеяться. Вас проводят до конца Кленового Королевства. И никому, никому не говорите, куда вы идёте.

Глава пятая

КТО ИСПУГАЕТСЯ, ТОТ САМ У СЕБЯ ПОТЕРЯЕТСЯ

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили два. Зелёный Клим ждал звонка. Но телефон молчал. Видно, мама была очень занята с профессором Мендосой.

А Варя и Маруся тем временем шли по кленовому лесу. В лесу было сумрачно и неприятно.

— Маруся, мне немного страшно,— сказала Варя.

— Постарайся не бояться,— сказала Маруся.— Когда человек боится, он теряет себя. Тогда всё злое получает над ним власть.

Что-то в этом роде объяснил Варе и папа. Но она тогда была маленькая и не поняла и не запомнила.

На тропинку выскочил зайчишка. Просто удивительно: это был игрушечный заводной заяц! Он поглядел на идущих своими симпатичными раскосыми глазами, легонько кивнул и поскакал вперёд. Наверно, указывал им путь. Они двинулись следом по тропинке. Заводной заяц вскоре исчез из виду. Но тропинка осталась. И они продолжали идти. Несколько раз над тропинкой пролетали птицы. Но молча. Мелькнёт — и исчезнет. То ли это были провожатые, а может быть, и нет, кто знает?

Вдруг послышалась песенка. Она звучала впереди, всё время — на шаг, на два перед ними.

Кто это пел? В полумраке леса трудно было разглядеть. А песенка всё пелась и пелась, где-то тут, близко. И была она какая-то чудна́я, какая-то вроде бы даже бессмысленная:

Давайте по шажочку
Шагайте через кочку,
Переступайте корни,
Проворнее, проворней!

Тра-ля-ля-ля,
Кружись-кружись,
С зелёным ветром
Подружись!

А если кто летает,
Тот в небесах растает,
Исчезнет понемножку,
Не вправду — понарошку.

Тра-ля-ля-ля,
Кружись-кружись,
С зелёным ветром
Подружись!

Да кто же это в самом деле распевает? Маруся всё вглядывалась и вглядывалась в лесную полутьму. И Варя пыталась разглядеть. Ни той, ни другой ничего не удавалось заметить. Но вот в одном месте получилось в ветвях деревьев небольшое окошечко, этим воспользовался голубой луч, скользнул в лес, и они увидели целый рой крошечных с прозрачными зелёными крылышками мушек-златоглазок. Они мелькали в воздухе, их тоненькие и нежные зелёные крылышки просвечивали, выпученные золотые глазки блестели. Это несомненно они кружились над дорожкой и пели, указывая путь.

— Маруся, как ты думаешь, мы сумеем отыскать волшебные слова? — спросила Варя.

— Обязательно,— сказала Маруся, хотя где, когда и как, она не имела ни малейшего понятия.

Златоглазки всё пели и пели своё «Тра-ля-ля-ля», разноцветные лучи время от времени ныряли в прогалы между ветвями. Маруся с Варей всё шли и шли, и Варя понемножку переставала тревожиться.

Но вдруг Маруся остановилась. Что-то случилось. Она не сразу поняла что. Потом сообразила: песенка златоглазок смолкла. В наступившей тишине было что-то недоброе. Трава зашевелилась. Послышалось шипение в траве:

— Куда вы идёте, ах, куда вы идёте! Скажите, скажите!

Какой шелестящий, вкрадчивый, противный голос! Так хотелось, чтоб этот голос поскорей замолчал, и перестал бы шелестеть, и перестал бы выпытывать.

— Маруся, кто это? — шёпотом спросила Варя.

— Молчи и ничего не говори,— так же шёпотом ответила Маруся.— Помни, что сказала Кленовая Королева.

Где-то над их головами хрипло и неприятно закаркала ворона. Уж не была ли это сама зловещая Крыса-Ворона? Наверно. Потому что как только смолк вороний грай, так неподалёку от них снова зашевелилась трава от противной крысиной побежки. И тут же Маруся вскрикнула. Правую лапу что-то защемило. Она дёргала лапу, но то, что её держало, продолжало держать. Сверху опять донёсся гадкий вороний голос. Похоже, Ворона смеялась. Но какой отвратительный это был смех! Варя испугалась. Ей стало по-настоящему страшно. Как только она впустила в себя страх, что-то задрожало у неё внутри. От страху ей захотелось оказаться дома, хотя бы даже одной, и она на мгновенье забыла про Марусю.

Что-то тёмное, вроде какого-то тёмного облака, накрыло её, обдало холодом, завертело, понесло. И когда это тёмное и холодное что-то рассеялось, она оказалась совсем в другой части леса, вовсе не на тропинке, вовсе не с Марусей, а одним-одна. От этого ей стало ещё страшней.

— Маруся! — кричала и звала Варя. — Маруся! Где ты?

Нет, никто, решительно никто не откликался. Варя попробовала пойти наугад. Какое там! Вокруг росли непроходимые колючие кусты, которые цеплялись за юбку, хватали за руки, царапали.

«Ну вот,— говорила ей мамина половинка.— Допрыгалась. Что теперь? Разве можно, не подумав, не сообразив, не взвесив, пускаться в какие-то путешествия неизвестно куда? Так поступают только несерьёзные люди».

А папина половинка хранила полное молчание. Ей нечего было сказать. Варе оставалось только одно — погибать! Ей было так жутко, что она даже не могла плакать. Звать Марусю она перестала, почувствовала — бесполезно. Варя присела прямо на траву. Свесила голову. Страх не отпускал. Он сидел в ней где-то глубоко, вцепившись в неё, и легонько её потряхивал.

Боже ты мой, что же бедной Варе делать? Мама далеко-далеко. Папа ещё дальше. А где сама Варя? Сама Варя-то где, объясните, пожалуйста, кто-нибудь?

И вдруг несколько тоненьких голосков пропищало над самой её головой:

— Здесь! Здесь! Здесь!

Варя подняла голову. Никого.

— Здесь! Здесь! Здесь!

Варя наконец увидела и так обрадовалась, так обрадовалась! Это были маленькие зеленокрылые златоглазки. Они закружились над ней и запели опять ту прямо какую-то бредовую песенку:

Кто в облако ныряет,
Тот сам себя теряет,
И надо в тёмной роще
Самой себя найти.

За деревом, у кочки,
Где жёлтые цветочки,
Где тонконогий хвощик,
У ветра на пути.

— Златоглазки, милые, я ничего не понимаю! О чём вы? — взмолилась Варя.

Но златоглазки не умели говорить, они умели только кружиться и петь. Поэтому они снова пропели ту же самую песенку. Со второго раза Варя кое о чём начала догадываться. Она вспомнила, как Маруся (где она теперь, милая, плюшевая Маруся?) говорила ей — «от страха человек сам себя теряет». А ведь златоглазки поют о том же. А тёмное облако, которое её окутало и принесло сюда — это ведь и был страх! Так! Значит, она, Варя, сама себя потеряла от страха. Но как же себя найти? И что это всё значит? — размышляла Варя. А впрочем... К а к — это неизвестно, а г д е — это златоглазки ей сказали. За деревом, за кочкой... Так, так. У Вари появилась надежда.

— Златоглазки,— сказала она.— Вы хоть поможете мне отсюда выбраться? Меня не выпускают эти колючие кусты.

Златоглазки покружились и полетели. И там, где они пролетали, кустарник действительно оказался не так густ, и Варя смогла пройти. Заросли совсем кончились, она опять попала в кленовый лес.

Златоглазки тут же улетели. Варя снова была одна.

«И надо в тёмной роще самой себя найти»,— звучали у неё в голове слова песенки.

«Как это «себя найти»?» — думала она.

Варя побрела наугад. Деревья, деревья, деревья... Она брела от дерева к дереву, а деревья всё не кончались, за одним было другое, за другим — ещё одно. Что же значила эта песенка, что же она всё-таки значила?

И вдруг Варя остановилась. Она увидела дерево. Нет, это было не просто дерево. Это было ДЕРЕВО. Высотой с телебашню. Ствол у него был такой, что Варя не сразу бы смогла объехать его на своём велосипеде, если бы, конечно, он вдруг оказался под рукой. Возле дерева высилась поросшая травой кочка — не кочка, а прямо-таки высоченный холм. А чуть поодаль росли цветы. Стебли их были чуть выше Вариного роста, жёлтые колокольчики на них — побольше Вариной ладони. Рядом с цветами, почти такого же роста — зелёный пушистый хвощ. Он покачивался на ветру и звенел. Но самое удивительное... Нет, даже не так. Поразительное! Невероятное! Невообразимое! Под этим диковинным деревом стояла она сама — Варя. Да, да! И свитерок на ней был такой же — синенький, и клетчатая юбка с карманами, и разношенные кроссовочки...

Что это такое? Она отражается в чём-то? Но в чём? Зеркала под деревом, как и следовало ожидать, не обнаружилось. Тогда что же это такое?

«Это я? — подумала Варя.— Я тут стою? Что это значит? Значит, я нашла самоё себя? Ну и ну!»

А тут ещё зашевелилась папина половинка и сказала: «Интер-е-есно! Не дрейфь! Любопытно ужас!»

Варя сделала шаг по направлению к той, второй, неизвестно откуда взявшейся Варе. Потом ещё шаг. Она протянула было руку, чтобы до неё дотронуться. Но та, другая Варя, растаяла в воздухе в то же мгновение. Исчезла, как не была. И ни крошечки не было никакого страха. Варя оглянулась. Что-то голубое мелькнуло между стволами. Что это было? Да не что, а кто! Мягкими, плюшевыми шагами к ней приближалась Маруся. Подошла. Погладила Варю голубой лапкой.

— Молодец! — сказала Маруся.— Сперва потерялась от страха, но всё-таки набралась мужества и сама себя отыскала. Ничего не скажешь — молодец!

— Маруся! — воскликнула Варя.— Маруся, почему тебя со мной не было? Как ты теперь-то тут оказалась? И что вообще случилось?

— Погоди,— сказала Маруся.— Не все вопросы сразу. Сейчас всё тебе скажу. Я не могла быть с тобой. Кто себя потерял, тот сам себя и найти должен. Оказалась я тут очень просто — меня привели златоглазки. Весёлые они ребята! — заметила она.— А случилось вот что: тебя напугала Крыса-Ворона. Светит месяц, светит ясный... Эта дура по дороге расставила капканы. На меня — капканы! Что я, обыкновенный лесной медведь, что ли?

— Но ты ведь закричала! — сказала Варя.

— Ну и что? Вскрикнула от неожиданности. Всякий вскрикнет. Капкан-то защёлкнулся. На секундочку. Подумаешь! Точно я не сумею открыть капкан!

— А что же случилось со мной?

— А ты испугалась. Вот и потеряла себя от страха. Этого Крыса-Ворона и добивалась. Но ты всё-таки молодец,— опять похвалила Варю Маруся.

Глава шестая

ТРЕБУЕТСЯ МУЖЕСТВО

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили три раза. Звонила мама и спрашивала Варю, пообедала ли она, и «Варя» сказала, что пообедала, и ещё мама хотела знать, вымыла ли она посуду, и «Варя» сказала, что вымыла, и ещё мама интересовалась, что Варя делает, и «Варя» сказала, что читает книжку про Питера Пэна и девочку Вэнди.

А настоящая Варя и голубая медведица пробирались по кленовому лесу к опушке, и предстояло им найти дорогу к Яшмовой горе...

— Да, нам с тобой требуется мужество,— сказала Маруся.— Асея что-то долго нет. А нам необходимо выйти за пределы владений Кленовой Королевы, а там уж — ни провожатых, ни помощников.

Варя вздохнула. Теперь-то уж она старалась изо всех

сил, чтобы ненароком не испугаться. Она-то уж знала, что страх — это опасно.

— Надо нам с тобой сообразить, каким путём лучше идти,— продолжала Маруся.— Стоит подумать.

— Не стоит,— ответил ей чей-то голос с дерева.

— То есть как — не стоит?

Маруся и Варя задрали головы и посмотрели вверх. Кто это с ними разговаривает?

По стволу спускалась белка.

— Не надо ничего соображать,— повторила она.— Её величество Кленовая Королева приказала проводить вас до границы. Идите за мной.

— Ты пойдёшь по дороге? — спросила Маруся.

— Ну уж увольте! — ответила белка.— Я не собака.

Белка перепрыгнула на соседнее дерево, потом — на соседнее. И опять, и опять — с ветки на ветку, с ветки на ветку. Им пришлось идти и всё время задирать голову, чтобы не потерять её из виду.

— Благодарю покорно,— ворчала про себя Маруся.— По-моему, она спутала меня с журавлём. Для такого провожатого нужна журавлиная шея, скажу я вам.

Скоро деревья начали редеть, клёны стали пониже. Обозначилась опушка. Белка сделала ещё один прыжок.

— Всё,— сказала она.— Дальше я идти не могу. Прощайте. Её величество Кленовая Королева желает вам доброго пути.

И не успели они поблагодарить белку, как та исчезла. Путники огляделись. Вдалеке перед ними виднелась высокая гора. Прямо от опушки начиналась довольно широкая дорога.

— Пошли, Варенька,— как обычно, очень мягко и душевно сказала Маруся.— Во-он виднеется гора. Думаю, нам как раз туда и надо.

И они тронулись в путь. По краям дороги лежали огромные гладкие камни-валуны. Некоторые из них поросли мхом. И были они похожи на древних стариков, уставших жить и печальных.

На небе по-прежнему сияло радужное солнце. В воздухе по-прежнему было очень сухо.

Стояла полная тишина. Не пролетали птицы, не пор-

хали бабочки, даже хоть какой-нибудь мошкары и то не было видно.

Наконец замшелые валуны по бокам дороги перестали попадаться, дорога пошла круто вверх, потом она двинулась вдоль молчаливых отвесных скал. Потом и скалы кончились.

Варя и Маруся вышли к горному ущелью и тут остановились. Какая величественная перед ними открылась картина, но какая безрадостная! Чувствовалось, и как ещё чувствовалось, что с Рекой случилась беда. Склоны ущелья сплошь поросли кустарником. И кустарник этот был весь в цвету. Крупные красные цветы-колокола покрывали ветки. Но листья-то их совсем завяли. И цветы завяли и свешивались с веток, как тряпочки. И было видно, что некогда со склонов неслись водопады, наверное, шумели, веселились, брызгались и разноцветные лучи солнышка отражались в каждой капельке. Сейчас они стекали жалкими ручейками, вяло, молча, молча, в полной тишине. Было совершенно ясно, как вся эта местность тосковала по хорошему, живому дождю.

— Варя, листок с письмом у тебя? — спросила Маруся.

— Должен быть! — сказала Варя и сунула руку в карман своей клетчатой юбочки. Там лежали платочек с немного полинявшими от частой стирки котятами и каким-то образом попавшая туда копейка. Кленового листка с письмом не было.

— Маруся,— прошептала Варя.— Я его потеряла. Его нет в кармане. Что ж теперь будет?

— Светит месяц, светит ясный... В самом деле, что ж это будет? Ладно, ничего. Поворачивай и пошли назад — поищем.

— А если его у меня выкрали каким-нибудь хитрым образом, что тогда? — чуть не плакала Варя.

— Не плачь раньше времени, может, найдём. Может, ты просто выронила его,— постаралась успокоить её Маруся.

Они вышли из ущелья и вернулись назад к молчаливым скалам.

Листка с письмом нигде не было. Со скалы скатился

камень и упал к ним под ноги. Потом свалилось ещё несколько небольших камней. Что это? Неужели начинается обвал?

— Варя, быстро! — сказала Маруся.— Вот тут есть углубление в скале. Спрячемся и переждём.

Они торопливо нырнули в небольшую пещерку и прижались к скале.

Послышался грохот и гул, и камни покатились вниз сплошным потоком. В одну минуту стало совсем темно. Вход в пещеру завалило камнями. До них глухо донёсся вороний грай.

— Маруся! Маруся, ты здесь? — прошептала Варя.— Маруся, я ничего не вижу. Как мы выберемся отсюда, Марусенька? Мы погибли, да?

Она почувствовала мягкую лапу на своей щеке. Наверно, Варя опять очень испугалась бы, и неизвестно, что бы случилось дальше, но тут неожиданно вспыхнула яркая точечка, стала быстро расти и приближаться, и вскоре в темноте послышался знакомый голос:

— Варварушка, что ты, что ты! Погибелью и не пахнет!

И уж конечно, тут же донеслись слова из кармана:

— Не забывайте, с вами великий волшебник и чудодей, а значит, бояться нечего.

Легко догадаться, кто произнёс эти слова.

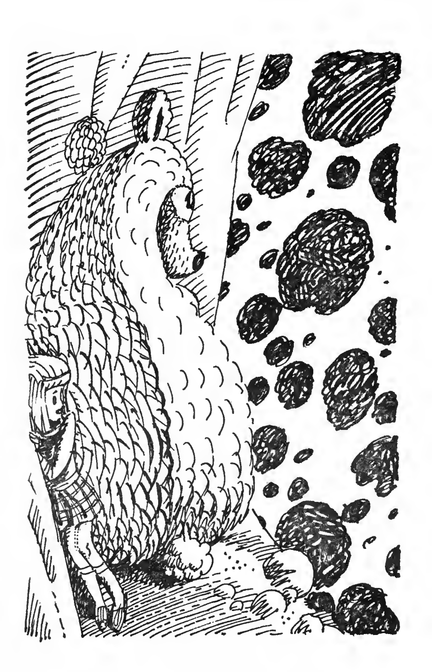
— Я знала, что ты появишься, когда будет уж очень опасно, Асей,— сказала Маруся, оставляя при этом без внимания заявление Аллан-Мелика.— Кажется, мы действительно попали в очень трудное положение. Беда в том, что мы-то не можем, как ты, уменьшаться до размеров точки.

— Да, это жаль,— подтвердил невидимый в темноте Асей.— Но давайте радоваться, что мы сейчас вместе. Надо хорошенько подумать, как нам быть. Ты-то что скажешь, Аллан-Мелик?

— Ах, да подожди,— ответил Аллан-Мелик капризным тоном.

— Чего ждать? — поинтересовалась Маруся.

— Сейчас, ну ещё чуть-чуть терпения,— отозвался карманный волшебник. И уж совсем по-другому

продолжал: — Ну вот. Без пяти минут. Сейчас я сосредоточусь. Ага. Вижу, что надо делать. Снаружи лежит рыжий камень. На рыжем камне лежит чёрный камень. На чёрном камне лежит громадный серый камнище. Он-то и закрыл выход из пещеры. Надо нажать на рыжий камень, стукнуть крепко по чёрному камню, тогда и серый камень откатится. И выход из пещеры откроется.

— Ничего, наверно, не получится,— вздохнула Варя.— Камни-то снаружи, а мы-то внутри.

— Полно, это-то уж совсем не забота,— успокоил её Асей.

Светлая точка сверкнула. Исчезла. Какое-то время длилась тишина. Варя и Маруся замерли. Ждали. Потом послышался стук, следом — грохот. Камни, завалившие вход в пещеру, раскатились.

В образовавшийся проём хлынул свет. Маруся и Варя кинулись к открывшемуся выходу. Там их ждал улыбающийся Асей.

— Вот и всё! — радостно приветствовал он их.

И... что это было у Асея в руках?

Он протягивал Варе вчетверо сложенный кленовый листок — потерянное письмо Кленовой Королевы.

— Откуда он у тебя, Асей? — радостно воскликнула Варя.

Асей в ответ только улыбнулся, а Аллан-Мелик ответил загадочно:

— Карманные волшебники существа весьма полезные, возьмите это себе на заметку!

Глава седьмая

СТРАННЫЙ ПИР У ГРЫЗУНОВ

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили четыре раза. Звонка не было. Мама и профессор Мендоса обедали...

– Впереди — дорога,— сказала Маруся.— И кто знает, что ещё ждёт нас на пути.

— Да,— согласился с ней Асей.— Надо спешить. Бедная Река очень плоха́, совсем плоха́.

Они все вместе прошли по красивому ущелью, и Варе очень хотелось, чтобы Асей больше не исчезал.

Дорога вышла в долину. И вот теперь была полностью видна Яшмовая гора. До неё было ещё довольно далеко.

Солнце жарило. Дул вялый сухой ветер. Здесь, в долине, снова стали попадаться пёстрые, печально звенящие на ветру, совсем приунывшие цветы.

— Хорошо бы мы быстро-быстро отыскали волшебные слова,— вслух размышляла Варя.— И спасли бы Реку. Вот было бы чудо!

— А некоторые взрослые не верят в чудеса,— заметил Асей.— Подумать только!

— Попадаются такие забавные типы, которые даже в волшебников не верят,— презрительно фыркнул Аллан-Мелик, высунувшись из кармана.

Так они шли, и мирно беседовали, и не слыхали, и не догадывались о том, какой разговор шёл за кустами, слегка в стороне от дороги.

— Мало ли что ты скажешь,— говорил злой и противный голос.— Мы ворон слушаться не обязаны.

— Ты что, шутишь,— зашипел в ответ другой голос.— Родственников не узнаёшь! Ты не видишь, что перед тобой крысса?

— Ну, ошибся, значит,— сказал первый, противный, голос.— Родственники — это другое дело. Ладно. У нас как раз праздник. Наедятся и заснут. Уж мы постараемся.

— То-то, ссмотрите, сстарайтесь,— прошипел второй голос. Из-за кустов бесшумно вылетела ворона и никем не замеченная быстро полетела прочь.

— Нам ещё далеко идти? — спросила Варя.

Но никто ей ответить не успел. Потому что в это мгновение им что-то преградило путь. То ли верёвка, то ли проволока. Как только Варя, не углядев её, с ходу коснулась преграды, раздался резкий звон, и на дорогу стали выскакивать странные существа, похожие на мышей, но не совсем мыши, с длинными торчащими передними зубами, тупыми мордами и противными голыми хвостами. Словом, какие-то неведомые грызуны.

— Сверните с дороги и идите к нам на пир,— строго сказал противным голосом самый толстый грызун.

— Какой пир? — удивилась Маруся.— Пропустите нас. Мы очень спешим.

Грызунов появлялось всё больше и больше. Они запрудили всю дорогу.

— Мало ли что,— сказал толстый.— Это нас не касается. У нас пир. Мы справляем праздник Заготовок. И никто не смеет пройти мимо.

— Извините, нам совсем не до пиров,— заметил Асей.

— Загрызём! — решительно и сердито сказал толстый.— Девчонку загрызём, так и знайте. Никто не смеет пренебрегать великим праздником Заготовок.

Асей на минуту задумался.

— Хорошо,— сказал он,— ведите,— и сделал знак Марусе и Варе идти и не спорить.

Толстый грызун пошёл в сторону от дороги через частый кустарник, и все двинулись следом. Вскоре они вышли на поляну. На траве были накрыты длинные-предлинные столы. На скатертях серого цвета стояли блюда со всякой снедью.

Всё множество грызунов расселось по местам, невольных гостей тоже усадили. Толстый встал, видимо, для того, чтобы произнести речь.

— Братья-грызуны и гости! — начал он очень важно своим противным голосом.— Мы собрались за этим пиршественным столом, чтобы отметить наш главный праздник — праздник Заготовок. Что главное для всякого уважающего себя грызуна? Побольше заготовить, набрать, собрать, притащить, насушить, засолить и навялить. Сытость! Сытость — вот что радует душу! Всякий должен быть сыт, сыт, сыт. Все должны — есть, есть, есть. А те, кто не умеет заготовить, набрать, засолить,— те дураки.

— Дураки! — отозвались грызуны хором.

— А кто тратит время, чтоб любоваться облаками да цветочками,— дураки!

— Дураки,— снова эхом прокатилось за столом.

— Кто стихи сочиняет да музыку слушает — дураки!

— Дураки,— яростно подхватили все за столом.

— Едим! — завопил толстый грызун, садясь на место.

Видимо, последний его возглас был командой начинать

пир. Грызуны набросились на еду, стали жевать, грызть, чавкать.

— Ешьте,— потребовал толстый от гостей.— Немедленно начинайте есть!

Варе было так противно, что она с трудом сдерживалась, чтобы не выскочить из-за стола. Асей на неё выразительно посмотрел, взглядом давая понять, что надо потерпеть. Маруся украдкой погладила Варину руку.

Само собой, никто из «гостей» не мог проглотить ни куска за этим противным, обжорным столом.

А толстый всё приставал и начал уже скалить свои острые зубы, и неизвестно, что бы произошло, но на их счастье кто-то из наевшихся до отвала грызунов завопил:

— Песню!

— Песню, песню! — поддержали его несколько голосов.

И вот все пирующие запели противными голосами:

Коль набиты закрома
И еды полны дома,
Ничего другого и не надо.
Не мечтай и не гуляй,
А еду заготовляй,
Ведь еда одна для нас отрада.

А потом они стали без конца повторять, видимо, припев песни:

Ешь, ешь, ешь, ешь,
Ешь, ешь, ешь, ешь.

Они так увлеклись этим припевом, что перестали что-либо замечать вокруг.

— Пора,— шепнул Аллан-Мелик.— Ещё три минуты они будут повторять свой припев. Быстро. Мы успеем уйти.

И действительно, им удалось выскользнуть из-за стола, и никто решительно не обратил на них никакого внимания.

Гости-пленники бегом вернулись на дорогу и уже никем не останавливаемые продолжали свой путь в сторону Яшмовой горы.

— Фу, какие отвратительные,— сказала Варя.— А зачем они затащили нас на своё обжорство?

— Я думаю, они хотели, чтобы мы объелись, и заснули, и про всё забыли,— сказала Маруся.— Тут наверняка без Злина и Крысы-Вороны не обошлось.

— А может, они в еду и сонного порошка подсыпали...— заметил Асей.

«Никогда, никогда не буду приставать к маме, чтобы она купила мне вторую порцию мороженого»,— подумала Варя.

— Вот и правильно, Варварушка,— откликнулся услыхавший её мысли Асей.

Гора была уже близко. Ещё немного, и путники подойдут к самому её подножию.

Глава восьмая

КРАСИВЫЙ КАМЕНЬ ЯШМА

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили пять раз. Был тревожный мамин звонок, но Зелёный Клим её успокоил...

— А красивый камень — яшма,— сказала Маруся, рассматривая большой кусок, отколовшийся от горы.

Камень был розовато-серый, в чёрных прожилочках. Если внимательно присмотреться, можно было увидеть, что на нём как бы нарисована картина: маленький уютный домик, окружённый таинственным садом, а по саду гуляет неведомая птица, распушив перья своего, похожего на мамин веер, хвоста.

— И вся Яшмовая гора из такого камня? — спросила Варя.

— Вся-вся,— подтвердила Маруся.

Гора выглядела неприступной, и было совсем неясно, как же проникнуть внутрь. Кругом — каменная стена...

Они стали обходить гору в поисках входа. Ни двери, ни пещерки, ну прямо ничего такого, что намекало бы на вход. И ни звука, ни голоса.

— Алланчик, сейчас, случайно, не без пяти? Ты не видишь, где тут вход в эту гору? — спросила Маруся...

Ответить-то Аллан-Мелик ответил. Но он неожиданно обнаружился... в кармане у Вари! Никто не заметил, как он туда попал. Асей опять совсем незаметно исчез.

— Нет. Не без пяти, а пять минут,— сказал Аллан-Мелик.

Он больше не соизволил произнести ни слова, но до них откуда-то донёсся тихий разговор:

— Набралось наконец. Накапало. Ох, совсем воды в родничке не осталось!

— Что ж, ступай, отнеси воду мастерам. Заждались небось.

— Ну, я же в прошлый раз ходил, а ты спал. Так нечестно. Бери ведро и отправляйся. Теперь твоя очередь.

— Что там, Маруся? — спросила Варя.

— Тсс,— сказала Маруся.— Тут бьёт из-под земли малюсенький родничок. Смотри! Водяные человечки!

Варя наклонилась пониже. И правда. Маленькие и похожие на пузыри на воде, какие бывают после дождя.

— Слышишь? — сказала Маруся.

Варя прислушалась.

— А раз ты такой, будем считаться,— говорил один из водяных человечков.— Кто выйдет, тот и понесёт воду яшмовым мастерам.

— Чур, я первый считаюсь!

Скачет всадник на коне,
На буланом скакуне,
Королю везёт поклон,
Передаст и выйдет вон!

Тебе, тебе нести воду, ты вышел!

— Будто уж. Ты неправильно считался. Я сам посчитаюсь!

Сеем рожь, овёс, пшеницу,
Лук, горох и чечевицу,
Коноплю, гречиху, лён,
Пусть росток выходит вон!

Ага! Что я говорил? Ты вышел, братец Плю, вышел! Отправляйся! В горе́ заждались чистой серебряной

водички. Они же не могут без неё работать! А родничок наш только что не пересох...

— Экий ты, право,— с укором заметил тот водяной человечек, что был пониже и потоньше.— Да ладно уж.

И Маруся с Варей увидали, как он взялся за ручку крошечного ведёрочка и двинулся вдоль подножия горы.

— Варя! На цыпочках — за мной,— скомандовала Маруся.

И они тихонечко пошли следом.

Водяной человечек шёл по очень узенькой тропочке, Варе с Марусей пришлось идти за ним гуськом. Тропка пошла вверх, человечек пошёл вверх, Варя и Маруся пошли следом за человечком — вверх. Но тот скоро остановился.

— Вечно надо исчезать,— ворчал в кармане Аллан-Мелик.— Уж Асей-то сумел бы проникнуть внутрь.

— Тише! — шикнула на него Маруся.

Но тут водяной человечек остановился и начал бормотать своим тихим голоском:

Отомкнись, гора,
Сегодня, как вчера.
Ввечеру́, как на заре,
В августе, как в сентябре,
Посредине дня
Пропусти меня.

Камень царапнул о камень, после этого маленький камешек выкатился из «стены», человечек просунул руку в образовавшийся «глазок», и большой камень поехал куда-то в сторону, открывая вход.

Раздумывать было некогда. Маруся и Варя с Аллан-Меликом в кармане быстро и незаметно скользнули внутрь горы, пока камень-дверь не встал на место.

Мамина половинка едва успела шепнуть: «Только несерьёзные люди...»

Здесь против ожидания оказалось светло, точно стены горы пропускали дневной свет. Но едва они двинулись вслед за водяным человечком, звук их осторожных шагов эхом отскочил от стен. Даже Марусины плюшевые шаги

сделались слышными, так что их невольный проводник тут же обернулся.

— Кто вы? Откуда вы? — зашептал он в ужасе.

— Не пугайся,— успокоила его Маруся.

— Вы пробрались сюда за мной? — продолжал человечек.— Если только узнают, что я кого-то привёл... меня могут вскипятить! Рыцарь такой вспыльчивый! Раз — и вскипятит. Прежде чем разберётся. И я испарюсь.

Человечек чуть не плакал.

— Не плачь, не дрожи,— сказала Маруся.— У нас письмо к Яшмовому Рыцарю. Мы просто не знали, как нам войти.

Водяной человечек немножко успокоился.

— Письмо? — переспросил он.— Ну ладно. Идите за мной. Мне надо очень быстро доставить воду яшмовым мастерам. Оттуда кто-нибудь отнесёт ваше письмо к Рыцарю. Если только кто-нибудь знает, где он сейчас находится. И если такое письмо у вас на самом деле есть. Рыцарь очень строго наказывает, если врут. Он просто не переносит вранья, так и знайте.

— Есть, есть письмо,— заверила его Маруся.

— Как бы всё-таки не вскипятили,— произнёс водяной человечек с сомнением.

Он подхватил своё ведёрочко и пошёл. В горе была лестница. Человечек поднялся на несколько ступенек, которые привели к большой пещере, или гроту, где сидело множество гномиков с длинными бородами и они крошечными инструментами обрабатывали яшму. Чего там только не было, в этом гроте! Яшмовые вазы и кувшины, диковинные птицы и рыбы, столики, стулья, табуретки — резные, разукрашенные узорами.

— А, это наконец ты, Плю,— сказал тот, у кого была самая длинная борода.— Что, плохо? И серебряный родничок пересыхает? Да-а, времена настают. Спасёт ли кто-нибудь когда-нибудь нашу Реку? Ох-хо-хо!

Как только гномики увидели, что им принесли воду, они тут же стали черпать из ведра маленькими кружками, а потом протирать водой свои изделия. И от этого на них проступали изумительной красоты рисунки и всё начинало блестеть и сверкать.

— Сегодня работа нам особенно удаётся,— с гордостью заметил длиннобородый.

Вдруг он увидел чужих.

— Плю! — сказал он строго.— Кого это ты с собой привёл? Кто такие? Ты что, хочешь, чтоб тебя вскипятили?

— Нет, нет нет,— завопил водяной человечек.— Не сердись, Друк. Я не приводил их, нет! Они сами пришли!

— Плю! — сказал длиннобородый ещё строже, но Маруся вмешалась в разговор.

— Мы явились сюда, потому что у нас письмо к Яшмовому Рыцарю,— сказала Маруся твёрдо.— Этот маленький не знал, что мы крадёмся следом. Он не виноват, не сердись на него. Давай письмо,— шепнула она Варе.

Варя достала листок с письменами.

— Вот,— сказала Маруся.— От Кленовой Королевы.

— Я не смею читать того, что адресовано не мне,— сказал длиннобородый.— А какая у вас к Яшмовому Рыцарю надобность? — добавил он подозрительно.

— Река! — коротко сказала Маруся.

Друк вздохнул:

— Яшмовый Рыцарь никогда не сообщает, где он в данный момент находится. Здесь все обязаны ждать, пока он сам позовёт.

— Ты же понимаешь, что ждать некогда! — настаивала Маруся.

— А что же сделаешь, если, где он сейчас, неизвестно?

— Известно, известно,— сказал Аллан-Мелик из Вариного кармана.

— Как? — чуть не поперхнулся от удивления гномик Друк.

— Известно, говорю я,— повторил Аллан-Мелик,— запоминайте, не то через пять минут действительно не будет известно. Вижу — три ступени вверх по лестнице, повернуть за розовую колонну, каменная дверь, за дверью — комната, вся заставленная серыми и розовыми вазами. В этой комнате сидит за яшмовым столом Яшмовый Рыцарь и что-то пишет.

— Так вот где сегодня наш добрый повелитель,— ска-

зал Друк.— Что же, не столько ради вас, сколько ради Реки нарушу я запрет. Только, только я совсем не знаю, кто это... ну, который там в кармане.

— Не «который в кармане», а великий волшебник и чудодей Аллан-Мелик! — донеслось из Вариного кармана.

— Рискну,— махнул кленовым письмом Друк и кинулся вверх по яшмовым ступенькам.— Можешь идти, Плю! — крикнул он, убегая.

Глава девятая

ЯШМОВЫЙ РЫЦАРЬ

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили шесть. Звонка не было. Видно, мама была уже в дороге.

— Заходите,— услышали Варя и Маруся густой низкий голос.

Перед ними стоял Яшмовый Рыцарь. Был он таким, как рисуют рыцарей в книжках, в рыцарских доспехах, только доспехи бывают железные, а этот рыцарь был весь из яшмы серо-чёрно-розовой, точно сделанная каким-то искусным скульптором статуя рыцаря. Но он вовсе не был статуей. Забрало на его рыцарском шлеме было поднято, и оттуда смотрели живые серые глаза.

Он повернулся и пошёл твёрдой, тяжёлой поступью, и Маруся с Варей, робея, пошли вслед за ним. Они оказались, по-видимому, в рыцарском пиршественном зале. Посреди зала стоял огромный стол, вдоль стола располагались скамьи. По стенам было развешано старинное оружие.

— Назовите себя и расскажите подробнее, зачем вас прислала Кленовая Королева. И во что я не должен терять веры? Я, как правило, не теряю веры только в две вещи: отвагу и честь!

Маруся рассказала ему обо всём, и о том, о чём проболталась Крыса-Ворона, и что им было известно про темноту, и как они ищут волшебные слова, чтобы расколдовать Реку.

— О, какие же вы молодцы! — воскликнул Яшмовый

Рыцарь.— Теперь я вижу, что вы тоже верите в отвагу и честь. Жаль, что ни девочки, ни медведицы не могут быть членами рыцарского ордена. Вы стóите того! Ну что же, тёмные пещеры действительно есть в Яшмовой горе. Отправимся на поиски.

Варя и Маруся двинулись было к выходу, а сам Яшмовый Рыцарь даже не пошевелился.

— Пойдём? — неуверенно спросила его Маруся.

Опи обе с Варей чувствовали перед Яшмовым Рыцарем какую-то робость.

— Вот мы сейчас и пойдём,— сказал Яшмовый Рыцарь.— Садитесь.

Маруся и Варя переглянулись. По их представлениям, чтобы идти, надо было, наоборот, встать, а не садиться.

— Светит месяц, светит ясный,— пробормотала про себя Маруся, но они обе покорно сели на жёсткую лавку.

— Мы будем путешествовать мысленно,— сказал Яшмовый Рыцарь.— Это вполне возможно в моих владениях. Вот только я сейчас вызову охрану. Закройте глаза.

Всё это было странно. Но Маруся и Варя не решились задавать вопросов. Они послушно зажмурились. И тут же раздалось приятное пение хора:

Веет добрый-добрый ветер,
В небе добрый-добрый знак,
Зреет добрый-добрый злак.
Злое прячется в овраг.

Всё недоброе уныло.
По законам доброты
На лугах цветут цветы,
В небе движутся светила.

В мире музыка звучит.
Ночью — поздно, утром — рано,
Звуки музыки — охрана
И от зла надёжный щит...

— Что это за песня? — спросила Варя.

— Охрана,— сказал Яшмовый Рыцарь.

— Как — охрана?

— Да,— подтвердил он.— Меня охраняют не стражники, не воины, не солдаты. Моя охрана — музыка. Ноты — это мои стражники. Они обступают меня плотно, окружают меня и моих друзей. И тогда ничто злое не сможет причинить нам вреда в наших мысленных странствиях.

— Но ведь мы же будем ходить мысленно,— сказала Варя.— Это же значит как будто.

— Ну и что же? — возразил Яшмовый Рыцарь.— Зло умеет влезать в человеческие мысли! И ещё как умеет!

И вот Маруся и Варя увидели себя в самых недрах Яшмовой горы.

Это была горная пещера. Там было тихо-тихо. Своды её были низкие, давящие. Зажёгся невидимо откуда исходивший свет, и они мысленным взором обшарили все её уголки. Пещера была безысходно пуста. Потом узкими переходами они стали переходить из пещеры в пещеру, как им казалось, спускаясь всё глубже и глубже. Тихонько звучала охранная песня, а больше ничего не было слышно. И везде одно и то же — пустота. Ничего, что могло бы намекнуть на спрятанное волшебное заклинание.

Музыка затихла.

— Мы вернулись,— сказал Яшмовый Рыцарь. Обе, как по команде, открыли глаза. Они, естественно, находились всё в том же зале.

И тут вдруг из Вариного кармана донёсся обиженный капризный голос:

— Может быть, кто-нибудь вспомнит о великом волшебнике?

Варя и Маруся примолкли от неожиданности. Они совсем-совсем забыли про Аллан-Мелика. И тут Яшмовый Рыцарь вспылил.

— Послушайте,— сердито обратился он к Варе и Марусе.— Вы что же это, приходите ко мне, пользуетесь моим гостеприимством и меня же обманываете?

— Мы никого не обманывали,— заметила Маруся.

— Мы не говорили неправду,— смутилась Варя.

— Но ведь вы сделали вид, что вас двое, а у вас там где-то прячется какой-то ещё «великий волшебник»!

Никакой лжи в своём дворце я не намерен терпеть. Никакой лжи, ни одного слова неправды. В подземелье! Заковать в цепи! — кричал Яшмовый Рыцарь.

Яшмовый Рыцарь раскалился от гнева, точно в него насыпали пылающих углей. И неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не настало время без пяти минут и Аллан-Мелик не произнёс бы непонятную фразу:

— Из яшмового яйца вылупился яшмовый цыплёнок.

— Что? — растерялся Рыцарь от этого нелепого и неуместного заявления.

— Из яшмового яйца вылупился яшмовый цыплёнок,— повторил Аллан-Мелик из кармана.

— Что ты говоришь? — переспросил Рыцарь уже с нотками любопытства в голосе.

— Я говорю правду,— невозмутимо ответил Аллан-Мелик.— Ты же хотел правду, вот я её тебе и говорю. Пойди и посмотри.

— Куда я должен пойти? — спросил Рыцарь. Угольки его гнева, как видно, начали понемногу остывать.— Что я должен посмотреть?

— Посмотри в соседней комнате в левом верхнем ящике твоей конторки, за которой ты пишешь деловые письма.

Яшмового Рыцаря так поразило это дурацкое заявление, что он действительно вышел в одну из дверей, тут же вернулся, неся на ладони только что вылупившегося серого в чёрных разводах цыплёночка.

Рыцаря очень развеселило это маленькое и бессмысленное чудо, сотворённое Аллан-Меликом.

— Ладно,— сказал он мягко.— Забудем. Я не выношу лжи. Я очень вспыльчив и могу, вспыхнув, натворить бед. Я знаю, что это дурно. Но, к сожалению, не умею с собой бороться.

— Да что уж тут бороться, когда характер такой,— примирительно сказала Маруся.— Вот только неизвестно, как же нам теперь быть,— добавила она печально.

Яшмовый Рыцарь задумался.

— Надо искать, искать и искать,— сказал он.— К этому нас всех призывают отвага и честь. Вот что я думаю. За Яшмовой горой, за высоким перевалом,

довольно далеко отсюда лежит Край Колосистых Трав. Там живут зеленоглазые, зеленоволосые ковальчики. Трава там такая густая, там такие заросли, такая перепутаница трав! Злин мог спрятать волшебные слова у них. Подумал, что там никому не придёт в голову искать.

— Так ты советуешь нам отправиться в Край Колосистых Трав?

— Пожалуй,— сказал Яшмовый Рыцарь.— Спросите там Главного Ковальчика. Его зовут Юи. Только... только беда в том, что путь туда чрезвычайно опасен.

— Что там на пути? — спросила Маруся.— Дремучие леса, топи, болота?

— Хуже,— сказал Яшмовый Рыцарь.

— Пропасти? Пустыни? — продолжала Маруся.— Кружат смерчи? Дует суховей?

— Хуже,— сказал Яшмовый Рыцарь.

— Что может быть хуже? — удивилась Маруся.— Удавы? Кобры? Драконы, что ли?

— Нет,— сказал Яшмовый Рыцарь.— Там живут обманы.

— Какие обманы? — в один голос воскликнули Маруся и Варя.

— Там легко обмануть любого. Там-то чаще всего Злин и разводит свои обманы, и обольщает всё живое, и ловит в свои ловушки,— сказал Яшмовый Рыцарь.— Способны ли вы не поддаться обману?

— Не знаю,— задумчиво сказала Маруся.— Светит месяц, светит ясный...

А Варя промолчала, потому что внутри у неё шёл такой разговор:

«Что за чушь! Обман, он и есть обман! Конечно, мы не поддадимся»,— говорила мамина половинка.

«Интересно и непонятно,— говорила папина половинка.— И как можно поручиться, что не обманешься, если тебя будут обманывать уж очень искусно? Кто знает, кто знает...»

Когда они, попрощавшись с Яшмовым Рыцарем, выходили из Яшмовой горы, Друк что-то положил Варе в ладошку. Это была маленькая бабочка, вырезанная из нежно-розовой яшмы. Подарок на память.

Глава десятая

ОБМАНЫ БАРНАБАСА ЗЛИНА. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили семь. Телефон по-прежнему молчал. Значит, мама вот-вот приедет. А что, если она вернётся домой раньше, чем появится Варя? Зелёный Клим начинал волноваться.

...Дорога, по которой шли Маруся и Варя, была песчаной. Но от жары и суши песок превратился в пыль. На небе по-прежнему не было ни облачка. Вдоль дороги не росло ни кустов, ни деревьев. Раскалённая пыль шебаршила в горле. Даже ноздрям было жарко дышать.

— Алланчик, сотвори чудо — хоть кружечку воды! — взмолилась Варя.

— Не могу, это не моё время,— мрачно отозвался Аллан-Мелик из кармана.

Он и сам весь завял от жары, у него даже сил не хватало хвастать своим могуществом.

Пыльная дорога сделала крутой поворот, и вдруг — вот, пожалуйста, вот и не верь в чудеса! За поворотом открылся вид на большой, свежий, прохладный сад.

— Ой, смотри, смотри, Маруся! — воскликнула Варя.

— Светит месяц, светит ясный... Что-то мне не нравится этот сад! — сказала Маруся.— Не хочется туда. Откуда он тут взялся? Почему он такой зелёный в этакую-то сушь!

— Да о чём ты! Это же оазис! Мне папа рассказывал, так бывает,— сухая, жаркая пустыня, а потом вдруг посредине — оазис. И вода, и прохлада, и всё растёт.

Варя кинулась в тень под деревья. Маруся, неохотно свернув с дороги, пошла следом.

Сад не был огорожен. И дорога устремилась прямо в прохладу. Там на деревьях зрели диковинные плоды. Они были крупные и жёлтые и напоминали дыни. Но дыни ведь не растут на деревьях? На высоких кустарниках цвели цветы, похожие на азалии, только много крупнее. Летали прохладные ветерки, сразу стало легче дышать. Они сели на мягкую траву под одним из деревьев. Аллан-Мелик вылез из кармана и тоже расположился на травке. Где-то невдалеке слышалось журчание ручейка.

— Маруся, я хочу пить,— сказала Варя.— Я пойду посмотрю, что это там журчит. Может, там родничок и можно из него попить.

— Лучше потерпи,— сказала Маруся.— Что-то тут есть нехорошее. Неправильное что-то.

— Но почему? Чего ты какая-то? — спросила Варя.— Что может быть неправильного в деревьях и кустах? Вот тут где-то близко водичка, слышишь? Я сейчас, я только попью.

— Погоди,— сказала Маруся.

Но Варе не терпелось сделать глоточек холодной воды. Она не стала слушать Марусю. И действительно, всего в двух шагах увидела бьющий из-под земли родничок.

Варя присела на корточки, зачерпнула ладонями воду, напилась. Вода была холодная, прозрачная, вкусная. Варя сполоснула лицо. Ещё напилась. И пошла обратно.

— Маруся, а ты не хочешь водички? — сказала она и вдруг замолчала.

Вот дерево, под которым они сидели. Вот и трава примята. Но Маруси под деревом не было. И Аллан-Мелика не было.

«Куда это они подевались?» — с тревогой подумала Варя.

— Маруся! — позвала она.— Но никто не откликнулся, не отозвался.— Маруся!

Маруся не отвечала.

«Сейчас вернутся»,— успокоила себя Варя.

Ветки ближайшего куста зашевелились.

«Ну вот, Маруся возвращается»,— подумала Варя.

Но это была не Маруся. Из-за куста вышел какой-то человек и с приветливой улыбкой обратился к Варе:

— Ты что тут делаешь, девочка?

— Я? — переспросила Варя.— Я жду Марусю.

— Марусю? Это хорошо,— сказал он.

И Варя не поняла, что он, собственно говоря, одобрил.

— Она сейчас придёт,— сказала Варя, больше для самой себя. Чтобы себя успокоить.

— Ну, не совсем сейчас,— сказал незнакомец.

Он снова улыбнулся Варе, обаятельно и мягко. Выглядел он совершенно как обыкновенный человек, в светлом

летнем костюме, с пёстрым шейным платком под белой рубашкой. И было это странно видеть здесь, в стране Тут, где всё было таким чудным и необычным.

— Давай познакомимся,— сказал он.— Меня зовут дядя Боря. А тебя как?

— Варя.

— А дальше? Полностью?

Варе за все шесть с половиной лет жизни ни разу не приходилось называть себя по имени-отчеству. Поэтому она даже не сразу сумела сказать:

— Варвара Павловна.

— Ну вот, Варвара Павловна,— сказал дядя Боря.— В этом чудесном саду — почему не назвать его райским садом? — есть замечательная беседка. Мы пойдём туда, и посидим там, и подождём Марусю.

— Откуда же она узнает, что мы там?

— Она уже знает, я сказал ей, сказал.

— А куда она ушла? Почему не дождалась меня?

— Я поделился с ней одним секретом. Это очень важно для вашего дела. Ведь у вас есть серьёзное дело, да?

Так разговаривая, Варя и дядя Боря дошли до маленькой беседки. Беседка была резная, белая, она напоминала пластмассовую шкатулочку, какую бабушка Оля подарила маме на день рождения. Внутри беседки были удобные скамейки. Пахло то ли розами, то ли жасмином или ещё какими-то неведомыми, очень душистыми цветами.

— Тут мы и посидим,— сказал дядя Боря.— Посидим-побеседуем.

Он протянул руку куда-то за спину и подал Варе мороженое на палочке, завёрнутое в серебряную бумагу. Мороженое было облито шоколадом. А внутри оно было розовое и по вкусу напоминало клубнику.

Но вот удивительно. Чем ласковее разговаривал с Варей дядя Боря, тем неприятнее ей становилось. Прохлада, такая приятная поначалу, стала делаться холодом. Варю точно познабливало. Было как-то странно, нехорошо, а отчего — она не могла понять.

Варя доела мороженое, завернула палочку в серебряную бумагу и вдруг... как-то ненароком взглянула своему собеседнику в глаза.

Потом Варя так никогда и не смогла объяснить, что же она в них увидела. В них была какая-то серая холодная пустота. От этих глаз нападала какая-то безнадёжность и тоска. Варя вдруг поняла, что всё, всё — и сад, и «дядя Боря», и его улыбки — всё это ложь. Ложь и погибель. Она вспомнила, что говорил Яшмовый Рыцарь. Конечно. Это всё ложь. Обман. А перед ней не кто иной, как сам Барнабас Злин!

«Только не бояться, только не бояться»,— шептала себе Варя. Нет, она не боялась. Но холодные, недобрые, ледяные глаза напомнили ей что-то страшное и очень далёкое, точно когда-то она их уже видела и что-то очень плохое случилось. Таилась в этих холодных, злых глазах какая-то большая беда.

И вот что-то схватило Варю за горло. Стало трудно вдохнуть. Подступил кашель. Начинался приступ астмы.

— Маруся! Асей! — позвала Варя с отчаянием.

Крошечная яркая точечка мелькнула возле беседки.

— Я здесь, Варварушка, я здесь!

Асей положил руку Варе на лоб, ей стало немного легче.

— Прочь отсюда, злой колдун Барнабас Злин! Ты не можешь победить ребёнка, ты это знаешь!

— Знаю, Асей, хранитель свечи,— холодно засмеялся Злин.— Но кое-что я всё-таки могу... А?

— Варя, не бойся, он сейчас уберётся отсюда. Но пока он здесь, без страха посмотри ему в глаза. Смотри, смотри внимательно!

Варя посмотрела. Да, да, конечно, давно-давно, когда-то в те времена, которые она едва помнит, являлись ей эти глаза во сне, а может, и не во сне. Только это было ночью. В темноте она и закричала от ужаса, и тогда началось это удушье и кашель. С этого началась болезнь.

— Смотри! Теперь ты видишь, что нечего бояться этих глаз, он не может ничего с тобой сделать, у него не хватит сил победить твою доброту, и Марусину привязанность к тебе, и мою любовь. Поняла, девочка? Поняла?

Варя почувствовала, что ей совсем легко дышать и кашля как не бывало.

— Больше и не будет никогда,— сказал Асей.— Всё. Никакой астмы. Забудь о ней.

— А Река всё равно погибнет! — крикнул Барнабас Злин.

Его человеческие черты вдруг исказились, лицо стало сморщенным, уродливым, потом он весь растаял в воздухе. И тут же беседка сделалась уж вовсе и не беседкой, потому что исчезли её резные стенки и перильца, а вместо них была густая паутина, противная, липкая, пыльная.

— Варварушка, спокойно. Не пугаться.

И тут Варя поняла, что она не боится. Не боится, и всё тут.

— Кругом пустота,— доносилось из-за паутины.— И мне всё равно, есть ты или нет, есть Река или нет. Мне всё безразлично. Только можно же иногда и развлечь себя. А, как ты думаешь? И завязать речушку в узелочки. Ха-ха-ха! Себе-то я не безразличен, а? Для себя-то я есть! И ещё как есть!

— Сейчас ты уйдёшь отсюда,— сказал Асей.— Я знаю, чего ты не выносишь. Ты не выносишь ничьей радости. Варварушка, подпевай. Это песня радости, она прогонит Злина, вот увидишь. Надолго прогонит.

Асей помурлыкал сначала, вспоминая какую-то мелодию. Потом стал петь. А Варя стала ему подпевать:

Радость — если солнце светит,
Если в небе месяц есть.
Сколько радости на свете,
Не измерить и не счесть.
Только радостные слышат
Песню ветра с высоты,
Как тихонько травы дышат,
Как в лугах звенят цветы.
Только тот, кто сильно любит,
Верит в светлую мечту,
Не испортит, не погубит
В этом мире красоту.

— Вам всё равно не найти волшебные слова! — послышался сопровождаемый карканьем удаляющийся голос

Барнабаса Злина. Видно, к нему присоединилась его верная подружка — Крыса-Ворона.

И в тот же миг липкая паутина вокруг Вари и Асея точно растворилась.

Роскошный цветущий сад заколебался в воздухе, превратился в дым и растаял.

Вокруг них была просто голая сухая земля.

— Куда же всё подевалось? — спросила Варя.

— Обманный это был сад,— объяснил Асей.— Тише! — вдруг сказал он.— Слышишь?

— Варя, где ты? Я тебя перестала слышать! Варя!

— Здесь! Здесь я! — закричала Варя изо всех сил.— Маруся, я здесь!

Радость-то какая! К ней бежала Маруся, мягко переваливаясь на своих плюшевых лапках, а за ней следом семенил Аллан-Мелик!

Ну конечно! Ведь у Маруси не было карманов!

— Варенька! Варенька! — запричитала Маруся.— Наконец-то я тебя нашла! Что случилось? Почему ты звала на помощь? Я только слышала твой голос, а тебя никак не могла найти. А потом и вовсе я перестала тебя слышать!

— Марусенька, это, должно быть, Крыса-Ворона подделывала мой голос!

— Да что ты говоришь! — воскликнула Маруся.— Асей, и ты здесь? С Варей было что-то ужасное?

— Варварушка такая молодчина, что и сказать нельзя! Самого Барнабаса Злина не испугалась!

— Светит месяц, светит ясный! Ты только подумай, как мне не хватило ума догадаться про обманный голос. Уж очень я испугалась за Вареньку. Когда кого-то слишком любишь, делаешь глупости,— добавила она со вздохом.

— Аллан-Мелик, полезай в карман,— сказал Асей, сажая его в карман своего серебристого плаща.— Теперь, я верю, всё образуется! Всё теперь пойдёт на лад!

— Но нам всё-таки необходимо добраться до Края Колосистых Трав,— сказала Маруся.— Только у нас всё так перепуталось, что я и не соображу, в каком направлении нам идти.

— Прямо, от сломанной загородки — налево, на холм, с холма и опять прямо.

Это сказал Аллан-Мелик. Видно, время было опять без пяти.

«Интересно, без пяти — что? — подумала Варя.— И что это за загородка?»

— Видите, как отлично он работает, когда он в кармане,— засмеялся Асей.

Глава одиннадцатая

ВСТРЕЧА С ЮИ. ПОБЕДА

Старые стенные часы в резном деревянном футляре пробили восемь раз. Электричка стояла на разъезде и ждала какого-то встречного поезда. Мама нервничала. Как там Варя? Как она провела одна такой длинный день? Хватило ли ей благоразумия не наделать никаких глупостей?

А Варя тем временем шагала со своими новыми друзьями в Край Колосистых Трав. Вот и изгородь. Непонятно, что она огораживала. Часть её просто валялась на земле. Повернув от изгороди, они сначала поднялись на невысокий холм, спустившись с холма, пошли прямо и сразу же оказались в густой траве. Высокие травы с тяжёлыми колосьями на концах были бы выше Вариного роста, но только сейчас они все полегли. Они были почти сухие. Отовсюду неслись такие звуки, точно тысячи ложечек стучали по стаканам, а может, тысячи молоточков били по крошечным наковаленкам.

Когда их глаза привыкли к необычному свету, в высокой траве они увидели, что почти под каждой травинкой сидит маленький человечек, стучит молоточком по наковаленке и что-то маленькое куёт. Это были жители Края Колосистых Трав, которые называются ковальчики.

Один из них отложил молоточек, вышел навстречу пришедшим. У него были курчавые зелёные волосы и зелёные глаза.

— Кто вы и что вы тут ищете? — спросил он.

— Нам хотелось бы видеть Главного Ковальчика,

которого зовут Юи,— сказала Маруся.— У нас к нему дело.

— Дело? — переспросил ковальчик.— Ну что ж...

Он тут же исчез в густой траве, а через минуту вернулся с другим ковальчиком. Этот другой был повыше ростом, волосы у него были прямые, но тоже зелёные. На шее висела золотая цепь с медальоном, на медальоне стояли буквы «ЮИ».

— Вы меня звали? — спросил он пришедших.— Что я могу для вас сделать, если вы пришли по-хорошему?

Маруся рассказала Юи, что их к нему привело. Главный Ковальчик задумался.

— Нам очень плохо,— сказал он.— Когда была здорова Река, мы поливали свои травы, и они никогда не вяли, душистые колосья никогда не осыпались, и мы жили счастливо. А вот теперь... Если травы засохнут, мы все погибнем.

— Не мог ли Барнабас Злин спрятать заклинание в вашем краю? — спросил Асей.— Оно находится в темноте. Подумай, есть ли здесь какое-либо тёмное место?

— Не знаю...— задумчиво сказал Юи.

— Светит месяц, светит ясный,— проворчала Маруся.— Какой же ты Главный, если не знаешь свой собственный край!

— Наш волшебник говорит, что надо искать темноту,— настойчиво повторил Асей.

Аллан-Мелик бросил на Юи горделивый взгляд, высунувшись из кармана.

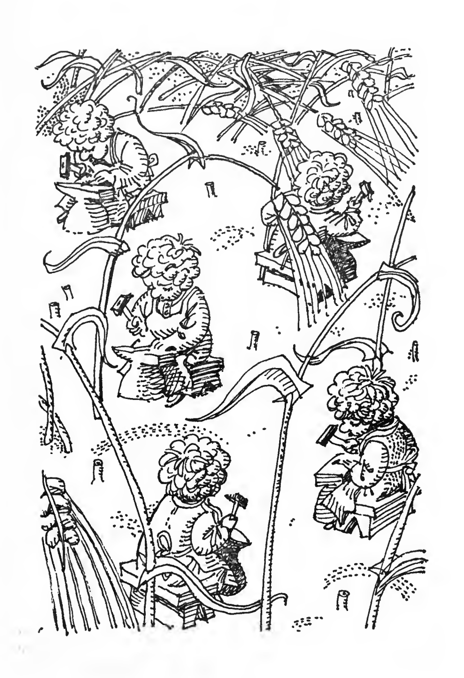
— Волшебник — это я,— представился он с достоинством.

— А он, случайно, не шутник, тот, что сидит в кармане? — задал вопрос Юи.

— Меня зовут Аллан-Мелик, а не «тот, что сидит в кармане»,— сказал маленький волшебник обиженным голосом.— И я вовсе не строил никаких шуток.

— Нет,— подтвердила Маруся.— Когда без пяти, он бывает очень серьёзен.

— Где же может ещё быть темнота? — размышлял Юи.— Конечно, в густых травах темно, но не так уж, не так уж... В сундуке, что ли? Под какой-нибудь крышкой?

— В каком таком сундуке? — проворчала Маруся.

— Вспомнил! — вдруг закричал Юи.— Раковина! Конечно!

Вот что он имел в виду. В самой гуще колосистых трав с незапамятных времён лежит огромная окаменевшая раковина. Она заросла травами, и пробраться к ней трудно. Да и незачем. Кому нужна огромная раковина, давным-давно превратившаяся в глупый немой камень, про который все забыли, совсем забыли и не вспоминают никогда? Ему про эту раковину рассказывал дедушка, а тому — его дедушка. Что, мол, в самой гуще, в самой перепутанице колосистых трав издавна лежит огромная окаменевшая раковина. А кто её положил и зачем она там лежит, даже дедушкин дедушка не помнил.

— Пошли! — позвал их Юи.— За мной!

Они поспешили за Юи, продираясь сквозь сохнущие стебли трав, а зёрна из пересохших колосьев время от времени падали и больно ударяли их по головам.

— Правее,— командовал Асей.— Чуть левее. Вон туда, где узенький прогальчик. Должно быть, здесь!

Вот она! В самой гуще, на самой границе, в самом дальнем углу Края Колосистых Трав!

Огромная, чёрная окаменевшая раковина древних-древних времён.

Юи попытался открыть каменные створки. У него ничего не получилось.

— Аллан-Мелик, ты ничего не сможешь предпринять? — спросила Маруся.

— Я-то всё могу, но сейчас ещё вовсе не без пяти,— сказал Аллан-Мелик.

Не дожидаться же!

— Давайте все разом! — сказал Асей.— Попробуем вместе.

Юи, и Варя, и Маруся, и сам Асей уцепились за верхнюю створку каменной раковины и потянули вверх, вверх!

— Поддаётся, поддаётся,— приговаривал Юи.

Открылась! Что же там было внутри?

Все так и опешили. В глубине каменной раковины лежали очень странные предметы. Завязанные в узелок камни в какой-то тряпице, а может, в носовом платке,

небольшой кусок какой-то материи, пачка чаю, недовязанная рукавичка на четырёх спицах, на каких обычно вяжет варежки и носки бабушка Оля.

— Мда, светит месяц, светит ясный,— пробормотала Маруся.— А где же слова?

— Вот так находка! — растерянно сказал Юи.

— Подождите,— заметил Асей.— Все это должно что-нибудь значить. Это, видимо, и есть слова. Надо только догадаться, какой в этом во всём смысл.

— Зачем камни завязаны? — спросила Варя.

— Они завязаны в узел,— пробормотал Аллан-Мелик.

— Конечно! — воскликнул Асей.— Первое слово — узел!

— А зачем пачка с чаем? — недоумевал Юи.

— А я знаю, какая это материя,— сказала Варя.— У мамы есть платье из такой материи. Это креп.

— Молодец, Варварушка! И чай тоже становится на место!

— Как? — удивлённо спросил Юи.

— А так! Всё правильно! — возбуждённо говорил Асей.— Первые слова: «Узел креп-чай-ший».

— Очень похоже на правду. Но что же дальше? — сказал Юи.

— Дальше, дальше, дальше! — подпрыгивал в кармане Аллан-Мелик.

— Недовязанная рукавичка... Одна, хотя должно быть две... Значит... Надо вязать ещё и вторую... Вяжи вторую...— бормотал Асей.— Одна... Вторая... Раз — два... Конечно! Конечно!

— Что? Что? — загалдели все наперебой.

— Знаю! Вот они слова: «Узел крепчайший, развяжись!»

— Верно! — воскликнул Аллан-Мелик. — Точно!

— Откуда ты знаешь? — с недоверием спросила Маруся.

— Без пяти,— возвестил Аллан-Мелик.— И я вам сейчас это докажу маленьким чудом. Мы все, кроме Юи, которому нельзя по законам страны Тут покидать свой край, сейчас окажемся там, где лежит завязанная Река. Хоп! — крикнул Аллан-Мелик, и все действитель-

но оказались там, где лежала несчастная ленточка Реки.

— Варя,— сказала Маруся,— Варенька, скорей говори!

Варя осторожно подошла к Реке.

— Узел крепчайший, развяжись! — произнесла она, страшно волнуясь.— Узел крепчайший, развяжись,— сказала она ещё раз, а в третий раз почти что прокричала нужные слова.

И... смотрите, смотрите! Река распрямилась на всю длину своего русла, от самого истока, который был где-то там, там, далеко и был им невидим. Вода в Реке шевельнулась и тихонечко тронулась в путь. И у них на глазах Река стала наполняться водой. И вот уже плещет волна, и пролетела над волной первая стрекозка, и вот уже зашептали прибрежные травы... А что это примешивается к шёпоту? Что это за звуки? Бульканье? Плеск?

Варя прислушалась. Это пела сама Река. Она текла, радовалась и пела:

Не надо реки вспять гонять,
Иль им стоять приказывать,
Не надо реки выпрямлять
Иль их в узлы завязывать.

Река, она и есть река,
Течёт своей дорогой
И дни, и годы, и века,
И ты её не трогай!

Хоть злой Барнабас всем вредит,
Держа свой план в секрете,
Он никогда не победит
Добро на этом свете!

— Вот и всё,— сказал Асей, когда они спустились по треугольной лестнице.— Ты уже дома, Варварушка. Эй, Зелёный Клим! — крикнул Асей.— Ты меня слышишь?

— Слышу,— отозвался знакомый, чуть глуховатый, ласковый голос.— Отлично слышу. Пусть Варенька поспешит домой. С минуты на минуту появится мама.

— Варя идёт, идёт,— сказала Маруся.

— Вот и всё,— сказал Асей ещё раз.

— Всё,— подтвердил Аллан-Мелик из кармана.

— Мы прощаемся с тобой, Варварушка,— сказал Асей.— Теперь у тебя всё будет хорошо. Ты сделала доброе дело. И теперь ты совсем, совсем здорова.

О, как замечательно! Как хорошо быть здоровой и не бояться, что на тебя нападёт кашель или удушье.

Но Варе стало ещё и немного грустно. Как это — всё?

— Ты больше никогда не появишься? — спросила Варя тихо.— Никогда-никогда, Асей? И Аллан-Мелик тоже?

— Я не люблю слово «никогда»,— сказал Асей.— Пустое слово. Но я ничего не могу тебе обещать. Давайте радоваться, что мы все вместе сделали хорошее дело. А там увидим!

И вот блестящая точка мелькнула вдали и исчезла совсем.

Варя растерялась.

— Маруся,— сказала она,— Маруся, ты тоже уйдёшь?

— Светит месяц, светит ясный,— сказала Маруся.— Беги скорей на кухню и разогревай курицу. Я пошла. Я ещё вернусь — я же твой подарок ко дню рождения! Мама меня тебе подарит!

— Ой, я совсем и забыла!

— Только ты маме ничего не говори. Пусть я буду как будто сюрприз.

Старые стенные часы в деревянном резном футляре пробили девять раз. В английском замке заворочался ключ. Это возвращалась мама.

АЛЯ, КЛЯКСИЧ И БУКВА «А»

Глава первая

Аля писала письмо маме. Она очень старалась написать хорошо, но всё шло шиворот-навыворот: буквы не слушались, падали, менялись местами и ни за что не хотели браться за руки, точно они все друг с другом перессорились. Ну, просто наказание!

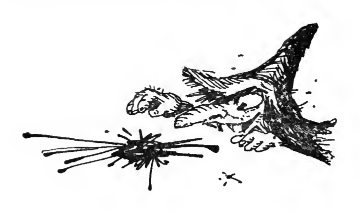
Вдруг прямо на середину страницы выбежала буква А. Она размахивала руками и что-то кричала.

— Что с тобой, что случилось? — изумилась Аля.

Буква А уселась на строчку, вытерла пот со лба и еле выговорила:

— Кляксич!

— Ничего не понимаю! — сказала Аля.

— Да Кляксич же! — воскликнула буква А.— Отвратительный Кляксич пробрался в Букварь. Он ссорит буквы друг с другом, он их ненавидит, он хочет их всех заменить своими родственниками кляксами. Меня он уже выгнал, и теперь на моём месте стоит жирная клякса — его племянница.

Тут добрая трудолюбивая буква А расплакалась.

— Вот тебе и на! — поразилась Аля.— Но ты успокойся. Надо что-то придумать. Нельзя же ему уступать! Надо бороться!

— Что уж тут придумаешь! — возразила буква А.— Ты ведь даже своё письмо не сможешь подписать! Кляксич, когда узнал, что ты пишешь письмо маме, расхвастался: «Букву А я уже выгнал, букву Л я запру под замок, а букву Я так запрячу, что её никто не найдёт. Как тогда Аля подпишет своё письмо? Я — хозяин Букваря!»

Аля задумалась. Подписать письмо без нужных букв она в самом деле не сможет. А если не подписать, то как мама поймёт, кто написал ей письмо?

— Знаю, знаю! — вдруг закричала Аля.— Мы с тобой отправимся в Букварь, разыщем Кляксича и сотрём его ластиком. Правильно?

— Ещё как правильно! — обрадовалась буква А.

Взявшись за руки, Аля и буква А направились прямо в Букварь. У самого входа дорогу им преградила добродушная с виду буква Б. У неё через плечо висела на ремне огромная корзина.

— Будете брать бублики? — спросила она.

— Да какие там бублики! — запротестовала буква А.— У нас важное дело. Пропусти нас, пожалуйста!

— Бросьте,— сказала буква Б, не трогаясь с места.— Берите белые бублики и баранки. Быстрее.

Буква Б была ужасно толстая, Аля и буква А никак не могли её обойти. Пришлось покупать бублики. Они купили их целую строчку, вот такую:

О О О О О О О О О О О О О О О О О

Но буква Б по-прежнему загораживала им дорогу и только покрикивала:

— Больше! Больше!

У них не было больше свободной строчки. Бублики просто некуда было класть.

Уважаемые читатели, берите скорее карандаши и купите у буквы Б бубликов, кто сколько сумеет, иначе Аля и буква А не попадут в Букварь, и всё. Что же тогда будет со всеми буквами? Даже подумать страшно!

Глава вторая

Ну, наконец-то буква Б отступила! Аля и буква А вошли в ворота. За воротами зеленел лужок. На траве паслись двоеточия. За ними, щёлкая кнутом, ходил вопросительный знак.

— Ты не видал Кляксича? — спросила у него буква А.

— Кляксича? — вопросительный знак почесал в затылке.— Как же. Кляксича-то видел. Он уехал на поезде. Куда? Откуда мне знать?

И вопросительный знак посмотрел на них вопросительно.

От этого пастуха толку не добьёшься! Скорей на вокзал!

На вокзале буква В в кондукторской фуражке с красным донышком покрикивала на пассажиров.

— В вагоны! В вагоны! Входите в вагоны! Вы в восьмой вагон? — спросила она у Али.— Ваши вещи?

Странно, что она просила предъявить вещи, а не билеты. Но Але некогда было удивляться. Она предъявила строчку с бубликами.

— Великолепно! — почему-то обрадовалась буква В.

Только они вошли в вагон и отыскали свои места, как поезд тронулся. Они уселись поудобнее. Колёса застучали по рельсам. За окнами замелькали домики и деревья.

Но вдруг поезд со скрежетом затормозил и остановился. Пассажиры высыпали из вагонов. Подумать только! Дальше пути не было! Это Кляксич (кто же ещё?) унёс рельсы, разобрал шпалы и даже спилил все деревья!

Буква А тут же впала в отчаяние. Аля принялась её утешать:

— Ты забыла: ведь у нас есть читатели! Они нас выру-

чат из беды. За работу, дорогие читатели! Все на ремонт путей! Укладывайте шпалы! Заодно почините домики и насадите побольше ёлочек: дороге нужна лесозащитная полоса!

Глава третья

Пути починили. Поезд долго ехал без остановок. Аля задремала. Букве А не спалось, она волновалась.

Наконец поезд подошёл к перрону.

Аля и буква А вышли из вагона. Уже смеркалось. Горели фонари.

Они решили постучать в первый попавшийся дом. Это был голубой домик с голубыми гардинами на окнах. На подоконниках в глиняных горшочках цвела герань.

Из раскрытых окон до прохожих доносилось громкое пение:

Глупый гном глядел, глядел,
Громкий горн гудел, гудел,
Громче горна грохнул гром,
Громче грома гаркнул гном.

Догадались, чей это был домик? Ну конечно, в этом домике жила буква Г.

— Что это за глупая песня? — спросила Аля у буквы А.

— Ничего удивительного,— ответила буква А.— Глупость с какой буквы начинается? Вот видишь — с Г. Значит, эта буква вполне может оказаться глупой.

Они постучались и вошли.

Буква Г была в голубом халате и голубых домашних туфлях.

— Кляксич? — переспросила она, когда узнала, о чём идёт речь.— Может, я и расскажу вам, где Кляксич, только сначала решите задачу. «Если от поезда отстал один пассажир и от другого поезда отстал один пассажир, то сколько всего отстало пассажиров?» Нате бумагу и решайте, а то не услышите от меня ни слова.

Г

Аля поняла, что Г не переспоришь, и моментально написала 1 + 1 = 2. Это же была самая пустяковая задача на свете!

— Глубоко ошибаетесь,— сказала бува Г.— Ответ не сходится. Он не сходится, если идти пешком, и он не съезжается, если ехать поездом. А раз вы ничего не смыслите в арифметике, то нечего вам тут ходить и вынюхивать про Кляксича. Ничего я вам не скажу.

И буква Г опять запела свою глупую песенку.

Они ушли, так ничего и не выяснив. Буква А снова расстроилась, а Аля крепко сжимала в руках резинку и надеялась, что всё ещё уладится.

Когда они спускались с голубого крылечка, буква Г высунулась из окошка и закричала им вдогонку:

— Нуль! В ответе будет нуль! Если пассажир отстал от поезда, то он уже не пассажир, а растяпа! Понятно вам?

Взошла луна. Настала самая настоящая ночь. Огни в окнах погасли. Только в одном, самом высоком доме горело крошечное окошечко под самой крышей.

— Пойдём попросимся переночевать,— предложила Аля.— Ты не знаешь, кто живёт там наверху?

— Знаю,— сказала буква А.— Там живёт буква Д. Её зовут Добрая Дуня. Она-то пустит нас переночевать, только в её доме нет лифта, и нам придётся идти пешком.

— Не беда,— сказала Аля.— Мы станем отсчитывать этажи, а читатели будут записывать, чтобы мы не сбились со счёта.

Они открыли старую скрипучую дверь и двинулись вверх по тёмной лестнице. 1-й этаж. 2-й. Написали? 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Пришли! Постучали. Буква Д — Добрая Дуня — крикнула из-за двери:

— Входите, не заперто!

— Здравствуй, А, душечка,— обрадовалась Дуня.— Кого это ты привела ко мне в гости?

Аля пожала пухленькую ручку Доброй Дуни и назвала себя:

— Аля.

Дуня тоже пожала Алину руку, улыбнулась и запела песенку:

Дикий удод наклевался ягод.
Умный удод — он наелся на год.
Наелся удод — и песни поёт
Ясные летние дни напролёт.

Аля удивилась, но постеснялась спросить, что эта песенка значит. Поэтому догадываться вам придётся самим.

Буква А стала рассказывать Дуне про Кляксича, но Дуня её перебила.

— Знаю,— сказала она.— Кляксич утром был здесь. Грозил всем буквам, что заменит их кляксами, если они впустят букву А обратно в Букварь. Он ещё хвастался, что уже поссорил некоторые буквы между собой. Кляксич рассказывал это своим приятелям Помарке и Описке, а я вышла на балкон и всё слышала.

— Куда же они девались потом? — спросила Аля.

— Потом они вместе отправились к букве Л, чтобы схватить её и засадить под замок. Некоторые буквы боятся и слушаются Кляксича. Но только не я. Я-то знаю, что на свете самая добрая вещь — это дружба.

— Ты не заметила, по какой дороге они пошли? — спросила буква А.

— По-моему, вон той дорогой, через лес, к букве Л. Отдохните немного, поешьте, я сейчас угощу вас дыней.

Аля и буква А прилегли на диван. Дуня отправилась в кухню. Она стучала тарелками и ножами и тихонечко напевала:

Доброе утро, новенькая яхта,
Утро доброе, синяя волна!
Новенькая яхта, а вон там в горах-то
Ясная звёздочка всё ещё видна!

«Что за странные песенки поёт Дуня?» — опять подумала Аля, так и не догадавшись, в чём дело. Ну, а вы дога-

дались? Если нет, ещё раз прочтите Дунины песенки и обратите внимание на первые буквы в начале каждой строки.

Глава четвёртая

Рано утром Аля и буква А пошли прямо через поле к лесу. На опушке леса стояла старая, завалившаяся набок избушка.

В ней жили две бедные старушки Е и Ё. Они были от рождения страшно забывчивы и рассеянны. Они вечно теряли вещи, деньги, роняли кошельки, забывали сумки. Когда кто-нибудь находил их добро и приносил им, они уже ничего не помнили. Если спрашивали у Ё: «Это ваше?» — она качала головой и говорила: «Наверно, её». Спрашивали у Е: «Это ваше?» — она тоже качала головой и говорила: «Наверно, её». Что же было делать? Соседи брали вещи себе, а Е и Ё тут же об этом забывали.

Путники не стали заглядывать к рассеянным Е и Ё. Они всё шли и шли по лесу, пока не увидели очень странное сооружение.

Это была, видимо, землянка, но вход в неё был замаскирован, двери они не нашли.

— Кто здесь живёт? — спросила Аля громко.

— Мы,— ответили ей два голоса одновременно.

— Кто вы такие?

— Мы не знаем,— ответили голоса.— Мы каждый день меняемся. Один день мы Журавль и Заяц, другой — Жаба и Зебра, третий — Жук и Зяблик.

— А кто вы сегодня?

— Мы сегодня Жужелица и Землеройка.

«Что это за буквы?» — подумала Аля, но сразу не сумела сообразить.

— Выходите же, нам надо поговорить,— сказала она, надеясь, что когда увидит их, то поймёт, какие это буквы.

— Мы не выйдем,— ответили оба голоса.

— Почему?

— Мы стесняемся.

— Тогда хоть скажите, как найти букву Л?

— Идите направо. Отсчитайте пять шагов. Потом идите налево, считайте в обратном порядке. Потом от пяти ёлочек — опять направо. Ёлочки вам придётся нарисовать, потому что наш лес — лиственный. Сделайте десять шагов. Отыщите в заборе калитку. Там живут три буквы. Они скажут.

— Спасибо,— сказала Аля этим странным буквам и, повернувшись направо, она вместе с буквой А принялась считать: 1, 2, 3, 4, 5, потом они повернули налево и опять начали считать: 5, 4, 3, 2, 1.

1 2 3 4 5 5 4 3 2 1

— Ну, рисуй ёлочки,— сказала Аля.

— Мне нечем,— ответила буква А.

— Ой, а где мой карандаш? — испугалась Аля.— Ну конечно! Забыла его у Г, когда решала её дурацкую задачу. Что же теперь делать?

Они сели на пенёк. Буква А тут же ударилась в слёзы. Але тоже было как-то невесело.

— Может быть, нас опять выручат читатели? — размышляла она вслух.— Ведь не так трудно нарисовать ёлочки, если у тебя есть тетрадь и карандаш под руками.

– Ах, не знаю,— всхлипнула буква А.— Подождём.

Глава пятая

Конечно, Аля оказалась права. Читатели нарисовали все пять ёлочек.

И вот путешественники остановились перед калиткой в высоком тесовом заборе.

За забором стоял просторный бревенчатый дом. Там жили буква И, буква Ы и буква Й. Букву Й звали Тимофей. И с Ы целыми днями сидели на террасе и спорили, кто из них главнее.

— Я,— утверждала буква И,— потому что я могу сказать слово «микроб».

— Это не так важно,— возражала Ы.— А сумеешь ли ты сказать слово «мормышка»?

— Мне и не к чему говорить этот вздор. Я выражаюсь поэтично: «ирис, миндаль, мимоза, миг».

— Не спорю. Зато ты не можешь сказать самого главного слова — «мы».

Так они препирались целыми днями. А когда им надоедало ссориться, они распевали свою любимую песенку:

На полу скребётся мЫшка,
Спит в берлоге бурый мИшка,
Этот мишка очень мИл,
Только лапы он не мЫл.

Пока они спорили или пели, Тимофей занимался хозяйством: подстригал усики у гороха, чесал брюшко тыкве и вышивал крестиком.

Аля и буква А вошли в калитку.

На террасе посвистывал большой старинный самовар, на белой скатерти всё было накрыто к утреннему чаю.

— Можно? — спросила Аля.

— Милости просим, милости просим,— закивала буква И.

— Мы вам рады, мы вам рады,— вторила буква Ы.— Чайку?

— Тимофей, пожалуйста, ещё два прибора,— попросила буква И.

За чаем выяснилось, что Кляксич с дружками проходил тут ещё вечером. Дома был только один Тимофей. Тимофей понял из их разговора, что они отправились на левый берег реки Чернилки к букве Л и собираются её схватить. Зачем и за что, он не понял. Они велели Тимофею ни в коем случае никому не рассказывать, куда они пошли.

— Очень мило! — воскликнула буква И.— Какой-то негодник, даже не буква, а клякса, будет нами командовать!

— Выскочка! — негодовала буква Ы.

Разузнав дорогу на левый берег Чернилки и поблагодарив хозяев, Аля и буква А двинулись в путь.

Й
Ы И

Глава шестая

Скоро показалась речка Чернилка. Она текла между высоких лесистых берегов. Над лиловыми волнами кружили ласточки. Моста, по которому можно было перейти на левый берег, не было. Вчера здесь был ураган. Видно, мост снесло ураганом.

Уровень Чернилки поднялся. О том, чтобы перейти вброд, не могло быть и речи. Вплавь тоже нельзя было перебраться — течение в этом месте было очень быстрое.

— Давай спилим сосну,— предложила буква А.— Перекинем её на тот берег.

— Интересно, чем же ты будешь пилить? — спросила Аля ехидным голосом.

Буква А стала кричать, чтобы кто-нибудь с того берега пригнал лодку. Но никто не откликался.

Аля придумала, как быть.

— Давай вытряхнем бублики,— скомандовала она.— Мы перекинем строчку с берега на берег и по ней пройдём, как по мосту.

Так они и сделали. Буква А быстро перебежала на ту сторону. Но как только Аля ступила на этот самодельный мост, строчка под ней закачалась и прогнулась. Але стало страшно.

— Надо укрепить мостик палочками! — закричала буква А с того берега.

— Какими палочками, раз у меня нет карандаша? Чем мне написать палочки? Ой! Ой! — У Али закружилась голова. Вот-вот строчка провалится!

Скорее, скорее, не теряя ни минуты, все, у кого есть карандаш и бумага,— целую строчку палочек!..

| | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |

Ну вот, Аля перебралась на тот берег. Сколько времени упущено! Они пустились бегом. Добежали до маленького чистенького домика буквы Л. Но что это? Никого нет. Калитка стоит настежь. Двери открыты. В доме — никого. Только сидит в будке и даже не лает собачка Ленточка. Следы многих ног ведут от калитки влево.

Аля и буква А пошли по следам. Следы привели к сараю. У дверей сарая сидели вооружённые до зубов буква К и буква М. Аля сразу обо всём догадалась. Конечно, они стерегут в сарае беднягу Л.

— Куда? — крикнула буква К.

— Нам нужно видеть Л,— сказала Аля.— Эта буква нужна мне, чтобы подписать письмо.— И она сделала ещё шаг к сараю.

Буква К выхватила револьвер.

— Ни с места! Кира мыла раму. У Киры косы.

— Что ты бредишь? Лучше открой дверь,— сказала Аля.

— Нельзя,— сурово отвечала буква К.— Косы хороши. Кира мала.

— Что это с ней? — спросила Аля у М.

М улыбнулась и показалась не такой уж свирепой, как с первого взгляда.

— Эта буква К долго работала в старом букваре. А когда написали новый букварь, взяли туда букву К помоложе. А эта обиделась. Она считает, что тот букварь был лучше. Вот и бормочет слова, которые были в Старом букваре на её странице.

— Каша. Кони. Сук. Сок. Ком,— подтвердила буква К.

— Кляксич обещал ей поставить кляксу на новое К. Вот она и подлизывается.

— А ты, ты-то что? — вознегодовала буква А.

— А я что? Я не злая. Мёд. Малина. Мак. Мармелад,— добавила буква М в подтверждение своей доброты.

— Так помоги же нам. Давай выпустим ни в чём не повинную букву Л, а в сарай запрём эту злую букву К.

— Можно,— сказала буква М.

И не успела злющая буква К оглянуться, как оказалась в сарае, а буква Л радостно выбежала навстречу Але.

Из сарая неслись негодующие крики:

— Каша! Куры! Кира ушла в кино!

Но их никто уже не слушал. Уговорив букву М постеречь К, все трое двинулись дальше на поиски Кляксича и на выручку буквы Я.

Аля и буква А быстро пошли прочь от сарая, а за ними следом, едва поспевая, бежала буква Л. Кляксич не велел её кормить, пока она была взаперти, и она очень ослабела.

Возле дороги был вкопан огромный столб, а к столбу прибита стрелка, тоже огромная, и на ней написано: «НОП».

— Что это такое? — спросила Аля.

— Научно-опытный пункт,— пояснила буква А.

— Это такое учреждение?

— Конечно.

— А что там делают?

— Ставят опыты. Там работают Н, О и П.

Стрелки с НОПами стали попадаться всё чаще, и вскоре путники увидели серый кирпичный дом со светлыми окнами во всю стену. Они вошли. Аккуратненькая вахтёрша — точка с запятой — провела их в лабораторию. Там что-то кипело и шипело на спиртовках, что-то булькало в пробирках.

— Извините...— начала было Аля.

— Тсс! — зашикали на неё Н, О и П. Все трое были в белых халатах и белых шапочках.— Тихо! Идёт опыт.

— Но нам очень...— робко заметила буква А.

Н, О и П замахали руками.

— Началось! — заявила буква Н.

— Плавится? — спросила буква П шёпотом у своих товарищей.

— Окисляется,— прошептала в ответ буква О.— Реакция идёт с выделением тепла... Ненужные буквы выпадают в осадок.

— Что вы тут делаете? — не выдержала Аля.

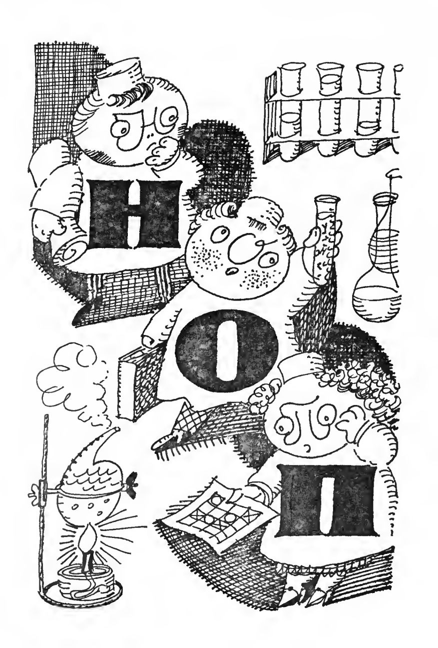
— Тсс! — зашикали на неё все трое.— Мы переплавляем слова.

— Что? Что? — поразилась Аля.

— Готово! —закричали Н, О и П хором.

Они подскочили к какой-то колбе, и буква Н торжественно объявила:

— Опыт прошёл блестяще. Вот, пожалуйста. Вместо обычного непрочного скоропортящегося стихотворения

Н
О
П

мы получили лабораторным путём устойчивые стихи, не боящиеся ни ядовитых веществ, ни дурной погоды. Послушайте:

Жил на свете
Умный слон,
У него был
Телепон.
Ходит слоник —
Топ-топ-топ,
Звонит слоновый
Теленоп...

— Постойте, подождите! — не выдержала буква А.— Что же это вы делаете? Вы же заменяете своими буквами другие буквы! Вас что, Кляксич подговорил, что ли?

— Тсс! — зашикали опять все три буквы в белых халатах.— Тсс! Мы продолжаем опыт.

— Пошли,— сказала Аля.— Тут мы всё равно толку не добьёмся.

Глава восьмая

Аля, буква А и буква Л вышли на улицу в полной растерянности.

Аля сказала:

— Ну, что делать будем? Может, пойдём разыщем букву Р и что-нибудь у неё узнаем?

— Вряд ли она нам что-нибудь скажет,— вздохнула буква А.

— Почему?

— Видишь ли, она — собака. Очень хорошая собака, интересной породы — ризеншнауцер, зовут её Розочка. Она добрая и умная. Когда Кляксич стал безобразничать в Букваре, она здорово нарычала на него: «Рррр!» Он подговорил Описку, тот и написал на её будке — «сабака Розачка». И она теперь совсем разболелась. Она всегда болеет, когда слово «собака» пишут с ошибкой.

— Как жаль! — вздохнула Аля.— Я очень люблю собак... Может, пойдём найдём букву С?

— Здрра-сс-те! — вдруг донеслось откуда-то сверху.— Здрассте, я здесь, здесь!

Аля увидела, что на заборе сидит буква С — сорока.

— Не знаешь ли ты что-нибудь про Кляксича? — спросила буква А.— Куда он девался, не слыхала ли ты чего?

Сорока вытаращила на неё глаза и затараторила:

Сонная сорока сидела на сосне.
Снегири и сойки снились ей во сне.
«Скорей!» — сердились сойки.
«Спешим!» — снегирь свистел.
Сороку стукнул по спине,
И сон с неё слетел.

Оказалось, что сорока других слов, кроме как на С, произносить не хочет. Ну что тут было делать?

— А может, нам буква Т что-нибудь скажет? — с надеждой спросила Аля.

Буква А покачала головой.

— Т — хорошая буква, только она Тютя.

— Что это значит? — не поняла Аля.

— Тютя, и всё. Не понимаешь — «Тютя»?

Она не успела объяснить Але, что значит «Тютя», потому что кто-то стал кричать и звать букву А. Это была буква У. Она неслась к ним через мостовую, не обращая внимания на красный свет и движущийся транспорт.

— Ну, наконец-то! — кричала она.— Буква А, наконец-то я тебя разыскала!

— Тсс, тише! — остановила её буква А.— Я вернулась в Букварь тайком, ведь Кляксич выгнал меня, разве ты не знаешь?

— Какой ужас! Когда же этому конец? Ведь этот Кляксич, отвратительный, злой Кляксич рассердился на моего друга филина Федю.

— За что же? — спросила Аля.

— За то, что он не хотел позволить ему спрятать в своём дупле букву Я.

— И что же Кляксич с ним сделал? — с тревогой спросила буква А.

Буква У вытерла глаза платком.

— Не знаю,— сказала она.— Он не прилетает ко мне больше, и я не могла разыскать его в лесу. Вот я и ищу тебя, буква А. Я хожу по лесу и не могу без тебя кричать «Ау». У меня получается «У-у», а филин Федя, наверно, думает, что это просто ветер, и не откликается. Пойдём со мной в лес, пожалуйста.

Аля и буква А переглянулись. Что же делать? Они ищут букву Я, в лес идти им совсем некогда. Но ведь надо же выручать филина Федю!

— Пойдёмте,— сказала Аля букве А и букве Л.— В каком лесу живёт филин Федя? — спросила она у буквы У.

— Совсем недалеко,— засуетилась буква У.— Вон там, за той улицей, начинается лес, там он и живёт и всегда прилетает ко мне чай пить, он очень любит пряники. А вот теперь, бедный, бедный...

В Федином лесу росло много старых дуплистых дубов. Густая листва заслоняла солнце. Трава была влажной.

— Ау, ау! — крикнули буквы А и У в зелёный полумрак Фединого леса.

Им никто не ответил.

— Ау, ау! — закричали они снова.

Але показалось, что в ответ доносятся какие-то неясные звуки, только откуда — она не могла понять.

— Федя! Федя! — надрывалась буква У.

— Бу-бу! — донеслось до них еле слышно.

Вдруг буква Л, которая устало тащилась позади всех, увидела надпись, вырезанную на коре дуба: «тен». И на другом дубе тоже «тен». И рядом «тен». И ещё на одном — «нилиф». Что значат эти таинственные надписи?!

Все принялись осматривать дубы, стучать по стволам. Дубы были толстые. Сучков снизу не было. Влезть на дуб, чтобы осмотреть вершину, было почти невозможно. И потом, на который из них лезть?

— Поняла! — вдруг закричала Аля.— Давайте встанем друг другу на плечи, а ты, буква У, лезь на самый верх и ищи дупло! — С этими словами Аля подбежала к дубу с надписью «нилиф».

ТЕН
ТЕН
НИЛИФ
Л

Буква У влезла на толстый сук и стала шарить по коре.

— Ничего нет! — крикнула она сверху.— Тут только ветки! Спускайте меня!

— Ищи, ищи! — настаивала Аля.

— Ой! — закричала буква У.— Ветки падают. Да они и не растут здесь! Дупло! Оно было загорожено ветками! И замазано чернилами!

Буква У немного повозилась с ветками, и филин Федя оказался на свободе.

Все радостной гурьбой двинулись обратно в город.

— А как ты догадалась, где Кляксич спрятал Федю? — спросила буква А у Али.

— Да это же проще простого,— сказала Аля, но не договорила...

Кто-то нёсся им навстречу, кувыркаясь и делая по два шага то на руках, то на ногах.

— Кто это? — удивилась Аля.

— Это Хитрюга, буква Х.

— Вот хорошо! — обрадовалась Аля.— Мы сейчас расспросим её, может быть, она знает, куда девался Кляксич.

— Нет, нет,— сказала буква У.— У неё не надо спрашивать. Она очень хитрая. Она скажет вам, что дружит с вами, а потом повстречает вашего врага, перевернётся, станет на руки — и пожалуйста, она уже ему первый друг. Она ведь выглядит одинаково — хоть на руках, хоть на ногах.

— С хорошей погодкой! — сказала буква Х, поравнявшись с ними.— Откуда это вы идёте?

— Гуляли в лесу,— буркнула буква У.— Мы спешим. До свидания.

— До свидания, до свидания, хотя хорошо было бы хоть минуточку побеседовать с вами.— И буква Х сладенько улыбнулась.

Но буква У ускорила шаги.

— Спасибо вам всем,— сказала буква У.— Вы помогли мне найти Федю. Пойдёмте ко мне пить чай с пряниками.

Но Аля за всех отказалась:

— Спасибо, но мы не можем. Нам надо искать букву

Я, с ней, наверно, случилась какая-нибудь беда, раз Кляксич за ней так охотится.

Аля, буква А и буква Л проводили У и Ф до дому и пошли дальше.

Глава девятая

Солнце поднялось, и стало жарко. Они дошли до какого-то запылённого скверика с жиденькими кустами и выгоревшими клумбами. Устало опустились на скамейку. На соседнюю лавочку тут же плюхнулись буквы Ч и Ц. Они обе хохотали.

— Что весёлого слышно? — спросила буква А сердитым голосом.

— Мы играем в прятки,— сказала буква Ч.— Вот посмотри, сумеешь ли ты нас отыскать? — И они затараторили, перебивая друг друга:

Чапнула чапля цёрные цернила.
Цёрная чапля чиркулем цертила.
Полуцился оцень цистенький цертёж,
Станешь вверх ногами — сразу разберёшь!

— Очень весело,— пробурчала буква А.— Вы бы мне лучше сказали, где буква Я? Где Кляксич?

— Ницего, то есть ничего не знаем. Мы всё время играли. Спросите у сестёр Ш и Щ, они серьёзные.

— А где они живут?

— Да тут рядом.

Но идти никуда не пришлось: на сквер прибежала буква Щ, расстроенная, вся в слезах.

— Беда, беда,— причитала она.

— Что с тобой? — встревоженно спросила Аля.

— Не со мной, с сестричкой! — Сквозь слёзы буква Щ еле выговаривала слова.— Кляксич растащил её на крючочки за то, что она не хотела выдать букву Я. Он заколдовал сестричку, и теперь крючочки будут все отдельно, пока кто-нибудь не напишет букву Ш тысячу раз по сто. Но ведь этого никто не сможет сделать. Бедная моя сестричка!

— Не убивайся так,— сказала Аля.— Мы с буквой А давно уже путешествуем, и нас не раз выручали читатели. Я уверена, что каждый из них сначала перепишет себе крючочки в тетрадку и когда научится их писать совершенно правильно, то напишет много-много Ш и пришлёт тебе. Вот у тебя и наберётся достаточно, чтобы разрушить колдовство.

Буква Щ немного успокоилась.

— Скажи, а куда девался Кляксич?

— Он пошёл куда-то в самый конец Букваря,— сказала буква Ш.— Я слышала, как он ругался с твёрдым и мягким знаками. Кляксич их на что-то подговаривал. Твёрдый знак не соглашался, ругался с Кляксичем и кричал: «Мне не страшно! Вот съем тебя и объедки собакам кину!» А мягкий знак упрашивал: «Разве тебе не жаль? Брось! Оставь! Перестань!» Но я так была расстроена, что не поняла, о чём они говорят.

— А где сейчас буква Я?

— Не знаю. Буква Ш, моя сестричка, знала. Но она не хотела рассказывать, она боялась, что Кляксич задумал что-то недоброе.

— Что ж, прощай,— сказала Аля, и они отправились в конец Букваря, туда, где жила буква Э.

У буквы Э был маленький собственный домик, крытый черепицей. Буква Э встретила их ласково, каждому протянула руку и назвала себя:

— Эмма-Элла-Эрна-Эвелина.

«Батюшки, какое у неё длинное сложное имя»,— подумала Аля.

В гостях у Эммы-Эллы-Эрны-Эвелины была её подружка буква Ю, которую все звали Юля в Юбке, потому что она никогда не носила платьев.

— Не трудитесь объяснять, я знаю, зачем вы пришли,— сказала буква Э.— Всё, что мне известно, я вам открою. Но, к сожалению, я знаю не так уж много. Букву Я прятало слово «заяц». Когда Кляксич всё-таки догадался, где буква Я, он погнался за зайцем. Ему бы никогда не удалось догнать зайца, но тот бежал так быстро, что буква Я не сумела удержаться при такой скорости и выскочила из слова. Тут Кляксич её и схватил!

Э
Ю

— Ах! — вырвалось у буквы А.

— И тут,— продолжала буква Э,— он составил какую-то заколдованную надпись, которую невозможно прочесть. Кто прочтёт её, тот и освободит букву Я. Мы с Юлей переписали надпись, но расшифровать не могли.

— Где эта надпись? — спросила Аля.— Покажите скорее!

— Да вот,— сказала Эмма-Элла-Эрна-Эвелина.

!анбодовс R авкуƎ

Все просто остолбенели. Да что же это такое? Кто сумеет прочесть эти мудрёные перекрученные буквы?

Никто не мог вымолвить ни слова. Все молча глядели на заколдованную надпись. Аля сделалась совсем мрачной. Буква А заплакала.

Вдруг в распахнутое окошко влетела маленькая птичка — зарянка. Это была буква З.

— Зеркало! Зеркало! Зеркало! — трижды прокричала она и выпорхнула в окно.

— Постой, объясни! — закричала ей вслед буква Э.

Но зарянка точно растаяла в воздухе.

— Что «зеркало»? Что «зеркало»? Почему «зеркало»? — без конца повторяла буква А.

— Не знаю,— вздохнула Эмма-Элла-Эрна-Эвелина.

— Понятия не имею,— огорчилась Юля в Юбке.

Аля подошла к зеркалу — оно не показало ей ничего, кроме самой Али.

— Что же делать? — спросила она задумчиво.— Может, нам снова помогут ребята?

— Не знаю,— грустно отозвалась буква А.

— Помогут, конечно! — сказала Аля.— Их так много. И все они умные. Они догадаются.

Глава десятая, и последняя

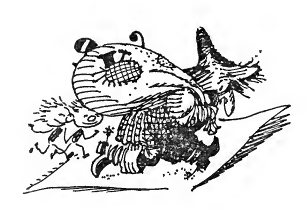
Ну, вот теперь, когда всё так благополучно кончилось... Что? Конечно, ребята догадались, как прочесть заколдованную надпись, и буква Я освободилась из своего страшного плена. И Аля написала такое письмо:

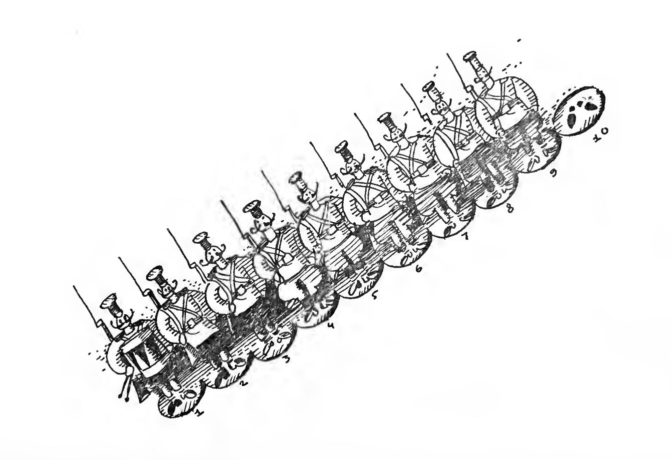
Милая мамочка!
Я так рада, что ты скоро приедешь
и отведёшь меня сама в 1-й класс.
Приезжай скорее.
Твоя дочка Аля.

Всё это прекрасно. Но куда девался злодей Кляксич? Сумела ли Аля победить его?

Всем очень хотелось бы, чтобы это было так. Но... Кляксича изловить не удалось. Он сбежал. Он покинул Букварь вместе с дружками Помаркой и Опиской. И теперь они бегают из тетрадки в тетрадку и строят людям всякие пакости исподтишка.

КОНЕЦ

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

МОЖЕТ, НУЛЬ НЕ ВИНОВАТ?

Глава первая

Погода испортилась. Дождь моросил по-осеннему, астры на балконе сникли, из окна пахло не свежестью, как бывало при летнем дожде, а сыростью.

Настроение у Али тоже испортилось. До первого сентября оставалось ещё целых два дня. Уже всё готово к школе. Школьная форма висит на специальной детской вешалке, гладиолусы купили и поставили в воду с аспирином — чтоб не завяли. А тут ещё два дня. И дождь, и мамы дома нет, и Антошка пока не вернулся с дачи. Ну, разве не тоска!

Аля протянула руку, взяла из стопки новеньких учебников тот, что лежал сверху. Оказалось — «Математика».

Да... Как оно там будет с этой математикой? Буквы Аля все знала, можно сказать, по именам. А вот цифры — другое дело. Во-первых, их трудно писать. А во-вторых, просто напишешь — не отделаешься. Считать надо! Прибавлять, отнимать...

Аля раскрыла учебник — так, наугад, где сам раскрылся. Прочла: «У Антоши на столе было девять солдатиков. Один барабанщик, остальные пехотинцы. Сколько было пехотинцев?»

«У какого это Антоши?» — подумала Аля.

Ах да, так вот же он нарисован на картинке. Аля пригляделась и даже ойкнула от удивления. В учебнике математики на семьдесят седьмой странице была нарисована Антошкина комната, всё, как на самом деле есть,— и диван такой же, как у Антошки, и аквариум с красными меченосцами, и старая с книгами этажерка, ну, словом, всё-всё. И сам Антошка был тут же. Он ползал под столом на четвереньках. Аля его окликнула. Антошка обернулся. Никакого сомнения, это был её приятель Антон Водовозов, с которым они договорились сесть в классе рядом, даже если кому-нибудь и придёт в голову дразниться.

— Как ты туда попал, Антошка? — воскликнула Аля.— Ты что, заколдованный?

— Иди помоги искать солдатика,— своим обычным голосом сказал нарисованный Антошка, точно ничего странного не происходило.

— Как же я к тебе попаду, когда ты нарисованный, или заколдованный, или вообще, может, я тебя во сне вижу?

— Ладно тебе. Какое там во сне! Ты идёшь или нет?

— Хо-ро-шо,— очень неуверенно сказала Аля. Только как?

— Очень даже просто,— ответил вместо Антошки чей то писклявый голосок.— Через мостик.

Рядом с Антошкой оказалась Единица ростом с самого Антона. Она помахала Але рукой, поклонилась и вдруг... вдруг перекинулась мостиком прямо к Але, и Аля сама не

заметила, как перебежала по этому мостику и оказалась рядом с приятелем.

И сразу же не стало ни номеров, ни условий задач, не было никакой семьдесят седьмой страницы, а просто Антоша в своей комнате, а рядом — Аля, а рядом... В том-то вот и дело, что рядом стояла Единица. Худенькая, с длинной шеей и маленькой головой, забавная, живая.

— Вот видишь, это совсем нетрудно,— сказала она.

— Что? — спросила Аля.

— Оказаться в Математике,— пояснила Единица.

Антошка встал с колен и озабоченно посмотрел на Алю.

— Понимаешь,— сказал он,— потерялся нехотинец. А это очень плохо.

— Антош, жалко, конечно, что потерялся. Но он ведь солдат, он мужественный. С ним ничего плохого не случится. Ты не тревожься.

— Во-первых, плохой я командир, если о солдатах тревожиться не буду,— сказал Антон.— Мало ли в какую беду он может попасть.

— А во-вторых,— подхватила Единица,— условие задачи без этого солдата нарушается. Без него нельзя решить эту задачу. Ответ не сойдётся. Вот какой это важный солдатик. Уж вы мне поверьте, я в математике четыреста лет служу.

— Ого! — изумилась Аля.

—Да, да, да! — опять сказала Единица.— Солдатика надо найти, иначе рухнет эта задача, очень важная задача на вычитание, а за нею следом — и другие, да-да-да, математика — наука стройная, и в учебнике всё-всё должно быть всегда там, где положено.

— Как это? — спросила Аля.

Да так. Все цифры — на местах, все знаки — на местах. Все условия задач — каждое на своём месте. Порядок в учебнике должен быть, строгий порядок.

— А при чём же тут солдатик? — уже немного робея перед Единицей, спросила Аля.

— Очень даже при чём. В задаче что сказано? Было девять солдатиков. Так?

— Ну да,— согласилась Аля.

— Значит, и должно на столе стоять девять. А тут сколько?

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Восемь,— сказала Аля.

— Вот видишь,— произнесла Единица с укором, точно Аля спрятала недостающего солдатика у себя в кармане.

Аля даже машинально сунула руку в карман. В кармане лежала пуговица.

— Солдатика необходимо отыскать. Потому что, когда в математике начинается беспорядок, тогда над людьми берут верх двойки. Объединяются в стаи и берут верх,— втолковывала им Единица.

Але, может, всё это и показалось бы вздором, да вдруг в комнате распахнулось окно и в него влетело несколько странных красных гусей, которые закружились по комнате, не то с гоготом, не то с хохотом.

Аля пригляделась к гусям и вдруг обнаружила, что это и не гуси вовсе, а цифры два, то есть самые настоящие двойки. Влетев в комнату и немного погоготав, «гуси» вылетели вон, а окно само собой захлопнулось.

— Вот видишь,— наставительно сказала Единица.

Антошка окончательно вылез из-под стола и встал с коленок.

— Нет,— сказал он,— нигде нет солдатика. Прямо не знаю, что делать.

— В таком положении дело оставаться не может,— сказала Единица.— Как хотите, а необходимо отправиться на поиски. Ты не слышал, солдатик упал на пол или нет?

— Он бы звякнул,— сказал Антошка.— Он же металлический, а не какой-нибудь пластмассовый.

— Значит, кто-то просто незаметно унёс его.

— Антош, может, это сделал Кляксич? — спросила Аля, вспомнив свои недавние приключения в Букваре.

Она подробно описала их Антоше в своих письмах.

— Вряд ли.

Это сказал не Антон, это произнесла Единица.

— Он всё больше по тетрадкам норовит бегать,— продолжала она.— Помарку и Описку подзуживает людям разные каверзы строить. В Математику ему не так-то легко пробраться.

— Ты-то что думаешь, Антон? — спросила Аля.

— Не знаю, Аль,— честно признался Антон.— Просто совсем ничего не понимаю.

— Я знаю одно,— сказала Единица.— Надо идти искать пехотинца и найти его во что бы то ни стало. Это наш долг перед всеми учениками первого класса «Б» и перед наукой — математикой,— добавила она торжественно.— Пошли.

Глава вторая

Единица распахнула дверь из Антошиной комнаты, но за дверью оказался вовсе не коридор его квартиры, где всё ещё продолжал жить друг детства — трёхколёсный велосипед и были сделаны до самого потолка книжные полки. Нет. Дверь, открывшись со скрипом, выпустила всех троих на весёлую, залитую солнцем лужайку. Дождя не было. И вообще было лето.

— А может быть... Может быть...— произнесла Единица задумчиво.— Да-да-да. Вполне может быть. Он ведь любит аннулировать...

— Кто? — спросил Антон.

— Нуль,— сказала Единица.— Характер у него, знаете, такой, как бы это сказать... неопределённый...

— У Нуля? Характер? — изумился Антон.

— Очень даже просто. Характер,— подтвердила Единица.— Уж очень любит аннулировать.

— И это он... аннулировал пехотинца? — почему-то шёпотом спросила Аля.

— Могло быть. Ох, могло быть! — сказала Единица.— Сейчас спросим, может, кто-нибудь из моих сестёр что-нибудь заметил.

И Единица, поставив ладони рупором, закричала:

— Сестрички-единички, где вы?

Издали, всё приближаясь и приближаясь, послышалась песенка:

Мы не сойки, не синицы,
Мы сестрицы-единицы.
Тот, кто любит устный счёт,
Знает нас наперечёт.

В сад строем вошли похожие на свою сестру единицы. Они обошли сад, построившись в линеечку, в затылок одна другой, а потом стали перед Алей и Антоном без конца перестраиваться. При этом они всё время пели свою песенку:

Посчитай и посмотри
Хорошенько —
Раз, два, три.
Три у клевера листка,
Три у дыма завитка,
Три зубца у старой вилки,
«Три» — в тетрадке у Данилки,
Он урок недоучил,
Вот и тройку получил!

И тут, перестроившись по четыре, они запели опять:

Ты взгляни на мир пошире,
Будет — раз, два, три, четыре,
У стола четыре ножки,
Ну, а сколько лап у кошки?
Столько ж, сколько у кота,
Все четыре — мягкота.

И снова перестроились — уже по пять, но петь не переставали ни на минутку:

Раз, два, три, четыре, пять,
Будем пальчики считать,
Если пять стоит в тетрадке,
Это значит — всё в порядке.

— Погодите-ка, сестрички,— перебила их Единица.— У меня к вам серьёзное дело.

Сёстры встали перед Единицей, выстроились в линеечку, точно их написал в тетрадке очень старательный ученик.

— Слушаем,— сказали они хором.

— Сестрички! — торжественно начала Единица.— Случилась прискорбная история. Испорчено условие задачи, потому что из условия похищен солдатик. Моим друзьям,— она кивнула в сторону Али в Антона,— и всему первому классу «Б» грозят неприятности. Вы можете себе представить, какую власть возьмут двойки, если в задачах не будет порядка?

— Можем! — хором отозвались единицы.

— Как вы думаете, кто в этом виноват?

Тут поднялся невообразимый галдёж, потому что все сестрицы-единицы заговорили разом.

— Погодите, говорите по одной, так ничего нельзя понять. Вот ты, сестричка, что думаешь?

— Условие задачи испорчено? — спросила Единичка, к которой был обращён вопрос.

— Конечно.

— Значит, его всё равно что нет?

— Вот именно.

— Тогда оно, может быть, аннулировано? — подсказала Единичка.— Вот и подумайте.

Остальные опять все разом загалдели.

— Кто-нибудь что-нибудь видел?

— Я видела,— сказала тоненьким голоском самая маленькая Единичка,— как Нуль промчался сегодня в своей нулевой машине. Знаешь, где у него и колёса и руль — все такие на него самого похожие.

— Ну и что?

— По-моему, там кто-то сидел на заднем сиденье.

— Это ещё ничего не значит,— возразила Единица.

— Да, но там сидел кто-то не просто. Там был кто-то очень грустный.

— Это меняет дело,— заметила Единица.— Куда он поехал?

— Он свернул на дорогу, которая ведёт к Тришке.

— Ясно, сестрички. Ну, идите по своим делам, спасибо.

Единицы так же, как и пришли, удалились строем. Аля и Антон растерянно глядели на Единицу.

— Да, дела не так просты, как кажутся,— сказала она.— Слушайте меня внимательно. У меня перед началом учебного года очень много дел. Я провожу вас до дороги, которая ведёт к Тришке, а там вы идите сами. Тришка — это цифра три, её зовут Тройка, а Тришка — это её прозвище. Пойдите спросите, может, Тришка знает поточнее, Нуль или не Нуль унёс солдатика.

Аля и Антон послушно пошли за Единицей, вышли из сада через калитку, оказались на дороге, обсаженной высокими (видно, очень старыми) кустами акации. Тут Единица с ними попрощалась. Она ещё долго стояла у калитки, приветливо и ободряюще махала им вслед. Наконец дорога вильнула в сторону, и Единица скрылась из виду.

Глава третья

— Антош, куда это мы с тобой идём? — тревожно спросила Аля.

— К Тришке идём, ты же слыхала; что из этого всего будет, я и сам не знаю. Но не отступать же? Вдруг да этот Тришка нам поможет? Нуль-то всё-таки к нему, говорят, сегодня ездил. Надо же нам найти солдатика и вернуть его в задачу.

— А может, эту задачу и вообще никому никогда не зададут? — смалодушничала Аля.

— Зададут не зададут, это не важно,— возразил Антон.— Важно навести в задачках порядок. Иначе двоек не оберёмся.

— Мы с тобой? — спросила Аля.

— Ну, а если и не мы с тобой? Ты хочешь, чтобы другие ребята двоечниками были, так, что ли?

Нет, Аля вовсе этого не хотела.

— Тогда не трусь и иди не как утиная бабушка,— сказал Антон.

Аля обиделась на «утиную бабушку», но пошла бодрее.

«Интересно! — думала Аля. — Когда смотришь на учебники, то они с виду такие скучные. А как туда попадёшь, так в них, оказывается, все живые, и такая идёт своя, занятная жизнь Обязательно надо будет про это рассказать ребятам в классе».

— Ой, Аль, погляди, дерутся там, что ли?

Аля, погружённая в свои мысли, и не заметила, как дорога кончилась и подвела их к дому, сложенному из красного кирпича. Дом был узенький, но высокий, трёхэтажный, крыша у него была странная, она состояла из двух покатых арок, точно цифра три, но только уложенная «носом вниз».

На лужайке перед домом шла, по-видимому, свара. Какой-то толстенький и сутулый человечек отчаянно ругался с другим. Причём тот, другой, что-то выдирал из рук у толстенького.

— Вечно тебе надо отнимать! — кричал толстенький. — Не отдам, да и всё.

Аля и Антон сначала было испугались, но, поняв, что двое ссорящихся не обращают на них решительно никакого внимания, осмелели и подошли поближе. К их удивлению, в руках у толстенького, который явно напоминал цифру «три» и был упомянутым Тришкой, трепыхался кролик.

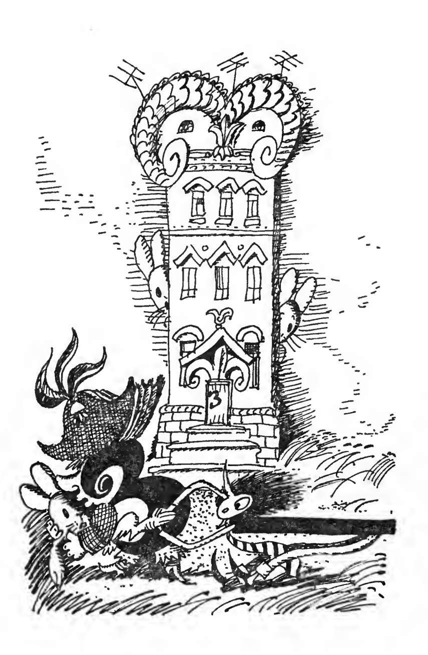
— Тришка, у тебя три кролика. Отдай одного мне. Он мне очень нужен. У тебя останется два, это всё равно больше, чем один. Отдай! — кричал отнимавший.

— Тебе бы только отнимать, паршивый Минус! Всё отнять, да отнять, да отнять! Поработай с моё, не одного, а десять кроликов купишь себе на базаре!

— Жадюга! Кролика соседу пожалел! — вопил Минус, дёргая бедного кролика за лапу.

Видно было, что толстый Тришка устал, запыхался и вот-вот уступит кролика, но тут Минус увидел Алю и Антона и так удивился, что отпустил кроличью лапу. Тришка мгновенно этим воспользовался и с неожиданным проворством убежал и скрылся в доме вместе с кроликом.

— Ладно, — махнул ему вслед Минус. — Всё равно в следующий раз отниму. А что у вас? — обратился он к Але и Антону.

— Ничего у нас нет. Мы ищем пехотинца из задачи,— сказал Антон.— Он пропал.

— Я не отнимал,— тут же сказал Минус.— Это не моих рук дело. Нет, нет.

— А вы не скажете нам...— начала было Аля, но Минус уже торопливо удалялся.

— Не моих рук дело! — крикнул он им, оборачиваясь.— Спросите у Тришки. Он от жадности что хочешь себе возьмёт. Может, и пехотинца прикарманил.

Антон постучал в запертую дверь. Из-за двери послышалось пыхтенье, но никто не ответил.

— Откройте нам, пожалуйста,— сказала Аля.

Дверь открылась на щёлочку, и в щёлочку шёпотом спросили:

— Ушёл? Минус ушёл?

— Ушёл,— сказал Антон.

Тогда дверь открылась пошире, и на крыльцо вышел Тришка.

— Это невозможная жизнь,— пожаловался он.— Только и знает — отнять! Забрать. Чтоб у тебя стало обязательно меньше, чем было. Чума, а не сосед. Совсем от рук отбился.

В дверь прошмыгнули три кролика и стали бегать кругами по лужайке.

— Побегайте, голубчики, пока этот разбойник не вернулся. Ну, так зачем я вам понадобился?

Антон и Аля рассказали Тришке, что случилось.

— Нуль? Проезжал он действительно, только мимо. Нет, я про солдатика ничего не знаю. Вы думаете, Нуль взял? Что вы, это же честнейшее существо в Математике.

— Что же нам теперь делать? — спросила Аля.

— Никаких сомнений — искать, найти, водворить на место. Единица правильно вам сказала, как только начнётся беспорядок, так посыплются двойки. Они удивительно быстро плодятся. Прямо как комары! — сокрушённо покачал головой Тришка.

— Ну, а где же нам искать солдатика? Мы ведь нездешние, ничего тут не знаем,— вздохнул Антон.

— Ума не приложу. Ну, сходите, что ли, к Дыдве. Может, она что слыхала,— посоветовал Тришка.

— А кто это? — спросил Антон.

— Это Четвёрка, ну, знаете, цифра четыре,— пояснил Тришка.

— Почему же её так странно зовут?

— Дыдва? Ды мы-то уж привыкли. Это длинная история. А если коротко, то ведь дважды два — четыре?

— Четыре,— подтвердили Аля и Антоша.

— Ну вот. Дваждыдва. Минус такому длинному прозвищу позавидовал и попытался отнять. Но оно порвалось. «Дваж» осталось у Минуса, а «Дыдва» — у Четвёрки. Но «дваж» ему оказались совершенно ни к чему, он его потом вернул, да оно как-то обратно не пристало. Вот так и осталось — Дыдва.

— А где живёт эта Дыдва?

— За четырьмя мосточками, за четырьмя кочками, за четырьмя низинками, за четырьмя осинками, а там — уж рядышком.

«Странный адрес»,— подумала Аля.

— Аль, пошли,— взял её за руку Антон.

Тришка не обратил на их уход никакого внимания. Он загонял домой кроликов. Кроликов по-прежнему было три, и это обстоятельство, по-видимому, его очень радовало.

Глава четвёртая

Прямо сразу за Тришкиным домом протекал ручеёк. На берегу ручейка под кустом красной смородины лежала одна из сестричек-единичек и читала книжку. Как только она увидела Алю и Антона, она быстро отложила книжку и со словами «Прибавить единичку» перекинулась мосточком через ручей. Они остановились в недоумении, поглядели на мостик. Это была хорошо обструганная дощечка. Аля и Антон перешли по ней. А как только перешли — дощечка тут же превратилась обратно в сестричку-единичку и как ни в чём не бывало улеглась с книжкой под смородиновым кустом.

А за первым ручьём, как и сказал Тришка, был второй, а за вторым — третий, а за третьим — четвёртый. И каждый раз очередная единичка превращалась в мостик и переводила их на другой бережок. Только кусты были разные — то красная смородина, то чёрная, а то и вовсе крыжовник.

Но за четвёртым ручьём дорога обрывалась и начиналось болото. Вот тут единички очень бы пригодились, да ни одной не было видно. Болото было топкое, идти по нему было страшно. Вдруг Антон, приглядевшись, заметил, что над болотом возвышается одна за другой четыре болотных кочки. И даже было такое впечатление, что они находятся на равном расстоянии друг от друга. Точно кто-то их так расположил нарочно. По кочкам болото можно было перейти, да кочки были не так уж близко одна от другой. Ну, Антон, может, и перепрыгнет, он мальчишка, а вот Аля — та вряд ли.

— Как же нам быть, Аль? Тришка направил нас к этой самой...

— Дыдве,— подсказала Аля.

— Ну да, к Дыдве. Но тебе же не допрыгнуть. Может, я тебя перетащу?

Антоша попробовал поднять Алю.

— Уй, тяжеленная ты какая! Аль, ты вот что. Ты подожди меня здесь. Я быстро. Только никуда не уходи отсюда! Я сейчас сбегаю. Может, я всё и разузнаю. А может, найду. И мы тогда быстренько вернёмся с солдатиком.

Антон махнул Але рукой и, разбежавшись, прыгнул сначала на одну кочку, потом на другую, потом на третью, наконец, на четвёртую — раз, два, три, четыре! — и скрылся в осиновой рощице.

Аля опустилась на траву, пригорюнилась, принялась терпеливо ждать.

Антон тем временем вышел на дорогу, которая бежала через осиновую рощу. Дорога была странная — точно земля была сначала морем, а потом так и застыла в одночасье — волнами, потому что дорога шла то вниз, то вверх. На опушке росли четыре высоченные осины. Их большие, с тарелку, листья, трепетали на ветру и шеле-

стели, шелестели. Антону показалось, что они что-то шепчут. Он прислушался. Оказалось, они пели песенку:

Раз, два, три, четыре ветра
С четырёх сторон,
Налетев, прогнали с веток
Четырёх ворон.

Раз, два, три, четыре буквы
В этих семенах.
Значит, репу, а не брюкву
Будем есть на днях.

Антон не стал больше слушать эту чудную песенку, он стремился скорее повидать Дыдву — Четвёрку. Не успел он подойти к дому, как Четвёрка сама вышла на крыльцо. На ней был сомнительной чистоты передник, руки — все перепачканы мукой, на лице грустное, впрочем, даже и не грустное, а замученное выражение.

— Нет,— сказала она,— это всё ужасно. Я просто не выношу детских слёз, но и печь пироги — освободите меня от этого, печь пироги я тоже не умею. Не умею, и всё тут!

И Четвёрка при этом даже топнула ногой. Тут она увидела Антона.

— Ты не плачешь? — спросила она у него с подозрением.

— Нет,— удивился Антон.— Я не плачу.

— Ну, хоть этот не плачет,— облегчённо вздохнула Четвёрка.— Ведь что же такое творится? — продолжала она взволнованно.— Ну, задача. Обыкновенная задача,— говорила Четвёрка, не давая Антону вставить ни словечка, хотя он уже несколько раз говорил «кхе», чтоб наконец спросить о солдатике.— Вот, послушай. «Мама дала Зине четыре пирожка, а Кирюше на один пирожок меньше». Это что ж за безобразие, я тебя спрашиваю?

— Какое безобразие? — не понял Антон.

— Четыре пирожка — это хорошо. Четыре — прекрасное число. Но ведь на один меньше — это, если подумать хорошенько, будет три. Вот мальчик и расстраивается. Он хочет, чтоб у него тоже было столько же, сколько у

сестры. То есть четыре. Он маленький, он плачет. А эта самая мама поделила пирожки и ушла на работу. И вот я пытаюсь испечь ему ещё один пирожок, чтоб было поровну. И не умею. А мальчик всё плачет и плачет. Ужас какой-то!

Тут Четвёрка повернулась на каблуках и, не обращая на него больше никакого внимания, точно он тоже вслед за Кирюшиной мамой ушёл на работу, захлопнула за собой дверь. Антон сначала нажимал кнопку дверного звонка, потом дёргал ручку, потом стучал. Никто ему не открыл, никто на крыльцо больше не вышел.

Как ни жаль ему было возвращаться к Але ни с чем, а что поделаешь? Не ночевать же ему на крыльце у Дыдвы?! Антон проделал весь путь обратно — через осиновую рощу, по болотным кочкам. Вот сейчас Аля узнает, что он ровно ничего не добился, и расстроится.

Но... на краю болота, где она должна была его ждать, никого не было.

Глава пятая

А случилось вот что. Как только Антона не стало видно, Але сделалось очень грустно и даже как-то не по себе. Но вдруг до неё донеслись весёлые звуки гармошки и песенка, которую распевал молодой задорный голос:

Лучше нету, чем прибавить,
Всем подарки подарить,
Рассмешить и позабавить,
Сделать, сладить, смастерить.

Дать воробышкам пшена,
Дать дождинкам имена,
Огонёк — полену в печке,
Ну, а грядке — семена.

Кто-то шёл со стороны четвёртого ручья прямо к Але. Подошёл, сложил и снова растянул свою гармошку и улыбнулся.

— Хочешь, я подарю тебе белую мышку? — спросил он у Али с ходу.

Аля покачала головой.

— Может, дать тебе тыквенных семечек?

Снова качание головой.

— А дудочку из ивового прутика?

— Спасибо, не надо,— сказала Аля.

— Да ты не стесняйся,— сказал гармонист.— Я ведь Плюс. Я всегда всем всё даю. Такой у меня характер. Вот братец Минус — тот отнимает. А я — прибавляю. Ведь если к двум конфетам прибавить ещё одну конфетку, так будет сразу три. А это вкуснее. Ведь если к трём песенкам прибавить ещё одну, будет четыре, так это веселее. Если к двум тучкам прибавить две тучки, будет четыре, а это прохладнее в жаркий день, так?

Аля кивнула.

— А чего ты такая печальная?

Аля рассказала. Плюс задумался.

— Думаешь, Нуль его забрал? Что-то я не знаю.

— Говорят,— сказала Аля.

— Может, и он. Вот беда, некогда мне тебе помочь. Я за Пятёркой иду. Я её заберу, и мы пойдём ко мне пить чай со сладким пирогом. У нас — праздник.

— Какой?

— Двадцать девятое число.

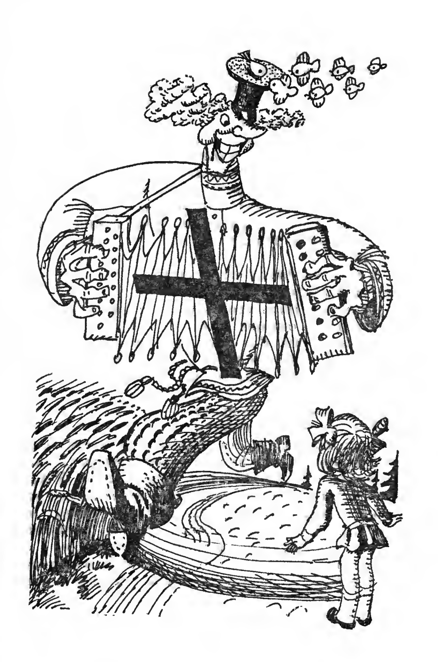
— Что ж это за праздник?

— Один мальчик, Костя его зовут, однажды двадцать девятого числа получил по математике пятёрку с плюсом. Вот тогда мы с Пятёркой очень подружились. И каждое двадцать девятое число отмечаем это событие. Вот только февраль нас иногда подводит... Слушай! — вдруг встрепенулся Плюс.— Пятёрка такая умная, недаром же это самая похвальная отметка. Пошли со мной. У неё наверняка по твоему делу родится какая-нибудь мысль. У неё всегда рождается мысль, а иногда целых две зараз.

— Я не могу отсюда уйти. Я жду своего друга Антона.

— Вот видишь, и у тебя есть свой плюс,— сказал Плюс обрадованно.

— Как это?

— А так. Хороший друг — это всегда плюс. А куда он девался?

— Он пошёл к Дыдве.

— Ну, вряд ли она что знает. Она печёт пирожки. Бежим! Мы сейчас вернёмся!

И не успела Аля возразить, как он схватил её за руку и, увлекая за собой, рысью помчался вдоль ручья.

Они быстро добежали до маленького домика с пятью чистенькими, блестящими на солнце окошками. Перед домиком росли пять ёлочек и пять молоденьких лип. На крылечке их уже кто-то поджидал.

Вдруг Плюс с разбега остановился. На крыльце стояла Тройка. Нет, не Алин знакомый Тришка, а какая-то незнакомая Тройка, у которой верх был не круглый, а, наоборот, ровная палочка.

— Тройка с Плюсом? — пробормотал Плюс.— Что же это за отметка? Неужели Костя стал троечником? Да нет. Ведь уроки в школе ещё не начались.

— Слушай, Тройка, а где мой дружок Пятёрка? Что тут происходит?

«Тройка» рассмеялась, взмахнула «палочкой», откинула её назад и сделалась Пятёркой.

— Что? Напугала я тебя? — весело закричала Пятёрка.

— Напугала,— признался Плюс.— Слушай-ка,— продолжал он.— С семьдесят седьмой страницы из задачи похищен пехотинец. Вот эта девочка его ищет.

— Как зовут? — спросила Пятёрка.

— Солдата?

— Нет, девочку.

Плюс поглядел на Алю.

— Аля,— сказала она.

— А какая задача? — спросила Пятёрка.

— Не моя,— сказал Плюс.— Задача на вычитание.

— Так, может, это твоего братца Минуса дело? Что пропало? Вычитаемое?

— В том-то и дело, что нет. Солдатик-пехотинец принадлежал к уменьшаемому.

— Да. Плохое дело. Полный беспорядок. При таком беспорядке пятёрки с плюсом никто никогда не получит.

Они поглядели на Алю и вдруг сообразили, что она ничего не поняла из их разговора.

Добрая Пятёрка тут же принялась ей объяснять.

— Вычитание — это когда надо отнять, понимаешь? — При этих словах она полезла в карман, пошарила в нём, вытащила и показала на ладони пять лесных орешков.— Видишь орешки? Их пять.

— Вижу,— подтвердила Аля.— Пять.

Пятёрка протянула Але один орешек.

— Угощайся,— сказала она.

Аля послушно разгрызла орех и сжевала ядрышко.

— Видишь, осталось меньше — четыре. Ты один съела. Ты его как бы у меня отняла. Значит, пять было уменьшаемое, а один было вычитаемое, а четыре — это то, что осталось. А называется — разность. Ты поняла?

— Нет,— призналась Аля.— Я ничего не отнимала.

— Тогда — нá, возьми себе разность; когда захочешь — сгрызёшь, потому что орешки на самом деле очень вкусные. Отнимать — не моё дело, вот я и объясняю непонятно,— вздохнула Пятёрка.

— Отнимать — это дело Минуса,— подхватил Плюс.— Но по закону отнимать он должен только вычитаемое, а не что попало.

— Послушай, а может, этот фокус выкинул Нуль? Взял да и уволок солдатика. Он ведь вообще-то хороший, но иногда, знаешь, способен взять да и аннулировать,— высказала предположение Пятёрка.— Погоди, погоди, у меня родилась мысль. Нет, стой, кажется, даже целых две...

Но Пятёрка не успела высказать ни одной из своих мыслей, потому что на куст рядом с ними опустилась целая стая воробьёв. Воробьи отчаянно кричали:

— Чрезвычайно срочно! Чрезвычайно срочно! Скачите-бегите, возле черёмухи Больше и Меньше опять дерутся! Выручайте, выручайте, а не то они покалечат друг друга!

Пятёрка и Плюс тут же кинулись бежать, и Але ничего не оставалось, как бежать следом.

На полянке под большой черёмухой с криком налетали друг на друга два пёстрых петуха. Они колотили друг друга своими крепкими клювами, время от времени один орал: «Больше, я тебе говорю, что больше!», а другой вопил: «Меньше, ты меня не переспоришь, а не согласишься, так получай!»

— Что это? — в ужасе спросила Аля.

Пятёрка, схватив стоявшую неподалёку чью-то лейку с водой, стала лить воду на дерущихся. Те, захлёбываясь и фыркая, разлетелись в разные стороны. Пятёрка, оторвав от черёмухи веточку, старалась отогнать их подальше друг от друга. Плюс объяснял Але:

— Понимаешь, это знаки Больше и Меньше. У них клювы один против другого направлены, вот они как встретятся, так и дерутся.

Пятёрка, управившись с драчунами, вернулась и тоже включилась в объяснения.

— Вот посмотри,— сказала она.

Черёмуховой веточкой она нарисовала на земле два значка $>$ и $<$. Потом снова вытащила из кармана несколько орешков.

— Вот тебе три орешка,— сказала она.

— Я ещё те, которые «разность», не успела сгрызть,— сказала Аля.

— Это неважно,— ответила Пятёрка.— Смотри.— Она разжала кулак.— У меня на ладони четыре орешка. А у тебя — три. У кого больше?

— У тебя,— сказала Аля, не понимая пока, к чему та клонит.

— А у кого меньше?

— У меня,— сказала Аля.

— Так вот,— сказала Пятёрка,— это мы и запишем с помощью знаков Больше и Меньше.

И она написала веточкой на земле:

$$4 > 3$$
$$3 < 4$$

— То есть четыре больше трёх, а три меньше четырёх. Поняла? Ты теперь поняла?

— Кажется,— сказала Аля.

— Видишь, какие у них клювы? Клюв нацеливается на того, кто меньше.

Петухи к этому времени, совершенно успокоившись, разошлись в разные стороны и отправились каждый по своим делам.

— Мне нужно поскорее вернуться к четвёртому ручью,— сказала Аля. «Антон, наверно, уже там. Он будет меня искать»,— подумала она.— А как же всё-таки будет с солдатиком? — спросила она у Плюса.

— Пятёрка, куда ты девала свои мысли? У тебя же целых две родилось по этому поводу,— напомнил Плюс.

Пятёрка замолчала, точно прислушиваясь.

— Нету,— сказала она, несколько смутившись.— Разбежались. Такой шум был, они не любят шума.

— Тогда у меня есть мысль. Мы сейчас пойдём за Алиным плюсом... Я хочу сказать — другом.

— Его зовут Антон,— заметила Аля.

— За Антоном,— подхватил Плюс,— потом пойдём ко мне и всё обсудим. У меня дома ждёт пирог с вареньем. Сегодня ведь всё-таки двадцать девятое число, не забывайте, что это праздник!

Они очень быстро оказались около четвёртого ручья. Никакого Антона на берегу не было.

На берегу прохаживался кто-то и кувыркался.

— Шестёрка! — крикнул Плюс.

Это была действительно Шестёрка. Она делала несколько шагов по берегу, потом хлопала в ладоши, говорила: «Раз... и девять», переворачивалась, становилась на руки и тут же превращалась в Девятку.

— Она готовится к выступлениям по гимнастике,— сказала Пятёрка.— Тренируется. Шестёрка — первоклассная гимнастка. Эй, Шестёрка!

Шестёрка ещё перекувырнулась, приняла своё нормальное «шестёрочное» положение.

— А? Это ты, Пятёрка? Как поживаешь?

— Слушай, ты не видела здесь мальчика?

— Какого?

Але вдруг пришло в голову, что она ни разу не задумы-

валась над тем, какой Антон. Ну, беленький такой, ну... просто он Антон, и всё тут.

— Впрочем, я никакого не видела,— заметила Шестёрка.

— Жаль,— вздохнул Плюс.

— Нет, постойте, постойте, когда я сюда пришла, Минус с кем-то куда-то шёл.

— С кем? Куда?

— Кажется, в сторону Семёркиного дома. А с кем? Как я со спины узнаю, с кем?

Аля встревожилась. Странно, что Антон куда-то ушёл. А как же она, Аля? А как же пехотинец? Он забыл про них, что ли?

— Мой братец Минус — существо весьма сомнительной доброты,— заметил Плюс.— Что-то мне в этом во всём не нравится. «Может, Нуль вовсе ни в чём и не виноват»,— подумал он, но пока этого предположения вслух не высказал.

— Пошли к Семёрке, узнаем,— предложила Пятёрка.

— Дружочек мой Пятёрка,— сказал Плюс,— а как же наш праздник? Ты забываешь, какое сегодня число!

— Я всё прекрасно помню. Сегодня двадцать девятое. Но согласись, что нехорошо не помочь девочке Але и мальчику Антону. Тем более что если в первом классе «Б» у ребят будут нелады с математикой из-за непорядков в учебнике, так это затрагивает и нашу честь! Ты так не думаешь?

— Ты права, Пятёрка! Пошли к Семёрке. Узнаем, куда девался мальчик, а там уж сходим к тебе и попьём чайку с праздничным пирогом. Пошли, Аля. И не падай духом, пожалуйста.

И все трое направились по песчаной тропке, которая, видимо, и вела к Семёркиному дому.

Глава седьмая

Тропа свернула в густой еловый лес. В лесу было душновато и пахло грибами. Некоторое время все шли молча. Вдруг Плюс остановился и прислушался.

— Ты что? — спросила Пятёрка, а Аля посмотрела на него с тревогой.

— Нет, ничего. Мне показался какой-то шум, вроде хлопанья крыльев, и какой-то возглас. Но, видно, я ошибся.

Все трое минуточку постояли. Где-то на дереве тенькала синица. Больше ничего не было слышно. Они направились дальше.

Вскоре тропинка вывела их на опушку. На опушке стоял зелёный домик с красной черепичной крышей. По стене вился дикий виноград. Семёрка в саду возилась на клубничных грядках.

Увидев их, она тотчас оставила свою работу и бросилась к ним навстречу.

— Входите, входите, гости дорогие! — затараторила она.— Проходите на террасу, садитесь, я сейчас из погреба холодненького молочка принесу.

— Да не надо, Семьпятниц, мы на минуточку, только узнать...— попытался остановить её Плюс.

Но Семёрка уже убежала. Але странным показалось, что Плюс назвал её Семьпятниц. Она не успела спросить его почему, как Семёрка тут же вернулась, но никакого молока не принесла.

— Я передумала. Что я вас держу на террасе, заходите в дом, располагайтесь, я сейчас самоварчик поставлю и угощу вас чайком. Заварю душистого, крепкого.

— Погоди,— сказала Пятёрка.— Ты скажи нам только, не приходил ли сюда...

Но Семёрка была уже далеко и не слышала.

— Почему вы зовёте её Семьпятниц? — спросила Аля.

— Я думаю, ты сама очень скоро поймёшь,— улыбнулась Пятёрка.

Тут опять вбежала Семёрка.

— Я передумала! — закричала она.— Зачем это пить чай в духоте, в комнате, когда такая чудесная погода. От самовара будет только жарко, и никакого удовольствия никто не получит. Мы устроим пикник в саду под яблоней.

И Семёрка опять умчалась.

ПЯТНИЦА
ПЯТНИЦА
ПЯТНИЦА
ПЯТНИЦА
ПЯТНИЦА
ПЯТНИЦА

— Пошли, дружочки мои,— сказала Пятёрка.— У меня родилась мысль, и даже целых две. Первая — если бы Минус с Антоном сюда пришли, то они бы не выбрались отсюда так быстро: Семёрка всё бы меняла и меняла свои решения, а они бы ждали. И мы бы их тут непременно застали. А вторая — раз их тут и не было, значит, нам надо скорее уходить и искать Антона, потому что твой братец Минус, знаешь ведь, Плюс, может и какую-нибудь каверзу подстроить.

Когда они спустились с крылечка и уже подходили к калитке, к ним подбежала Семёрка и воскликнула:

— Знаете, я передумала!..

— До свиданья. Мы тоже передумали, Семьпятниц,— сказала Пятёрка.

— Ну что же вы, я хотела угостить вас мороженым на скамеечке под липами!

— Как-нибудь в другой раз! — махнул рукой Плюс.

«У неё семь пятниц на неделе,— подумала Аля.— Так вот почему её так зовут».

Они решили ещё раз пойти на берег четвёртого ручья. Может быть, Антон туда уже сам вернулся.

В обратный путь они двинулись по той же песчаной тропинке, и когда она вела их по густому ельнику, Плюс опять остановился и стал прислушиваться.

— Гогочут,— сказал он.— И крыльями машут. Что-то неладно. Постойте здесь! Я посмотрю — и тут же назад.

И Плюс мгновенно скрылся в еловой чаще.

Глава восьмая

А было так. Когда Антон вернулся от Четвёрки и не нашёл Али на берегу, он ужасно встревожился.

— Аля! Аль! Где ты? — позвал он.

Но никто ему не ответил. Вдруг, непонятно откуда, перед ним возник Минус.

— Здравствуйте,— сказал Минус.— Мы уже с вами где-то встречались. Я рад видеть вас снова.

Антон не стал ему напоминать, при каких обстоятель-

ствах они встречались. Не очень-то вся эта история с Тришкиным кроликом говорила в пользу Минуса. К тому же свою радость Минус выражал каким-то противным голосом. Что именно было противно, Антон не мог бы сказать. Но — было, это точно.

— А я знаю, в чём состоит ваша трудность. Вы потеряли солдатика? Правильно?

— Правильно,— подтвердил Антон. И даже обрадовался. Может, сейчас что-нибудь и выяснится.

— Ну, так вот. Я знаю и ещё кое-что.

Минус хитро посмотрел на Антона.

— Мне известно,— продолжал он,— что и девочка исчезла.

— Где она? — спросил Антон.

— Там же, где и солдатик,— сказал Минус.

— Так пошли туда скорее! — воскликнул Антон.— Алька хоть и не трусиха, а всё-таки девчонка!

— С удовольствием вас туда провожу,— сказал Минус.— И имейте в виду — я не отнимал солдатика. И более того — девочку тоже я у вас не отнимал. Есть тут некоторые, которые любят всё аннулировать. Я бы серьёзно обсудил этот вариант. Да-да. Я бы советовал поразмыслить.

Минус шагал в сторону елового леса. Антон старался от него не отставать, хотя идти за Минусом ему не хотелось. Однако не было другого выхода: вдруг тот всё-таки знает, где Аля и где солдатик.

Минус свернул с тропы, стал пробираться куда-то в самую глубь еловых зарослей.

— Куда мы идём? — спросил Антон. «Зачем бы Алька забралась в эти дебри? — думал он.— Что всё это значит? Что-то тут не так. Но вот — что?»

Вдруг Минус остановился и крикнул:

— Ко мне, гуси-лебеди, исполняйте, что обещали!

Послышался гогот, шум крыльев, и откуда-то из-за облаков опустилась целая гусиная стая. Гуси были как гуси, только не белые, не серые, а красные. Они окружили Антона плотным кольцом.

— Кыш! — закричал на них Антон.— Вы что?! Дайте пройти, отстаньте от меня!

Но гуси только гоготали, вытягивали шеи, шипели и на слова Антона не обращали никакого внимания. Антон даже слегка начал бояться.

— Минус! — крикнул он.— Куда ты меня привёл? Что это за гуси? Где Аля?

— Где Аля — мне неизвестно. Это я просто так сказал, будто знаю. А вот где пехотинец — известно. Только я не скажу.

Антон от возмущения не нашёлся что ответить. Это было предательство. И оно Антона обескуражило.

— Стеречь и не выпускать,— скомандовал Минус гусям.— За это обещаю вам, что будете спокойно пастись во всех тетрадках первого класса «Б».

Потом он повернулся и ушёл.

Антон остался, замкнутый плотным гусиным кольцом. Положение было отчаянное. Антон приготовился закричать, чтобы кого-нибудь позвать на помощь, и вдруг увидел, как, отмахиваясь от колючих еловых лап, к нему продирается Некто.

— Эй, это ты — Антон? — спросил этот Некто.

— Я.

— А я — Плюс.

— Я не могу справиться с гусями,— сказал Антон.— Их на меня наслал Минус.

— Ах, вот оно что! — рассердился Плюс.— До чего же паршивый у меня братец, просто ужас! Ничего, сейчас я из этих гусей сумму сделаю.

И тут произошло чудо. Плюс начал гусей просто... складывать...

— Два гуся,— говорил он,— и два гуся — в сумме четыре...

И как только он произнёс: «В сумме четыре», так сразу четыре гуся превратились в Четвёрку и с криком: «Мальчик опять плачет!» — Четвёрка убежала.

А Плюс продолжал свою работу.

— Два плюс два да плюс два — будет шесть.

При этих словах целых шесть гусей превратились в Шестёрку, и она быстренько, встав на руки и показав, что она может быть и Девяткой, тут же убежала на тренировку.

— Три, — продолжал Плюс, — да четыре — будет семь.

Тут же явилась Семёрка и со словами: «Ах, нет, я передумала, лучше сыграем в прятки!» — ушла.

И так Плюс сложил всю стаю, и Антон оказался совершенно свободен. И всё это было похоже на чудо или, может быть, на цирк.

— Вот видишь, какое великое дело найти сумму,— сказал он Антону.

Антон посмотрел на него удивлённо.

— Ах да, ты ещё не учился в школе,— сообразил Плюс.— Я поясняю. Когда прибавляешь одно число к другому (а это, как ты уже понял, моя основная работа), такие действия называются сложением. А результат сложения — когда всё соберётся вместе — называется с у м м а.

«Почти что сумка, в которую всё сложили»,— подумал Антон.

— Ты Алю не встречал? — спросил он.— Девочка такая.

— Аля ждёт тебя на тропинке, вот тут, совсем рядом.

— Что ж ты молчишь, про сумку объясняешь! — вспылил Антон.

— Не сумка, а сумма,— обиделся Плюс.— И ещё я тебе не сказал, а это очень важно. То, что ты складываешь, называется слагаемое.

— Потом объяснишь. Пойдём к Але. Ведь солдатика ещё надо найти, ты понимаешь?

Плюс засмеялся.

— Да найдём, найдём.

— Говорят, его мог забрать Нуль,— сказал Антон.

— Это мы ещё посмотрим,— загадочно улыбнулся Плюс.— Вовсе уж Нуль не такой плохой. К чему бы ему забирать солдатика, да ещё перед самым учебным годом. Может, он и не виноват.

— Говорят, у него плохой характер, — заметил Антон.

— Не всегда плохой характер означает, что человек плохой,— наставительно сказал Плюс.

Антону стало смешно. Какой же Нуль человек?!

«А впрочем,— подумал он,— в учебнике все цифры словно люди».

— Ну вот и пришли! — сказал Плюс.

И они точно вышли туда, где, напряжённо прислушиваясь к тому, что происходит в еловой чаще, стояли Аля и Пятёрка.

— Ну вот! Все вместе и душа на месте,— произнёс свою любимую поговорку Плюс, выскакивая из чащи на тропинку.

— Антошка! Как я перетрусила! Что с тобой было? — закричала Аля, бросаясь Антону навстречу.

— А куда ты девалась от ручья, я же быстро вернулся! — сказал Антон строго.

Но он был очень рад, что Аля нашлась. И ещё — очень не хотел, чтобы Аля заметила, что и он немножко струхнул.

— Ну, теперь уж пошли все ко мне. Надо же, наконец, сладкого пирога попробовать и двадцать девятое число отпраздновать,— сказал Плюс.— Сегодня день какой-то. Никому ничего не удаётся дать, подарить или прибавить.

И они пошли по тропинке, теперь уже весело рассказывая друг другу о своих приключениях.

Но такой уж выдался день, это двадцать девятое августа, что попасть к Плюсу на праздничный пирог им и на этот раз не удалось.

Глава девятая

На опушке елового леса кто-то, ссутулившись, сидел на пеньке.

Они подошли поближе, чтобы узнать, в чём дело.

— Что с тобой, Восьмёрка? — спросила Пятёрка участливо.

Это и в самом деле была Восьмёрка. Возле пенька стояла плетённая из прутьев корзиночка. В ней лежали грибы.

— Ты что печальная? А? — тормошил её Плюс.

Восьмёрка хлюпнула носом и показала рукой на корзинку:

— Вот.

— Да что там? Хорошие грибы. Белые. Как на подбор.

— Посчитай,— сказала Восьмёрка.

Плюс посчитал:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

— Вот видишь,— сказала Восьмёрка.— А мне надо восемь. Не могу же я так опозориться, что семь грибов домой принесу. Восьмёрка я или не Восьмёрка?

— А что, в лесу грибов, что ли, нет больше? — спросила Пятёрка.— Найти не можешь?

Восьмёрка печально вздохнула.

— Ну, давай мы тебе поможем, вон нас сколько, живо найдём,— продолжала утешать Пятёрка.

— Да не в этом дело,— сказала Восьмёрка.— Минус отнимает. Как только найду восьмой гриб, так он, откуда ни возьмись,— и отнимает.

— А ты не давай! — сказала Пятёрка.

— Да где ж мне с ним справиться! Он вон какой — юркий. А я — толстая. Пока повернусь, а он уж и уволок.

И Восьмёрка опять вздохнула.

Аля и Антон глядели на эту сцену во все глаза. Подумать только, как это всё в учебнике математики бывает, оказывается!

— Ну вот что,— сказала Пятёрка.— У меня родилась мысль. Перестань вздыхать, бери корзинку, и пошли. Сейчас найдём восьмой гриб. А то нам всем некогда.

— Да толку-то что,— сказал Восьмёрка,— он опять отнимет.

— Ну уж нет,— сказал Плюс.— При мне он даже не покажется. Можешь быть спокойна.

Восьмой гриб они действительно нашли быстро. Пятёрка нашла. Она положила его в корзину, и все быстрыми шагами двинулись по направлению к Восьмёркиному дому, чтобы проводить Восьмёрку. Не бросать же её одну. Того и гляди, откуда-нибудь выскочит Минус, и всё начнётся сначала.

Восьмёрка повеселела. Она бодро шагала, гордо неся

свою корзину с восемью белыми грибами. Она сочиняла на ходу шутливую песенку и пела её во всё горло:

Когда на свете есть друзья,
Беду мы легче переносим.
К тому ж, должна заметить я,
Как хорошо быть цифрой восемь!

Я так мила и так кругла,
Я состою из двух кружочков.
Как хорошо, что я нашла
Себе таких, как вы, дружочков!

Теперь — шалишь! — попробуй, брат,
Руками голыми возьми нас!
Не страшен мне ни гром, ни град,
Ни даже злой и жадный Минус!

Так с песней они и дошли до её дома. Восьмёрка пригласила их зайти, но они поблагодарили и отказались. Восьмёрка ушла домой.

— В магазине бывает перерыв,— сказала Пятёрка.— В театре бывает антракт. В школе бывает переменка. Ещё где-то там бывает пауза. А мы, как тучи в небе, как волны в море, как механические игрушки, которые какой-то дурень всё время заводит и заводит — не останавливаемся. На что же это похоже? Я, наконец, хочу чаю в праздничный день. Не говоря уж о пироге с вареньем!

— Спасибо, но мы лучше пойдём искать солдатика,— сказал Антон.

— Все пойдут искать солдатика,— отрезал Плюс.— Но только сначала — чай с пирогом. Или — пирог с чаем. Кто как хочет. Я, как Плюс, должен вас заверить, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Удовольствие такое же.

Аля посмотрела на Антона. Антон — на Алю. Чаю хотелось. Пирога тоже. Но пехотинца-то ведь надо было найти. Просто необходимо!

Как всегда и во всё на свете и на этот раз вмешались обстоятельства.

Обстоятельства явились в виде Девятки, которая теперь, после знакомства с Шестёркой, выглядела Шестёркой наоборот. Именно об этом и пошла речь.

— Послушай, Пятёрка,— заговорила она взволнованно, даже забыв поздороваться,— ты умная! Послушай, Плюс, ты добрый! Дайте мне совет, как бороться с этим безобразием?! Это же всё возмутительно, это обидно, наконец!

— Успокойся, Девятка. Расскажи, что случилось? — попытался урезонить её Плюс.

— Шестёрка безобразничает!

— Мы её недавно встретили. Она вела себя вполне прилично,— заметила Пятёрка.— Готовилась к соревнованиям...

— И ты называешь это «вести себя прилично»? Она становится вверх ногами и объявляет себя «Девяткой», и ты считаешь это приличным? Какая же она «Девятка», когда она ровно на целую тройку меньше меня? Ну, произведи же простое сложение, Плюс, ты это умеешь. И убедись.

— Действительно,— сказал Плюс.— Коротко это можно записать так: $3 + 6$... гм... будет-то оно, конечно, девять. Но где же у нас Знак Равенства? Я его сегодня целый день не вижу.

И в ту же минуту, прямо как в кино бывает, издали послышалась песенка:

Что когда чему равно,
Знать не каждому дано.
И не всем дано понять,
Что, когда и с чем равнять.

Но легко найти ответ:
То равно, а это — нет,
Знаю я ответ к задачке,
Только это мой секрет!

И перед ними, сделав ещё два шага на месте, остановился Знак Равенства. Для краткости все его называли просто Будет. Потому что некоторые, когда считают, гово-

рят: «равняется», некоторые — «получится», а иные — просто «будет».

Будет в два счёта помог Плюсу записать как положено:

$$6 + 3 = 9$$

— Вот видишь! — закричала Девятка.— Я её на целую тройку старше! А она что себе позволяет!

— Успокойся, Девятка,— сказала Пятёрка.— Раз тебя это так обижает, мы попросим Шестёрку быть поскромнее и не величать себя Девяткой... Успокоилась?

— Успокоилась,— тут же совсем миролюбиво отозвалась Девятка.— Только пусть всё-таки Шестёрка поменьше ходит на руках и поменьше хвастает.

— А теперь все быстро — к самовару! — обратился ко всем сразу Плюс.

Глава десятая

Но и на этот раз чаепитие сорвалось. Что-то невдалеке зашумело, зафыркало, и на дороге показался автомобиль.

— Гляди-ка, Нуль! — закричала Пятёрка.

Плюс, рискуя жизнью, кинулся наперерез машине. Машина ехала, к счастью, очень медленно. Нуль тут же нажал на тормоз и вышел из машины. Он был толстенький, невысокий и очень добродушный на вид.

— Плюс, ты с ума сошёл? — спросил он, протягивая руку и здороваясь со всеми по очереди.— Что-нибудь случилось? — добавил он озабоченно.

Ему никто не ответил.

«Нет,— подумал Антон,— совершенно непохоже на то, чтобы он мог так легкомысленно взять и стянуть пехотинца из задачи».

«И это — Нуль? — подумала Аля.— Тот, который уволок солдатика? Что-то непохоже».

— Что вы все так странно молчите? — допытывался Нуль.

— Нуль,— торжественно обратилась к нему, наконец решившись, Пятёрка.— Ходят непроверенные слухи, что

ты аннулировал солдатика из задачи на семьдесят седьмой странице. Вот,— она указала на Алю и Антона,— будущие ученики первого класса «Б» ищут его и очень расстраиваются.

Нуль посмотрел на Пятёрку удивлённо, перевёл такой же удивлённый взгляд на Алю и Антона и вдруг, поджав руки и ноги, стал колесом кататься по траве и хохотать, хохотать, захлёбываясь и повизгивая.

Потом он поднялся, отряхнулся и спросил:

— Кто говорит?

И, не дождавшись ответа, опять покатился со смеху. Как следует прохохотавшись, Нуль опять встал на свои коротенькие толстенькие ножки и сказал:

— Ну, а теперь давайте говорить серьёзно. Раз пропал солдатик из условия задачи, значит, это грозит беспорядком во всём учебнике. Значит, его надо искать. Кто же это такой глупый слух про меня распустил? Я люблю аннулировать — но только то, что должно быть аннулировано. Тогда я это умножаю на нуль. Но совсем не здесь, а в другом учебнике — для шестого класса.

— Кто-то из сестёр-единичек сказал, что ты вёз кого-то сегодня в машине,— сказала Пятёрка.

— И что этот кто-то был грустный! — добавил Плюс.— А грустным должен был оказаться тот, кому не хотелось ехать в твоей машине. Верно?

— Верно,— подтвердил Нуль.— Но при чём тут солдатик?

— А кто же это был? — спросила Пятёрка.

— Дыдва.

— А почему же она была грустная?

— Да я её утром возил к зубному врачу. Ты когда-нибудь видела, чтобы кто-нибудь веселился, когда его ведут к зубному врачу? Лично я не видал!

Все посмотрели друг на друга, чувствуя себя довольно глупо.

— Я так и знал, что Нуль не виноват!

— Где же искать солдатика?

Плюс хлопнул себя по лбу:

— Ах, какой же я дуралей! Как же я не сообразил сразу? Для того Минус на Антона двоек наслал, чтобы

отвлечь всех от поисков, чтобы все начали Антона искать, чтобы всех отвлечь и переключить!

— И ты хочешь сказать...— начала было Пятёрка, но Плюс её перебил:

— Конечно, Минус. Он за лето, что не было занятий, так разболтался, что стал отнимать что надо и не надо. С этим пора покончить!

— А где он живёт? — спросил Антон.

— Кто помнит, где он живёт? — спросил Нуль.— Я что-то забывчив стал. Плюс — он тебе брат как-никак, ты-то хоть знаешь, где он живёт?

— Приходится помнить,— сказал Плюс.— За высокой оградой посреди сада крошечный домок, а на нём большой замок.

— Вот так адрес! — заметила Аля.

— Садитесь все в машину, и поехали,— пригласил всех Нуль.

— Разве мы все поместимся? — спросил Антон.— В машине всем не хватит места.

— Хватит,— сказал Нуль.— Это особенная машина. В неё помещаются все, к кому её хозяин хорошо относится.

— А к кому плохо? — полюбопытствовал Антон.— Те не помещаются?

— Не помещаются,— сокрушённо вздохнул Нуль. Потом он лукаво улыбнулся и добавил: — Потому что их нет!

Тут все, включая Девятку, уселись в машину. Нуль сел за руль, включил зажигание, и машина рванулась с места.

Глава одиннадцатая

Забор был покрашен в белый цвет. Он был такой высоченный, что через него невозможно было заглянуть. Калитка в заборе с трудом отыскалась. Она была заперта. Плюс нажал на кнопку звонка. Звонок прозвенел, но к калитке никто не подошёл.

— Может, его дома нет? — высказала предположение Девятка.

Вдруг из-за забора донеслись звуки беседы.

— Ну, ты только покажи, как надо, и всё, и я тебя отведу на место,— говорил Минус.

Чей-то незнакомый голос возражал:

— Солдат прежде всего должен знать дисциплину.

— Ну, ладно,— говорил Минус.— Ты только покажи мне, как ходят строевым шагом. Это так красиво. А я не умею. Ну, научи!

— Не хочу,— возражал голос.— Я из-за тебя дисциплину нарушаю. Через два дня занятия в школе начинаются, а ты что? Обманул меня, научился под моего командира голос подделывать, заставил обманом покинуть казарму, то есть задачу. Я же, получается, самовольно отлучился. Это, по-твоему, порядок?

— Непорядок,— отвечал Минус.— Но мне так хочется уметь ходить строевым шагом! Я ведь для тебя старался. Грибами тебя угощал. Кролика хотел тебе принести.

— Минус! — закричал Нуль.— Сейчас же отопри калитку!

— Меня нет дома, я в гостях у Пятёрки,— ответил Минус и калитку не отпер.

— Как не стыдно выдумывать, Минус! — крикнула Пятёрка.— Я же тут — возле твоего забора.

За забором послышался какой-то шорох, потом шёпот, потом опять шорох, потом ключ в замке что-то прочирикал, и калитка открылась.

— А, это вы? — сказал Минус безразличным тоном.— Что, будет общее собрание по случаю нового учебного года? Я повестку не получал...

— Перестань,— прервал его Нуль.

— Ах, какие славные ребята пришли ко мне в гости,— выкручивался Минус, сделав вид, что и Алю и Антона он видит в первый раз.— Это что — ученики первого класса?

— Минус! — строго сказал Плюс.— Или ты сейчас же вернёшь солдатика, или мы тебя переселим в какую-нибудь очень скучную книжку без картинок и заставим там работать обыкновенным Тире.

— Нет, нет, не надо, пожалуйста! — испугался Минус.

— Ты вообще последнее время ведёшь себя недостойно,— сказала Пятёрка.— Ты наладился отнимать что захочешь, у кого захочешь. Это же безобразие!

— Тебе что положено отнимать? — грозно спросил Нуль.

— Вычитаемое,— сказал Минус.

— А ты? Как ты себя повёл?

— Но ведь вычитаемое в той задаче — барабанщик. А я так хотел, чтобы настоящий пехотинец научил меня шагать строевым шагом. Я думал...

— Что ты думал? — ещё суровее спросил Нуль.

— Я думал, меня когда-нибудь, может быть, тоже пригласят на парад...

— Его положительно надо превратить в Тире,— фыркнул Нуль.

— Нет, нет, пожалуйста, не надо! — запричитал Минус.

— Ты обещаешь исправиться? — спросил его Плюс строго.— Иначе ты всему первому классу «Б» испортишь учёбу.

— Я прошу у вас всех прощения,— сказал Минус.— Я понял. Я был не прав. В математике нельзя так самовольничать. Извините меня.

— Где солдатик? — спросил Нуль, всё ещё сердясь.

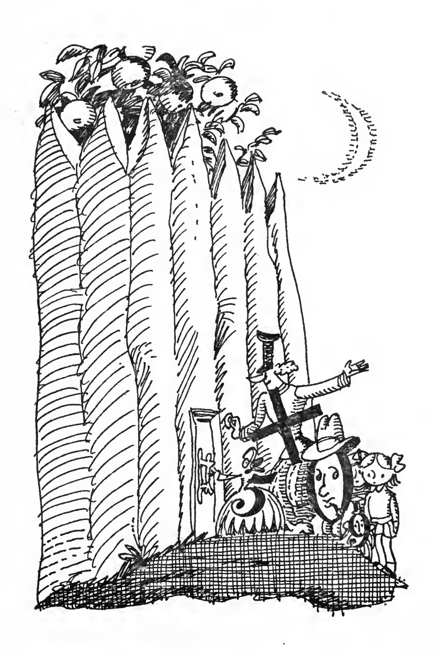
— Я его спрятал в крыжовнике. Я думал, вы там искать ни за что не будете. Он колючий. Не солдат, конечно, а крыжовник.

Минус вывел пехотинца, тот отдал всем честь и тут же стал проситься, чтоб его отпустили.

— Мне надо срочно вернуться! — сказал он.

Ему никто не успел ответить, потому что калитка распахнулась и в неё влетела Единица.

— Наконец-то я вас догнала,— говорила она, задыхаясь от быстрого бега.— Мне было так неловко. Я заподозрила, что солдатика забрал Нуль. А потом подумала и поняла: нет, Нуль так никогда не поступит. Мало ли что он умеет аннулировать в тех случаях, когда это необходимо. И что мне вступило в голову? Прости меня, Нуль!

— Да ладно уж,— сказал Нуль примирительно.— А тебе не стыдно, Минус?

— Я так больше никогда не поступлю,— угрюмо сказал Минус.

— Успокойся, Единица,— сказал Нуль.— Пожмём друг другу руки и помиримся, Единица. Нам ведь много придётся с тобой работать в паре.

Аля не поняла, что Нуль имел в виду. Единица и Нуль подошли друг к другу, и рукопожатие состоялось. Тут Алю осенило: вместе они были цифрой Десять, а Десять — это ведь очень важная цифра!

— Пожалуйста, поскорее покажите мне, как мне вернуться на семьдесят седьмую страницу! — попросил пехотинец.

— За чем же дело стало?! Я тебя сейчас отвезу на машине!

— А как же чай с пирогом, или пирог с чаем, что практически одно и то же? — сказал Плюс.

— Как-нибудь в другой раз, Плюс,— сказал Нуль.— Вас я тоже захвачу,— обратился он к Але и Антону.

Все друг с другом сердечно простились. Минус снова попросил прощения и обещал вести себя примерно.

— Я приду к вам в тетрадки и в дневники! — обещала Пятёрка.— Остерегайтесь двоек по двадцать девятым числам, потому что двадцать девятого я бываю занята!

Плюс и Девятка махали им на прощание.

Машина мгновенно доставила всех на семьдесят седьмую страницу. Там шла перекличка. Пехотинец как раз, секунда в секунду, успел встать в строй на своё место.

...Когда мама вернулась домой, она застала Алю с учебником математики в руках.

— Умница, доченька,— сказала мама.— Будешь у меня отличницей!

Тут зазвонил телефон.

— Антоша? — сказала мама.— Вы уже вернулись с дачи? Скажи своей маме, что я к ней вечерком зайду. Тебе Алю позвать? Александра, тебя Антон — к телефону.

Мама теперь часто называла Алю полным именем. Чтоб она привыкла к тому, что так её будут называть в школе.

— Да? — сказала Аля.

Её вдруг охватили сомнения: не приснились ли ей все их приключения в учебнике математики. Она ждала, что скажет Антон.

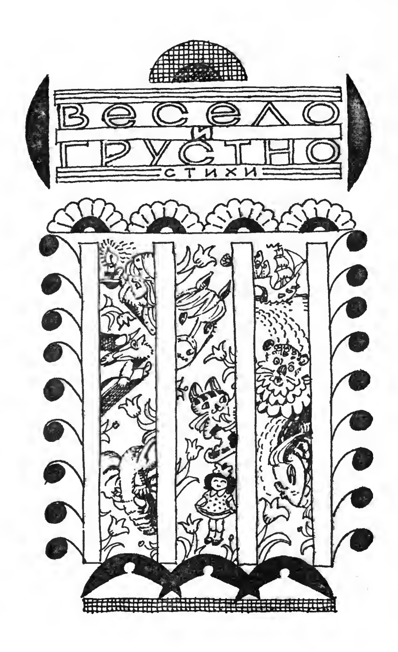
— Аль, будем рассказывать или нет? — спросил Антон.— Я боюсь, засмеют и не поверят.

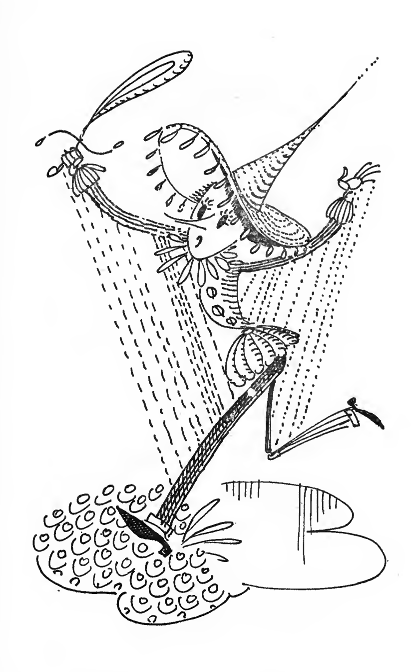
— А пусть,— сказала Аля.

— Я думаю, кто умный, тот поверит, правда, Аль? — сказал Антон.

Аля с ним согласилась.

ВЕСЕЛО
И
ГРУСТНО
СТИХИ

B

ПОИГРАЕМ

ПОИГРАЕМ

На лошадке ехали,
До угла доехали.

Сели на машину,
Налили бензину.
На машине ехали,
До реки доехали.

Трр! Стоп! Разворот.
На реке — пароход.
Пароходом ехали,
До горы доехали.

Пароход не везёт,
Надо сесть в самолёт.
Самолёт летит,
В нём мотор гудит:
У-у-у!

ДОЖДИК

Дождик, дождик, капелька,
Водяная сабелька.
Лужу резал, лужу резал,
Резал, резал, не разрезал,
И устал,
И перестал.

ЗЁРНЫШКО

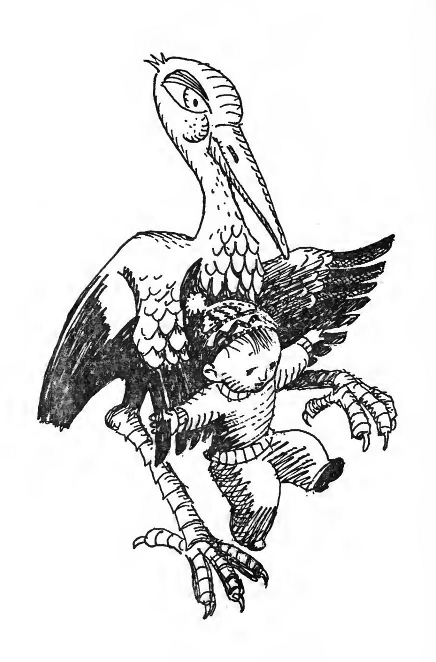
Выйди, выйди, солнышко,
Мы посеем зёрнышко.
Скоро вырастет росток,
Потянется на восток,
Потянется на восток,
Перекинется мосток.
По мосточку пойдём,
В гости к солнышку придём.

АЙ ДА СУП!

Глубоко — не мелко,
Корабли в тарелках:
Луку головка,
Красная морковка,
Петрушка,
Картошка
И крупки немножко.
Вот кораблик плывёт,
Заплывает прямо в рот!

АИСТ

Аист, аист длинноногий,
Покажи домой дорогу.
Топай правою ногой,
Топай левою ногой,
Снова — правою ногой,
Снова — левою ногой,
После — правою ногой,
После — левою ногой.
Вот тогда придёшь домой!

ДЕСЯТЬ ПТИЧЕК — СТАЙКА

Пой-ка, подпевай-ка:
Десять птичек — стайка.

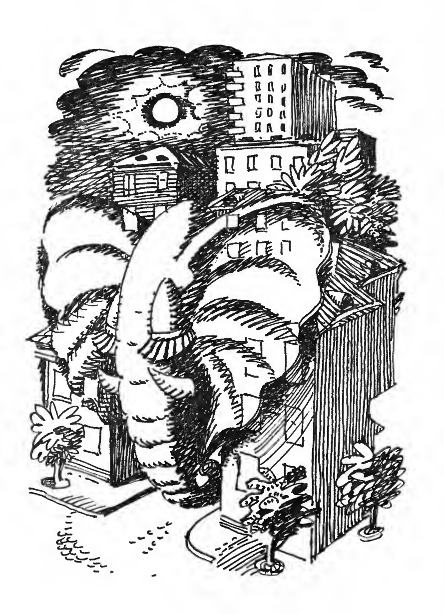
Эта птичка — соловей,
Эта птичка — воробей.
Эта птичка — совушка,
Сонная головушка.
Эта птичка — свиристель,
Эта птичка — коростель,
Эта птичка — скворушка,
Серенькое пёрышко.
Эта — зяблик.
Эта — стриж.
Эта — развесёлый чиж.
Ну, а эта — злой орлан.
Птички, птички,— по домам!

КАША

Ну-ка, ну-ка, ну-ка, ну-ли!
Не ворчите вы, кастрюли!
Не ворчите, не шипите,
Кашу сладкую варите.
Кашу сладкую варите,
Наших деток накормите.

СОННЫЙ СЛОН

Динь-дон. Динь-дон.
В переулке ходит слон.
Старый, серый, сонный слон.
Динь-дон. Динь-дон.
Стало в комнате темно:
Заслоняет слон окно.
Или это снится сон?
Динь-дон. Динь-дон.

ТИЛИ-ТИЛИ

Тили-тили-тили-тили,
Мы по́ воду не ходили,
Приходил Егорка,
Приносил ведёрко.
Мыли-мыли-мыли-мыли,
Бело-на́бело отмыли.
Лишь головка одна
Всё черным-черна!

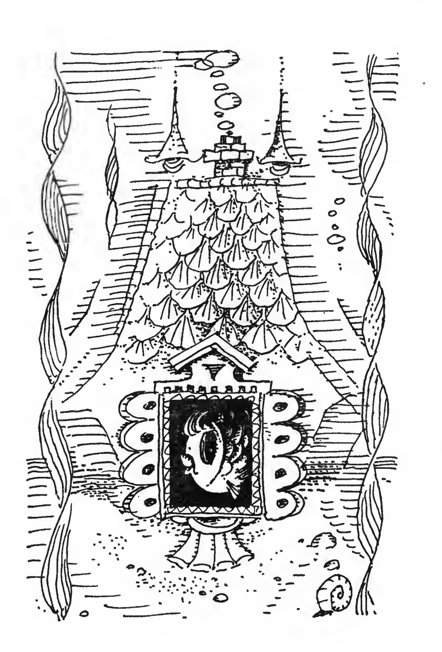
БАИНЬКИ

Баиньки, баиньки,
Прибежали заиньки,
Сели на скамейку,
Попросили лейку,
Поливали огород,
Где капуста растёт.

ГДЕ СПИТ РЫБКА

Ночью темень. Ночью тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?
Лисий след ведёт к норе,
След собачий — к конуре.

Белкин след ведёт к дуплу,
Мышкин — к дырочке в полу.
Жаль, что в речке, на воде,
Нет следов твоих нигде.
Только темень, только тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

В ЧУДНОЙ СТРАНЕ

В одной стране,
В чудно́й стране,
Где не бывать
Тебе и мне,
Ботинок чёрным язычком
С утра лакает молочко
И целый день в окошко
Глазком глядит картошка.
Бутылка горлышком поёт,
Концерты вечером даёт,
А стул на гнутых ножках
Танцует под гармошку.
В одной стране,
В чудной стране...
Ты почему не веришь мне?

УСНИ-ТРАВА

Дальний лес стоит стеной,
А в лесу, в глуши лесной,
На суку сидит сова.
Там растёт усни-трава.

Говорят, усни-трава
Знает сонные слова;
Как шепнёт свои слова,
Сразу никнет голова.

Я сегодня у совы
Попрошу такой травы:
Пусть тебе усни-трава
Скажет сонные слова.

ЛЯГУШКИ

Чьи там крики у пруда?
— Квасу, квасу нам сюда!
Ква-ква-квасу, просто-ква-ши,
Надоела нам вода!

КРОКОДИЛЫ

Прошу вас, не надо съезжать по перилам,
Вы можете в зубы попасть крокодилам!
Они притаились на каждой площадке
И всех, кто съезжает, хватают за пятки
И тащат на дно африканского Нила.
Прошу вас, не надо съезжать по перилам!

НЕВПОПАД

На помощь! В большой водопад
Упал молодой леопад!
Ах, нет! Молодой леопард
Свалился в большой водопард.
Что делать — опять невпопад.
Держись, дорогой леопад,
Верней, дорогой леопард!
Опять не выходит впопард.

МЕДВЕДЬ

Как на горке — снег, снег,
И под горкой — снег, снег,
И на ёлке — снег, снег,
И под ёлкой — снег, снег,
А под снегом спит медведь.
Тише, тише... Не шуметь.

СКОРОГОВОРКА

Был кашеваром кашалот,
А кашеедом — кит.
Но простудился кашалот,
Стал сильно кашлять он, и вот —
Стал кашеедом кашалот,
А кашеваром — кит.

БУКВАРИНСК

Был на речке на Чернильной
Город маленький, не пыльный,
С незапамятных времён
Букваринском звался он.
Там, не ведая невзгод,
Очень славный жил народ:
Хлебосольный,
Незлобивый,
Дружный и трудолюбивый.
А — аптекарь,
Б — бочар,
В — валяльщик,
Г — гончар,
Д — дробильщик здоровенный,
Е — ефрейтор, он военный,
Ж — жестянщик-простачок,
З — закройщик-старичок,
И — историк бородатый,

К — красильщик франтоватый,
Л — лудильщик,
М — маляр,
Н — носильщик,
О — овчар,
П — писатель,
Р — радист,
С — сапожник,
Т — турист,
У — бесстрашный укротитель,
Ф — чудак фотолюбитель,
Х — художник-баталист,
Ц — известный цимбалист,
Ч — чудесный часовщик,
Ш — шофёр, большой шутник,
Щ — щенок его Букетик,
Э — электрик-энергетик,
Ю — юрист,
а дальше
Я — это я, мои друзья!

ВЕСЕЛО И ГРУСТНО

ПРАЗДНИК ПЕРВОМАЙСКИЙ

Это праздник,
Это праздник,
Это праздник Первомайский,
Это лёгкий-лёгкий шарик,
Это новая рубашка,
Это флаги, флаги, флаги,
Это красные балконы,
Это праздник Первомайский,
Это лёгкий-лёгкий шарик,
Это мама, это папа,
Это песенка такая!

МНЕ ГРУСТНО

Мне грустно — я лежу больной,
Вот новый катер заводной.
А в деревне — лошади.
Папа мне купил тягач.
Кран игрушечный и мяч.
А в деревне — лошади.
Мне грустно — я лежу больной,
Вот вертолётик жестяной.
А в деревне — лошади.

А я в деревне летом был,
Я лошадь серую кормил,
Она сухарь жевала
И головой кивала.

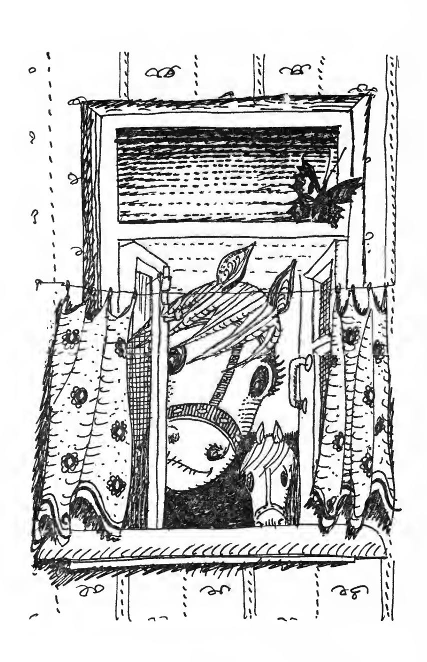
КОРАБЛИК

Летний ливень лужи налил —
Целые моря!
Дача встала у причала,
Бросив якоря.

Только мой корабль отважный
Борется с волной.
И неважно, что бумажный
Парус надо мной.

ТЁПЛЫЙ ВЕЧЕР

Тёплый вечер
Тёплый ветер.
Кусочек тёплого неба.
Кусочек тёплого хлеба.
Молоко парное, тёплое очень.
— Мамочка, тёплой ночи!

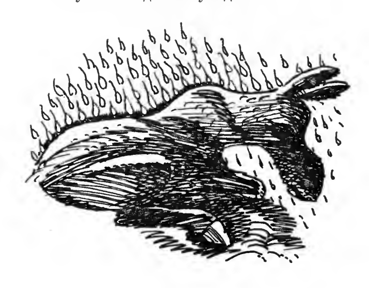

Я СЛЫШАЛ!

Я ненавижу Тарасова:
Он застрелил лосиху.
Я слышал, как он рассказывал,
Хоть он говорил тихо.

Теперь лосёнка губастого
Кто же в лесу накормит?
Я ненавижу Тарасова.
Пусть он домой уходит!

ЖДУ

Как пятница долго тянется.
Я не играю. Жду.
Друг мне сказал: — В пятницу
Я непременно приду.
И вот уже очень поздно,
И мама велела спать.
Но он же совсем взрослый —
Не мог он неправду сказать!

ЖИВИ, ЁЛОЧКА!

Мне ёлку купили!
Мне ёлку купили!
В лесу на опушке её не рубили.
А сделали ёлку на добром заводе
Хорошие дяди, весёлые тёти.

Скорей приходите,
Скорей поглядите
На ёлку из тонких серебряных нитей:
Вся, в хвое мохнатой,
Блестящей и пышной,
Задень —
И она зазвенит еле слышно.

А ёлка лесная осталась живая,
Стоит на опушке,
Макушкой кивая.
Кому?
Никому!
Просто — ветру, метели,
Такой же красивой
Неспиленной ели!

КУДА В МАШИНАХ СНЕГ ВЕЗУТ

Куда в машинах снег везут?
Наверно, в странах жарких
Его ребятам раздают
На Новый год в подарках,
Получат полные кульки —
И все бегом играть в снежки!
Снежки не долетают,
На жарком солнце тают,
И только лужи там и тут...

Куда в машинах снег везут?

ДЖУМБО

Я лепить никогда не учился.
Но слон у меня получился.
И я назвал его Джумбо.
И он быстро так приручился!

ПЛИМ

Ложка — это ложка,
Ложкой суп едят.
Кошка — это кошка,
У кошки семь котят.

Тряпка — это тряпка,
Тряпкой вытру стол.
Шапка — это шапка,
Оделся и пошёл.

А я придумал слово,
Смешное слово — плим.
Я повторяю снова:
Плим, плим, плим!
Вот прыгает и скачет
Плим, плим, плим!
И ничего не значит
Плим, плим, плим.

ЯЩЕРКА

А у меня есть ящерка!
Живёт она в старом ящике.
И я её утром кормлю.
И я её очень люблю.

ГНОМ

К нам по утрам приходит гном.
В Москве приходит, прямо в дом!
И говорит всё об одном:
— Почаще мойте уши!

А мы кричим ему в ответ:
— Мы точно знаем, гномов нет! —
Смеётся он: — Ну нет так нет,
Вы только мойте уши!

НИЧЬЯ КОШКА

Это ничья кошка,
Имени нет у неё.
У выбитого окошка
Какое ей тут житьё?
Холодно ей и сыро.
У кошки лапа болит.
А взять её в квартиру
Соседка мне не велит.

ГОЛУБАЯ СТРАНА

А я рано утром залез на сосну,
Я видел вдали голубую страну,
Голубых людей,
Голубых лошадей,
Голубых-голубых индюков.

А я поздно вечером влез на сосну,
Я видел вдали золотую страну,
Золотых людей,
Золотых лошадей,
Золотых-золотых индюков.

А если б я ночью залез на сосну,
Увидел бы я никакую страну,
Никаких людей,
Никаких лошадей,
Никаких-никаких индюков.

НУ ЗАЧЕМ?

Я могу и в углу постоять,
Час могу, два могу или пять.
Я не брал эту запонку красную,
Ну зачем говорите напрасно вы!

Я могу и в углу постоять,
День могу, два могу или пять.
Я не брал эту запонку красную,
Ну зачем говорите напрасно вы!

АЛЁША

СКОРО В ШКОЛУ

Слыхали радостную весть?
Мне скоро будет ровно шесть!
А если человеку шесть,
И у него тетрадки есть,
И ранец есть, и форма есть,
И счётных палочек не счесть,
И он читать старается,
То значит, он (вернее — я),
То значит, он (точнее — я),
Он в школу собирается!

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Дождик каплю уронил,
Словно бы горошинку.
Мне послышалось, спросил:
— Ты не спишь, Алёшенька?

Воробьишки гомонят,
Севши в ряд на жёрдочку.
— С добрым утром! — говорят,
Слышно через форточку.

Лёгкий тюль от ветерка
На окне колышется.
Радио издалека:
— С добрым утром! —
слышится.

— С добрым утром! — я пою
Маме, папе, бабушке,
И дождю, и воробью,
И траве-муравушке.

— С добрым утром! — я кричу,
Чтоб погромче вышло,
Чтоб по всей стране, хочу,
Людям было слышно.

Я вскочил с постели быстро,
Папин я включил транзистор.
Мне ответил кто-то в нём:
— С добрым утром,
            с добрым утром
И с хорошим днём!

МЫ ИГРАЛИ В ХОХОТУШКИ

Мы играли в хохотушки,
Мы визжали, как свинушки,
Мы скакали, как лягушки,
Вбок и задом наперёд.

Мы решили: кто захочет,
Тот нас всех перехохочет,
Всех один пересмеёт.

Мы смеялись и смеялись,
Лопнуть со смеху боялись,
Даже по полу катались:
Всех нас разом смех берёт!

Я могу сказать вам честно,
До сих пор нам неизвестно,
Кто сумеет, кто захочет,
Кто нас всех перехохочет,
Всех один пересмеёт?

ТЕЛЕФОН

Звон в квартиру прибежал
По цветному проводу.
Телефон задребезжал
По какому поводу?

Трубку в руки я беру,
Что я в ней услышу?
Скажет слово кенгуру?
Или слон подышит?

Может, пёсик, осмелев,
Что-то в трубке тявкнет?
Ну, а если грозный лев
Прямо в ухо рявкнет?

Это мне звонит жучок,
Маленький, хорошенький...
Вдруг я слышу:
— Ты, внучок?
Что молчишь, Алёшенька?

И совсем не кот, не кит,
Кончились загадки.
Это бабушка звонит:
Всё ль у нас в порядке?

— Лучше в гости приходи,—
Я её упрашиваю,—
Дома я сижу один,
Корабли раскрашиваю.

Телефон такой чудной:
Я не вижу, где ты?
Понарошку — ты со мной,
А по правде — нету!

КУПИТЕ СОБАКУ

Не верблюда, не корову,
Не бизона, не коня,
Я прошу вас,
Чтоб щеночка
Вы купили для меня.

Пёсик —
Хвост, четыре лапки —
Много места не займёт.
Он не слон и не горилла,
Не кабан, не бегемот.

Въедет в новую квартиру —
Будет тоже новосёл.
Он не волк и не лисица,
Не медведь и не осёл.

Пёсик съест совсем немного:
В кухне косточку сгрызёт,
Он не рысь, не лев, не пума,
Не медведь, не кашалот!

Имя я щепку придумал,
Я его видал во сне.
Я мечтаю,
Вот бы завтра
Мой щенок пришёл ко мне!

ССОРА

Ты меня заобижала,
А скажи — зачем?
Леденец в руке зажала,
Я же весь не съем!

Я просил совсем чуточек,
Крошечку просил.

Осторожно уголочек
Я бы откусил.

Ну и что ж,
    что он английский —
Этот леденец.
Был тебе я другом близким.
Всё. Теперь конец.

Ты меня заобижала.
Уходи. Пора.
Лучше б кошка забежала
Просто со двора.

Молока бы ей из кружки
В блюдце б я налил.
О тебе, плохой подружке,
Сразу бы забыл.

ОБИЖАЛКИ

Мы с моей соседкой Галкой
Сочиняли обижалки.
Вот придёт обидный срок,
А у нас готово впрок:
Я скажу ей — ты ворона,
А она мне — ты глухарь.
Я скажу ей — макарона,
А она мне — ты сухарь.
Я ей — мышь!
Она мне — крыс!
Стой-ка!
Чем мы занялись?
Для чего нам обижалки?
Мы стоим соображаем:
Мы совсем друг друга
                с Галкой
Никогда не обижаем!

ОДИН ДОМА

Я один остаюсь,
Я совсем не боюсь.
За окошком темно.
Это мне всё равно.
Свет повсюду включу.
Посижу, помолчу.
Занавешу окно.
Папа с мамой — в кино.
Я один остаюсь.
Я совсем не боюсь.
Может, в кухню схожу.
За столом посижу.
К чаю пряники есть.
Но не хочется есть...
Кто-то в стенку стучит.
Телевизор молчит.
Я в ответ постучу.
Телевизор включу.
Время быстро пройдёт.
К нам чужой не зайдёт.
Холодильник урчит.
Кто-то в стенку стучит.
Папа с мамой в кино
Очень-очень давно...

НОВАЯ КВАРТИРА

Нам вчера ключи вручили:
Мы квартиру получили.
Раз,
Два,
Три,
Четыре
Будет комнат
в той квартире!

Снится мне или не снится
Этот сказочный простор?
Можно будет расселиться,
Как мечтал я до сих пор.

Съездим мы на птичий рынок,
Там накупим разных рыбок.
И для них стеклянный дом,
Чтобы рыбки жили в нём.

Купим клетку, чижика
И котёнка Рыжика.
Катю, Лену, Гришку, Тишку
Сразу в гости приглашу.
И сестрёнку и братишку
Я у мамы попрошу.
Но сказала мама строго:
— У тебя фантазий много,
Мы ковёр сначала купим,
Люстру, лампы,
мебель, бра...
Для чего квартира людям,
Неужели для ковра?

ПОДАРИЛИ СОБАКУ!

Нет, не просто говорили,
В самом деле подарили,
В день рожденья подарили
Очень славного щенка!
Он малюсенький пока.

От него такой лесной
Тёплый-тёплый запах.
Он идёт смешной-смешной,
Путается в лапах.

Подрастёт щеночек мой —
Он поправдашний, живой!

БАБУШКИНА СКАЗКА

— Что ты смотришь телевизор,
И хоккей, и матч по регби,
Авто-мото-велогонки,
И чего-то там ещё!
Ты же бабушка,
И значит,
Знать должна ты много
сказок
Про Ивана и Жар-птицу,
Про весёлого портняжку
И про всех богатырей.
Выключаем телевизор.
Жили-были...
Кто, скажи?

ПОЧИТАЙ МНЕ, МАМА!

Когда мне книжечку читает мама,
Совсем не то, что сам себе читаю.
Хотя я буквы все прекрасно знаю
И «Айболита» сам уже прочёл.
Но если мама с книжкой сядет рядом,
Как эту книжку слушать интересно!
Как будто в рубке капитан отважный,
Который не боится злых пиратов,
Как раз и есть — я сам!
Или хожу в дозор я на границе,
Или в ракете направляюсь к солнцу,
И космонавт бесстрашный — тоже я,
Прошу тебя, ты почитай мне, мама.
Сегодня я как будто стану птицей
И бедную Дюймовочку спасу!

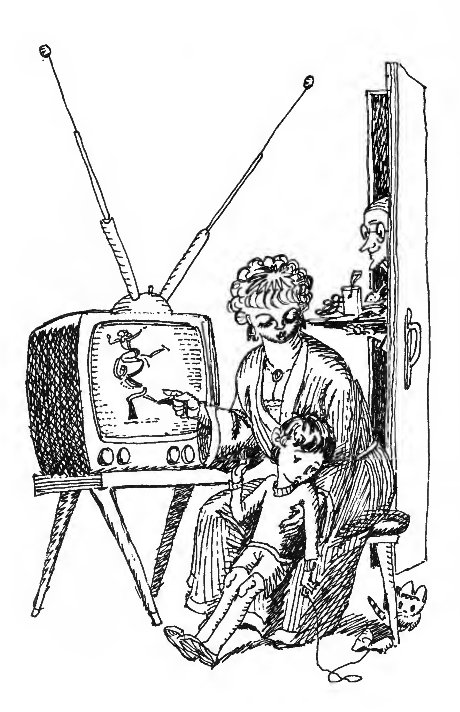
ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Когда решили детям
Придумать наказание,
То очень долго думали,
Всё думали и думали
И наконец придумали
Фигурное катание.

Фигурное верчение —
Коньком по льду черчение.
От этого мучения
Нигде нет облегчения:
Берут телепрограммы
И там находят мамы
Фигурное катание,
Топтание, мотание,
Велят смотреть и подражать,
На тренировках поднажать...

Урок мне дайте пробный,
А вдруг я неспособный!
Я лидером не буду.
Я всё перезабуду.

Вы сядьте и подумайте,
Подумайте, подумайте
И для меня придумайте
Другое
Интересное
Занятие!

ПЕСЕНКА, КОТОРУЮ АЛЁША СОЧИНИЛ НА ПРОГУЛКЕ

Хорошая собака
Пошла гулять одна.
Хорошая собака
Увидела слона.

Подумала с улыбкой:
«Откуда этот слон?
Наверно, по ошибке
Сюда притопал он!»

Она его спросила:
— Ты правда, что ли, слон? —
В ответ ей очень мило
Махнул ушами он.

— Я дам тебе ватрушку,
Ты хочешь или нет? —
Он сообщил на ушко
Собаке свой ответ.

Но где ж была ватрушка?
А это их секрет!

ПИСЬМО

Вы знаете, а сочинить письмо
Не так-то просто.
Я пробовал сегодня.
Написал:
«Дедуля, здравствуй,
Как ты поживаешь?»
И подписал «Алёша».
Придумать больше
Ничего не мог.
А вы писали письма?
Правда, трудно?

ДЕРЕВЬЯ

РЯБИНА

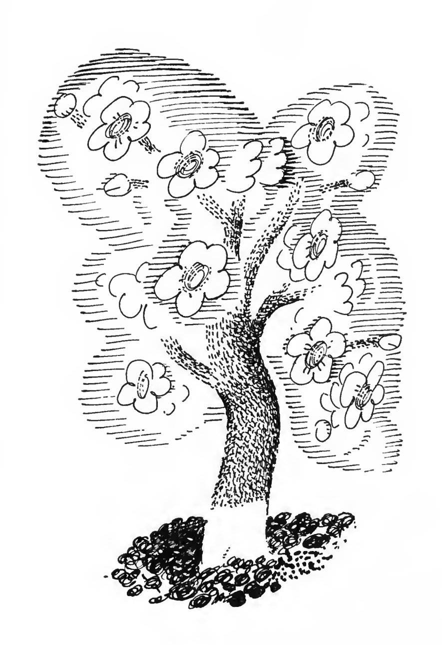
Красненькую ягодку
Мне дала рябина.
Думал я, что сладкую,
А она — как хина.

То ли эта ягодка
Просто недозрела,
То ль рябина хитрая
Подшутить хотела?

ОСИНКА

Зябнет осинка,
Дрожит на ветру,
Стынет на солнышке,
Мёрзнет в жару...

Дайте осинке
Пальто и ботинки —
Надо согреться
Бедной осинке.

ЯБЛОНЬКА

Маленькая яблонька
У меня в саду,
Белая-пребелая,
Вся стоит в цвету.

Я надела платьице
С белою каймой.
Маленькая яблонька,
Подружись со мной!

ЕЛИ

Ели на опушке —
До небес макушки —
Слушают, молчат,
Смотрят на внучат.

А внучата — ёлочки,
Тонкие иголочки —
У лесных ворот
Водят хоровод.

ИВА

Возле речки, у обрыва,
Плачет ива, плачет ива.
Может, ей кого-то жалко?
Может, ей на солнце жарко?
Может, ветер шаловливый
За косичку дёрнул иву?
Может, ива хочет пить?
Может, нам пойти спросить?

СОСНЫ

Сосны до неба хотят дорасти,
Небо ветвями хотят подмести,
Чтобы в течение года
Ясной стояла погода.

ДУБ

Дуб дождя и ветра
Вовсе не боится.
Кто сказал, что дубу
Страшно простудиться?
Ведь до поздней осени
Он стоит зелёный.
Значит, дуб выносливый,
Значит, закалённый.

БЕРЁЗА

Если б дали берёзе расчёску,
Изменила б берёза причёску:
В речку, как в зеркало, глядя,
Расчесала б кудрявые пряди,
И вошло б у неё в привычку
По утрам заплетать косичку.

РАЗГОВОРЫ

ХОДИТ СОЛНЫШКО ПО КРУГУ...

Ходит солнышко по кругу,
Спит в лесу лосиха,
Мы идём с тобой по лугу
Тихо, тихо, тихо.
Мы походим по опушке,
Мы найдём тропинку.
Вон сорока на верхушке
Клювом чистит спинку.
Вон на камне придорожном,
Словно вросшем в землю,—
Осторожно, осторожно! —
Ящерица дремлет.
Слышишь, звякнул колокольчик
На лесной лужайке.
Есть у нас магнитофончик,
Маленький всезнайка.

Он на тоненькую плёнку
Пишет разговоры:
Что сказал комар зайчонку,
Лягушачьи споры...
Целый день он с нами ходит,
А настанет вечер,
Разговоры переводит
В звуки нашей речи.
Тихо, тихо. Ни словечка.
Мы нажали кнопку.
Так о чём спросила речка
Узенькую тропку?
И о чём поведал ветер
Листьям дикой груши?
Мы узнаем всё на свете.
Посиди. Послушай.

ЧТО ОРЕХОВЫЙ КУСТ СКАЗАЛ ЗАЙЧОНКУ

— Стой, Зайчонок, не беги
По тропинке узенькой,
Лучше ты побереги
Хвостик свой кургузенький.
Лис крадётся вдоль тропы.
Вряд ли ищет он грибы!

РАЗГОВОР ТРОПИНКИ И РЕЧКИ

— Речка, речка, где тут брод?
— Вот!

РАЗГОВОР СИНИЦЫ И ДЯТЛА

— Вынь-вынь,
Вынь, вынь, вынь
Червячка из глубины,
Кинь-кинь,
Кинь, кинь, кинь
На дорожку у сосны.
Накорми подруг!
— Тук-тук-тук!
Тук!

РАЗГОВОР СТАРОЙ ИВЫ С ДОЖДЁМ

— Восемь — у дороги,
Девять — на лугу...
— Что ты, Дождь, считаешь?
Может, помогу?
— Две — под старой елью,
Возле стога — шесть...
— Что ты, Дождь, считаешь,
Да не можешь счесть?
— Тороплюсь ромашки
Все пересчитать,
Десять — на опушке,
Под осиной — пять...
Ну как просчитаюсь,
Долго ль до беды!
Вдруг на всех не хватит
У меня воды!

РАЗГОВОР БОЛЬШОЙ ЕЛИ И МУШКИ

— Ты кому, большая Ёлка,
В небе пасмурном киваешь?
И не ты ли втихомолку
Тучи с тучами сшиваешь?
— Что ты, глупенькая Мушка,
Я не шью и не тачаю,
Я тихонько на верхушке
Ветер маленький качаю.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЛОСЁНКУ

Спи, Лосёнок тонконогий,
Ночь уже пришла.
На пригорке у дороги
Дрёма расцвела.
От гнилушек — слабый свет,
На траве — медвежий след.
Сонно сосны повторяют
Песенку одну.
Звёзды с облака ныряют
Прямо в глубину.
Сено смётано в стога.
У тебя растут рога.
Месяц прятки затевает,
Выглянул — исчез...
Здесь зверей не убивают,
Это добрый лес!
Завтра утром рано-рано
Встанешь — и иди.
Ни ловушек, ни капканов
Нету на пути.
Будет так, как повелось.
Спи, мой мальчик. Спи, мой Лось.

РАЗГОВОР ТАТАРНИКА И СПОРЫША

— Твой цветочек, братец Спорыш,—
Недомерок и заморыш.
То ли дело я цвету,—
Людям видно за версту!
— Я не спорю, брат Татарник,
Ты большой, почти кустарник,
Ты — богач,
А я — бедняк...
Я — целебный,
Ты — сорняк!

РАЗГОВОР ВЕТРА И ОСИНОК

— Здравствуй, Ветер!
Ветер, здравствуй,
Ты куда летишь, вихрастый,
Что подня́лся до зари?
Погоди, поговори!
— Я спешу, осинки, в город,
Я несу приветов ворох,
Должен их сегодня сам
Разнести по адресам.
Площадям и переулкам,
Фонарям, тоннелям гулким,
Перекрёсткам и домам
Я приветы передам
От тропинок и дорожек,
От рябинок-тонконожек,
От калиновых кустов,
От малиновок, дроздов,
Чтобы город стал весенним,
Чтоб пришло туда веселье,
Чтоб запахло там весной,
Светлой радостью лесной!

ПЕСЕНКА ДУБОВЫХ СЕЯНЦЕВ

Ты росток,
И я росток.
Раз — листок,
И два — листок.
Подрастём ещё чуток,
И — чего же проще! —
Ты — дубок,
И я — дубок,
Я — дубок,
И ты — дубок,
Станем рядом бок о бóк,
Вот и будет роща!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ РЕКЕ

Гаснет в небе зорька алая:
Приготовилась ко сну.
Спи-усни, речушка малая,
Не гони вперёд волну.

Укроти воды движение,
Бег бессонный прекрати.
Звёзд небесных отражение
Ты не путай — не мути.

Укачай икринки-бусинки,
Сом усатый пусть уснёт.
Пусть рачок совсем малюсенький
В мягком иле прикорнёт.

Спит цветок душистой таволги,
Спит кузнечик — не куёт.
Месяц, вниз сойдя ненáдолго,
Возле брода воду пьёт.

ТИХО-ТИХО

Тихо-тихо-тихо-тихо,
В наши двери входит Тихон,
Не аукать, не кричать,
А баюкать и качать.
Тихон песенку поёт,
Сны ребятам раздаёт:

«В этом сне — воздушный шарик,
В этом сне — собака Шарик,
В этом — голуби летят,
В этом — дети спать хотят».

Тихо-тихо-тихо-тихо,
Сумрак, дрёма и покой.
Дети спят. Уходит Тихон
В тихий домик за рекой.

РАЗГОВОР ЛЮТИКА И ЖУЧКА

— Лютик, Лютик, что хохочешь?
— Да ведь ты меня щекочешь,
Так листочки мне щекочешь,
Что не хочешь — захохочешь!

* * *

Тихо-тихо. Ни словечка.
Сонно гнутся травы,
Да ворчит устало речка
Возле переправы.
Голос филина во мраке
Прозвучал над бором.
Сколько разных, сколько всяких
В мире разговоров!
К ночи — глуше, к утру — звонче,
То слышней, то тише...
Завтра наш магнитофончик
Снова их запишет.

ВЕСНА

К нам весна шагает
Быстрыми шагами,
И сугробы тают
Под её ногами.
Чёрные проталины
На полях видны.
Верно, очень тёплые
Ноги у весны.

РУЧЕЙ

Бежал ручей по камешкам,
Бежал, бежал, бежал...
Потом в глубокой лужице
Лежал, лежал, лежал...

То снова он помчался вскачь,
То будто бы уснул...
Увидел речку — прыг туда
И сразу утонул!

ВЕТРЕНО!

Ветрено,
Ветрено,
Вся земля
Проветрена!
Ветер листья с веток
Разогнал по свету:
Липовый,
Берёзовый,
Жёлтый лист
И розовый,
Красный,
Разноцветный,
Старый лист газетный...
Солнечно,
Ведренно...
Ветрено!
Ветрено!

ПАРАШЮТИСТЫ

Из шариков пушистых
Над пёстрым летним лугом
Летят парашютисты
Вдогонку друг за другом.

Едва земли коснутся —
Уснут, как на диванчике.
А по весне проснутся...
И будут — одуванчики!

СЕНОКОС

Сенокос, сенокос!
Луг остался без волос!
Он пострижен косами,
Он побрызган росами.
Как причёска эта
Хороша для лета!

СЕНТЯБРЬ

Кончается лето,
Кончается лето,
И солнце не светит,
А прячется где-то.

И дождь-первоклассник,
Робея немножко,
В косую линейку
Линует окошко.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Опустел скворечник,
Улетели птицы,
Листьям на деревьях
Тоже не сидится.

Целый день сегодня
Всё летят, летят...
Видно, тоже в Африку
Улететь хотят.

ТУМАН

Кто-то ночью утащил лес.
Был он вечером, а утром исчез!
Не осталось ни пенька, ни куста,
Только белая кругом пустота.
Где же прячутся птица и зверь?
И куда ж за грибами теперь?

ОКТЯБРЯТСКИЙ САД

За окошком зимний сад.
Там листочки в почках спят.
И листочки те во сне
Размечтались о весне.
А у нас, у октябрят,
На окне — зелёный сад.
Тут листочкам не до сна,
Тут уже пришла весна.

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

КОТЯТА

На свете есть котята —
Касьянка, Том и Плут.
И есть у них хозяйка,
Не помню, как зовут.
Она котятам варит
Какао и компот
И дарит им игрушки
На каждый Новый год.
Котята ей находят
Пропавшие очки
И утром поливают
Укроп и кабачки.
Котят купить просили
Продукты на обед.

Они сходили в город
И принесли... конфет.
Натёрли пол на кухне
Касьянка, Том и Плут,
Сказали: «Будет кухня —
Совсем замёрзший пруд».
И весело катались
По кухне на коньках.
Хозяйка от испуга
Сказала только: «Ах!»
Котята за капустой
Ходили в огород.
Там у капустных грядок
Им повстречался крот.
Весь день играли в жмурки
Котята и кроты.
А бедная хозяйка
Грустила у плиты.
Косили на опушке
Касьянка, Плут и Том.
Нашли в траве щеглёнка
С оторванным хвостом.
Они снесли больного
К щеглихе-маме в лес
И сделали припарки,
Примочки и компресс.
Ходили как-то к речке
Касьянка, Том и Плут,
Проверить, хорошо ли
В ней окуни живут.
Приходят, а у речки
Лежит старик судак
И до воды добраться
Не может сам никак.
Скорей беднягу в воду
Забросили они
И крикнули вдогонку:
«Смотри не утони!»
Сказала раз хозяйка:
«Схожу куплю букварь,

Неграмотный котёнок —
Невежда и дикарь».
И в тот же вечер дружно
Уселись за столом
И выучили буквы
Касьянка, Плут и Том.
А после, взявши ручки
И три карандаша,
Такое сочинили
Послание мышам:
«Эй, мыши-шебуршиши,
Бегите из-под крыши,
Бегите из подвала,
Пока вам не попало».
И подписались все потом:
«Касьянка, Плут и Том».

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

Я целый день бродил в лесу.
Смотрю — уж вечер на носу,
На небе солнца больше нет,
Остался только красный след.
Примолкли ели. Дуб уснул.
Во мгле орешник потонул.
Затихла сонная сосна.
И наступила тишина:
И клёст молчит, и дрозд молчит,
И дятел больше не стучит.
Вдруг слышу — ухнула сова,
Да так, что вздрогнула листва:
— Уху! Уходит время зря,
Потухла на небе заря.
Давай утащим крикуна,
Пока не вылезла луна.
Другая буркнула в ответ:
— Я не доела свой обед.
И снова первая: — Уху!
Ты вечно мелешь чепуху!

Мы не успеем долететь:
Ведь могут двери запереть.
Бросай обед, летим сейчас,
Возьмём его, и кончен сказ.
Раздвинул ветки я плечом
И крикнул: — Совы, вы о чём?

Почистив клюв, одна из них
Мне отвечала за двоих:
— На свете странный мальчик есть.
Он сам умеет кашу есть,
Линкор умеет рисовать
И злых собак дрессировать.
Но только скажут: «Спать пора»,
Он рёв заводит до утра:
«Не гасите
Огня,
Не просите
Меня,
Всё равно
Не усну,
Всю постель
Переверну,
Не желаю,
Не могу,
Лучше к совам
Убегу...»

Мы рассудили: так и так,
Раз этот маленький чудак
Ночами не желает спать,
Ему совёнком надо стать.
В дупло мальчишку принесём,
Пять страшных слов произнесём,
Дадим волшебную траву
И превратим его в сову.

Тут совы с места поднялись
И в тьму ночную унеслись.

Я знал, куда они летят,
Кого заколдовать хотят!
Ведь это Женька, мой сосед,
Ему пять с половиной лет,
А он все ночи напролёт
Кричит, буянит и ревёт:
«Не гасите
Огня,
Не просите
Меня,
Всё равно
Не усну,
Всю постель
Переверну,
Не желаю,
Не могу,
Лучше к совам
Убегу...»

Как этих сов опередить?
Как Женьку мне предупредить?
Никто не сможет мне помочь:
Совсем темно, настала ночь.
Тумана дымка поднялась,
На небе звёздочка зажглась...
Я дятла кинулся будить:
— Послушай, дятел, как мне быть?
Мой лучший друг попал в беду,
А я дороги не найду...
Подумал дятел, помолчал
И головою покачал:
— Никак ума не приложу,
Слетаю мышку разбужу.—
Сейчас же прибежала мышь
И пропищала: — Что грустишь?
Ведь мой знакомый старый крот
Прорыл прямой подземный ход.
Ты можешь прямиком идти,
Там не собьёшься ты с пути.—

И, несмотря на темноту,
Бегом помчался я к кроту.
Но здесь опять ждала беда:
Ход шириною был с крота!
Ну как в дорогу я пущусь,
Когда я в нём не умещусь?
Придётся поверху брести.
Да как во тьме тропу найти?
Тут не помогут мне очки...
Но дятел крикнул: — Светлячки! —
И прилетели светлячки,
Такие добрые жучки,
И сразу отступила мгла,
И я помчался как стрела,
Как скороход,
Как вертолёт,
Как реактивный самолёт!

Вот я и дома. Раньше сов!
Обычный Женькин слышу рёв:
«Не гасите
Огня,
Не просите
Меня,
Всё равно
Не усну,
Всю постель
Переверну,
Не желаю,
Не могу,
Лучше к совам
Убегу...»

Я крикнул: — Женька, брат, беда!
Ведь две совы летят сюда!
Вот заварил ты кутерьму! —
И всё я рассказал ему.
И Женька сразу замолчал,
Как будто в жизни не кричал.

И больше он по вечерам
Не поднимает тарарам.
Как только скажут: «Спать пора»,
Он засыпает до утра.
А совы по ночам не спят:
Капризных стерегут ребят.

СКАЗКА ПРО САЗАНЧИКА

Жил Сазанчик в приветливой речке,
Жил он в самом уютном местечке,
Где качалась прохладная мгла
И трава золотая росла.
Утром солнце всходило зелёное —
Солнце доброе, не раскалённое,
Зайчик солнечный плыл по волне,
Было тихо в речной глубине.
Вниз скользил водяной паучок
На прозрачной, невидимой нитке,
Проползали бесшумно улитки,
Пятясь, шёл пучеглазый рачок,
А на дне, среди мягкого ила,
Всякой всячины множество было:
Червячки, червяки, червячищи...
Словом, лучше еды и не сыщешь!
Жил Сазанчик в приветливой речке;
Прогуляться любил недалечко:
В камышовую рощу мохнатую,
На речную полянку покатую,
Где трава, и тростник, и песок,
И весла голубого кусок.

* * *

Как-то раз плыл Сазанчик неспешно.
А куда, сам-то знал он, конечно.
Было тихо в речной глубине,
Зайчик солнечный плыл по волне,

И зелёное солнце светило,
И Сазанчику радостно было.
Только кто там нырнул в глубину,
Серой тенью метнулся по дну?
Оказалось, большая Лягушка,
Подплыла, зашептала на ушко:
— В речке, братец, плохое житьё,
Ерунда и еда и питьё!
Знал бы ты про чудесные страны,
Где ещё не бывали сазаны,
Комаров там несметные тучи,
Мошек всяких и мушек летучих!
Не успел оглянуться — и сыт.
Тёплый дождик с утра моросит,
На траве, как на мягкой перинке,
На боку полежишь и на спинке,
Вот туда бы ты переселился,
То-то пожил бы, повеселился! —
Стало скучно Сазанчику в речке,
Неуютно в уютном местечке.
Он подумал: «Чего же мне ждать!
В глупой речке зачем пропадать?»
И куда-то поплыл за Лягушкой,
Большеротой хвастуньей квакушкой.
А навстречу ему Окунёк:
— Эх, Сазанчик, тебе невдомёк:
Рыбам жить можно только в реке,
Пропадёшь от реки вдалеке! —
Но Сазанчик махнул плавником
И не стал говорить с Окуньком.

* * *

Вот и берег. Большая страна
Над спокойной водою видна.
И Сазанчик глядит не дыша:
До чего же земля хороша!

Заросла камышом и осокой,
Небосвод голубой и высокий,
Сколько мошек и мушек летучих,
И комариков — целые тучи!
И огромные бабочки есть.
Можно целую тысячу съесть!

* * *

Ускакала куда-то Лягушка,
Поспешила, наверно, к подружкам.
А Сазанчик подпрыгнул разок
И упал на горячий песок.
Солнце светит огромное, жгучее,
Душным зноем и сушит и мучает,
Нет ни тени, ни ветерка,
И осока-трава так жестка!
Эх, Сазанчик, попал он в беду —
Даже думать забыл про еду!

* * *

Стал Сазанчик метаться и биться,
Шепчет: «Надо назад возвратиться,
В камышовую рощу мохнатую,
На речную полянку покатую,
Где трава, и тростник, и песок,
И весла голубого кусок».
Еле-еле до речки добрался,
Сам не помнит, как жив он остался.
А в реке — столько свежей воды!
А в реке — столько вкусной еды!
Светит доброе солнце зелёное,
Не горячее, не раскалённое,
И трава золотая растёт...
И счастливый Сазанчик плывёт!

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

ПРЕДАНИЕ

Россы победили. Тишина над лугом.
Воины расселись по смолёным стругам.
С неба ночь спускалась
Утицею серой,
Песня расплескалась
Над рекою Мерой:
— Не летай к нам издалёка, чёрный ворон,
Не топчи земли родимой, злобный ворог,
На тебя у нас мечи да стрелы.
И не быть тебе живым да целым.

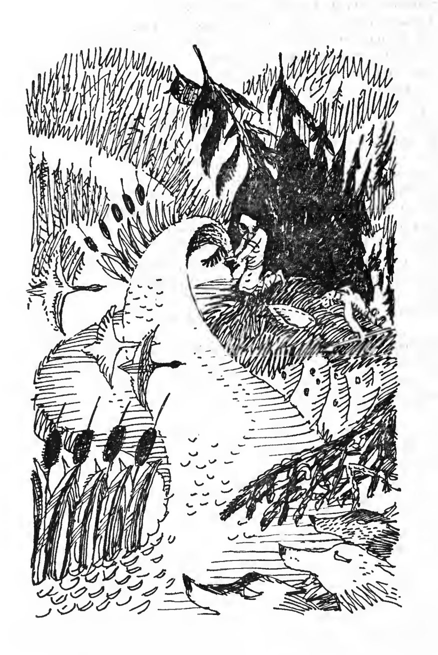
И поплыли струги по волна́м, по во́лнам
В городище, что звалося Холохо́лна.
И луна, сестрица солнца Яри́лы,
Скатный жемчуг им дорогой дарила.

Лунный жемчуг не тонул — качался,
Светлый путь по реке намечался.
Только воин Доброгóст победе не радуется,
Он вперёд не глядит, всё назад оглядывается,
Меч булатный сжимает рука.
Чем победа для него горька?
О своей он и не думает ране:
Братья не вернулись с поля брани.
«Ой ты, брат мой Бушуй, брат мой Ждан,
Я напрасно вас искал да напрасно ждал.
Нету вас ни на юру, ни во сыром бору,
Нет на берегу да на речном ветру.
Где-то вас настигли вражьи меч и стрела?
Не могли мы вас найти, да, видно, смерть нашла.
Знаю я, враги над вами не смеются,
Россы в плен живыми не сдаются.
Ой ты, лес, лес, тёмный лес, бор сырой,
Ты от чёрного воронья братьев скрой.
Вы, четыре ветра, братьев не оставьте,
Вместо нас над ними тризну справьте».

Взмахи вёсел — раз, два! — друг за другом
Движется по светлой Мере струг за стругом.
Соловей умолк. Дрозд прокричал.
Вон и Холохолны крепкий причал.

Соловей уснул. Проснулась кукушка.
Заалела боровая опушка.
Дунул ветер.
Дуб шагнул из тумана.
Тяжело глаза открылись у Ждана.
Боль в ногах, ноют грудь и плечо.
Голове, что в огне, горячо.
Меч лежит с перебитым клинком.
Рядом шлем, мятый шлем с шишаком.
А под ним постель не постель — ой жестка!
А над ним ель — ель высока.
Прилетел ветерок, правнук Стрйбога-ветра, сел на ель.
Перепутал у ели ветки, как у пряхи кудель.
Говорит: — Ты послушай, ель, смоляная сестра,

Как разбили злобных ворогов россы вчера,
Да остался на поле воин раненый Ждан,
Да Бушуй, меньший брат его, погибает от ран.—
И услышал Ждан тихий шёпот, словно сквозь сон,
Точно кто зовёт его, чей-то вздох, чей-то стон.
И увидел он: поодаль среди горьких трав
Брат Бушуй белый лежит, словно выпил отрав.
И со лба сбегает тонкая и багряная нить,
Еле слышно шепчут губы бледные: «Пить!»
Ой, как берег крут, ой, как Ждан ослаб.
Если б Мера сама да испить дала б!

— Государыня быстра река,
Что торопишь волну,
И зачем ты, быстра река,
Камни катишь по дну?

Долгий век тебе, река,
Берег к берегу шить,
Что бежать тебе, река,
Да куда спешить?

Ты поишь волка серого
И медведя поишь,
Государыня река Мера,
Ты меня услышь!

Как бежит твоя волна,
Словно конь без узды,
Государыня быстра реченька,
Дай для брата воды!

И взметнулась волна в реке, точно конь гнедой,
До краев Жданов шлем налила водой.

Прилетают ветры — улетают,
Жар по лугу кубарем катают.
Кузнецы-зеленцы звенят в мураве.
Братья Ждан и Бушуй лежат на траве.
Вышел из лесу Лось, как выплыл.
Воздух носом втянул, как выпил.

Глаз у Лося приветлив, взгляд светел.
Он под елью братьев приметил.
Говорит он: — Горько вам досталось,
Вы ещё потерпите малость,
Вот вам свежие ветки еловьи,
Постелите себе в изголовье.
Я пройдусь по травам по росным,
Поклонюсь цветам живоносным.

Выходил Лось на луга, на угоры,
Наклонясь, говорил слова-уговоры:
— Упади, тень, тень от дубравы,
Укажи, тень, тень,
На цветы, на травы.
Добрый ветер, дохни,
Прогони за леса
Ветер чёрный.
Шевельнись, листок,
Распустись, цветок
Животворный.

Возвратился Лось
И принёс цветы братьям.
Говорит: — Без них
Вам не жить — не быть
И не встать вам,
Как первый цветок
Золотой кружок,
Золотой круг —
Да не сам-друг,
Лепестки вокруг.
Лепесточки малы,
Как зубочки целы,
Белою каймой,
Будто снег зимой.

Говорил братьям Лось:
— Вот найти довелось
Золотой кружок,
Милу солнцу дружок.

Вы ромашкой его назовите,
Из него густо зелье сварите.—
Научал он Бушуя со Жданом: —
Приложите вы зелье к ранам,
В теле жар понемногу остынет,
Злая боль ваши раны покинет.
У второго цветка
Ножка тонка,
Как стрела в небеса,
Вот и вся краса.
Да листочки-плошки
Тоненьки, плоски,
Светлой строчкой стро́чены,
Пушком оторочены.

Говорил он Бушую со Жданом:
— Приложите вы листья к ранам,
Лист целебный не скоро вянет,
Он глубокие раны затянет.
Тот цветок растёт в придорожье,
И зовётся он подорожник.

Ходит солнце синею тропкой.
Продолжает Лось неторопко:
— Вот и третий цвет,
От Ярилы привет,
На тоненькой дудочке
Солнышка чуточка.
Листья сборчатые,
Узорчатые.
А из листьев отвар
Остудит жар,
На сон укачает,
Голове полегчает.
Всю болезнь как рукою снимет,
А цветку — одуванчик имя.

Сладким медом пахну́ло с луга.
Братьям любо глядеть на друга.
Лось повёл костяными рогами,
Перебрал тростяными ногами,

То ль ушёл в тёмный бор, то ль уплыл,
Лёгкий след свой росой запылил.

А в Холохолне россы тризну правят по братьям.
Пенный мёд и хмельную брагу пьют из кованых бра́тин,
Ложки стучат, гудочки гудят, жалейки плачут,
Да горят костры, да храбрецы над пламенем скачут.
Только Доброгосту ни куска не съесть, не сглотнуть глотка.
Так печаль его темна, так утрата его горька.
Вышел он к Мере на берег, на дубовый причал,
Говорит: — Речной ветер, ты б хоть весть мне домчал,
Где да как погибли братья, где покой обрели,
Да могло ли быть, что вороги их в полон увели? —
Но молчит речной ветер, только волны морщи́т
Да на водах колеблет золотой лунный щит.
Доброгост снова просит: — Сизый сокол мой,
Облети леса-поля да вернись домой,
Ты высмотри, сизый сокол, братья где полегли,
На лугу ль, во сыром ли бору, на краю ль земли.—
Да притомился сокол, никуда не летит,
На осинушке горькой молчком сидит.

И сошёл Доброгост к Мере, прямо к самой воде.
Рассказал реке Мере о своей беде:

— Государыня быстра река,
Что торопишь волну,
И зачем ты, быстра река,
Камни катишь по дну?
Ты постой, быстра река,
Не беги, не спеши,
Ты о братьях родимых
Мне, река, расскажи.

И взметнулась вода в реке, точно конь гнедой.
— Жив твой брат Бушуй, да и Ждан живой.
Ты садись-ка в чёлн да греби, я тебе помогу.
И увидишь ты братьев своих на моём берегу.

Ель взмахнула ветвями,
Точно крыльями птица.

У Бушуя и Ждана
Стали светлыми лица.
В небе зори погасли,
День с собой увели.
И луна показалась
Из-за края земли.
В рощах дробным раскатом
Кличет дятел-желна,
Луг оделся туманом,
Плещет в речке волна.
А на волне в челне — Доброгост,
Добрый гость.
Чёлн в осоке шуршит,
Доброгост на берег спешит.
А перед ним Ждан и Бушуй, как у орла два крыла.
— Здравствуй, брат! Нам родная земля умереть не дала!
Помогли нам река и трава, и помог нам зверь лесной.
Не тревожься, брат! Снова мы сильны́, как дубы весной. —
Уплывает чёлн, и во тьме уже не видать челна,
Только бор шумит, над рекой только песнь слышна:
— Не ярись ты, враг, и на россов ты не ходи войной.
Непокорен росс. Не отдаст тебе он земли родной.
Верен меч в руке, и надёжен щит, и стрела остра.
Духом крепок росс. И земля к нему, словно мать, добра.
Животворны цветы на родном лугу, там, где он родился и рос.
И в родном краю, на родной земле вечно жив и бессмертен росс!

ИЗ АРМЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ВЕСНА ПРИШЛА

— Аист, аист!
— Лаг-лаг-лаг!
— Ты летишь с лиловых гор?
Ты кому несёшь платочек?
Мне платочек?
— Лаг-лаг-лаг!
— Завтра я его надену.
Рано утром выйду в горы
И пойду весне навстречу.
Ладно, аист?
— Лаг-лаг-лаг!

ГДЕ НОЧУЕТ СОЛНЦЕ?

— Где ночует солнце?
— У бабушки в постельке.
— А кто его бабушка?
— Синее небо.
— Чем оно укроется?
— Шерстяной тучкой.
— А кто его укроет?
— Дедушка-ветер.

МАЛЬЧИК И ВОДА

— С какой горы ты бежишь сюда,
Водичка моя прохладная?
— С той высокой горы,— отвечала вода,—
Где снежная шапка громадная.

— Ответь мне скорей: побежишь ты куда,
Водичка моя прохладная?
— На луг побегу,— отвечала вода,—
Туда, где цветы нарядные.

— Ты лучше осталась бы здесь навсегда,
Водичка моя прохладная!
— Я в садик спешу,— отвечала вода,—
Где гроздья висят виноградные.

— А солнышко сядет, что будет тогда,
Водичка моя прохладная?
— В канавку стеку,— отвечала вода,—
Пусть козлик попьёт, я не жадная!

АИСТ

Аист, здравствуй, как живёшь?
Эй, аист, здравствуй, как ты живёшь?
Хорошо, что ты прилетел,
Как хорошо, что ты прилетел!

Аист, ты у нас живи,
Эй, аист, а ты у нас живи!
Ты гнездо на липе свей,
Своё гнездо ты на липе свей.

Аист, был у нас мороз,
Эй, аист, был у нас мороз,
Наша липа мёрзла в саду.
Так наша липа мёрзла в саду!

СЧИТАЛОЧКА

Киска-брыска, кис-кис-кис,
Переехала в Тавриз.
Хвост махучий,
Нос пахучий,
Язычок лакучий.
Брысь!

ВОТ ТАК НАКОСИЛИ!

Дядюшка Сурен,
Сын его — Хорен,
Племянник — Карен
Да семь молодцов
Удалых косцов
Косы точили,
Траву косили,
Сушили-ворошили,
Сено копнили,
Копны посчитали —
Ни одной нету!

ВОРОБЬИ

Я насыпал проса.
Угадай, зачем?
Прилетели воробьи.
Угадай, зачем?
Приходила кошка.
Угадай, зачем?
Взял я в руки палку.
Угадай, зачем?

КОЗОЧКА

— Что случилось, козочка?
— Я споткнулась, матушка!
— Где споткнулась, козочка?
— Возле речки, матушка!
— Обо что же, козочка?
— О травинку, матушка!
— Ведь не правда, козочка!
— Ме-ме ме-ме, матушка!

ПЕТУШОК, ПЕТУШОК

— Петушок, петушок,
Где у нас цыплёнок?
— Побежал к роднику за водой.
— Родничок, родничок,
Где у нас цыплёнок?
— Побежал в огород за травой.
— Огород, огород,
Где у нас цыплёнок?
— Побежал он к бабушке домой.
— Бабушка, бабушка,
Где у нас цыплёнок?
— В кухне стряпает вместе со мной!

ЛАСТОЧКА

Ласточка — тивит-тивит —
К нам летит,
Ах, к нам летит!
А под крылышком её
Весна сидит,
Ах, весна сидит!

КИСКА, КИСКА

— Киска, киска,
Чья ты кошка?
— Агабека.
— Что несёшь ты?
— Сыр и масло.
— А кому?
— Сыночку моему.
— Где твой домик?
— На дворе.
— Где сыночек?
— На ковре.
— Ну беги.
— Мяу!

МОЯ СОБАЧКА

Пёсик ты, собачка,
Хорошо тебе!
Ведь решать задачки —
Для чего тебе?
Разные науки —
Для чего тебе?
Мыть лицо и руки —
Для чего тебе?
Ты сидишь и лаешь,
Хвостиком виляешь —
Хорошо тебе!

ИЗ МОЛДАВСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

СОЛНЦЕ, СОЛНЦЕ!

Солнце, солнце, выходи —
На подарки погляди!
Дам тебе я сапоги,
Только ты их береги!
Подарю тебе орехи
Для еды и для потехи.
Я орехов целый воз
Прямо из лесу привёз.
Солнце, солнце, посмотри:
Ядра спелые внутри!

ДОЖДИК

Дождик, дождик-длинноножка,
Хватит бегать по дорожкам!
Солнце ходит по лугам,
Дождик хлещет по ногам
Хворостиной,
Чередой,
Камышиной,
Лебедой,
И ореховым прутом,
И серебряным кнутом.

ЗАЮШКА

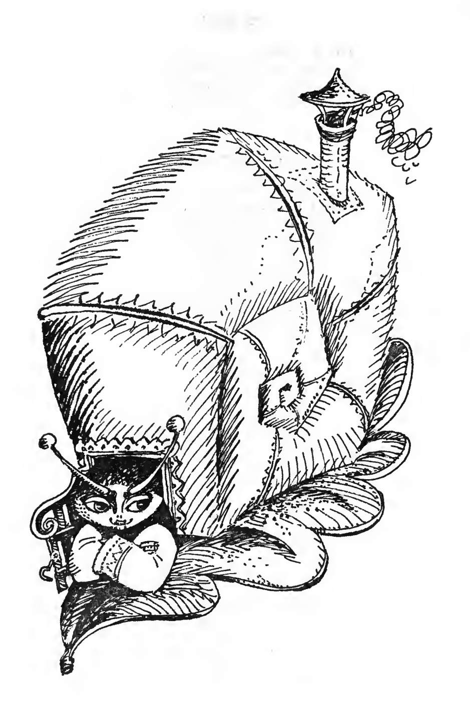
Ой ты, заюшка-пострел,
К нам за стол незваный сел.
Сел, головкой повертел,
Ам! — и всё до крошки съел.

ДРОЗД-ДРОЗДОК

Дружок ты мой, дрозд,
В крапинку хвост,
Носик — остренький,
Бочок — пёстренький,
Перья — тонкие,
Песни — звонкие:
Летом распеваются,
Зимой забываются.

УЛИТКА

Улитка-улита,
Калитка закрыта.
Приоткрой немножко,
Покажи нам рожки!
Сходи на ручей,
Водицы попей.
Чистой — в канаве,
Мутной — в Дунае,
Солёной — в морях,
Студёной — в горах.
Когда напьёшься,
На бочку взберёшься,
Закусишь пореем,
Заешь сельдереем,
Капусту под ёлкой
Сжуёшь втихомолку,
А съешь чеснока —
Покажешь рога.

ПТИЦЫ НА МЕЛЬНИЦЕ

Синица
Носит пшеницу.
Сова
Ворочает жернова.
Кукушка — ку-ку! —
Сеет муку.
Удод
Мусор метёт.
Дрофа
Сходила по дрова.
Журавли
Пышек напекли.

СОБАЧКА

Ты, собачка, не лай,
Наших уток не пугай!
Утки наши белые
Без того не смелые.

КОСАРИ

Раз — косили, два — косили,
Сено в копны все сносили:
Заяц косой
С острой косой,
Зайчонок серенький
С маленьким серпиком,
Журавли с цаплями
С длинными граблями.
Ой, перепёлке
Ходить колко!
Она кашу несла,
По дороге растрясла.

* * *

— Ласточка, что несёшь?
Касаточка, что несёшь?
— Кашу малым деткам.
— Где они?
— На ветке.
— А ветка где?
— Сжёг огонь.
— А где огонь?
— Дождь потушил.
— А где дождь?
— Выпил бык.
— А где бык?
— Волк унёс.
— А где волк?
— Прогнал Матвей
Липовой дубинкой!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю, баю, надо спать,
Все придут сынка качать.
Приди, конь,
Успокой.
Приди, щука,
Убаюкай.
Дай нам, сом,
Сладкий сон.
Дай, несушка,
Нам подушку.
Все к сыночку придут,
По подарку дадут.
А как станет дремать,
Будем дверь запирать.

ИЗ ШВЕДСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ЕДЕМ, ЕДЕМ НА ЛОШАДКЕ

Едем, едем на лошадке
По дорожке гладкой.
В гости нас звала соседка
Кушать пудинг сладкий.

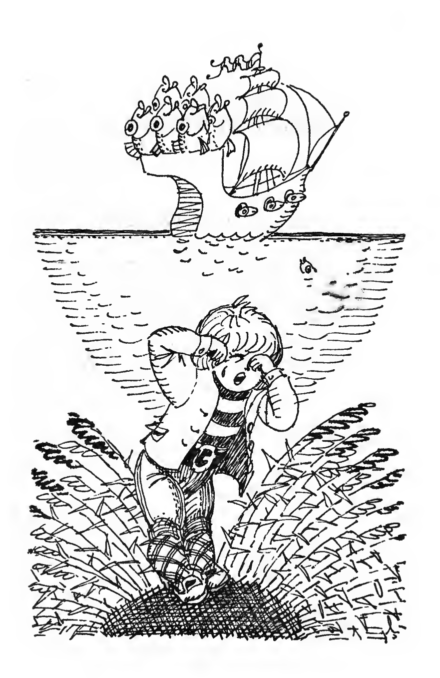
Мы приехали к обеду,
А соседки дома нету.
Две собачки у порога
Нам сказали очень строго:

— Ав-ав-ав!
— Гав-гав-гав!

КОРАБЛИК

У речки плачет Ла́ссе —
Случилась с ним беда:
Исчез его кораблик
Неведомо куда.

Ты свой кораблик, Лассе,
Напрасно не ищи:
На нём уплыли в море
Уклейки и лещи.

ПРЯНИЧНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Нас трое. Мы явились
Из пряничной страны:
На нас рубашки сладкие
И сладкие штаны.

Мы пробыли сегодня
В дороге целый день.
У нас глаза-изюминки
И шапки набекрень.

Нас трое человечков,
Мы в гости к вам пришли,
Но пряничного козлика
С собой не привели.

Ему не захотелось
Из печки вылезать.
Просил он вам горячий
Привет свой передать.

ПЕР-ПРОСТАК

Пошёл на рынок Пер-простак,
Фалле́ри-лери-ли!
Пошёл на рынок Пер-простак,
Фаллери-лери-ли!
Корову отдал он за так,
Купил он скрипку за пятак,
Теперь на ней играет так:
Фалле́ри-лери-ли!

ВОДЯТ ПЧЁЛЫ ХОРОВОД

Водят пчёлы хоровод —
брум, брум.
В барабан ударил кот —
трум, трум.
Стали мыши танцевать —
тир-ля-ля,
Так, что начала дрожать
вся земля.

БАРАШКИНЫ КУДРЯШКИ

Маленький барашек
Нам мешок кудряшек
Подарил к зиме,
Подарил к зиме.

Вышла брату шубка,
Вышла маме юбка
И носочки мне,
И носочки мне.

КОТ-БЕЗДЕЛЬНИК

Белка сено косит,
Галка сено носит,
Только кот-бездельник
Сел и денег просит:

— Помогу вам, ладно,
Только не бесплатно.
Дайте мне, по крайней мере,
Десять эре, десять эре.

ОТЛИЧНЫЕ ПШЕНИЧНЫЕ

Мы печём пшеничные
Пироги отличные.
Кто придёт к нам пробовать
Пироги пшеничные?
Мама, папа, брат, сестра,
Пёс лохматый со двора.
И другие, все, кто может,
Пусть приходят с ними тоже.

Тесто замесили мы,
Сахар не забыли мы,
Пироги пшеничные
В печку посадили мы.

Печка весело горит,
Наша мама говорит:
— Крошки, что останутся,
Воробью достанутся.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ НИССЕ

Хоть Ниссе ростом невелик,
Он все премудрости постиг:
Умеет он пахать и жать,
Умеет яблони сажать,
Он знает, как испечь пирог,
Как делать масло и творог,
Он может сапоги тачать,
Ребят умеет он качать,
Он знает, где грибы в лесу,
Он может выследить лису,
Он может строить, жарить, шить.
С таким легко на свете жить!

ВОРÓНЫ

На ворота три вороны сели в ряд,
На воротах три вороны говорят:
— Полетим-ка в Данию, в дальний край,
Для вороны в Дании — рай, рай, рай,
Там сапожки для вороны
Продаются за три кроны,
Купим там сапожки
И согреем ножки!

МЫ ПОШЛИ ПО ЕЛЬНИКУ

Мы пошли по ельнику, ельнику,
Мы пришли на мельницу к мельнику.
Нам навстречу из ворот
Вышел чёрный-чёрный кот.
Говорит он: — Мельник нынче
В гости вас совсем не ждёт!

ИЗ ШОТЛАНДСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ЛОШАДКА ПОНИ

Мою лошадку пони
Зовут Малютка Грей.
Соседка наша в город
Поехала на ней.
Она её хлестала
И палкой и кнутом,
И под гору и в гору
Гнала её бегом.

Не дам ей больше пони
Ни нынче, ни потом.
Пускай хоть все соседи
Придут просить о том!

СЕРЫЙ КРОТ

Вот серый крот,
Вот серый крот,
Вот серый-серый-серый крот.
Он не красавец, не урод,
Он просто серый-серый крот.

ЧУДАК

Там, на холмах, сидит чудак,
Сидит и дует так и сяк.
Он дует вверх,
Он дует вбок,
Он дует вдоль и поперёк,
Он дует утром и в обед,
С меня сдувает тёплый плед,
Сдувает плед, несёт к холмам —
Погреться, видно, хочет сам!

КУПИТЕ ЛУК

Купите лук, зелёный лук,
Петрушку и морковку!
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку!

Не нужен нам зелёный лук,
Петрушка и морковка.
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка!

МЫШКА МУС

Жила на свете мышка Мус,
Малютка, крошка Мусси.
И жил на свете круглый Сыр
И кошка Пусси-Вусси.

Сказала мышка:
— Милый Сыр,
Приди к малютке Мусси.
К тебе пришла бы я сама,
Когда б не Пусси-Вусси.

КРОШКА ВИЛЛИ ВИНКИ

Крошка Вилли Винки
Ходит и глядит:
Кто не снял ботинки?
Кто ещё не спит?
Стукнет вдруг в окошко
Или дунет в щель:
Вилли Винки крошка
Лечь велит в постель.

Где ты, Вилли Винки?
Влезь-ка к нам в окно.
Кошка на перинке
Спит уже давно.
Спят в конюшне кони,
Начал пёс дремать.
Только мальчик Джонни
Не ложится спать.

СПЛЯШЕМ!

У Пэгги жил весёлый гусь,
Он знал все песни наизусть.
Ах, до чего ж весёлый гусь!
Спляшем, Пэгги, спляшем!

У Пэгги жил смешной щенок,
Он танцевать под дудку мог.
Ах, до чего ж смешной щенок!
Спляшем, Пэгги, спляшем!

У Пэгги старый жил козёл,
Он бородой дорожки мёл.
Ах, до чего ж умён козёл!
Спляшем, Пэгги, спляшем!

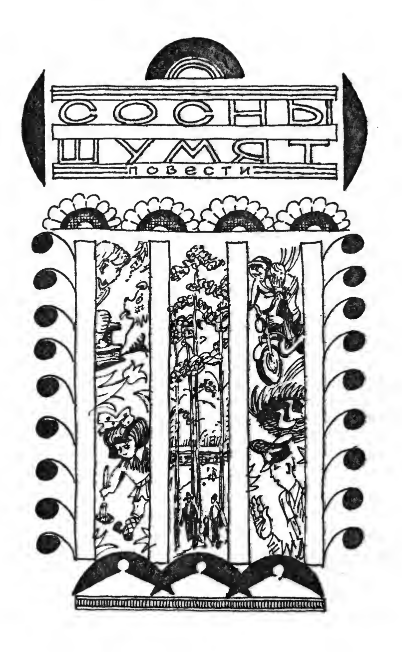
ПТИЧКИ

У нас босые ножки,
Мы в облака летим, летим.
Мы там себе сапожки
Купить хотим, купить хотим.
Здесь, на земле, сапожник
Не стал их шить, не стал нам шить,
Сказал он: «Птичкам можно
И так прожить, и так прожить».

ФОРЕЛЬ

Я семь недель ловил форель,
Не мог её поймать я.
Я весь промок и весь продрог,
И всё порвал я платье.
Ловил в лесах, ловил в садах,
Ловил я даже в печке.
И что ж? Форель все семь недель
Скрывалась, братцы, в речке!

СОСНЫ ШУМЯТ
повести

СОСНЫ ШУМЯТ

НОЧЬ

Сейчас ночь. Тамара не спит. Тётя Нюра, которая дежурит сегодня, сидит в уголке. Там на маленьком столике горит коптилка — баночка с керосином, а в ней фитилёк. Ребята спят. А Тамара не спит. Тамара плачет. Рядом стоит Валина кроватка. Вале три года. Он ещё очень маленький. Он ничего не понимает и не помнит. Он спит спокойно. А Тамара — большая. Ей уже шесть. Тамара знает, что сейчас война. Что её привезли в деревню Сосновку, «в глубокий тыл», из Минска. В Сосновке она живёт с ребятами в светлом деревянном доме, который раньше был школой, а теперь он называется «Дом ребёнка». В Минске осталась Тамарина мама. Тамара всё время ждёт маму. Ночью она не может спать. Она слушает, как шумят за окном сосны. В открытую

форточку пахнет дождём. Ночью Тамаре кажется, что мама никогда не приедет. И она тихонько плачет, чтобы не услышала тётя Нюра. Потом она засыпает.

ОЛЕСЯ

А утром в большое незанавешенное окно весело светит солнце. Тётя Нюра кричит: «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!» В школу никто не ходит, это просто у тёти Нюры такая будилка.

Прибегает Олеся. Олеся — большая девочка, дочка Веры Александровны — заведующей.

— Ребята! — говорит она.— Тётя Нюра отпускает вас после завтрака со мной гулять. Собирайтесь скорее.

Она помогает тёте Нюре принести с кухни кашу. Ребята старательно выскребают кашу из глиняных мисок. Добавки не будет. Тётя Нюра говорит, вздыхая: «Война».

Собрались. Построились парами. Тамара, как всегда, в паре с Инночкой-красавицей. Её так зовут, потому что так её называет папа. Инночкин папа на фронте. Он пишет ей письма, а тётя Нюра читает их два раза: один раз Инночке, а потом всем ребятам. Инночкин папа написал: «Всё будет хорошо, Инночка-красавица, мы обязательно победим фашистов».

Тамара думает: «Какие они — фашисты? Наверно, толстые, красномордые и косоглазые». Из-за них мама не едет за Тамарой...

Олеся выводит ребят во двор. Высокие сосны окружили дом, как будто играют в каравай. Кажется, сейчас запоют: «Каравай, каравай, кого любишь — выбирай!» Но у них получается только бесконечное «ш-ш-ш-ш», и они с досады размахивают ветками и сыплют на землю сухую хвою.

Олеся говорит:

— Тамара, ты будешь за старшую. Построй ребят полукругом, а я сбегаю за Альфой.

Альфа — это Олесина овчарка. Сейчас они будут её дрессировать. Ребячий круг смыкается. Олеся и Альфа — в середине. Ушки у Альфы — торчком, шерсть серебристо-

серая. Она виляет хвостом и дрессироваться не хочет. Олеся кричит ей:

— Альфа, сидеть, сидеть!

Альфа нехотя садится. Олеся гладит её по голове. Надо бы дать ей сахару, но сахару у Олеси нет. Утром она сама пила противный сладковатый чай с сахарином.

— Альфа, лежать! — командует Олеся.

Альфа и не думает ложиться. Она увидела Кашлатика — рыжего важного кота, который эвакуировался из Москвы вместе с Олесей и Верой Александровной.

Альфа бежит по кругу, потом прорывает его там, где стоит маленький Валя, и кидается за котом. Кашлатик, не хуже белки, одним махом взлетает на сосну. Альфа па него громко лает, ребята хохочут. На этом дрессировка кончается.

РОЯЛЬ И СМЕТАН СМЕТАНЫЧ

Как-то раз в коридоре шёл странный разговор. Заведующая Вера Александровна и завхоз Исаак Маркович разговаривали друг с другом сердито и непонятно.

Тамара ходила в бельевую за наволочками и всё слышала.

— Я знаю, что война. Ну и что же? — говорила заведующая.— Нам ведь не только их растить, нам их и воспитывать надо. Вкус им прививать. Развивать чувство прекрасного.

— Вы фантазёрка! — кричал завхоз, размахивая левой, единственной рукой.— Это нереально. У нас нет на это денег. Мне нужны лошади. Лошади, а не фигли-мигли! Мне нужно возить дрова со сплава. Я же не могу навозить дров на всю зиму на одном нашем дохлом Мишке! Мне нужно платить за лошадей. Я должен их а-рен-до-вать!

Так они покричали и ушли.

А на следующий день шуму в коридоре было ещё больше. Ходили какие-то чужие дядьки. Открывали двери. Вторая половинка, которая была на крючке, открываться не хотела. Её колотили топором. Кто-то говорил:

«Снимите с петель, снимите же её с петель!» И наконец много людей сразу внесли в коридор через кухню (ребятам ходить в эту дверь запрещалось) большущий рояль. Его поставили в коридоре, в углу, и он стоял там, как испуганный чёрный слон. Ребята подходили к нему, гладили его и ждали, что же будет дальше.

А дальше было вот что. После полдника к ребятам пришла Вера Александровна и сказала:

— Возьмёте каждый свой стульчик и пойдёте в коридор.

В коридоре за роялем сидел высокий, очень худой старик.

— Это Степан Степанович,— сказала Вера Александровна.— Ваш учитель. Садитесь все возле рояля.

Ребята пошумели, повозили стульчиками и наконец расположились и затихли. Степан Степанович сказал:

— Мы сейчас выучим песенку.— И заиграл. И запел. Он пел тихим голосом смешную песенку:

— Мой маленький ослик на рынок пошёл,
Мой маленький ослик сто крынок нашёл.
Ни красных, ни белых,
Ни битых, ни целых,
Мой маленький ослик сто крынок нашёл!

Ребята быстро выучили песенку про ослика. А потом Степан Степанович рассказал им, что у него есть сын и что его сын — лётчик, он воюет с фашистами и с фронта прислал Степану Степановичу песню, которую любят петь лётчики. Это была взрослая, серьёзная песня. Но Степан Степанович спел её ребятам, и они запомнили припев и подпевали:

Петлицы голубые,
Петлицы боевые,
Я вижу вас при свете и во мгле.
Лети, мой милый сокол,
Лети, мой друг, высоко,
Чтоб было больше счастья,
Счастья на земле!

А вечером, когда все легли спать и тётя Нюра вышла из комнаты, был такой разговор.

– Тамара, а Тамара...— шептал Валя.— Это что — сокол?

– Птица такая.

– Тамара, а про какой же тогда самолёт мы пели? Ведь про него поют, что он сокол, а как это — самолёт и сокол?

— Наверно, такой волшебный самолёт,— шепчет в ответ Тамара.— Как птица. У него белые железные крылья.

— И он ими машет, да?

— Машет. И на них красные звёзды.

— И он убьёт фашистов?

— Убьёт. И тогда приедет моя мама.

— И моя?

— И твоя...

Степан Степанович стал приходить к ребятам часто. Ребята полюбили его. Им всё нравилось в старом учителе: и как тихо и мягко он разговаривает, и как красиво поёт, и как прямо и ровно ходит — как военный. Только маленький Валя никак не мог выговорить его имени и отчества правильно. У него получалось что-то вроде «Сметан Сметаныч». Ребята так и стали звать своего учителя — Сметан Сметаныч. За глаза, конечно. А то ещё обидится. Они ведь не со зла, а просто передразнивают Валю.

РЕПЕРТУАР

Однажды, когда Сметан Сметаныч пришел на урок, с ним вместе появилось непонятное слово: «репертуар».

— Нужен же репертуар,— говорил он тёте Нюре и Вере Александровне.— Помилуйте, как же так — просто взять и выступать?

Потом на урок прибежала Олеся и тоже говорила: «Репертуар, репертуар».

Ребята толком ничего не поняли. Но с этого урока стали не просто все хором петь песни, но каждый ещё дополнительно разучивал свою песенку или стишок.

Инночка-красавица выходила на середину коридора и объявляла:

— Моцарт. «Колыбельная». — И начинала петь тоненько-тоненько:

Спи, моя радость, усни...

Валя тоже выходил на середину. Он читал стихи. У него получалось так:

Взяй баясик
Каяндасик.

То есть «взял барашек карандашик». Смешно, конечно, но над ним не смеялись. Хвалили даже. Валя ведь маленький.

А Тамара танцевала под музыку.

Когда Степан Степанович играл что-нибудь красивое и медленное, ей так и хотелось медленно поднимать руки и кружиться. Олеся как-то случайно увидела, как Тамара в уголке, в коридоре, кружится и приседает.

— Степан Степанович, — сказала она, — а Тамара-то у нас настоящая балерина. Не поставить ли нам ещё и балетный номер?

— Превосходная мысль, — обрадовался он. — Она будет танцевать «Сентиментальный вальс». Неплохо, а?

И он заиграл красивую музыку, а Олеся показывала, что надо делать, и Тамара плавно поднимала руки, и ходила по кругу на цыпочках, и у неё было очень радостно на душе.

ГОСПИТАЛЬ

Скоро выяснилось, что «репертуар» — это всё вместе: и песня лётчиков, и Инночкин Моцарт, и «Баясик», и Тамарин вальс, и всё-всё, что ребята выучили со Сметан Сметанычем. А учили они это всё не просто так, а потому, что их пригласили в гости раненые из госпиталя; а чтобы раненым было интересно, ребята и приготовили «репертуар».

Олеся сшила Тамаре белое платьице из марли с коротенькой юбочкой и множеством оборок. Это называлось «пачка». Всем ребятам починили ботинки.

И вот наконец Вера Александровна пришла и сказала:

— Завтра едем.

Утром после завтрака в телегу запрягли Мишку. На дно телеги положили сено и байковые одеяла. Взяли с собой хлеб. Тётя Нюра сказала:

— Мало ли что...

И ещё взяли с собой горшок — тоже «мало ли что». И ещё два бидона с водой.

Потом нарядились. Потом пришёл Степан Степанович. И Вера Александровна. И Олеся. И все поехали. Мишка шёл медленно. Его погоняли. Но он всё равно шёл медленно, потому что ему было тяжело. Все нервничали и боялись опоздать.

Потом у Мишки порвался какой-то чересседельник. Потом Тамара захотела пить, и все захотели пить, и тётя Нюра всех поила и ругалась.

Наконец проехали большое поле и въехали в город и так затряслись по булыжной мостовой, что языки во рту задрыгали и заныло в животе. Свернули на ту улицу, где был госпиталь. У ворот их дожидалась тётенька. Она была в белом халате, а из-под халата выглядывала военная гимнастёрка. Она кинулась навстречу и закричала:

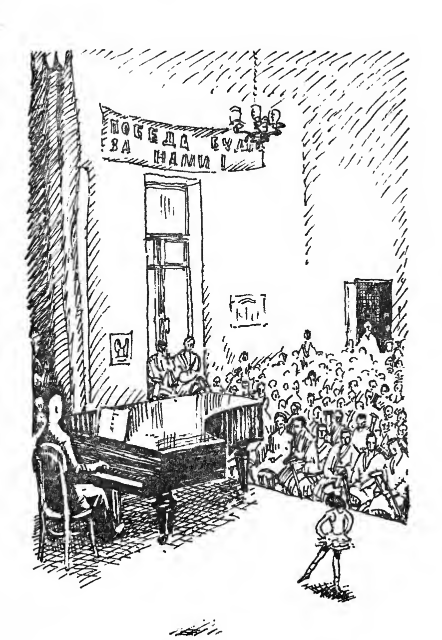
— Ну что же вы, ну где же вы? Раненые ждут. Обед уже скоро. Ну, скорее, скорее...

Вошли в госпиталь. Там пахло свежей масляной краской, варёной капустой и каким-то знакомым-знакомым лекарством. Прошли белыми гулкими коридорами, поднялись по каменной лестнице, потом протопали по деревянным ступенькам и вдруг очутились на сцене. На сцене стоял такой же рояль, как у ребят дома.

А в зале на стульях и на подоконниках сидели раненые в серых халатах.

Фашисты ранили их на войне, и теперь они лечились в госпитале, чтобы снова поехать на фронт и выгнать фашистов с нашей земли.

Ребята выстроились в два ряда. Степан Степанович заиграл. Ребята запели «Петлицы голубые».

ПОБЕДА БУД
ЗА НАМИ!

..Тамара танцевала. Она плавно поднимала руки, и опускала их, и вставала на цыпочки, и приседала, и кружилась.

Когда кончился танец, раненые закричали и захлопали в ладоши, а один раненый хлопал ладонью по коленке, потому что у него не было второй руки. Степан Степанович снова заиграл Тамарин вальс, и она танцевала всё сначала. А Валю заставили три раза подряд прочесть «Баясика».

Потом звонил какой-то звонок, приходили тётеньки в белых халатах, говорили:

— Товарищи, ведь обед, идите же, наконец, в столовую!

Но никто не двинулся с места до тех пор, пока ребята не исполнили весь свой репертуар до конца.

ИНЕЙ

Настала зима. Вода в затоне замёрзла, покрылась льдом. Олеся каталась по льду на коньках, а ребят туда не пускали.

Потом затон замело снегом. И всё кругом замело снегом, так что возле дома приходилось самим прокапывать дорожки. Завхоз Исаак Маркович всё-таки достал лошадей и навозил дров, и в доме жарко натапливали печи.

Однажды, когда ребята вышли во двор гулять, они увидели такое, чего раньше никто из них не видел.

Светило солнце. Небо было светло-голубое, как летом. Сосны стояли тихо, не шевелились. Они были белые-белые, каждая веточка, каждая иголочка была покрыта чем-то белым, чем-то сахарным.

— Ой, как красиво! — сказала Тамара.— Как в сказочной книжке.

— Это иней,— сказала тётя Нюра.

А ребята даже не галдели, как обычно. Они стали на крыльце и молча смотрели на сосны. Кругом была тишина. И было слышно, как кто-то вдалеке, в деревне, рубит дрова.

И ещё Исаак Маркович достал керосиновые лампы. Не какие-нибудь коптилки, а настоящие, со стеклом. Они горели светло и уютно. И вечером, когда за окнами было темно и тихо, ребята садились вокруг столика с лампой, и тётя Нюра рассказывала им сказку:

— В некотором царстве, в некотором государстве жил старый старик, и было у него три сына: Иван Большой, Иван Меньшой да Иван Средний брат.

Жили они дружно, пахали, сеяли, землю свою лелеяли. Всё было бы хорошо, да напало на их землю злое Чудище.

Днём-то тихо, а ночью — лихо. Только стемнеет — налетает Чудище на города и деревни. Как дохнёт огнём — так дым столбом.

Горит город, горит деревня, люди гибнут, дети остаются сиротами. Ходят дети по дорогам, плачут, убиваются, а Чудище над ними насмехается. Как налетит Чудище на поле, так людям недоля: вытопчет пшеницу, сожжёт рожь — ни колоска не соберёшь.

Говорит старик своим сыновьям:

«Собирайтесь-ка все трое: Иван Большой, Иван Меньшой да Иван Средний брат. Нечего сидеть да горевать, надо с Чудищем воевать. Поешьте посытней да садитесь на коней. В добрый вам час».

Так братья и сделали.

Выехали они в поле, стали темноты дожидаться. Вдруг слышат, из-под земли доносится голос:

«Эй, Иван Большой, Иван Меньшой да Иван Средний брат. Это я говорю, ваша Земля. Вы обо мне радели, сил своих не жалели, сеяли, пахали, у́стали не знали. Теперь настал мой час с вами за добро добром расплатиться. Видите, вон среди поля дуб стоит? В дубе том чудесная сила, а Чудищу — могила. Отломите себе по суку от того дуба да Чудище этими дубинами и бейте».

Дождались братья темноты. Налетело Чудище на поле, стало пшеницу губить. Тут поднял Иван Большой свою дубинку и огрел Чудище по голове. Замахнулся Иван Меньшой дубовым суком — Чудищу в хвост угодил, а

Иван Средний брат своей дубинкой Чудищу хребет переломил.

Тут Чудище и сдохло.

Спилили братья дуб, выкорчевали пень, а в яму Чудище свалили да засыпали. Поклонились они родной Земле, поблагодарили за совет и помощь и вернулись к отцу с победою...

Сказка кончилась. Сначала все молчали. Потом Валя говорит:

— Чудище больше никогда не вернётся?

— Нет, не вернётся,— успокаивает его тётя Нюра.

— А дальше что?

— А дальше будем спать.

Валя капризничает, он просит, чтобы ему рассказали, что было дальше. Но уже поздно. Все ложатся спать и быстро засыпают. Тамара засыпает тоже.

ИДЁТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

Однажды ребят никто не разбудил. Никто не спел им: «Дети, в школу собирайтесь...» Валя открыл глаза первый. Ребята ещё спали. Разговаривать было не с кем. Он пощипал паклю из стенки. Потом сунул мизинец в расщелившееся бревно. Мизинец застрял. Валя его подёргал и вытащил. Из щели выбежал и побежал к потолку маленький чёрный паучок. Вале надоело молчать.

Он подёргал Тамарино одеяло.

— Тамара, а я видел во сне мыльную лошадь. Она была вся красивая, как мыльные пузыри.

Тамара посильнее зажмурилась, потом поняла, что она не спит, и открыла глаза.

— Ой, ребята, как светло! — закричала она.— А где же тётя Нюра?

В коридоре радио пело всем известную и почему-то страшную песню «Идёт война народная...». За стеной на кухне тётя Маруся-водоноска громыхала вёдрами. На дворе запрягали Мишку: Исаак Маркович собирался в город за продуктами. А тётя Нюра не приходила.

Потом прибежала Олеся. У неё были красные глаза и какое-то не такое лицо.

— Ребята, быстро одеваться и в умывальную,— сказала она.— Старшие, помогите маленьким застегнуть лифчики. Умоетесь — садитесь за столики. Я сейчас принесу кашу.

— А тётя Нюра?

— Тётя Нюра не придёт. Тётя Нюра плохо себя чувствует.

А днём ребята узнали, что тётя Нюра получила «похоронную». Тёте Нюре написали, что её муж отважно сражался за Родину и погиб как герой.

Тётя Нюра пришла на другой день. Была она как обычно. Только бледная. И всё время туго стягивала косынкой голову.

Ребята вели себя тихо. Даже маленький Валя не капризничал совсем.

ЁЛКА-СОСНА

Приближался Новый год. Ёлка. Только вот не было ёлочных игрушек. Олеся принесла бумаги. Её выкрасили карандашами в разные цвета и выпросили у Исаака Марковича клей. Олеся разрезала бумагу на узенькие коротенькие полоски и научила ребят клеить из них цепи. Склеиваешь колечко, потом продеваешь полоску в это колечко и склеиваешь концы — получается два колечка вместе. Нанизываешь много-много колечек разного цвета, и получается длинная красивая ёлочная цепь.

Вера Александровна дала немного ваты. Вату смачивали клеем и скатывали в виде морковок. А когда клей засыхал и морковки твердели, их раскрашивали красной краской, приклеивали зелёный бумажный хвостик и ниточку — чтоб вешать. Пока красили и клеили, все с ног до головы выпачкались краской и клеем. Зато было весело.

Олесю кто-то из деревенских угостил орехами. Она их грызть не стала. Принесла ребятам. Орехи тоже раскрасили и приклеили к ним ниточки.

Всё было готово.

Олеся, и тётя Маруся-водоноска, и сам Исаак Маркович отправились в лес за ёлкой. Пошли и пропали. Ребята совсем их заждались. Стало темнеть. Вера Александровна беспокоилась за Олесю. Наконец пришли. Все в снегу, носы — красные, брови — белые, замороженные как сосульки.

Оказалось, зря исходили все ближние леса. Не растут в них ёлки. Ничего не поделаешь. Срубили маленькую сосенку. Тётя Маруся принесла ведро с песком. Сосенку укрепили в ведре. Запахло снегом и лесом.

Ну и пусть не ёлка. Пусть сосна. Всё равно красивая. Ветки — свечками, прямые, с голубоватой хвоей. И нарядная: на ней яркие цепи, пёстрые орешки и морковки — как настоящая.

Пришёл Степан Степанович. Ёлка-сосна ему очень понравилась. Он играл. Ребята пели «В лесу родилась ёлочка». А потом приходил Дед Мороз. Он был с длинной белой бородой, в красном пальто с мехом, только без палки. Потому что у этого Деда Мороза была только одна рука, а в ней он нёс корзину. В корзине лежали аккуратно свёрнутые кулёчки из газетной бумаги, а в них по целому яблоку, по две жареных белых лепёшки, по комочку розовых конфет-подушечек и по куску толстого наколотого шоколада.

Настал Новый год.

ВЕСНА

Постепенно стало теплеть. У сосновых стволов снег стаял, показалась чёрная земля. Около самого берега распустилась верба. На ветках качались маленькие пушистые зайцы.

Ребята набрали сосновых веток, наломали вербы, принесли домой.

Запахло весной.

ОГОРОД

Скоро снег совсем растаял. Вера Александровна выхлопотала «гектар», это земля за домом, за соснами — большое поле. Там теперь пашут и будут сажать огород — «подсобное хозяйство».

У ребят тоже будет огород — прямо позади сарая. Они сами вскопали землю, а тётя Нюра показала, как делать грядки. Вышло семь грядок.

Олеся пошла в деревню, а потом к Исааку Марковичу — добывать семена. Она принесла в пакетиках маленькие гладенькие семечки: и длинные, и узкие, и плоские, и овальные, и круглые — в виде шариков с шипами. В каждом семечке сидела свёкла, или морковка, или репка. Надо было теперь посадить их в землю и поливать водой.

Скоро грядки зазеленели. На них появились тонкие зелёные росточки — всходы.

ПРОГУЛКА НА ЛОДКАХ

На затоне была лодочная пристань. Две или три лодки болтались на причале. Остальные лежали кверху дном — на берегу.

До войны сюда по воскресеньям приезжали люди из города — отдыхать и кататься. А теперь Олеся иногда училась грести да деревенские переезжали па ту сторону — на картофельное поле.

Однажды вечером тётя Нюра сказала:

— Если все ребята, все-все, лягут спать быстро и тихо и будут как мышки в норке, тогда завтра поедем кататься на лодках.

«Мышки» сначала заорали как сумасшедшие, захлопали в ладоши, но потом притихли. Гуськом пошли умываться, не гремели рукомойником, не брызгались и тихонько улеглись спать.

Тётя Нюра никогда не давала пустых обещаний. На следующий день после полдника пошли на пристань. Разместились в трёх лодках и поплыли по затону. А где кон-

чался затон, была протока. Въехали в протоку и поплыли по ней — прямо в реку Радомлю.

Над протокой сплелись ветками вётлы, сделали зелёную крышу. Листья отражались в воде, сквозь них просвечивало солнце, прямо рядом с лодками солнечные лучи ныряли и плавали на воде.

Выбрались на Радомлю и поплыли против течения. Радомля — широкая, по берегам лес.

Плыли долго, плескались водой, раскачивали лодку — пугали тётю Нюру. Потом все хором пели речную песенку:

Реченька быстрая,
Ты куда течёшь?
Ты куда, реченька,
Лодочку несёшь?

Я теку меж лугов,
Я теку в лесу,
К морю, морю синему
Лодочку несу.

В первой лодке на вёслах сидел дядя Митя — из деревни. Когда от протоки отплыли довольно далеко, дядя Митя стал грести к берегу; он разогнал лодку, и она с шуршанием заползла на берег. Остальные две причалили рядом.

На берегу в высокой траве росли крупные лесные колокольчики, пахло разными цветами и тёплой травой. В воздухе стоял ровный и тонкий звон: жужжали пчёлы, трещали кузнечики.

Тётя Нюра сказала:

— Погуляем здесь и нарвём домой букеты. Не ходите далеко, и пусть никто не лезет в воду.

Ребята разбрелись по берегу. Валя срывал цветы очень коротко, прямо у самого цветка, так что они не годились в букеты, и подбегал с каждым цветочком к тёте Нюре:

— А этот цветочек кто?

— Это лютик,— объясняла тётя Нюра.

— Что значит лютик?

— Он лютый, как волк, он кусается,— вмешалась Тамара. И засмеялась.

Валя надулся и отошёл, а через секунду приставал снова:

— А это что?

— Это ромашка.

— А это?

— Это мята.

— Мятая? А кто её измял?

— Медведи,— опять поддразнила Тамара.

Потом тётя Нюра плела всем венки из ромашек. Один венок остался лишний. Не хватило головы.

— А кто без венка? — спросила тётя Нюра.

Никто не ответил. Все только вертели головами в белых ромашках.

Тётя Нюра забеспокоилась и быстро всех пересчитала. Одного кого-то не было. Тётя Нюра стала выкликивать по именам. Валя не отозвался.

— Да где же он? Валя-а-а!

Никто не ответил.

— Валя! Валя! — стали звать ребята.

Опять никакого ответа. Тётя Нюра побледнела.

— Все стойте на месте,— сказала она.— Я пойду поищу.

Она скрылась в кустах. Потом вышла из кустов и снова ушла. Потом вернулась. Вали нигде не было. Недавно он был тут, только что приставал с цветами и... вдруг исчез.

Ребята всё кричали и звали, но Валя не отзывался. Тётя Нюра позвала дядю Митю, он привязал лодки и тоже пошёл искать Валю.

Тётя Нюра нервничала, бегала то к ребятам, то в лес. Потом остановилась как вкопанная, ещё больше побледнела и побежала к реке. Она подумала, наверно, что Валя пошёл к речке и упал в воду. Но дядя Митя успокоил её. Он все время сидел в лодке, к реке никто из ребят не подходил.

— Пусть бы ребятишки поискали,— сказал он.— Давайте всем миром по кустам поищем.

— Нет-нет,— запротестовала тётя Нюра.— Так они все перетеряются.

— Авось нет. А ну, ребята, берись все за руки,— скомандовал он.

Пошли все разом. Стеной.

— Куда ему тут пропасть? Сейчас сыщем.

Ребята пошли вытянутой цепочкой, крепко держась за руки.

Тётя Нюра шла сзади и всё время всех пересчитывала.

Вдруг Инночка-красавица споткнулась. Её правая нога ушла куда-то под землю, и она упала носом вниз и потащила за собой тех, кого держала за руки. А из ямы, которая была скрыта высокой травой, неслись истошные крики:

— Ой, медведи!.. Медведи! Медведи!..

Все кинулись к яме, и тётя Нюра выволокла оттуда ревущего, перепачканного Валю.

— Как ты туда попал?

— Я провалился, я не нарочно!

— А почему ты не откликался?

— Да-а, а медведи?

— Какие медведи?

— Я боялся, что услышат медведи!

— Какие медведи?

— Лесные,— проговорил Валя сквозь слёзы и заревел так, что его не скоро удалось успокоить.

Поплыли домой. Солнце садилось. Лес по берегам Радомли потемнел, только кое-где ярко вспыхивали в закатном солнце стволы сосен. Было тихо. Какая-то птица поскрипывала в кустах.

— Это коростель,— сказала тётя Нюра.

Ребята примолкли.

Валя задремал.

Когда выплыли из протоки в затон, увидели, что на пристани кто-то стоит. Это была заведующая, Вера Александровна.

ТАМАРА ЗАБОЛЕЛА

Тамара отодвинула миску с супом:

— Не буду.

Тётя Нюра не поняла:

— Что, горячо, что ли?
— Не буду.
— Совсем не будешь? Не хочешь есть?
— Не хочу.
— Не капризничай, Тамара, мы же пойдём потом сосновые шишки собирать. И Олеся пойдёт. И Альфа. Кушай, детка.
— Никуда не пойду. Ни с кем. Я спать хочу.
Тётя Нюра пощупала Тамарин лоб.
— Ого! Да ты уж не захвáрываешь ли?
После обеда позвали Веру Александровну. Она посмотрела Тамару, послушала, постукала по спине, поглядела горло, надавив на язык холодной блестящей пластиночкой — шпателем.
— Ничего, Тамусик,— сказала она весёлым голосом.— Скоро поправишься.— А потом вышла за дверь, вздохнула и совсем уже невесело сказала тёте Нюре: — И где она могла зацепить? Сыпь. Горло красное. Похоже, что скарлатина. Уложите её в изоляторе, я через час зайду.

«ОЛЕСЯ, ТЫ МОЯ МАМА?»

Тамаре больно глотать. Глазам жарко. Голова горит. К ней часто приходит Вера Александровна.
Изоляторная сестра тётя Зоя всё время кладёт ей на голову мокрое, холодное полотенце. Полотенце сразу нагревается. Тётя Зоя мочит его в тазу, выжимает и кладёт снова.
Кто-то в белом халате входит в изолятор. Тамаре больно повернуть голову. Тамаре трудно открыть глаза. Кто-то подходит к кровати, садится рядом и говорит шёпотом что-то хорошее.
Тамара с усилием поднимает веки. Это Олеся пришла. Она сама сменила холодный компресс. Она где-то раздобыла настоящую конфету в бумажке и положила её в Тамарин горячий кулак.
Добрая, хорошая Олеся.
Тамаре хочется плакать.

— Олеся, может, ты моя мама? — спрашивает она неожиданно.

Олеся глядит грустно и качает головой. Она гладит Тамарины растрёпанные волосы. Она знает, что Тамарина мама погибла в Минске во время фашистского налёта. Но она не может сказать этого Тамаре. Она говорит:

— Может, ты поспишь? — И на цыпочках выходит в коридор.

ПОЭТЫ

Тамара уже поправлялась, когда заболел Валя. Потом Инночка-красавица. Потом в изоляторе не хватило места — заболели ещё пять человек.

Но всё-таки настал день, когда поправились все. Тётя Нюра встречала всех радостно и весело. Когда в комнату вошёл бледный, похудевший Валя, она так и ахнула:

— Валенька, мальчик, как ты вытянулся!

А Тамара, которая вернулась из изолятора на неделю раньше, пританцовывала вокруг него и пела:

— Мальчик с пальчик влез в карманчик, мальчик с пальчик влез в карманчик... Тётя Нюра, хорошо я стихи сочинила?

Инночка-красавица сказала:

— Я тоже умею. Знаешь, что я сочинила? «На кровать улёгся кот, у него болит живот». Это про Кашлатика.

— А откуда ты узнала?

— Что?

— Что у него живот болел?

Инночка застеснялась, а потом хитро прищурила свои голубые глазёнки и сказала:

— Он мне сам сказал. Вот.

— Ну и ладно,— сказала Тамара.— А у меня ещё другой есть стих, я в изоляторе, когда лежала, сочинила. «Цветик-семицветик, радостный цветок, вот бы у тебя бы выросли бы ножки».

Валя, который всё это молча слушал, вдруг сказал:

— Плохой стих.

— Почему это?

— Нерифменный. Он — нерифменный.

— Сам ты нерифменный,— обиделась Тамара.— Э-э, Валька нерифменный!

— Ну тебя, ну тебя, Томка!

Вмешалась тётя Нюра, развела поэтов по разным углам.

Если бы кто-нибудь подошёл к тому углу, где Валя возил по полу кубики, то он услышал бы такое бормотание:

Самолёт летит, гудит,
Наш советский лётчик
Вдаль глядит.
Показались танки — трах, трах,
Разбомбили всех фашистов.
Наши победили!

Потом всё бормоталось сначала.

УРОЖАЙ

Пока болели, наступил август. Кто не был в изоляторе, вместе с тётей Нюрой и Олесей ухаживали за огородом. Поливали, носили воду из затона. Пололи. Прореживали морковку и свёклу.

Росточки окрепли.

У морковки выросла красивая вырезная ботва.

Огурцы зацвели маленькими жёлтыми граммофончиками. К ним прилетели пчёлы. Протискивались внутрь жёлтого цветка и вылетали оттуда с довольным жужжанием. Потом жёлтые цветы завяли и отвалились. Появились маленькие огурчики — пуплята.

И вот однажды был назначен день, когда весь обед должен был готовиться из овощей с ребячьего огорода. Вечером пошли на огород с тётей Нюрой. Позвали Олесю. Пригласили Веру Александровну.

Вале доверили выдернуть первую морковку. Он уцепил морковку за пушистый хвост, дёрнул. Ярко-оранжевая, кургузенькая, с кусочками сырой земли, она была похожа на улыбающуюся рожицу.

Тамара сказала:

— Здравствуйте, Морковка Валентиновна!

И все засмеялись. Потом все дёргали по очереди: морковку, ещё морковку, свёклу. Выдернули несколько кустиков картошки — на суп.

А на следующий день был невероятно вкусный обед. И всем давали добавку.

«ЗДРАВСТВУЙ, ИННОЧКА-КРАСАВИЦА!»

Однажды утром, после завтрака, открылась дверь, вошла Вера Александровна, а с ней высокий военный. Он быстро оглядел всех ребят по очереди и воскликнул, протягивая руки:

— Здравствуй, Инночка-красавица!

Инночка поглядела на него своими круглыми синими глазами, и вдруг закричала, и бросилась к нему, и уткнулась лицом в его гимнастёрку. Это был Инночкин папа!

А дело было так. Инночкиного папу ранило осколком в ногу. Его отправили в госпиталь. Доктор-хирург вынул у него осколок.

Теперь нога у него совсем не болит. И он опять уезжает на фронт. А целых два дня он пробудет с Инночкой. И со всеми ребятами тоже.

НЕЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ

Никто ничего не знал, никто не слыхал этого разговора. И Тамара тоже не слышала.

Пришли как-то к Вере Александровне двое незнакомых людей. Мужчина и женщина. Женщина протянула ей какую-то бумажку.

Она сказала:

— Муж уже больше не сможет вернуться на фронт. Он просил, настаивал, но врачи не признают его годным. Будет работать на заводе. У нас никогда не было детей. А сейчас так много сирот. Мы хотим взять себе ребёнка.

Не бойтесь, мы воспитаем его как родного. Мальчика или девочку — всё равно.

Никто не слыхал этого разговора. Просто к ребятам пришли двое незнакомых людей. Они разговаривали с ребятами, играли, смотрели, как ребята обедали. Потом ушли.

Назавтра они приехали снова. Они привезли цветные карандаши и две настоящие тетрадки. Из тетрадок вынули скрепки, и всем ребятам хватило листочков. Все рисовали.

Тамара нарисовала дом, и забор, и дорожку и подарила гостье свой рисунок. Женщина ласково погладила её по головке...

Вечером, когда Олеся пришла сказать ребятам «спокойной ночи», Тамара подозвала её к своей кровати. Она стала шептать Олесе на ухо:

— Олеся, мне кажется, сегодня приходила моя мама. Это моя мама? Да, Олеся?

Олеся смутилась. Что сказать Тамаре? Она уже слышала, что этим людям понравился мальчик — Толя Нестеров и на днях они, наверно, за ним придут.

— Олеся, это моя мама. Ты не веришь?

Тамара расплакалась.

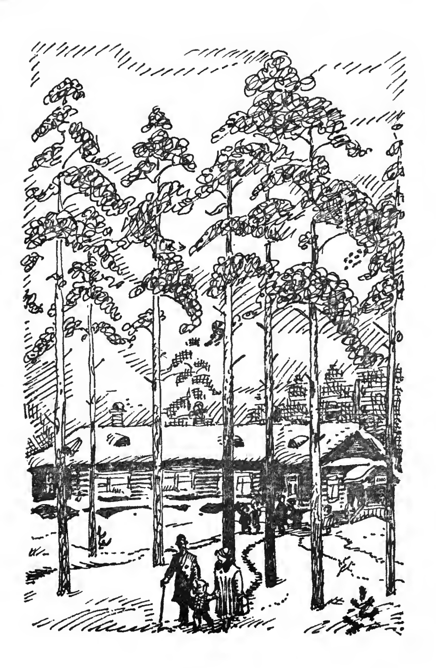
МАМА И ПАПА

Неизвестно, по каким делам Вера Александровна ездила в город. Мало ли у заведующей в городе дел!

А на следующий день опять приехали те двое. Они привезли с собой узелок. В узелке было платье для девочки, туфли, кофточка и панамка. Они прошли прямо к Вере Александровне. Вера Александровна позвала Тамару к себе. Она сказала:

— Тамара, ты теперь будешь жить не в Сосновке, а у мамы с папой. Твои мама и папа пришли за тобой.

...И Тамара ушла. Она обещала приезжать к ребятам и к тёте Нюре, она со всеми попрощалась, и Вера Александровна дала ей большой пакет на дорогу. У тёти Нюры текли слёзы, но она сказала, что это от радости. Она поце-

ловала Тамару, поправила на ней панамку, застегнула пуговицу на кофточке и сказала:

— Ну, в добрый час. До свидания.

СОСНЫ ШУМЯТ

Сосны шумят. Машут ветками, сыплют жёлтой хвоей на землю, на крышу деревянного дома, к дверям которого прибита вывеска: «Средняя школа».

Война кончилась давно. Кончилась славной, незабываемой победой.

Давно уже в деревне Сосновке нет Дома ребёнка.

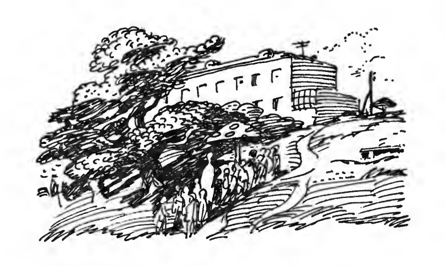
Все дети стали взрослыми. Но они до сих пор помнят этот деревянный дом и сосны, которые всё шумят и шумят в вышине.

А ещё они помнят тех людей, которые в те далёкие трудные годы старались сделать их жизнь беззаботной и радостной.

КОНЕЦ

РОСТИК И КЕША

Глава первая

ПРИШЁЛ КЕША

Наконец Ростика оставили в покое. Теперь он сидел на крылечке изоляторного домика и больше не кашлял. Елизавета Елизаровна, сказав: «Нет, это не пертуссис», удалилась в свой кабинет. «Пертуссис» — на докторском языке означает «коклюш».

Ростик обрадовался. Выходит, никакой у него не коклюш. Славно!

«Славно»,— подтвердила весёлая берёзка, которая росла рядом с крылечком. Так, во всяком случае, показалось Ростику. Куст орешника молча кивнул, но не потому, что хотел принять участие в разговоре, а потому, что как раз в этот момент, раздвигая ветки, из куста выбиралась

собака. Она остановилась перед Ростиком, шумно подышала, свесив язык, и спросила:

— Ты кто?

— Ростик,— ответил Ростик.

Собака осторожно приблизилась, понюхала Ростикову коленку.

— А я — Кеша,— сказала она.— Я тебя не боюсь?

— Нет,— сказал Ростик.— С чего бы это?

Собака вильнула хвостом, завернув его колёсиком.

— Ты не бросаешь в собак камнями?

— Да ты что?!

— А палки не бросаешь?

— И палки не бросаю.

Кеша опять вильнул хвостом-колёсиком.

— Ты мне помоги,— сказал он.

— Хорошо,— сказал Ростик.— А как?

— Надо поговорить с Глебом.

— Кто это Глеб?

— Самый хороший человек на свете. Он взял меня к себе вчера на всю жизнь. И назвал Кешей. Правда, хорошее имя?

— Да. А как тебя раньше звали?

— Звали...— сказал Кеша грустно,— Тузиком звали. А потом — Развелитутсобак.

— Не может быть, такого имени нет.

— Вот я и думаю, не должно быть.

— А почему ты убежал от Глеба?

— Я убежал?! Я не убегал. Меня выгнали!

— Глеб?

— Да почему Глеб! Дедушка выгнал. Бросил в меня камень, а потом палку, а потом... ботинок.

— За что же?

— Он сказал... Как это он сказал? В общем, нехорошо сказал. Глисты.

— Да уж...— Ростик даже смутился.— Ну и что же теперь?

— Я вот тебя прошу: помоги мне.

— Что же нужно сделать?

— Не знаю...— Кеша помолчал, опустив голову. Потом поглядел на Ростика.— Пойдём со мной, ты Глеба

позовёшь. Он ведь ждёт, а дедушка меня даже к калитке не подпустит. Пойдём.

— Я не могу,— огорчился Ростик.

— Почему?

— Я ведь не один живу. Я в детском саду. На даче.

— А почему ты сидишь здесь один?

— Потому что тут изолятор.

— Я не знаю такого слова,— вздохнул Кеша.

— Изолятор? Ну, в общем, больных сюда отделяют от здоровых.

— Ты больной?

— Нет. Я рисину вдохнул, из рисовой каши. Закашлялся. А они подумали — заболел. А потом передумали.

— Чего же тогда оставили тебя здесь?

— Так... На три дня. На всякий случай.

— Ну вот,— сказал Кеша.— Со мной ведь и случился случай.

Кеша подошёл к Ростику и положил ему голову на колени. Ростик эту голову погладил. Одно ухо у Кеши было рыжее, и кончик хвоста тоже рыжий. И на белом боку рыжее пятно. Глаза у Кеши были большие, тёмные и невесёлые. Видно, Кеше в жизни несладко досталось.

— Понимаешь,— сказал Ростик,— если я уйду, меня будут искать и беспокоиться.

— А если попросить, чтоб отпустили?

— Шутишь,— сказал Ростик,— меня ни за что не отпустят.

Колёсико Кешиного хвоста развилось и повисло прутиком.

— Ничего не поделаешь,— сказал он и зевнул долгим, нервным зевком.— Я так долго был ничьей собакой, я думал...

Кеша не успел договорить.

— Пошли! — перебил его Ростик.

— С ума сошёл! — всплеснула веткой берёза.

— Я не больной,— решительно сказал Ростик.— Я просто вдохнул рисину и закашлялся. Значит, мне можно ходить. Мария Васильевна ушла с ребятами за ромашками. Обед ещё не скоро. Пошли, Кеша, ну что ты стоишь!

Кеша сорвался с места, нырнул в ореховый куст, распугал солнечных зайчиков.

Они с Ростиком выбежали на тропинку, которая спускалась вниз по косогору. На косогоре толпились сосны. Они не по-доброму шумели. То одна, то другая выскакивала на тропинку, стараясь преградить Ростику путь.

Спуск кончился. Ростик и Кеша выскочили на полянку и пошли шагом. Тропинка перестала петлять и двинулась через луг — ровная и прямая. Ростик огляделся. Высоко над лугом летала какая-то большая птица, подолгу плавала в воздухе, раскинув крылья. Луг уходил далеко, там вдалеке сливался с небом. Нигде не было видно жилья, только трава, трава — ярко-зелёная, густая и блестящая.

— Кеша,— спросил Ростик,— где живёт Глеб?

— Там,— ответил Кеша,— где дома. За большой водой.

— За рекой?

— Да, наверно, за рекой.

Кеша бежал впереди, как бы указывая дорогу.

Ростик вдруг остановился. Кеша тоже остановился.

— Кеша,— сказал Ростик,— почему тебя раньше звали Тузиком?

Кеша тут же развернул своё колёсико и свесил его прутом.

— Так было,— сказал он нехотя.— В щенячестве.

— Где?

— Не «где». В щенячестве. Ну, как это называется? В детстве.

— Что было?

— Хозяева были, одни там. Люди. Они и назвали меня Тузиком.

— А их как звали?

— Никак не звали. Это хороших хозяев зовут как-нибудь. А плохие — просто хозяева.

— Что ты у них делал?

— Стерёг сад. Сперва вишни. Потом яблони.— Кеша сказал это точно через силу, и Ростик подумал, что эти

люди, наверно, очень обидели Кешу.— На цепь посадили,— продолжал Кеша.— А зачем?

— На цепь?

— На цепь. И потом уехали. Яблоки забрали. Мешки. Варенье. Банки. А меня оставили.

— На цепи?

— На цепи.

— Что же с тобой было дальше?

— Оборвал цепь. Сначала думал — приедут. Ждал. А потом сорвался. Ну ладно, пойдём скорее, что мы стоим?

Кеша заторопился.

Ростик тоже прибавил шагу и вскоре издали увидел реку.

Река широкая, вода в ней спокойная, гладкая; берег тоже широкий, белый чистый песок, на песке редкие, низкие кустики.

Мимо быстро прострекотала моторная лодка.

Ветер принёс запах бензина. Потом ветер ещё раз слетал к реке и вернулся с запахом водорослей и свежей речной воды.

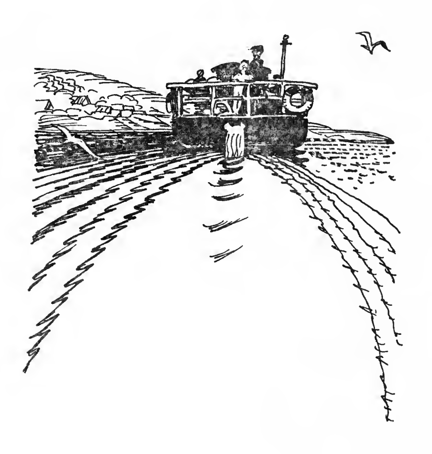
Глава вторая

РАЗНЫЕ ЛЮДИ НА ПАРОМЕ

Паром, построенный из досок и брёвен, плоский, похожий на большой плот, отвалил от берега. Вода зачмокала у его бортов. Паромщик покрутил колесо, приделанное к борту, потом ушёл в маленькую дощатую будочку, у которой не было двери, а на стене снаружи был приклеен плакат: «Почаще проветривайте помещение». Один конец плаката отклеился, его трепал свежий речной ветерок.

Ростик и Кеша пристроились за большими мешками, набитыми чем-то твёрдым. Паром скользил по воде медленно и спокойно, слегка покачивался.

— Ты не испугаешься дедушки? — спросил Кеша у Ростика.

— Нет, не испугаюсь,— ответил Ростик, правда не совсем уверенно. Конечно, он боялся чужого, незнакомого дедушки. Но ведь надо же помочь Кеше!

— Он, наверно, не будет бросать в тебя ботинком,— размышлял Кеша.— Это ведь в собак бросают ботинки.

— Ну, не все же бросают,— успокоил его Ростик.— Только злые люди бросают. А Глеб тут, на даче?

— Он у дедушки. Летом — у дедушки.

— А всегда где?

— Всегда — это когда холодно?

— Ну да. Зимой, осенью...

— Он живёт с мамой в городе.

— Ну, значит, он тут на даче,— сказал Ростик.

Берег понемногу отбегал назад. На мостках какой-то босоногий парень длинной удочкой вытащил маленькую рыбку. Белые утки подплыли к прибрежной осоке, громкими голосами сообщили ей, видимо, важные новости и уплыли.

Вода хлюпала под плоским днищем парома, спрашивала: «Ладно ли так, ладно ли так?»

Солнце усыпало речку весёлыми бликами. С того берега тянет приятным смоляным дымком. Небо ясное — ни облачка. Не будет ни туч, ни дождя, ни грозы. Ростик прислонился к мешку, зажмурил глаза, улыбнулся. Как хорошо на реке!

— Это чтой-то такое тут? — вдруг рявкнул мешок, и Ростик вздрогнул. Из-за мешка выдвинулась какая-то незнакомая тётя.

Ростик посмотрел на неё испуганно.

— Чья собака? Развели тут собак!

Кеша опустил хвост.

— Дитё от ей болячками забросает!

Ростик оглянулся. Где у этой тёти «дитё»? Рядом стояли только два её мешка, как два огромных шкафа в химчистке на углу Ростикова дома.

— Чья собака?

— Это моя собака,— сказал Ростик.

— Глядите-ка! Его собака! А если она тут всех угрызёт?

— Как это «угрызёт»? Почему?

— Я не люблю кусаться,— сказал Кеша.

— Ишь, лает! — Тётя отскочила в сторону, стукнувшись о свой же набитый мешок. Ростик понял, что она не разбирает Кешиных слов.

— Он не кусает людей,— сказал Ростик.

— Как это не кусает? Собака есть собака. Ты знаешь, что у ей на уме?

«У неё»,— поправил про себя Ростик, но ничего не сказал, а только взглянул исподлобья.

— Вы, гражданочка, не кричите, оно так некрасиво,— сказал кто-то из-за мешка, а вслед за словами возник невысокий старичок. Он был в белых брюках и немножко прихрамывал.

— Чего?! — Тётя тут же кинулась на старичка.

— А вот чего,— сказал старичок.— Понимать надо. Дитёнок об собаке позаботится. После — ещё о ком. А потом о товарище, с которым вместе в бой придётся идти. А вы всё хотите, чтоб дерево без корня да без комля было.

— Понёс...— сказала тётя презрительно.

На шум из будки вышел паромщик.

— Собаки подлежат провозу в намордниках,— сказал он, не вникая в суть спора.— Где намордник?

Сердце у Ростика неприятно застучало.

Старичок сказал:

— Да ведь он, собака-пёс, смирнёхонько стоит.

— Я никого не трону,— сказал Кеша.

— Лаять воспрещается,— сказал паромщик.— Собаки подлежат провозу в намордниках. Согласно инструкции. Да.

— Да ведь не посерёд же реки гнать его будешь! — возмутился старичок.

— Инструкцию нарушать, хоть и посерёд реки, не велено,— строго заметил паромщик.

— Ростик,— сказал Кеша,— я поплыву. Ничего.

Кеша подлез под перила, прыгнул, мордочкой вперёд, вынырнул, мотнул головой и поплыл, мелко-мелко перебирая лапами, пытаясь плыть рядом с паромом, но всё-таки слегка отставая.

Кеша не сводил глаз с Ростика, а Ростик стоял возле перил. Он сощурился и молчал. Старичок подошёл к нему и погладил по голове:

— Ты, цыплачок, то и сё, не расстраивайся. Гляди, как плывёт! Ишь ты, собака-пёс! Умная. Всё понимает. Бессловесный только. Сказать не может.

«Может!» — хотел было возразить Ростик. Но промолчал. Доплыть бы до того берега! Вот он уже хорошо виден. У того берега тоже пристань, и растёт осока, и плавают утки. Такие же белые. Доплыть бы и найти Глеба, и чтоб у Кеши наконец настала хорошая жизнь.

Паром причалил. Ростик неуверенно сошёл на землю. Он на мгновение потерял Кешу из виду и очень испугался. Ростику вдруг показалось, что он заболевает и что у него поднимается температура.

Но вот он увидел Кешу. Кеша быстро приближался к берегу, ровно перебирал лапами и изредка лакал речную воду. Потом он коснулся лапами дна и пошёл в воде. Выбрался на берег, передёрнул шкуркой, отряхнулся.

Ростик погладил мокрую собачью шерсть. Кеша вильнул хвостом и улыбнулся.

У берега лежали две большие лодки, кверху чёрными, просмолёнными спинами. Белый козлёнок с маленькими бубенчиками под подбородком щипал траву.

Берег поднимался отлого. К посёлку от реки вела разъезженная песчаная дорога. У дороги рос старый тополь-осокорь, недалеко от него стояла купа бузинных кустов. Листья и ягоды у бузины поседели от дорожной пыли, которую тучами поднимали машины и телеги.

Ростик и Кеша двинулись вверх по дороге. Кешина густая шерсть быстро высыхала на солнышке, мокрые слипшиеся лохмы расправлялись.

— Нам далеко идти? — спросил Ростик.

— Близко,— сказал Кеша, радуясь скорой встрече с Глебом.

Глава третья

РОСТИК БЕЗ КЕШИ

Идти по улице посёлка было весело. Сирени-то, сирени! В городе такого не увидишь. Белая, лиловая, розовая, простая, махровая, она залила все сады и палисадники. Гроздья сирени горделиво покачивались на ветру:

— Полюбуйтесь-ка нами! Мы красивые, мы махровые, мы персидские...

А из-за другого забора поднимались ветки, усыпанные белыми цветами:

— А мы белые, изящные, светлые, прозрачные, душистые...

Возле каждой калитки стояла маленькая лавочка. Ростику на такой лавочке очень хотелось тихо посидеть, поглядеть в небо и немножко поболтать ногами. Только некогда, потому что Кеша торопится. Обгонит Ростика, а потом оглянется:

— Идёшь?

«Какой умный, какой симпатичный пёс Кеша,— думает Ростик.— Вот сейчас придём к этому самому деду, позовут Глеба...— Но тут какая-то нерадостная мысль шевельнулась у Ростика: — А хорошо бы ты, Кеша, был моей собакой! — Этого Ростик не сказал и даже не подумал — это у него так почувствовалось внутри.— Одно ухо рыжее, и хвостик рыжий, и рыжее пятно на белом боку... Интересно, что за человек этот Глеб?»

— Глеб хороший,— сказал Кеша, точно угадав его сомнения.

Ростик ничего не возразил, молча перепрыгнул через канаву. Теперь они шли по узенькой улочке. Тротуаров на этой улочке не было. Ростик и Кеша шагали посередине, по тёплой и мягкой, мелко размолотой пыли, оставляя в ней аккуратные следы.

Вдруг из-за угла вывернула рыжая корова. Следом за ней посыпались овцы, потом пошли ещё коровы, коровы, коровы... Они заполнили улочку, шли, задевая заборы палисадников раздутыми боками, и от этого возникали

какие-то шершавые звуки. Слышались выстрелы пастушьего кнута, окрики, мычание, блеяние.

Проходившая мимо Ростика чёрная корова с белой метиной па лбу остановилась, уставилась на него, нагнула голову и пацелилась своим единственным рогом. Второй был у неё обломан, и от этого она казалась Ростику особенно грозной. Он забрался на лавочку, стоял неподвижно, держась за штакетник и не сводя глаз с чёрной коровы. Но она только мотнула головой и, повернувшись, пошла вслед за остальными.

Постепенно коровий поток стал редеть. Шествие замыкал пастух, который больше не стрелял кнутом, а просто перекинул его через плечо. Кнут волочился за ним в пыли, как длинный и тонкий хвост. Ростик слез на землю.

Дорога была совершенно испорчена, изрыта следами копыт и зашлёпана коровьими лепёшками. У противоположного забора качалась обломанная ветка сирени.

А Кеша где? Кеши нигде не было! Ростик позвал. Кеша не откликнулся.

— Кеша! Кеша! Кеша!

Тихо.

Ростик добежал до угла. Ростик вернулся.

— Кеша! Кеша! Кеша!

Где же он? Ушёл со стадом? Зачем? Забежал в какой-нибудь двор? Почему не возвращается?

Скрипнула калитка. Кеша? Нет, не Кеша.

Из калитки выглянула старая-престарая бабушка:

— Иван! Ванюшка!.. Сынок, ты Ванюшки не видал?

— Нет,— сказал Ростик.— А Кеша к вам не заходил? — спросил он с надеждой.

— Какой? Шуранин, что ль? Так он не Кеша, он Паша.

— Я Пашу не знаю. Кеша — собака.

— И точно, он как собака...— сказала бабушка, видимо за что-то сердясь на Шураниного Пашу.— Сынок, иди пособи-ка мне! Подержи бидончик. Керосину нальём. Руки-то у меня дрожат. Ванюшку кликала — нейдёт Ванюшка.

Поглядев через плечо, не появился ли Кеша, Ростик вошёл вслед за бабушкой на двор. На крыльце стоял

керогаз. Рядом бидон с керосином. Бабушка сняла приделанный к керогазу жестяной бочонок, отвинтила крышку:

— Вот налей-ка, руки у меня что-то дрожать стали. Корову-то ещё доить могу, а вот налить — расплёскиваю.

Ростик поднял бидон. Он был полный, тяжёлый. Ростик даже слегка покачнулся. В жестяной бочонок полилась широкая керосиновая струя. Немного плеснулось Ростику в сандалик.

— Спасибо, сынок,— сказала бабушка, завинчивая крышку.— Молочка хочешь?

Ростик поспешно отказался и выбежал за калитку. А вдруг Кеша его там ждёт? Но нет. Нет! Нет! Нет! Что же будет? Кеша без Ростика не сможет поговорить со своим Глебом! А Ростик сам? Он, во-первых, не знает дороги обратно на пристань. А во-вторых, во-вторых... Как же он так вот просто потеряет Кешу, и не поможет ему, и не узнает о нём ничего, и вообще, как же он без Кеши?.. Ростик всхлипнул.

— Ты чего тут делаешь, эй? — Это к Ростику подошёл босой мальчик. Был он какой-то очень уверенный в себе.— Ты чей дачник?

— Я ничей.

— Не дачник?

— Нет.

— А как звать?

— Ростик.

— Ростислав, значит. А я — Иван.

Мальчик протянул Ростику руку.

— Рукопожатие — древний обычай,— сказал он таким голосом, каким говорит диктор по радио.— В древние времена племенные вожди протягивали друг другу правую руку, чтоб показать, что у них нет оружия... А когда День геолога, знаешь?

Ростик мотнул головой — нет.

— Эх ты! Четвёртого апреля. А знаешь, какие планеты видно в апреле?

— Нет.

— Сатурн. Чего смеяться-то?

Ростик вздохнул. Он вовсе и не думал смеяться.

— А ты чего такой?

— Какой?
— Вроде собрался реветь.
— У меня собака пропала.
— Овчарка?
— Нет. Кеша.
— Кешей звать? Он борзая? Борзые могут бежать со скоростью сто километров в час.
— Нет, не борзая. Умная очень собака.
— Они все умные. Собаки сражаются на войне.
— Как — на войне?
— Во время Великой Отечественной войны специально обученные собаки с привязанными к спинам минами бросались под фашистские танки и взрывали их.

Иван выпалил всё это одним духом, глядя не на Ростика, а куда-то вверх, в небо, точно он не просто говорил, а читал. Потом он посмотрел на Ростика и увидел, что ему не удалось утешить собеседника.

— Ну погоди, что-нибудь придумаем.

Иван стал думать. Он чудно́ вытаращил глаза и вытянул губы трубочкой.

— Вот чего. Пошли к дедушке Колдырю.
— К кому?
— Ну, дедушка такой.
— Твой?
— Нет. Вообще. Общий. Фома Никитич. А прозвище — Колдырь.
— Что это значит?
— Ну, знаешь, на берёзе бывает такой крепкий нарост. Называется кап. А ещё, по-деревенски, колдырь. Его топором не отрубишь. Пилить — и то трудно.
— А дедушку почему так зовут?
— Крепок потому что. И правильный человек. Все так говорят. Он придумает, где твою собаку искать. Пошли!
— А далеко идти?
— За Светлую Рощу, на смолокурню... Ба! — крикнул Иван в калитку.— Ба, я на смолокурню пошёл!
— Ванюшка, иди хоть поешь. Я оладушков напекла!

Ростик проглотил слюну.

— Пошли, Ростислав! — скомандовал Иван.

Ростик тронулся вслед за Иваном. Повернули за угол, откуда недавно так неожиданно появилось стадо.

«Может быть, и правда этот дедушка Колдырь сумеет разыскать Кешу? — думал Ростик.— Наверно, сумеет, раз Иван так о нём говорит». У него немножко посветлело на душе и появилась надежда.

Улица оказалась очень длинной. Ростик с любопытством глядел по сторонам. Очень интересно идти по посёлку. Дома все разные. Вот маленький — брёвна серые, окошки у него крошечные. А вот большой — брёвен не видно, он обшит сверху досками. Доски выкрашены коричневым, а наличники у окон белые. Нарядный дом! У всех домов подряд — и у больших и у маленьких — высоченные телевизионные антенны были не на крышах, а на длинных-предлинных шестах, вкопанных прямо в землю, рядом с крыльцом. Боком к улице, не огороженный забором, стоял маленький сарайчик. На нём была укреплена большая выцветшая вывеска: «Грибоварочный пункт». Для убедительности на ней были изображены две лисички, два гриба неизвестного Ростику названия и плёточка клюквы. На дверях сарайчика висел огромный замок, а рядом с сарайчиком валялось несколько рассохшихся бочек. Грибной сезон ещё не начался. Возле сарайчика на земле что-то сосредоточенно клевала стайка скворцов. Когда Иван и Ростик прошли мимо, скворцы все разом улетели.

Ростик опять забеспокоился о Кеше.

— А дедушка не рассердится? — спросил он Ивана.

— С чего бы это? За что?

— Ну, что мы пришли.

— Никогда он не сердится без дела. Дедушка Колдырь — он добрый.

— А Кешу он найдёт?

— Сказал тебе, дедушка Колдырь что-нибудь придумает.

Улица кончилась. Дорога взяла влево и миновала большой пустой сарай, перед которым валялась какая-то странная вещь: два колеса, и к ним приделаны железные рёбра — точно рентгеновский снимок грудной клетки, как Ростику делали перед отправкой на дачу.

— Это копнитель,— сказал Иван.— На покосе сенокосилка работает, а с ней копнитель, вот этот вот. Только в этом году ещё не косили — рано ещё, тра́вы ещё соку не набрали. У нас луга пойменные. На пойменных лугах преобладают многолетние злаки: овсяница, тимофеевка.

Иван опять говорил, как диктор.

— А ты откуда всё знаешь? В школе, что ли, проходят? — спросил Ростик.

— Не. В школе проходят родную речь. А я численники читаю.

— Что? Книги такие?

— Численники. Ну, календари. Там про всё есть. Я уже за два года прочёл. Теперь ещё за тот год прочту. И за этот. Всё буду знать.

Ростик подумал, что Иван — человек стоящий.

Вскоре дорога пошла под горку и с разбегу влетела в сосновый лес. Роща была в самом деле светлая. Сосны росли не очень часто, не мешали друг другу. Солнечные лучи ныряли в мягкий мох и точно подсвечивали его изнутри. Оранжевые стволы сосен то ярко вспыхивали под солнцем, то гасли. Небо просвечивало сквозь сосновые ветки, которые всё время чуть покачивались, чуть шевелились, то пропуская свет, то задерживая его. Всё время слышался ровный шум, и этот шум успокаивал Ростика, ему казалось, будто сосны говорят: «Найдёшь Кешу, Кешу найдёшь». Потом сосны немного отодвинулись от дороги, и образовался прогал. Дорога устремилась в этот прогал и вывела ребят на опушку. Земля на опушке была чёрная, трава — чёрная, солнце отражалось в чёрных жирных лужах.

— Вот и смолокурня,— сказал Иван.— Сегодня не курят.

Ростик увидел две огромные печи не печи — не поймёшь. Эти вроде бы печи были круглые, сложены из кирпича и обмазаны глиной. На каждой печи было по трубе, похожей на ту, что бывает на крыше. Между печами была вделана деревянная избушка — слепая, без окон. На крыше у неё тоже торчала труба, только не кирпичная, а

железная. Возле домика лежали в смоляной луже три железные бочки. Рядом был вкопан дощатый щит на ножках, такой, как в городе бывают доски объявлений. Он был покрашен красным, а вместо объявлений на нём висел топор, тоже красный, и красное же ведро.

Вокруг смолокурни были навалены горы сухих выкорчеванных пней. Ещё одна гора из пней была нагружена на прицеп. Его только что притащил сюда трактор. Трактор что-то невнятно бормотал, пытаясь развернуться.

На отшибе стоял домик. Возле него небольшой участочек был огорожен частоколом. На частоколе висели — сушились пучки каких-то жёлтых цветов.

— Бессмертник песчаный,— сказал Иван.

— А где же дедушка? — спросил Ростик испуганно.

— Найдём. Дедушка Колдырь! — закричал Иван изо всех сил.

— Здеся, кто меня?

— Он, должно, на огороде,— догадался Иван.

Скрипнула калитка. Показался дедушка Колдырь. Да это же старичок с парома! Только в чёрных старых, залатанных брюках.

— Ты что, Ванюш? А, и ты тут, чурачок? И собака-пёс с тобою?

— Нет,— ответил за Ростика Иван.— Дедушка, собака куда-то у него пропала. Может, кто привязал? А то бы она его по следам нашла. У собаки нюх острее человека в двенадцать тысяч раз!

— Должна бы найти,— подтвердил дедушка. Он подошёл к огорчённому Ростику и положил ему руку на плечо.— Никак, керосином? — понюхал он воздух.

— Я бабушке помогал наливать,— сказал Ростик.

— Да на себя плеснул?

— Только немного в сандалик попало. Ничего, уже высохло.

— Эх, ты, да ты керосином свой запах отбил. Как же она, собака-пёс, по следу найдёт? Не может она тебя найти.

Ростик приготовился плакать.

Глава четвёртая

КЕША БЕЗ РОСТИКА

Когда Кешины влажные ноздри ожёг едкий запах коровьего стада, он отскочил к забору, но не к тому, где стояла лавочка, а на противоположную сторону. Стадо заполнило улицу. Оно разделило Кешу с Ростиком и двигалось непрерывным грозным потоком. Одна корова, рыжая, опустила голову и мотнула ею в Кешину сторону. Кеша кинулся вдоль забора. Копыта топали по пыли, пыль лезла в нос и в глаза. Пока ещё невидимый и непахнущий, щёлкал кнутом пастух. Острое коровье копыто бухнуло где-то рядом с Кешей. Кеша увернулся. Бежать было некуда — стадо текло, заполнив всю улицу. Кеша вжался в забор. Забор вдруг подался, и Кеша провалился внутрь. Куда это? Ах, вот что! Это отворилась калитка. Открылась и закрылась за ним. Кеша постоял молча. Калитка не открывалась. Кеша тихонько царапнул её лапой. Калитка не шелохнулась.

— Откройся,— попросил он.

Калитка и не подумала.

— Ростик! — позвал Кеша.

Но Ростик стоял на лавочке по другую сторону стада и не мог его услышать.

— Собачка! — сказал вдруг чей-то густой, точно шмелиный голос.— Иди сюда, собачка.

Кеша оглянулся. Девочка спрыгнула с гамака, который висел на столбах в глубине двора, и подошла к Кеше.

— Калитка не открывается,— сказал он.— Выпусти меня, пожалуйста.— Он легонечко вильнул хвостом.

— Ты хорошая собачка,— продолжала девочка своим смешным басом.— Ты будешь у меня жить.

— Извини,— сказал Кеша,— но я не могу. Меня ждут. Выпусти меня.

— Ну что ты лаешь? Я тебе бантик повяжу, хочешь?

— Выпусти, выпусти!

— Ты лайка? Что ты всё лаешь? А, понимаю, ты голодная.

«Не понимаешь,— подумал Кеша.— Вот Глеб понимает. Ростик понимает. А ты — нет».

— Идём, идём!

Кеша поплёлся за девочкой в дом. Он слышал, что на улице топот стих, перестало пахнуть молоком и коровьей шерстью. На крыльце он сделал ещё одну попытку:

— Ростик!

Но Ростик в это время наливал бабушке керосин.

Что же делать, что делать?! Есть, конечно, выход — укусить. Чтоб закричала, заплакала и выгнала его эта девочка. Но Кеша не мог. Он не сумел бы объяснить почему. Он не знал просто, что врождённое благородство не позволяет собаке обидеть ребёнка.

Девочка привела Кешу на кухню. Там на столе стояла сковородка и чем-то аппетитно пахло.

— Вот,— сказала девочка.— Ешь котлеты. Тётя Нора нажарила. А я их не люблю.

Она подняла крышку, ткнула вилкой в котлету и стряхнула её на пол. Кеша съел. Он был очень голоден. Может быть, и не надо бы есть в этом доме, где он всё равно не мог оставаться. Может, и не надо бы. Но съел. И даже лизнул половицу, где только что была котлета.

— Ариадна!

Хлопнула дверь, и на кухню вошла пожилая женщина в короткой юбке, в тенниске и в кедах на шерстяной носок.

— Ариадна, откуда на кухне собака?

— Тётя Нора, она будет у нас жить.

— Нет. Этого не будет.

— Тётя Нора, мне скучно. Мне не с кем играть. С Иваном ты не разрешила. Я буду играть с собачкой.

— Вздор. Иван тебе не общество, а от собаки ты получишь инфекцию. Играть мы будем в теннис.

— Я не хочу в теннис.

— Теннис продлил мне молодость и сделал содержательной жизнь. Теннис — очаровательный вид спорта.

Кеша не знал, что такое теннис, но ни о чём не спросил.

— Ариадна, бери ракетку, мы идём на корт!

— Ну, тётя Нора, это же не корт, это просто поляна возле пруда на задах.

— Фи, какие ты говоришь слова!

— Все так говорят. Там огороды, а за ними огородные зады. За забором. У пруда.

— Перестань болтать! Бери ракетку. Я обещала твоим родителям сделать из тебя человека.

— А я кто?

— Всякий человек должен уметь играть в теннис.

— Тётя Нора, а собачка останется дома? — спросила девочка с надеждой.

— Ариадна, не ерунди!

— Тётя Нора, ну разреши... Её будут звать Пират. Нет, Джек. Нет, Рекс, Рекс, поди сюда!

Тётя Нора взяла две теннисные ракетки — маленькую и побольше — и двинулась к калитке. Калитка послушалась её и открылась.

Кеша выскочил первым и тут же позвал:

— Ростик!

Нет, Ростика нигде не было. Кеша перебежал улицу. Ростика нет. Лавочка пахнет Ростиком. Кеша кинулся обнюхивать дорогу. Слабый коровий запах, чей-то чужой запах... Керосин! Опять керосин! Кеша чихнул.

Ариадна оглянулась:

— Рекс, Рекс, идём с нами!

Кеша немного проводил девочку и тётю. Из вежливости. Потом незаметно отстал и побежал обратно. Где-то здесь должен быть Ростик. Опять та же лавочка. Пахнет Ростиком. Куда потом девался Ростик? Куда пошел? Никаких следов ни у забора, ни у другого забора, ни посреди дороги — нигде! Что же будет с Ростиком? Он заблудится. Кеша сам его сюда привёл, Ростик ведь не знает обратной дороги! И с ним хорошо. Ростик — настоящий друг. Он добрый. Ростик — он ведь всё понимает... Нет, нет нигде его следов! Как же быть, как теперь быть?

— Ты чего, ласковый, потерялся, а?

Посреди улицы стоял человек. Очень высокий. Синеглазый. Улыбался. Кеша не испугался его, подошёл.

Человек присел перед Кешей на корточки прямо на пыльной дороге.

Это был лейтенант Грошев. Лейтенант милиции Грошев.

Глава пятая

ТРЕВОЖНО

Воспитательница Мария Васильевна была расстроена. Подумать только! Второй день на даче — и вдруг пожалуйста: один уже в изоляторе. Она медленно поднялась на крылечко, держа на развёрнутых ладонях полную тарелку супу, и позвала:

— Ростик!

Ответа не последовало.

— Харитонов! — крикнула она, уже немного сердясь.— Отвори мне дверь, у меня руки заняты!

Молчание.

Мария Васильевна пристроила тарелку на перила и дёрнула ручку.

В изоляторе было тихо. Ветер отдувал от окна марлевую занавеску, на подушке отдыхал солнечный зайчик.

Берёза молчала. Очевидно, она решила ни во что не вмешиваться.

— Ростислав!

Тихо, тихо, тихо.

Забыв про тарелку с супом, Мария Васильевна спустилась с крылечка и обошла изоляторный домик.

Мальчика нигде не было.

— А-а, наверное, Елизавета Елизаровна увела его в кабинет и осматривает.

Мария Васильевна двинулась в сторону врачебного кабинета, но не дошла. Елизавета Елизаровна шла навстречу.

— Ну что? Туссис? Я хочу сказать — кашель?

— Елизавета Елизаровна, Харитонов у вас?

— Я иду в изолятор посмотреть его, я ведь и спрашиваю — кашляет?
— Его нет.
— Кашля нет?
— Да Харитонова нет!
— Что вы говорите. Мария Васильевна, как можно, чтобы инфицированный ребёнок не находился в изоляторе? Правда, может быть, это и не пертуссис, но всё-таки его нельзя пускать в группу, опомнитесь!
— Его нет в группе, ребята обедают.
— Я вас не понимаю, Мария Васильевна, уж извините великодушно...

* * *

— Ребята, кто видел Ростика?
— Я его вчера видел, а потом ведь его в изолятор изолировали?
— Мария Васильевна, а я видел лягушку, а Павлик говорит, что это жаба. А это не жаба, у неё пупырышков нет!
— Я спрашиваю: Харитонов не приходил сюда?
— Не.
— Нет.
— Не приходил.
— А ночью филин прилетает. Если не спишь.
— Павлик, это моя ложка, отдай!
— Ну, быстро, чтобы всё съели — и умываться!

* * *

— Уже три часа. А вдруг он заблудился?
— Елизавета Елизаровна, ну где тут можно заблудиться! Три сосны, да три берёзы, да луг до самой реки — всё видно... Паршивец!
— Боже мой, как же я забыла про реку! А вдруг он упадёт в воду?!
— Пойдёмте сходим к реке. Там паром, люди, спросим... Вот паршивец!
— Я с ума сойду!

* * *

— Вы давно здесь?

— Давно, дамочки, давно. Некому ездить — в поле работают. Работа есть работа.

— А мальчика не видели тут?

— Рыбу ловил тут какой-то.

— Да нет, маленького, шесть лет.

— А кто его знает!

— Ну, а... скажите, умоляю вас... тут... никто... не утонул?

— Как же, утонул.

— Что?!

— Когда?

— Да вот когда я ещё пацаном был, в тридцать восьмом году, что ли... Мужик один утопился, вроде как тронутый.

— Зачем же вы так испугали нас?

* * *

— Алло!

— Дежурный слушает.

— Это пореченская милиция?

— Да.

— У нас пропал ребёнок.

— Что?

— Ребёнок.

— Какой ребёнок? Откуда вы звоните?

— Это детский сад льнокомбината.

— Попрошу подробнее. В котором часу? Приметы?

— А он не... Мы боимся, что утонул.

— Нет, сегодня несчастных случаев на воде не зарегистрировано. Так, я вас слушаю.

— Мария Васильевна, вы. Говорите вы, я не могу, я с ума сойду!..

* * *

— Ну, что они сказали?

— Сказали, будут искать, позвонят... Вот паршивец!

— Кто? Милиционер?

— Да при чём здесь милиционер! Милиционер очень вежливый.

— Кого же вы ругаете?

— Харитонова ругаю. И оставила-то всего на один час. Не разорваться же мне! Дуся обещала присмотреть. Она и заходила к нему. А потом обедом занялась. Запереть надо было его!

— Мария Васильевна, а что, если...

— Что?

— Что, если он вздумал домой?

— Да с чего бы это? Парень с трёх лет в саду. Никогда ему ничего такого в голову не приходило.

— Может быть, позвоним родителям?

— Так они же на работе.

— На льнокомбинат позвоним.

— Да зачем это? Мать тревогу поднимет. А он, может, сейчас явится.

— Вы думаете? Вы думаете?

— Я пойду погляжу ребят. Вроде спят все. И в изолятор ещё схожу.

* * *

— Это кто там не спит? Павлик?

— Мария Васильевна, а Ростик нашёлся?

— Он не терялся. Спи, Павлик.

— Мария Васильевна, а где он?

— В изоляторе. Спи.

— А его скоро в группу переведут?

— Не мешай ребятам, Павлик, спи.

— Сплю.

Глава шестая

ЛЕЙТЕНАНТ ГРОШЕВ

— Ну что, ласковый, хозяина потерял?

Лейтенант Грошев погладил Кешу по голове.

— Я смотрю, что ты всё от забора к забору бегаешь. Ищешь кого?

Кеша поглядел на него недоверчиво и побоялся ответить: поймёт или не поймёт, неизвестно ещё.

— Ты здоров? Нос прохладный. Значит, здоров. Вроде бы ты расстроен чем-то, а? Зовут-то тебя как?

— Кеша,— решился ответить Кеша.

— Кеша? Хорошо тебя назвали.

Кеша поднял глаза на лейтенанта Грошева. Потом Кешин хвост качнулся и быстро-быстро замелькал в воздухе. И наконец весь Кеша — от хвоста до кончика чёрного влажного носа — наполнился радостью. Понимает! Кешины слова не кажутся ему пустым, бессмысленным лаем.

— А я в милиции работаю. Я — лейтенант Грошев,— назвал себя Кешин собеседник.— А ты где живёшь?

Ну где может жить бездомная собака, которая то и дело переходит от надежды к отчаянию? И Кеша, испытывая полное доверие к лейтенанту Грошеву, как, например, к Глебу или Ростику, рассказал ему свою короткую собачью жизнь.

— Потерялся, говоришь?

— Потерялся,— подтвердил Кеша.— Надо его найти. Он без меня обязательно заблудится. Ростик — он дороги сам не знает.

— Да...— задумался лейтенант.— Ну, вот что, ласковый, тут я с одним заявлением разберусь, мой этот участок теперь, понимаешь? Словом, работу кончим, тогда и приятеля твоего поищем. Может, к дедушке Колдырю сходить? У него вечно ребятня толкается, точно там не смолокурня, а пасека.

Кеша не успел спросить, что это — смолокурня или пасека. Откуда-то издалека раздался крик, слов нельзя было разобрать, но было ясно, что это крик какой-то неприятный.

* * *

Лейтенант Грошев и Кеша пошли на голос. Быстро прошли узким проулочком между двумя заборами и оказались у маленького круглого пруда. На пруду, недалеко от берега, плавали гуси. Они держались стайкой. Время от времени заводили разговор ржавыми голосами. На берегу тётя Нора и Ариадна ракетками кидали друг другу теннисный мячик. А кричала та самая тётка с парома, которая назвала Кешу самым ненавистным ему словом Развелитутсобак. У тёти Норы было каменное лицо, у Ариадны — испуганное. Теннисный мячик говорил: пок-покпок.

— Что случилось? — спросил лейтенант Грошев.— Вроде по радио хорошую погоду обещали, а тут гром гремит.

— Вот, товарищ милиционер, полюбуйтесь. Я тут птицу пасу, а они на выпасе который день мяч гоняют. Гусю от этого вред.

— Ну? Гуси спортом, стало быть, не увлекаются?

— Да какой тут спорт? — не поняла его тётка.— Штраф надо наложить, и всё тут. Я уже и заявленьице писала.

— Прочёл с интересом,— сказал лейтенант Грошев.

— Вы, значит, наш участковый будете?

— Да уж и есть с сегодняшнего дня.

— Вот и ладно. Значит, я там всё описала. Непорядок, чтоб гусей пугать.

— Это и есть перепуганные гуси? — кивнул лейтенант Грошев в сторону пруда.

— Мои, как же, мои это гуси.

— Да вроде у них настроение бодрое, а?

— Чегой-то? — не расслышала тётка.

Тётя Нора, пока лейтенант Грошев говорил, стояла неподвижно, как статуя в парке, и глядела куда-то вдаль, поверх гусиных голов.

Ариадна сначала испугалась, увидев милиционера, потом, почувствовав, что бояться нечего, подняла голову.

— Рекс, Рекс, тётя Нора, это же наш Рекс! — загудела басом Ариадна. Она кинулась к Кеше.

Кеша попятился, вспомнив о несговорчивой калитке, попытался спрятаться за ногу лейтенанта Грошева. Вид собаки вызвал у тётки новый прилив красноречия.

— Видите, видите, товарищ милиционер! Собак водют. Собака тоже может гуся угрызть. Штраховать, одно слово!

— Кого штрафовать, собак, что ли?

Тётка на мгновение оторопела, но, поняв, что лейтенант Грошев шутит, сама захихикала.

Потом, боясь, чтобы её не перебили, стала быстро-быстро говорить:

— Я в город молоко вожу. Мне одна женщина, учёная очень, даже сказала: от собак деревьям извод, сохнут они, значит...

— Что же они, собаки, керосином, что ли, заряжены? — перебил её лейтенант. — Всё дело-то яйца выеденного не стоит, нашли о чём заявление писать. Ну люди, ну гуси, ну собаки... В мире надо жить, вот что!

— А штраховать? — спросила тётка.

— Да некого и не за что,— спокойно ответил ей лейтенант Грошев.

Он козырнул сначала тётке с парома, потом тёте Норе и быстро пошёл прочь.

Кеша кинулся за ним.

— Ты чего это, ласковый? Рексом тебя зовут?

— Да нет. Я же рассказывал. Это там, где калитка.

— А-а, ну-ну,— сказал Грошев, думая о чём-то своём. А потом сказал, видимо что-то додумывая, вслух: — Грамотные. Пишут. Руки грамотные, а души тёмные.— И обращаясь к Кеше: — Ну вот и пришли!

Домик милиции был маленький, в четыре окна, обшит досками и покрашен синей краской.

Палисадника у домика не было, а прямо возле крыльца цвёл куст сирени и росла мальва — вытянулась уже, но ещё не цвела, раскачивала на ветру длинные стебли с бутонами.

— Это наше отделение,— сказал лейтенант Грошев.

На вывеске было написано: «Пореченское отделение милиции».

— Погоди на крылечке, я сейчас, ласковый, и пойдём тогда.

— А они меня не прогонят?

— Кто «они»? Тут народ хороший. Никого не бойся.

Кеша сел.

Лейтенант Грошев зашёл в синий домик и очень быстро вышел.

Кеша тут же поднялся ему навстречу.

— Вот дела-то какие. Ещё поработать надо. Какой-то пацан Харитонов пропал. Убежал из детского сада. Харитонов. А как звать — неизвестно. Дежурный не понял. Два раза, говорит, переспросил. Отвечают: «Хвостик». А какое же это имя для пацана «Хвостик»? Ну, ласковый, пойдём искать. Поможешь мне, ладно? А потом уж и твоего приятеля разыщем.

Глава седьмая

ПРЕСТУПНИКИ В БУЗИНЕ

— Ты погоди, цыплачок,— утешал дедушка Колдырь.— Ну не плачь, не плачь, я это так сказал. Сейчас уладим. Иди-ка сюда.

Дедушка повёл Ростика за дом. За домом были грядки. Над молодыми ещё огуречными плетями, покачиваясь, расцветали маки.

К стволу высокой и голой, одной-единственной на огороде сосны был прибит рукомойник. Кусок серого хозяйственного мыла лежал на блюдечке, прямо на земле.

— Мой ноги-то,— сказал дедушка и большим пальцем правой руки нажал носик рукомойника.

Из рукомойника потекла тёплая, нагретая на солнце вода. Ростик сбросил сандалии.

— Ну вот, то и сё, вроде керосин отбили.

— А всё-таки как собака-то, дедушка, а? — спросил Иван.

— Собака-пёс? Искать будем. Только тебя-то вот, цыплачок, как бы маманя искать не стала.

— А мама в городе, на работе. Она на льнокомбинате работает.

— Ну, стало быть, не угадал. Бабаня, стало быть.

— Нет, бабушка далеко живёт, в Пензе.

— С кем же ты живёшь?

— С детским садом.

— С кем, с кем?

— Ну, на той стороне,— вмешался Иван.— За переправой. Сад. Льнокомбинатский.

— А-а-а, то-то я тебя на пароме видал. С собакой-псом. Погоди, дак тебя там хватились небось, в саду-то!

Ростик опустил глаза.

— Я не знаю, что делать,— честно признался он.

Ростику пришлось рассказать дедушке Колдырю всю историю с самого начала.

— Глеб, говоришь? — переспросил дедушка.— У кого же это внучонок Глеб?

— А есть ещё Кирилл и Мефодий,— некстати вылез со своей учёностью Иван.— Они азбуку сочинили. Чего смеяться-то? Буквы изобрели.

— Да это, никак, Митрия Глебыча,— продолжал размышлять дедушка.— У них всегда в роду Глебы. Да, Митрий Глебыч, он как можжевеловый корень, характерный... Вот чего, чурачки. Людей так нельзя тревожить. Ты, Ванюш, давай на паром да мальца в его детский сад проводи. А то они там измытарются, чай, уже заискались.

— А как же Кеша? — приуныл Ростик.

— Да схожу к Митрию Глебычу, погляжу. Может, он, собака-пёс, туда сам придёт.

— Кеша умный,— сказал Ростик.

— Ясно, умный,— подтвердил дедушка.— Ну, в добрый час, цыплачки. Ванюшка, ты потом зайди, я тебе камеру-то залепил, сохнет.

Иван и Ростик пошли обратно к посёлку.

Некоторое время шли молча. Солнце зашло за облако. В роще было уже не так светло. И на душе у Ростика тоже было мрачно.

— Ростислав, слышь, на минутку домой зайдём, есть охота. Бабушка оладьев напекла.

Вот и лавочка. Вот и калитка. Иван нырнул во двор. Ростик остался ждать. Сколько собачьих следов на дороге! А вдруг Кешины? Нет, наверно, не Кешины. Мало ли собак ходит по дорогам!

Из калитки выглянул Иван. Выражение лица у него было хитрое. Он подмигнул Ростику и скрылся. А через секунду калитка не просто открылась, а как-то с грохотом отпрыгнула. Иван стремительно выкатил со двора мопед.

— Видал?! — кричал Иван в полном ликовании.— Видал?! Федька мопед запереть забыл. Айда, сейчас до парома доедем!

— А разве тебе разрешат?

— А кто спросится-то? Ведь он его не запер!

Мопед слепил глаза никелем. Сзади за седлом был голубой багажник.

Иван скомандовал:

— Садись на багажник, Ростислав! Сейчас до парома доедем.

Ростик влез на багажник, сел. Иван взгромоздился в седло, нажал на педали. Мотор не завёлся. Ивана это не смутило.

— Слезай! С горы поедем, он с горы заведётся.

Иван почти бегом повёл мопед за красные резиновые ручки. Ростик поплёлся за ним, последний раз с тоской оглянувшись на собачьи следы. Кешины? Или не Кешины? Может, дурак, что не подождал на лавочке? Может, Кеша приходил?

Иван выкатил мопед на дорогу. Она спускалась вниз крутым скатом и соединялась с большой дорогой, по которой Ростик и Кеша утром поднялись от берега к посёлку. Там торчал уже знакомый Ростику осокорь, и бузинные кусты тоже были на месте. Паромный причал был скрыт за поворотом, зато виднелся тот берег, поросший соснами, и стайка белых уток у того берега, и чья-то лодка возле травы.

«Как далеко отсюда видно»,— подумал Ростик.

Солнце опять выглянуло из-за облака. Высоко в небе, неслышный с земли, казалось, медленно плыл-уплывал маленький блестящий самолёт. Запел жаворонок. Ростик поискал глазами, где он поёт, но не нашёл. Возле дороги росла серебристая полынь. Ростик сорвал листок, растёр пальцами, понюхал. Мама всегда так делает.

— Вроде бы дорога не очень крутая,— сказал Иван.— Чего смеяться-то! Я видел, как с неё раскатили «Москвича», а потом он завёлся. А это — мопед.— Он что-то покрутил возле руля, постучал по голубым щиткам, попробовал, крепкие ли спицы, надуты ли шины. Словом, явно подражал старшему брату Фёдору, владельцу нарядного мопеда.— Ну, садись, Ростислав!

Ростик опять залез на багажник. Иван, переваливаясь с боку на бок — ноги ещё толком не доставали,— стал жать на педали. Мопед двинулся, как самый простой велосипед. Мотор молчал. Но с горы машина поехала быстрее, и скорость её всё увеличивалась на спуске. И вот уже мопед несётся почти сам по себе, нисколько не желая слушаться Ивана. Иван вцепился в руль так, что у него пальцы стали лиловыми. У Ростика во рту противно дрыгает язык. Какие-то камешки подскакивают с дороги и больно бьют Ростика по ногам, и ударяются о спицы, и спицы неприятно взвизгивают.

Иван напряжённо смотрит на дорогу. А дорога сама как-то странно кидается под колёса. Мопед совсем перестаёт ему подчиняться, он едет вовсе не туда, куда его старается направить Иван. Вот мопед неожиданно свернул с дороги, три раза подпрыгнул на кочках и свалился. Руль свернулся на сторону, и переднее колесо как-то жалко скособочилось. Ростик упал боком. Он ушибся, но не сильно: с багажника всё-таки не так высоко падать. Иван перелетел через руль и расшибся сильнее. На скуле у него краснела ссадина, и руки он ободрал, и колено зашиб. Вид разбитого мопеда здорово его испугал. Он попытался поднять машину, потом опять положил, стал выправлять переднее колесо, но оно не выправлялось. По дороге кто-то спускался к парому. Иван оглянулся. Батюшки мои, милиционер!

— Иди сюда, прячься! — крикнул Иван и ринулся к кустам бузины.

Он дёрнул Ростика за руку и втащил его под кусты. Там не было травы, земля была взрыта дождевыми червями, пахло сыростью, каким-то лекарством и погаными грибами. У Ростика на ноге саднила содранная кожа да ныл слегка локоть левой руки. Ему опять, как тогда на пристани, показалось, что он заболевает.

Глава восьмая

ЕЩЁ ТРЕВОЖНЕЕ

— Ну что, Мария Васильевна?

— Да говорят, какой-то лейтенант Грошев его ищет. Говорят, никаких несчастных случаев не было. Успокаивают.

— Ох, ужас, ужас! Мария Васильевна, давайте звонить на льнокомбинат.

— Придётся.

— Звоните, Мария Васильевна.

— Елизавета Елизаровна, вы звоните, я к ребятам схожу. Они там с Дусей, надо её на кухню отпустить.

* * *

— Ну вот, молодец, Саша, хорошо вылепил мишку.

— Это не мишка, это собачка.

— Ах да, да, хорошая собачка.

— Мария Васильевна, и у меня собачка.

— Да, да, и у тебя. Павлик, а ты что так сидишь?

— Я не так сижу.

— Но ты же ничего не лепишь.

— Не леплю.

— Что ты сегодня капризничаешь, Павлик?

— Я не капризничаю. Я Ростика жду.

— Ох, наказание!

* * *

— Девушка, да послушайте же, девушка, я льнокомбинат просила! Как это не отвечает? Ну, цех не отвечает, в завком позвоните, я же вам два номера дала.

* * *

— Ну что?

— Ничего. Не соединят никак. Сейчас ещё покручу.

— Давайте я сама.

— Хорошо, Мария Васильевна.

* * *

— Поречье? Поречье, что там льнокомбинат? Жду. Алло! Алло! Товарищ Харитонова? Это Мария Васильевна. Из детского сада.

— Мария Васильевна? Что случилось, Мария Васильевна?

— Да нет, вы не тревожьтесь, вы только не тревожьтесь!

— Что случилось? Что с Ростиком?

— Он кашлял, был в изоляторе.

— Что случилось? Он заболел?

— Он ушёл...

— Как — ушёл? Куда? Я ничего не понимаю.

— Он недолго был один. Я пришла кормить его обедом...

— Его с обеда нет?

— С обеда нет.

— Боже мой, там ведь река!

— Да нет, река ничего. Мы в милицию звонили.

— Почему в милицию? Я сейчас приеду. Алло! Вы слышите? Я сейчас такси возьму и приеду. Где же он, боже мой! Я приеду!

— Она приедет.

— Мария Васильевна, я к реке пойду.

— Хорошо, Елизавета Елизаровна, только вы что-нибудь примите, на вас лица нет!

Глава девятая

«ХАРИТОНОВ — ЭТО Я»

Иной раз шаг шагнёшь — просто шагнёшь, а другой раз шагнёшь — и что-то важное случится. Уже сколько улиц прошли лейтенант Грошев и Кеша совсем понапрасну, а на этой улице Кеша вдруг что-то почувствовал, заволновался. Это же Глебова улица! Вот гора свежего песку у чьего-то забора, вот сгорбившаяся от старости, дуплистая, вечно о чём-то вздыхающая ива, а вот и Глебова калитка!

— Ты что это, ласковый? Что тебе померещилось?

— Здесь, здесь! — крикнул Кеша.— Здесь живёт Глеб. Вот тут, тут!

Лейтенант Грошев подошёл к калитке. С той стороны сомкнутым строем стояли высокие кусты жёлтой акации. За забором разговаривали два голоса, а людей не было видно из-за густой зелени кустов.

— Всякий на свой манер воспитывает,— говорил сердитый голос.— Без зверья обойдёмся.

Другой голос возражал ему:

— Да не прав ты, Митрий Глебыч. Всякий зверь человека слабее, потому как разум и слова ему не дадены. И оттого ему забота нужна и защита. А забота-то, она душу мягчит. Кто в малолетстве жалость к живому имеет, тот вырастет — к людям душой обернётся, сердцем прилепится.

— Сказал уж...— опять вступил в разговор сердитый голос.— Псарню в саду разводить не позволю! У меня в саду клубника. И в доме у меня чистота.

Лейтенант толкнул калитку. Где-то к калитке был приделан звонок. Калитка открылась — звонок позвонил.

На узкой садовой дорожке стоял Дмитрий Глебович — Глебов дедушка.

— Ошибка,— сказал он лейтенанту Грошеву.— Сюда милицию не вызывали. Вам нужен дом семь, а наш — девять.

— Зачем мне дом семь? — удивился лейтенант Грошев.— Мне дом семь совершенно ни к чему. Мне Глеб нужен.

— Глеб? Когда же это он накуролесил? Он и за калитку-то вчера не выходил!

— А где он?

— Нету. Увезли. Заболел, и увезли.

— Куда?

— На аэродром,— сказал Дмитрий Глебович с раздражением.— Фокусы.

— Какие фокусы?

— Лечить.

— Как — лечить?

— Так вот. Новомодные фокусы. Парень коклюшем заболел, кашляет, так ему вместо тёплого молока с мёдом самолёт прописали. На самолёте, мол, если, мол, по воздуху полетать, кашель, мол, проходит. Фокусы и один пустой расход.

— А, по-здорову ли, милок!..— Это лейтенанта Грошева приветствовал возникший из-за куста акации дедушка Колдырь.— Ну, дак, то и сё, бывай, Митрий Глебыч.

Он обошёл Глебова дедушку, сойдя с узкой дорожки — на ней было не разойтись,— и вместе с козырнувшим Дмитрию Глебовичу лейтенантом Грошевым вышел за калитку. Калитка опять позвонила.

Кеша, не дозевав очередной нервный зевок, подбежал к ним.

— Вот ты где, собака-пёс! — поразился дедушка Колдырь.— А цыплачок-то уж какой иск из-за него принял.

— Тут что-то все друг друга обыскались,— усмехнулся Грошев.— Я тоже насчёт всяких «цыплачков» розыск веду... Фома Никитич, тороплюсь, хочу до пристани дойти.

Лейтенант Грошев и дедушка Колдырь, слегка прихрамывая, пошли рядом, а Кеша за ними сзади — шаг в шаг.

— Так что это за «цыплачок»?

— Да тут один из-за собаки-пса из детского сада вбежки убежал.

— А кто такой? Из какого сада? Как фамилия?

— А я не пытал фамилию. Из льнокомбинатского сада. А что, хватились?

— Одного какого-то хватились, запутаешься тут с ними! Их тут вроде бы целых два бегают.

— Ну, я этого-то назад наладил. Ванюшку с ним к парому послал.

— Так. Съезжу-ка я на ту сторону, узнаю.

Вышли на дорогу, ведущую к пристани. Показалась купа бузинных кустов. На дороге никого не было, но Кеша насторожился. Он остановился, его чёрный нос заходил из стороны в сторону.

Ветер, долетевший от бузины, принёс знакомый запах. Кеша помчался к кустам:

— Ростик! Ростик!

В ту же минуту дедушка Колдырь взмахнул руками, удерживая равновесие. Он споткнулся о колесо искалеченного мопеда. Лейтенант Грошев сделал шаг к нему. В этот момент из бузинных кустов выполз на дорогу перепуганный Ростик, а в противоположную сторону, прочь от дороги, шастнул Иван.

— Ванюшка! Ах ты, ботало коровье, стой-ка! — Голос у дедушки Колдыря был необычный, сердитый.

— Так,— сказал лейтенант Грошев.— Это что, марсиане тут приземлились? — Он показал на разбитый мопед.

— На Марсе воздуха в восемь раз меньше, чем в земной атмосфере,— мрачно сказал Иван.— Там человеческие существа обитать не могут.

— Да? Поди ж ты! Так это, может, кто-то чужой мопед разбил, а?

— Ты чего ж это в сад-то не вернулся? — спросил Ростика дедушка Колдырь.

— А ты кто такой? — одновременно спросил его лейтенант Грошев.

— Ростик.

— А Харитонов кто? Он с тобой?

— Харитонов — это я,— прошептал Ростик.

— Ты?

Лейтенант Грошев захохотал.

— Хвостик! Дежурный-то не понял! Ростик, значит, а не хвостик, как это я не догадался! Ну, небеса проясняются. Значит, вместо двух пропаж — одна, и та нашлась.

Он опять засмеялся, а потом строго сказал Ивану:

— Ну, вот что. Ты давай транспортируй мопед домой, получай за это порцию благодарности, а завтра чтоб в отделение пришёл.

— Зачем? Я ничего не сделал...— заканючил Иван.— Это Федькин мопед, не чужой.

— Я уж понял, что Федькин.

— Так я что? Я его в детский сад вёз, я не виноват, это центр тяжести сместился...

— Разговор у меня с тобой завтра будет, профессор.

Хмурый Иван поднял машину. Ни на кого не глядя и ни с кем не простившись, стал толкать упирающийся мопед вверх по дороге. Маленькая аккуратная птичка трясогузка, которая в этот момент переходила дорогу, отлетела в сторону и опять зашагала, недовольно покачивая хвостиком.

— Ну что, милок? — обратился дедушка Колдырь к лейтенанту Грошеву.— Я, может, пойду? Завтра утром смолу курим, там разобраться надо бы.

— Идите, Фома Никитич. Я сейчас на катере его отвезу.

Кеша поглядел на Ростика, потом на лейтенанта Грошева.

«А что же будет со мной?» — спрашивали его глаза.

Глава десятая

«У КАЖДОЙ СОБАКИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ХОЗЯИН»

Елизавета Елизаровна не отрываясь глядела на дорогу, которая вела через луг к реке. А мама всё ходила взад и вперёд, от кривой сосны до пенька и обратно. Елизавета

Елизаровна держалась за щёку, как будто у неё только что вырвали зуб.

На дорожке показалась возбуждённая Мария Васильевна:

— Нашёлся! Звонили! Сейчас привезут.

И все трое, как ребята, когда играют в салочки, побежали вниз и через луг — к реке. Маму осалить мог бы разве что только ветер — так быстро она неслась к берегу.

Вот и берег. Милицейская моторка гонит волны сразу вверх и вниз по течению и шумит, и кричит что-то неразборчивое. Вот уже видно всех, кто сидит в катере.

«Они нашли его с ищейкой,— думает Мария Васильевна.— Вот паршивец!»

«Наконец-то нашёлся! Но откуда и зачем с ними собака?» — думает Елизавета Елизаровна.

«Сыночек, целый, живой!» — думает мама и не замечает ни милиционера, ни собаки.

Мотор замолкает. Катер наполовину наползает на берег. Прибрежные волны и мокрый песок приветствуют Ростика по-своему: песок шуршит, а волны плещут, точно хлопают в ладоши.

Первым перешагивает через борт улыбающийся лейтенант Грошев, следом спрыгивает Кеша — хвост ещё колечком, но колечко свесилось. А потом, ухватившись за руку лейтенанта Грошева, из лодки выбирается Ростик. Он минутку стоит на сыром песке, сандалики подмокают, потом он бросается к маме и устраивает рёв — громкий, безутешный, очень дошкольный рёв. И мама берёт его на руки, как маленького, и все идут к детскому саду. И сосны чуть-чуть расступаются, чтобы все могли идти рядом. Мама, не спуская с рук, несёт тяжёлого Ростика. Он перестал реветь и теперь только иногда вздрагивает и всхлипывает, лейтенант Грошев рассказывает, как всё было, и Кеша — нога за ногу, нос опущен — ковыляет рядом с ним.

* * *

Елизавета Елизаровна и Мария Васильевна ушли к ребятам. Ругали Ростика. А как же! Столько заставил всех волноваться. А потом — простили. Успокоились, что цел, и простили. Они ведь обе добрые.

Елизавета Елизаровна спросила:

— Но ты определённо не кашлял?.. Нет, это не пертуссис.

Теперь Ростик сидит у мамы на левом колене, а Кеша — рядом с правым, и мама гладит его правой рукой.

— Может быть, я сама виновата,— говорит мама лейтенанту Грошеву.— Я не выношу чёрствости в людях. Я сама приучила его оказывать помощь тем, кто слабее. Читала ему книжки, и когда мы гуляли... Сама виновата,— перебивает она себя.— Вот он что натворил.

Мама вздыхает и гладит сразу двумя руками — Кешу и Ростика.

— У вашего сына был трудный выбор,— говорит лейтенант Грошев. И, помолчав, добавляет: — У каждой собаки должен быть хозяин. Каждая собака имеет на это право.

— Да,— согласилась мама.— Да, конечно. Но что же будет с этим хорошим псом?

Кеша насторожил уши. Оглядел каждого по очереди.

— У меня их четверо,— сказал лейтенант Грошев, почему-то смущаясь.— Прямо ума не приложу. Что делать, ласковый, а?

Кеша вильнул хвостом, моргнул, ничего не ответил. Глеб уехал. А больше Кеша ничего не знает.

— Эх...— сказала мама.— Во-первых, я работаю. Во-вторых, квартира маленькая.— Ростик не понял, зачем мама про это говорит.— Но,— продолжала она,— сын у меня растёт, помощник. А квартиру в завкоме уже обещали. Значит, дадут. А? — обратилась она к Ростику.

И начался страшный шум. И Ростик повис у мамы на шее. И Кеша подпрыгивал, чтобы лизнуть маму непременно в кончик носа, и лейтенант Грошев улыбался и почему-то благодарил.

* * *

И вот мама уехала назад, в город, и Кеша ушёл с ней — на верёвочке: где же тут возьмёшь поводок и ошейник для своей собаки!

И Ростик уснул — не в изоляторе, а в группе, на своей кровати, рядом с кроватью Павлика.

И задремал ореховый куст, и выплыл месяц и осветил берёзу. И она стояла красивая и тихая — все спят и ей до утра не с кем поговорить.

пьесы
звёздные
для
мастера
чтения и представления

МОРОЗКО

Пьеса в двух действиях, одиннадцати картинах
по мотивам русских народных сказок

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Морозко — роста немного выше среднего, розовощёк, борода белая, не очень длинная, лицо совсем молодое. Одет в белый блестящий балахон, из-под которого видна нежно-розовая косоворотка. Ходит бесшумно, величественно. На ногах носит белые мягкие сапоги. На лице постоянно чередуются то улыбчивое, то хмурое выражение. Он по виду — человек, но не надо забывать, что всё же он существо сказочное.

Любуша — падчерица. Миловидная девушка, тоненькая, невысокая. Черты лица правильные, «северные» — без скуластости. Глаза голубые. Русая коса чуть-чуть не достигает талии. Носит простой крестьянский сарафан, на голове — выцветший платочек, на ногах — лапоточки. Она застенчива, скованна, но не производит впечатления забитой, благодаря своей внутренней душевной силе.

Пава — родная дочь. Алчная, хитрая, мелкая, толстая почти до уродства. Безвкусно разряжена.

Буслай — жених Любуши. Славный парень. Волосы тёмные, стрижены «под горшок». Искренний, порывистый. Всё время стремится по-мужски взять все трудности на себя.

Птица Чур — сказочная птица.

Переплут — лесной человек. Одет в тёмно-коричневое, напоминающее древесный ствол трико. На голове — небольшой венок из листьев. Существо весёлое, насмешливое, плутоватое и доброе.

Сила — медведь. С виду — страшный и суровый. Но душа у него отзывчивая. Очень падок на ласку.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Деревенская улица. Дом на вид среднего достатка. Невысокое тесовое крылечко. Резные наличники. Рядом с домом — лавочка без спинки и вкопанный в землю стол. Возле крыльца — берёзка, её тонкие свисающие кружевным плетением ветки покрыты мелкой весенней листвой. На улице недалеко от дома колодец — «журавль» с крепким деревянным срубом. У нижнего венца пробивается из-под земли молоденькая весенняя травка. От берёзы к дому протянута пеньковая верёвка. На весеннем ветру сохнет выстиранное бельё.
Из колодца показывается голова Морозки. Потом плечи. Морозко оглядывается, вылезает на сруб и спрыгивает на землю.

Морозко *(ходит по сцене, оглядывает всё придирчиво, заглядывает на крыльцо, под стол и под лавочку).*

Ну вот и всё. Всё прибрано.
Всё чисто на земле.
Отправлены возы со льдом и снегом.
Завиты инеи в клубки.
Морозный скрип уложен в короба.
А звон речного льда в бутыли запакован.
И даже зимней оттепели плеск —
И тот разлит по крынкам.
Всё это надо мне сберечь в моих амбарах,
Пока придёт Зима.
Зима-то уж далёко —
Катит себе в своей коляске белой,
И белый конь её несётся, словно птица.

А я, Морозко,— хлопочи, да прибирай,
Да наблюдай хозяйство...
Здесь, в студенце, я холод бережно храню.
Чтоб летом, в зной, мог человек напиться
Воды студёной, переливчатой, да вспомнить,
Что холод есть на свете. Да помянуть его добром.
Ведь этот студенец *(показывает на колодец)*
Проходом под землёю связан
С надёжным теремком моим.
Там у меня уют, холодный свет, прохлада.
Там в одиночестве живу я.
А кто непрошеный явись —
Так заморожу.
Такой уж у меня характер.
Ух, растеплело как!
Не дышится совсем.
Прощай, земля. Прощай до листопада.
Пока я заморозок первый
С собою принесу. *(Скрывается в колодце.)*

Несколько мгновений сцена пуста. Только ветер раскачивает на верёвке бельё да перебирает берёзовые ветки. Из дома выходит Любуша. Пробует бельё. Находит, что оно высохло. Снимает его с верёвки, навивает каждую вещь на скалку, прокатывает на столе рубелем и аккуратно складывает в стопку.

Любуша. Ветер тёплый какой! Солнышко точно золотые ниточки прядёт, тёплые узоры вывязывает! *(Вздыхает.)* Ждать мне от весны вроде нечего. Жизнь моя, что полынь-трава, горечь. Мачеха у меня лютая. Сестрица Пава — шипучая змея. А сердце всё равно почему-то замирает.

Любуша кончает складывать бельё, уносит в дом, мгновенно возвращается, берёт метлу, метёт двор. Подметает и поёт.

Как во поле липонька зацветала,
Белый цвет на землю роняла.
— Что ты, липа, цвет на землю роняешь,
Радость на кручину меняешь?
— Как же белу цвету не вянуть?
Может вихрь полночный нагрянуть,

Станет ветки знобить, станет гнуть их.
Переломит липку, как прутик.

Любуша ставит метлу в угол. Продолжая напевать только мотив песни, колет дрова, укладывает их в поленницу.

Знаю я, отчего сердце моё точно на качелях качается. У-ух — словно обрывается и катится с кручи вниз. Буслаюшка, светик, Буслай Замятович, всё о тебе думаю. Подойдёшь, за руку возьмёшь, скажешь: «Любуша». А ему и не гадается и не снится... Да зря и я эти сны вижу. Кому я нужна? Отец-то его — кузнец, в селе видный человек. А я?

Любуша хватает два деревянных ведра, подбегает к колодцу, быстро достаёт воды колодезным ведром, наполняет свои и опять застывает в раздумье.

До чего ж воздух лёгкий, не надышишься...

Из-за кулис появляется Пава.

Пава. Любуша! Стоишь, да? Воздухом дышишь? Будет маменьке доложено.

Любуша. Да сестрица Павушка, уж сколько я дел переделала.

Пава. А пирогов напекла?

Любуша. Напекла, сестрица, с курятиной напекла.

Пава. А тебе маменька с чем приказывала?

Любуша. Весна ещё только, сестрица, грибов-то в бору — ни маслёночка, ни опёночка. Как же я с грибами напеку?

Пава. Будет маменьке доложено. Лень тебе было в лес сходить. Правильно говорит маменька, лентяйка ты, хлебоежа нам досталась.

Любуша. За что ж ты меня, сестрица, обижаешь?

Пава. Обидно тебе? Вот и ладно. Если я тебя не обижу — себя не потешу. А мне себя потешить надо, я у себя одна-единственная. Где пироги-то?

Любуша. На загнетке, платком накрыты.

Пава. Пойти пирожком освежиться. Плохие небось... *(Уходит в дом.)*

Любуша. Вот и радости как не бывало. *(Смотрит в*

небо.) Эх, птички перелётные, что вы всё счастье-то мимо проносите? Когда же мой-то час? Тятенька с матушкой Любушей меня назвали. Да не долго любили меня. Сперва матушка померла, после тятенька. Вот и живу я с мачехой-то, нелюбая никому.

Любуша плачет, спрятав лицо в ладонях, не замечает как к ней подходит Буслай.

Буслай. Любуша?

Любуша. Ой, Буслаюшка!

Буслай. Кто обидеть тебя посмел? Плачешь?

Любуша. Нет, не плачу я.

Буслай. Вижу ведь.

Любуша. Это я так, слезами умываюсь, чтоб воду зря не лить.

Буслай. Не плачь, Любуша, я что сказать-то хотел...

Любуша. Мне?

Буслай. Выходи вечером за околицу. Станем с девушками да парнями в горелки играть.

Любуша. Буслаюшка, я сробею.

Буслай. Чего тебе робеть, когда ты красивей всех.

Пава, жуя пирог, появляется на крыльце. Увидев Буслая с Любушей, остаётся за чуть приоткрытой дверью и подслушивает.

Любуша. Сарафана нарядного у меня для гулянья нет.

Буслай. Дай срок, всё у тебя будет. Я тебя в горелки изловлю. Да к отцу своему поведу...

Любуша. Ах, это-то уж зачем...

Буслай. Пусть поглядит на тебя да сватов посылает.

Любуша. Ой, Буслаюшка, правда ли?

Буслай. Да, Любуша.

Любуша *(погасшим голосом)*. Что это я? Батюшка твой разве когда согласится? Мачеха за мной ведь ни лоскуточка не даст.

Буслай. И не надо ничего. Я сам для тебя на всё заработаю. Руками лес стану валить, терем построю. Ты мне только скажи, люб ли я-то тебе?

Любуша. Уж как люб, уж как люб! Ах, вот оно счастье моё!

Буслай и Любуша глядят друг другу в глаза, держась за руки.

Что-то и не верится. Отец-то твой бесприданницу не позволит взять.

Буслай. Пойду с отцом наперёд поговорю. При вечерней зорьке всё тебе и скажу, каков его ответ да совет. Прощай пока.

Буслай убегает, Любуша глядит ему вслед, не замечает, что на крыльцо вышла Пава.

Пава. Уж и сговорились! Всё будет маменьке доложено. *(Громко, Любуше.)* Опять прохладой дышишь?

Любуша *(вздрагивает)*. Что?

Пава. Чего это ты там увидела?

Любуша. Ничего, сестрица, это я птицу увидела. Думаю, неужто жаворонки прилетели?

Пава. Хорошо напомнила. У нас муки в ларе и на донышке нет. Быстро тащи зерно на мельницу. Жаворонков печь пора, весну встречать.

Любуша. Сестрица, там муки на жаворонков хватит, хоть на всю деревню напечём.

Пава. Перечить научилась? Будет маменьке доложено!

Любуша. Да есть же мука в амбаре!

Пава. Коль я говорю нет, так и нет её. А ну быстро на мельницу! Ты чего как врытая стоишь?

Любуша медленно уходит в дом.

Или я не умница? Вот свиданьице-то ваше и тю-тю. А там и еще чего удумаем. Нам, может, и самим Буслай-то Замятович по нраву. Мы и сами, может, недурны. *(Напевает и неуклюже приплясывает.)*

Уж как я во чистом поле былинка,
Я пруточек-стебелёчек лозинка...

Из дому, сгибаясь под тяжестью огромного мешка, выходит Любуша.

Любуша. Сестрица, помогла бы мне, уж больно мешок тяжёл. Я и до утра с ним до мельницы не дойду.

Пава. Не дойдёшь до утра, доплетёшься завтра к вечеру. Я себя тяжестью утруждать не собираюсь. Я у себя одна-единственная.

Любуша уходит.

Что-то маменьки из гостей долго нет. Она-то бы лучше меня измыслила, как эту любовь расстроить да мою свадьбу состроить. *(Думает.)* И то дело! Бесприданницу-то брать кузнец Замята Буслайке не позволит. Ну-ка я приданое-то своё на верёвки развешу. Вроде проветрить. Он увидит, сколь я богата, вот и позарится. *(Скрывается в доме, потом появляется на крыльце, пыхтя, выволакивает огромный кованый сундук. С трудом стаскивает его с крыльца и начинает вынимать из него разную одежду и развешивать на верёвках. Прикидывает к себе сарафан.)* Ну, не красавица ли я в расшитом сарафанчике буду? А вот душегреечка. Мех соболий, не какая-нибудь лиса. *(Пытается примерить, душегрейка не налезает, трещит по швам.)* Попышнела я, душегреечка не налезает. Ладно, расставим слегка. А полушалочек — измирский, а кашемирчик-то индийский...

Вбегает Буслай.

Буслай. Пава, Любуша дома ли?

Пава. Нету замарахи твоей лапотной. А это всё — моё. Богато, а? И верха, и меха — всё дорогое. Нравится?

Буслай. Да погоди ты. Где Любуша, говори.

Пава. Ты чего очумелый какой?

Буслай. Некогда мне. Батюшка на ярмарку посылает, кочергами-ухватами торговать. Мне заработки нужны.

Пава. А коль нужны, так поезжай.

Буслай. Да ехать-то сей же час надобно, мне Любушу предупредить бы.

Пава. Об чём это?

Из-за кулис слышен голос: «Буслай, где пропастишься, ехать пора!»

Буслай. Пава, скажи Любуше, что я нынче за око-

лицу не приду. Как отторгую, тут же явлюсь. Скажешь, что ль?

Пава. Мне что, скажу.

Буслай, махнув рукой, убегает.

Вот и на руку. Пойду по такому случаю себя чайком побалую.

Пава уходит в дом. Появляется Любуша. Сбрасывает со спины тяжёлый мешок с мукой.

Любуша. Ой как спешила! Даже мешок этот трёхпудовый словно пушинку несла. Ещё успею за околицу. Счастливая я. Счастливей меня никого на свете нет! Берёзонька слышишь? Счастливая я!

Из дому выходит Пава.

Пава. Ты чего, или зерно назад с полдороги принесла?

Любуша. Нет, сестрица. Смолото зерно. В мешке — мука.

Пава. Лётом, что ли, летела? Мельница — не ближний свет.

Любуша. Не лётом, сестрица. Просто быстро шла.

Пава. Спешишь куда?

Любуша *(опустив голову)*. Куда мне спешить. *(Желая перевести разговор.)* А что это ты своё приданое проветриваешь?

Пава. Замуж выхожу. К свадьбе готовлю.

Любуша. Ой, Павушка, радость какая! Уж как я за тебя радуюсь, хорошо-то как! За кого, Павушка?

Пава. За Буслая.

Любуша. Какого Буслая?

Пава. Кузнеца Замяты сынка.

Любуша. Как же это?

Пава *(ехидно)*. А чем плох жених? И пригож, и ловок, и умом деловит.

Любуша. Быть не может. Когда же он посватался?

Пава. А вот теперь. Пришёл, говорит, отец велел невесту с приданым искать. И посватался.

Любуша. За приданое?

Пава. И за красоту.

Любуша. Нет, нет, быть не может.

Пава. Говорит, я своими руками терем для тебя построю.

Любуша *(почти теряя сознание от горя)*. Построю...

Пава. В терему, говорит, поселю тебя, не с твоей же сестрой-замарахой нам жить. Заболталась я с тобой. Пойду простыни да наволоки вышивкой метить. *(Уходит в дом.)*

Любуша. Нет! Нет! Нет! Берёзонька, нет! Солнышко ясное, нет! Не снести мне, не вытерпеть! Сердце заходится. Голова кружится. Нет, нет, не жить мне после этого, сокол, сокол, Буслай Замятович! Терпела я мачехину кривду. Терпела сестрицыну злость. *(Мечется по двору, подбегает к колодцу.)* А твоей неправды не стерплю, сил не достанет. Берёзонька! Прощай! Прощай, ясный день! Пропала Любуша! *(Кидается в колодец.)*

День меркнет. Поднимается ветер. На крыльцо выходит Пава.

Пава. Любуша! Любуша, замараха! Долго ли звать тебя? Погоди, будет маменьке доложено!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Горенка в Морозкином тереме. Высокие стрельчатые окна разукрашены изнутри затейливым морозным узором. Просторная высокая кровать. Белоснежные простыни, покрывала, большие подушки — всё это раскидано по кровати в беспорядке. На круглом столе — скатерть съехала набок. На полу сбит белый пушистый ковер. Морозко молча расхаживает по горенке. Слышно, как тикают висящие на стене ходики, раскачивается большой, блестящий маятник. На левой стене от потолка до пола что-то завешено белым сверкающим, переливающимся занавесом.

Морозко *(раздумчиво)*.

Как будто ладно всё:
Надёжно льды укрыты.
Все в целости снега,

Набор осенних зорь студёных
И переливчатых сосулек звон...
Да, вот что!
Пойти ещё речные льды проверить,
Тогда и теремком своим займусь.
Сказать по правде,
Домашнее — всё это дело немужское —
Мне так не пó сердцу!

Морозко уходит, по дороге подкидывая ногой на полу какую-то оброненную вещь. Сцена пуста. Внезапно раздаётся громкое шипение, окошко на часах, из которого обычно выскакивает кукушка, распахивается, оттуда вылетает белая сова. Она шесть раз кричит по-совиному и скрывается. Вместе с последним её криком дверь в горенку робко открывается, осторожно входит Любуша.

Любуша. Есть тут хозяин? Никого. Молчит. И не опомнюсь. Жива я или умерла? Сначала всё в глазах у меня помутилось. А потом в каком-то я проходе оказалась подземельном. Тут холодно. Чей это терем?

Морозко *(входя)*. Морозкин терем.
И тебя
Немедля заморожу я.
Такой уж у меня характер —
Непрошеных гостей морозить.

Любуша. Что ж, заморозь. Только гляди, как у тебя неприбрано. Один ты, что ли, бобылём живёшь, Морозушко? Дай приберу сперва.

Морозко. Что ж, прибирай.
А я морозить стану.
Да погляжу, сколь долго выдержишь.

Любуша ловкими, привычными для неё движениями начинает приводить горенку в порядок.

Прилетайте, ветры,
С белого моря,
Налетай, пороша,
Из-за гор льдяных,
Злые холодища,
Леденините душу.
Ну что, замёрзла, девица?

Любуша. Нет, Морозушко. Я до дела добралась, мне и не холодно.

Любуша продолжает работать, Морозко морозит.

Морозко. Повеяли ветры из-за чёрных камней,
Мглы налетели из-за синих гор,
Вьюги завыли из-под злых корней,
Лютая стужа змеёй ползёт.
Ну что, зашлась от холода?

Любуша. Нет, мне тепло, Морозушко. Гляди-ка, сколь горенка твоя стала нарядна!

Под умелыми руками Любуши всё преобразилось.

Морозко. Да, расторопна ты.
Ну ладно.
Не стану больше я тебя морозить.
Умаялась, я вижу.
Я, Морозко, и пожалеть могу.
Такой уж у меня характер.
Приляг вот тут.
Усни.

Любуша. И правда, Морозко. Тело моё ломит, точно били меня цепами. И душа моя в черноте. *(Ложится на застланную белым мехом лавку и тут же засыпает.)*

Морозко. Уснула девица:
Как хороша собой!
Не боязлива.
И в делах проворна.
Откуда бы взялась и кто такая?
Признаться, я расспрашивать не мастер.
А люди часом ой как неправдивы!

(Подходит к Любуше.)

Сначала сон её пусть станет крепким.

(Взмахивает руками у неё над головой.)

Дрёма да сон, сон,
Наведите покой да сонь.
Не шевелится, не колышется
Ничего не слышится,
Не помнится, не снится,
Спится, спится, спится...
Теперь надёжен будет сон.

(Подходит к стене со сверкающим белым занавесом.)

Здесь спрятана моя большая тайна.
Кудесником полуночной страны
Подарено мне зеркало одно,
Такое белое и ледяное с виду.
Коль я о чём задумаю узнать —
Отобразится сразу.
Всю правду в нём я тотчас узнаю!
Однако заколдовано оно:
Тем зеркалом
Обязан я владеть единолично.
Иначе, коль кому доверю тайну,
То зеркало всю силу правды потерять
И мудрено её назад вернуть.
Вот с зеркала сейчас
Я совлеку завесу
И всё узнаю о пришелице своей.

Занавес медленно начинает сходиться. В оставшемся незакрытом пространстве видно, как Морозко протягивает руку к сверкающей завесе.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же декорация. Морозкина горенка чисто прибрана, Любуша сидит на низенькой табуреточке. Перед ней — расписная прялка. На прялке — белоснежная шерсть. Любуша прядёт шерсть и тихонечко напевает.

Любуша. Не шуми, берёзонька,
На ветру, на ветру,

Вы не пойте, пташечки,
Во бору, во бору,
Мил уехал за три моря
Да за гору.
Может, мил ко мне вернётся,
Да не скоро...

(Задумывается, затуманивается.) Хорошо мне у Морозки жить. Вот уж, должно, неделя прошла. Морозко своими снегами да льдинками занимается, проверяет начищает, бережёт. А я дома — по хозяйству. Чудной он Морозко. То добрый да ласковый, а то — разозлится. Как глянет — лес вянет. Чудится мне, знает он что-то, да сказывать не хочет. Как стану я о доме вспоминать, так он сразу же — уста на замок. Молчит. Супится. Точно боится, что я назад запрошусь. *(Встает, занимается домашними делами.)* Надо бы занавеску эту белу вытрясти, да не велел Морозко. Говорит: «Если только дотронешься, страшной карой покараю». А что там? Может, не бояться, взглянуть? *(Подходит к белому занавесу, протягивает руку.)*

В этот момент входит Морозко. Любуша отскакивает к столу

М о р о з к о. Чем занималась,
Рукодельница моя?

Л ю б у ш а. Пряжу пряла, Морозушко. Видишь, кудель белоснежная какая.

М о р о з к о. Я рад, что белый цвет тебе приятен.
Спокойный и морозный зимний цвет.

Л ю б у ш а. Оно конечно, Морозушко. Да только, знаешь, видела я во сне сегодня берёзку нашу всю в листочках зелёных. И будто Буслай не сватал вовсе Паву, а ждёт меня у тонкого ствола.

М о р о з к о. Молчи. Я не охотник бредни слушать.

Л ю б у ш а. Ну что ж, молчу.

М о р о з к о *(раздражённо)*. Тебе я что хочу сказать...

Я говорить любитель напрямую.
Такой уж у меня характер.

Ответь мне только: плохо ли тебе
В подземном тереме моём живётся?

Любуша. Да что ты. Хорошо.
Морозко. Так вот. Тут оставайся навсегда.
Покой тут вечен.
Тут нет волнений,
Что несёт с собой весна.
Порядок тут. Простор.
Ни от кого обиды ты не встретишь.
Так будь же здесь хозяйкою отныне.

Любуша. Спасибо. Мне выбирать-то не из чего, Морозушко.
Морозко. А коли так — и ладно,
Здесь у меня на славу заживёшь.
Одно лишь помни — до этой занавески
Не то что пальцем,
Взглядом дотронуться не смей.

Любуша. Попомню.
Морозко. Прощай пока,
Займись домашним делом,
А я спустя часок вернусь к тебе.

Морозко уходит.

Любуша. Неплохо здесь, а страшно всё-таки на веки вечные остаться в холодном белом царстве. Тёплого солнышка не видать. Частому дождичку лица не подставить... *(Продолжает прерванные приходом Морозки дела, напевает.)*

Не кукушечка во сыром бору горевала,
Красна девица по молодцу тосковала:
«Что ты, молодец, сердце-то вынул,
Горячо любил, да скоро покинул...»

А всё же, что бы тут быть могло, за занавесом этим? Взглянуть? Ох нет, ведь заказал Морозко. *(Продолжает работать. Останавливается.)* Вот бы посмотреть на свадьбу Буслая-соколика с сестрицей. Тут сердце-то моё

бы и разорвалось... Да, видно, век мне вековать в холодном тереме Морозкином. Хозяйкой он меня назвал. А коли я хозяйка, так как же мне не знать, что в доме моём находится?

Любуша подходит к белому занавесу, раздёргивает его. Раздаётся грохот, свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Свет ярко вспыхивает. Любуша — на авансцене, перед раздёрнутым сверкающим занавесом. На сцене — декорация первой картины. Пава на столе месит в корчаге тесто.

Пава. Подумать только, что мне без замарахи хуже стало жить. Я думала, пироги-то сами пекутся. Дрова-то сами колются. Маменька жадничает, никого в услуженье нанимать не хочет. Вот мне и приходится себя утруждать. Жалко меня, травиночку, я у себя одна-единственная.

Прилетает и кружится возле Павиного лица пчела.

Кыш, пошла, пчела окаянная. Ещё ужалишь. Ещё нос распухнет.

Пчела не отвязывается, Пава отгоняет её руками, перепачканными тестом, сажает на нос нашлёпку из теста, воюет с пчелой.

Пошла, пошла. Тьфу, пропасть. Да, жаль, что замараха потерялась. Какие лешие её уволокли? Какие волки съели? Мне, бедненькой, и покуражиться-то не над кем!

Вбегает Буслай.

Буслай. Любуша! А вот и я.

Пава поворачивает к нему перепачканную физиономию, Буслай столбенеет.

Пава. Чего так голосишь? Меня не Любушей, а Павой называют.

Буслай. Я обознался. Я до этих пор тебя за работой не видывал. А Любуша-то где?

Пава. Стала б я с тестом возиться, когда б она была.

Буслай. Где ж быть-то ей?

Пава. Вот в том и дело, что пропала.

Буслай. Ты что, в своём уме? Ты ей сказала ли, что я на ярмарку уехал? Предупредила, как просил?

Пава. А что мне в просьбе-то твоей?

Буслай. Да замолчи! Скажи, где Любуша моя?

Пава. Была твоя. А нынче чья — неведомо. Пропала. В тот самый день, как ты на ярмарку уехал... В тот самый вечер.

Буслай. Любуша, росиночка моя!

Любуша. Буслай! Я здесь, живая я!

Буслай её не может слышать.

Буслай. В каком же царстве подземельном искать тебя?

Любуша. В холодном студенце!

Морозко *(неожиданно появляясь рядом с Любушей)*. Так вот оно, Морозке послушанье!

Раздаётся гром, треск, свет гаснет. Когда он зажигается, Морозко и Любуша оказываются в морозкином теремке перед раздёрнутыми занавесками и погасшим зеркалом.

Любуша. Морозко, выслушай! Морозко, отпусти меня!

Морозко. Нет, девица,
Кудесника полночных стран
Нарушено заклятье.
И сила правды
Из зеркала ушла.
Теперь ступай и правду ту добудь.
Она заключена в словах чудесных,
В каких — тебе и надлежит узнать.
Коли узнаешь, так награжу тебя
Щедрее, чем по-царски.
Коль не узнаешь —
Морозом страшным заморожу.
Собирайся в путь.

Любуша. Ну вот, теперь-то уж погибла я, наверно. Как умирать не хочется. Ведь Буслай меня не обманул.

(Плачет.) Куда же мне идти, Морозко? И где найти для зеркала заветные слова?

Морозко. Пойдёшь ты далеко,
За три дремучих леса.
Там средь болот погибельных,
Песков зыбучих
Отыщешь то, что надо,
В серебряном ларце.
Ступай. Я ослушанья не терплю.
Такой уж у меня характер.

Любуша. Прощай. Прости, если можешь. *(Уходит.)*

Морозко. Вот так оно случилось.
Хоть жаль мне девицу,
Хоть много опасного и страшного грозит ей
Но надо выполнить заклятие кудесника.
А ей — наука.
Всё, люди, делаете не подумав, сгоряча,
Нет чтобы холодно всё разумом проверить!
А впрочем, сам я тоже виноват.
Ведь в зеркале я видел,
Что молодец её не обманул,
Да не сказал ей правды,
Чтоб у меня она осталась.
И вот теперь пойдёт с ней рядом
Её погибель.
Неведомо, как дело обернётся.
Печально как!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Первый дремучий лес. Диковинные деревья покрыты серебристой листвой, которая, колышась, издаёт странный звон. Кустарник цветёт крупными, странными цветами. Посреди сцены огромное дерево

ветви которого словно большая плоская крыша под самым небом. В его кроне — гнездо какой-то большой птицы. Любуша лежит ничком, без движения. Постепенно приходит в себя.

Любуша. Где это я? Что со мной? Ох, видела во сне, что дома я и что Буслай со мной. И говорит он мне: «Не бойся ничего, росинка моя!» Во сне я и забыла про все горести мои. Как в дремучем лесу страшно! Заплуталась я. Солнце-то на этот лес не светит. Ни одна дорожка не пролегла. Какой звон заунывный. Ни зверя, ни птицы. Чу! Кто-то вроде плачет? Иль только кажется? Тс-с-с. Вот, вот он — голосок.

Слышится тоненький, жалобный голос:

Мамушка, помоги!
Ножки болят,
Встать не велят,
Не взмахнуть крылышком,
Не шелохнуть пёрышком,
Мамушка, горюшко...

Из-за ствола большого дерева выпархивает Птица Чур. Пока не замечает Любушу.

Птица Чур *(в голосе тревога)*. Ой, лихо, детёныш, где ты?

Голос птенца. Вот здесь, под кустиком.

Птица Чур. Да что же ты наделал — из гнезда выпал! Я же тебе не велела выглядывать из гнезда, приказывала строго-настрого!

Голос птенца. Мамушка, лапки болят, тельце знобит.

Птица Чур. Горе мне! Горе! Хоть и сильна я, Птица Чур, хоть за три леса вижу, а всё — птица. Птицы своих детей в гнездо вернуть не умеют. Сгинешь ты под кустом. Мы же одни-одинёшеньки в дремучем лесу.

Любуша, которая видела всё это, бросается на помощь.

Любуша. Где птенчик-то, неведомая птица? Дай я его подниму!

Птица Чур *(так поражена, что на мгновение забывает о птенце)*. Кто ты? Откуда ты?

Любуша. Всё скажу. *(Увидела птенчика за кустами, кинулась, взяла на руки. Птенец — кукла.)* Да ты маленький, миленький. *(Гладит птенца, дует на головку.)* Расшибся, дурачок?

Птица Чур. Не обидь его.

Любуша. Не обижу. Лапка у него перебита. Вот от юбки клочок оторвём да лапку перевяжем. Юбке урон невелик, а лапка подживёт.

Птенец. Мамушка, меньше болит.

Любуша. Вот тебе, неведомая птица, твой птенец. Забирай.

Птица Чур. Разве ты, добрая девица, не знаешь: птицы своих птенцов носить не могут.

Любуша. А ведь так и есть! Прошлым летом аистёнок из гнезда выпал, я с ним аж на крышу лазила. А твоё гнездо где?

Птица Чур. Вот — на дереве высоком, на суку самом крепком. Доберёшься ли?

Любуша. Доберусь.

Любуша лезет на дерево, бережно несёт птенца, осторожно кладёт его в гнездо.

Птенец. Мамушка, я уж дома!

Птица Чур. Как мне тебя благодарить — и не знаю. Даже как звать тебя, и то неизвестно мне.

Любуша. Любушей звать.

Птица Чур. А меня — Птица Чур зовут.

Любуша. Как странно-то. Птица Чур!

Птица Чур. Как, девица, могла ты в этом дремучем лесу оказаться?

Любуша. Ах, Птица Чур, и не спрашивай.

Птица Чур. А всё же скажи.

Любуша. Иду я за три леса заветные слова для зеркала волшебного искать.

Птица Чур. Ой, бедное дитятко. Во втором-то лесу страшнее, чем в первом,— там болота непроходимые, злые туманы над ними стоймя стоят.

Любуша. Всё равно пойду. Или погибну погибелью, или добуду заветные слова, чтоб зеркалу правду вернуть. Без того мне к Буслаю до смерти не возвратиться.

Птица Чур. Чем же помочь тебе, Любуша?

Любуша. Чем же поможешь? Я — тут, в дремучем лесу, Буслай — далеко-далеко... Птица Чур, а можешь ты ко мне домой слетать?

Птица Чур. Страшно мне птенчика оставлять. Да для тебя сделаю.

Любуша. Лети в родимое село, Птица. Разыщи Буслая. Да скажи ему — жива Любуша. Только, мол, может, погибнет за тремя лесами да не воротится. Пусть помнит Любушу. Пусть знает, что она его любит.

Птица Чур. Лечу! Да! Погоди! Коли потом, когда во мне нужда будет, ты позови меня.

Любуша. А как позвать, ты разве услышишь?

Птица Чур. Услышу, коли такими словами позовёшь:

Выйду я к синю морю,
Увижу над морем зорю.
Белая заря,
Алая заря
Да заря-заренища,
Кликните Чур-Птицу.

Тут я к тебе и прилечу.

Любуша. Спасибо, Птица. Лети! А я пошла либо счастье, либо погибель свою искать.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Второй дремучий лес. Деревья в этом месте растут гуще. Бороды серого мха свисают с веток. На переднем плане — сухой пень. За ним — колючие кусты. Ровное, холодноватое, бессолнечное освещение. Перед кустами ходит взад-вперед Переплут, чередуя шаг с подскоками.

Переплут *(приставляя руку к глазам и вглядываясь в чащу леса)*. Никого. Как есть никого. *(Шагает, подпрыгивает.)* Один я — Переплут. И всё. Всех разговоров только с эхом и заведёшь. Эге-ге-гей, добрый день, невидимка!

Переплуту отвечает эхо.

Ох, бестолочь. Само-то никогда ничегошеньки не скажет. *(Шагает, подпрыгивает.)* Дремучий-то лес всё дремлет-дремлет, и не разбудишь. *(Нюхает воздух.)* Болота холодом дышат. Эй, пади, туман, на землю!

Спускается туман.

Поднимись, туман, в небеса!

Туман рассеивается.

Всколыхнитесь, пески зыбучие! Шевельнитесь, кусты колючие!

Кусты начинают двигаться.

Остановитесь, пески! И без вас не снесть тоски!

Кусты останавливаются.

Эх, душу бы мне сюда живую заманить, я бы её постращал! По гибельной дорожке в болота послал. А потом, может, и вызволил бы. Потому — весёлый. А вдруг и правда кто в мой дремучий лес забредёт? Сделаю-ка я из этого мха хорошенькую ловушечку. Вот тут — щель. А в щели — палочка. Кто заденет — палочка выскочит. Пень его и прищемит. Вот испугается! *(Делает.)* Готово. Чем бы это ещё себя развлечь? Побегать? Попрыгать? *(Бегает, подпрыгивает, хватается за ветки деревьев, раскачивается на них, спрыгивает, повторяет то же в более быстром темпе.)* И-ах! Вот как мы можем! *(Снова повисает на ветке, раскачивается, забывает о расщелине, сам попадает туда ногой, повисает вниз головой и начинает вопить страшным голосом.)* О-о-о-й! Больно. Дурак! Сам в свою ловушку попал! Ногу не вытащу! Помогите кто-нибудь! Ой, да тут ведь нету никого!

Вбегает Любуша. Она сначала не может сообразить, что происходит, и невольно пугается. Переплут вообще такой странный, да ещё и висит вверх ногами. Одно мгновенье она медлит. Потом понимает, что требуется помощь, кидается к дереву, страшным усилием и не сразу отдирает от дерева толстую щепу и освобождает ногу Переплута. Тот падает вниз и тоже не сразу соображает, что произошло. Потом сме-

кает, что перед ним чужой человек, там, где сроду никого не бывало. Вскакивает, издаёт вопль, потому что нога всё ещё болит, поджимает ногу, потом опускает её, но твёрдо стоять на двух ногах не может. Пока он, вытаращившись, глядит на Любушу, та первая находится и здоровается с ним.

Любуша. Здравствуй!

Переплут. Стой! Сперва вокруг себя обернись.

Любуша, недоумевая, исполняет всё, что он ей велит.

Теперь шаг назад ступи. Теперь вбок. Ещё раз обернись. Стой тихо. *(Приговаривает.)*

Тропки-невидимки,
Лесные паутинки,
Калина да ольха,
Белопенна таволга.
Спутано, связано,
Дорога заказана.

Всё! Теперь здравствуй! И говори, кто ты есть. И куда путь держишь?

Любуша. Любушей зовут. Почто ты меня заговаривал так чудно, лесной человек?

Переплут. Чтоб правильной дороги найти не могла. Я тебе не человек, я Переплутом называюсь.

Любуша. А мне-то как раз дорогу найти надо. Я за три леса иду искать заветные слова.

Переплут. За три леса! Мой лес страшный: дороги знать не будешь — в болото угодишь, затянет, затащит, туманом прикроет, век не выберешься. А уж третий-то — и того хуже.

Любуша. Как же мне быть-то, ведь надо мне, Переплут, миленький, очень надо для зеркала заветные слова отыскать! Погибну я без них!

Переплут. Ну, так иди вот этой тропкой.

Любуша уходит.

Попугаю я её, а? Потому что весёлый. Сейчас в погибельное место заведу. *(Приговаривает.)*

Тонкая калина
Белый цвет ронила
В кручу,
В пучину,
На беду-кручину.

Так-то вот! Весело! *(Подпрыгивает, но ушибленная нога у него ещё болит.)* Ой! Больно! Кабы не добрая-то Любуша, вовсе бы я вниз головой висел. А для чего я и её в кручу послал? Доброту такую? Вот дурак! *(Передразнивает сам себя.)* «Потому что весёлый». *(Приговаривает.)*

Круча, отдай добычу,
Круча, отдай добычу.

Любуша появляется перед Переплутом.

Любуша. Ой, страх-то какой! В крутую крутизну оборвалась, сердце у меня остановилось, а после темное облако на меня налетело да кверху поволокло! Страшно!

Переплут. Ну-ну, не страшись. Больше пугать не буду. Вот тут дорога есть — она одна-единственная из лесу выводит. Иди, не опасайся.

Переплут машет рукой, кустарник раздвигается. Любуша хочет идти.

Стой! Погоди. Вот ещё чего. Коли нужда во мне будет — позови.

Любуша. Как же мне тебя позвать?

Переплут. А вот как:

Плетеница-плётка
Переплуту тётка,
Солнышко,
Тень,
Заплетённый плетень,
Верный друг Переплут,
Появися тут!

Я тотчас и появлюсь. Поняла?

Л ю б у ш а *(с сомнением)*. Поняла.

П е р е п л у т. Не сомневайся. Иди. В этот раз верную дорогу указал.

Л ю б у ш а. Спасибо тебе, Переплут. Ногу-то побереги. *(Уходит.)*

Переплут движением руки возвращает раздвинувшиеся кусты на место.

П е р е п л у т. Хорошая девица. Добрая. Умница. А я — весёлый! *(Перемахивает через кустарниковую изгородь и скрывается в чаще.)*

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Третий дремучий лес. Он ещё гуще. Ещё таинственней. Деревья растут тесно. Между ними навалены брёвна. Стволы раскачивает ветер. Они надрывно скрипят. Одно высокое дерево обрушивается с треском. Вдруг одно-два бревна начинают сами собой шевелиться, куча брёвен раскатывается, появляется М е д в е д ь С и л а.

М е д в е д ь С и л а *(оглядывается, прислушивается, принюхивается)*. Померещилось. Показалось. Привиделось. Послышалось. Вроде кто-то лесом пробирается. Нет — никого. *(Напевает.)*

Как у бедного медведушки
Нет ни кума, ни соседушки...

Кто тут пойдёт, когда лес этот не-про-хо-ди-мый. Пройти, стало быть, нельзя. И болотины непроходимые. И дороги брёвнами завалены. Которые лёжа лежат. Которые стоймя стоят. Да... Жизнь плохая у меня. Кудесник полночных стран жить меня в этом лесу заставил. Третий это из трёх дремучих лесов, уж самый дремучий! Говорит: «Ты, Медведь, тебе в чащобе и положено жить». Околдовал — и сюда. В пень обещал обратить, если лес этот стеречь не стану. А того не хотел понять, что компанейский у меня характер. Я людей люблю, хоть я и медведь.

Доносится тоненький, далёкий голос: «Помогите, помогите».

Зовёт кто? А? Чудится? Или не чудится?

Зов повторяется.

Это кто-то в болоте тонет. Превратиться мне в пень, если не так! Вроде мне спасать не положено. Но — не утерплю!

Медведь Сила бросаеться в чащу, расшвыривая брёвна, и выносит оттуда почти бесчувственную Любушу. Любуша, придя в чувство и увидев себя в медвежьих лапах, вскрикивает.

Любуша. Ой! Медведь! Задерёт! Съест!

Медведь Сила *(ставя её на землю)*. Стой! А то и вправду съем! Я тут сторож! Растерзаю!

Любуша. Медведушка, миленький!

Медведь Сила. Приятно, когда миленьким называют.

Любуша. Ты меня от смерти в болоте спас, не станешь ты меня терзать. Ты вот какой сильный! На руках — это на лапах — меня вынес. А сильный злым не бывает.

Медведь Сила. Сильный-то я сильный. Меня и зовут — Силой. Кого — Петром, кого — Иваном, а меня — Силой. *(В сторону.)* За силу-то меня и кудесник выбрал.

Любуша. Вот имя-то хорошее. А меня Любушей зовут.

Медведь Сила. Как же ты, Любуша, в эти гиблые места забрела?

Любуша. Медведушка, иду я за три дремучих леса заветные слова искать, а коль не найду, погибель меня ждёт.

Медведь Сила *(начинает плакать)*. Бедненькая!

Любуша. Да что ж ты плачешь?

Медведь Сила. Молчи. Жалко мне тебя. Я людей люблю, хоть и медведь. Жалко! Ведь так и так погибель тебя ждёт!

Любуша. Почему, скажи, Силушка!

Медведь Сила. За этим-то лесом самые гиблые места и есть! Болота злые, туманы серые, пески зыбучие, леса дремучие.

Любуша. А где же там заветные слова искать? Научи, миленький.

Медведь Сила. Ах ты ласковая. Не говорить бы тебе, может, и не пошла бы ты туда!

Любуша. Пошла бы, Медведушка, всё равно бы пошла!

Медведь Сила. За ласку не могу ни в чём отказать. Жалко мне тебя, а скажу. *(Всхлипывает, утирает морду лапой.)*

Любуша. Говори, говори.

Медведь Сила. За болотами, за туманами, за песками зыбучими, в чащобе есть сосна семиобхватная, на сосне сундук семипудовый, в сундуке серебряный ларец, а в ларце — свиток семиаршинный. А уж на свитке те самые заветные слова написаны.

Любуша. Правда ли, Силушка?

Медведь Сила. Превратиться мне в пень, если вру!

Любуша. Спасибо! Какой дорогой мне идти?

Медведь Сила. А вот этой иди. Да не забудь, приговаривай: «Болото, болото, закрой ворота». А не то снова оно тебя засасывать станет.

Любуша *(гладит Медведя)*. Прощай, Силушка!

Медведь Сила. Стой, погоди, ласковая. Коль тебе моя сила вдруг будет нужна, ты меня покличь.

Любуша. Как же тебя кликать, Медведушка?

Медведь Сила. Вот как:

Медведь Сила,
Соберись с силой,
Выдь из берлоги,
Пройди по дороге,
Стань на пороге!

Тут я перед тобой и явлюсь.

Любуша. Спасибо тебе за твою доброту, Силушка.

Медведь Сила. А тебе — за ласку. Никто со мной сроду так не разговаривал, честное слово. Превратиться мне в пень, если вру!

Любуша уходит.

Медведь Сила *(глядит ей вслед. Потом напевает весёлым голосом)*.

Как у бедного медведушки
Нет ни кума, ни соседушки...

Ан есть!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Обстановка первой картины. На лавочке сидит мрачный Буслай.

Буслай. Куда теперь идти? Где искать? Все деревни обошёл. Все леса окрест обшарил. Во все овраги спустился. На все пригорки поднялся. Нет моей Любуши, как в воду канула. Думать бы — утонула, да реки поблизости нет. Росинка моя... Всё-то меня на это место тянет. Кажется, вот-вот выйдет на крыльцо.

Отворяется дверь, потихоньку высовывается голова Павы.

Пава *(стоя в дверях)*. Буслай Замятович, пожалуйте к нам чай кушать.

Буслай. Скройся, чтоб я тебя не видал и голосу не слыхал!

Пава исчезает, неплотно прикрывая за собой дверь.

Эти змеи, мачеха с Павой, хоть бы день погоревали. Нет её, да и всё. Тужат только, что самим по хозяйству приходится. *(Встаёт, подходит к колодцу.)* При ней-то бадеечка чистая была, умытая, а эти — залапали.

Из колодца выпархивает Птица Чур так стремительно и внезапно, что Буслай испуганно отскакивает.

Буслай. Что за диковина?

Птица Чур. Ты ли Буслай Замятович, кузнеца сын?

Буслай. Чары колдовские, птица огромная человечьим голосом заговорила! Ну я Буслай.

Птица Чур. Так вот узнай, что любовь твоя жива-цела и любит тебя по-прежнему... Да только погибель ей грозит, если...

Буслай. Где она? Где моя Любуша?

П т и ц а Ч у р. Тут, в студенце.

Дверь на крыльце приоткрывается.

Б у с л а й. Что ты говоришь?

П т и ц а Ч у р. Внизу, там, под водой, Морозкино царство, а дальше-то три дремучих леса...

Б у с л а й. Так что ты время-то проводишь, скорее, скорее Любуше на помощь. *(Не слушая дальнейших объяснений, кидается в колодец.)*

П т и ц а Ч у р. Гляди-ка ты, какой бесстрашный. И не успела рассказать ему, что коли Любуша слова заветные найдет, Морозко наградит её по-царски. Эх, молодой, горячий. Ведь всё равно он без меня пути-дороги не найдёт. Ну, полечу вдогонку. Жива ль Любуша ещё, не сгинула ль в болотах?

П а в а *(выходит на крыльцо. Она слышала весь разговор)*. По-царски наградит? Ну, Павушка, ну, умница — лезь и ты в колодец, да найди слова заветные вперёд замарахи, награда-то тебе достанется. *(Бежит к колодцу.)*

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

За тремя дремучими лесами. На краю болота стоит семиобхватная сосна. Высоко в её кроне к ветке толстой цепью прикован сундук. Низко над землёй движутся туманы. Загораются и исчезают блуждающие огни. Завывают ветры.

Пятясь, входит Л ю б у ш а.

Л ю б у ш а. Болото, болото, закрой ворота. Болото, болото, закрой ворота. *(Она ударяется о сосну и останавливается.)* Ой! Сколько страху! Ох, и сил больше нет. Далеко ли мне идти ещё? *(Оглядывается.)* Какое дерево огромное! Цепь свисает. Сундук прикован цепью. Сундук! Сундук! В нём, видно, серебряный ларец с заветным свитком спрятан! Дошла! Нашла! *(Трясёт сосну, но та даже и не шелохнётся. Она пытается влезть на дерево, но толстый ствол гладок. Добраться до сундука нет никакой возможности.)* Нет, не с моими силами достать его. Видно, всё равно мне погибать. Прощай, Буслаюшка,

сокол мой. *(Ложится под сосной.)* Долетела ль до него Птица Чур? Донесла ли весточку? И не узнаешь. *(Поднимает голову.)* Сказала птица, что кликнуть можно её, коль в чём нужда. А вдруг и правда? *(Встаёт, произносит слова заклинания.)*

Выйду я к синю морю,
Увижу над морем зорю.
Белая заря,
Алая заря
Да заря-заренища,
Кликните Чур-Птицу!

С последними словами впархивает Птица Чур.

Птица Чур. Ты звала, Любуша?

Любуша. Ох, Птица Чур! Скажи, нашла ли ты Буслая?

Птица Чур. Нашла, милая, как не найти.

Любуша. Скажи скорее, жив ли он?

Птица Чур. Жив, жив. Да больно прыток. А уж бесстрашен! Ему успела сказать только, ты в студенце, а он уж прыгнул. Насилу догнала да через лес дремучий перевела. А над вторым да третьим лесом я-то могу сама незаметно проскользнуть, а провести — власти моей нет. Где он там в болотах плутает да как через брёвна стоячие пробирается, не ведаю.

Любуша. Ох, Птица, помочь надо ему!

Птица Чур *(грустно)*. Я не смогу, и рада бы.

Любуша. А Переплут? А Сила? Я кликну их.

Плетеница-плётка
Переплуту тётка,
Солнышко,
Тень,
Заплетённый плетень,
Верный друг Переплут,
Появися тут!

Переплут *(появляясь)*. Кому без меня, весёлого, скучно стало?

Любуша. Медведь Сила,
Соберись с силой,
Выдь из берлоги,
Пройди по дороге,
Стань на пороге.

Медведь Сила. Превратиться мне в пень, если ты меня не зовёшь, ласковая.

Любуша *(кидаясь к ним обоим)*. Переплут, Силушка, помогите, выручите!

Переплут, Медведь Сила. Говори, сделаем!

Любуша. Отыщите Буслая, проведите через ваши дремучие леса, приведите его ко мне.

Переплут. И оглянуться не успеешь.

Медведь Сила. Это-то проще простого, ласковая.

Исчезают.

Любуша. Птица Чур, уж как боязно мне, не погиб бы он!

Птица Чур. Знать нельзя наперёд, девица, как узнаешь?

Появляются Переплут, Медведь Сила, Буслай.

Буслай. Любуша!

Любуша. Буслаюшка!

Буслай. Ты жива ли, цела ли, росинка ясная?

Любуша. И сама не знаю, Буслаюшка, сокол мой!

Птица Чур *(оказываясь на вершине сосны)*. Сундук! Он самый!

Переплут. Кидай на землю!

Птица Чур. Не кинешь, тяжёл больно!

Буслай. Я к тебе сейчас влезу, Птица Чур!

Буслай пытается влезть на дерево, но это ему не удаётся. Медведь хочет ему помочь, подсаживает.

Переплут. Стойте вы! С деревьями-то кто говорить мастер? Или я не Переплут, не лесной человек?

Медведь Сила. Переплут ты, а как же, Переплут.

П е р е п л у т. То-то.
Сухо дерево
Назад не пятится,
Не сторонится,
Мне поклонится.

Сосна наклоняет ветки, сундук падает к их ногам.

Б у с л а й *(пытается открыть крышку)*. Запертый он, и ключа нет.

Л ю б у ш а. Как же быть нам?

П т и ц а Ч у р. Постойте-погодите. Клювом открыть попробую.

М е д в е д ь С и л а. А не попробовать ли мне разбить сундук этот?

П т и ц а Ч у р. Постой, постой, сейчас открою. Вот. Вот. Нет. Не поддаётся.

П е р е п л у т. Сундук — дерево неживое. Переплута не слушает.

М е д в е д ь С и л а. Да отойдите, я так сломаю.

Л ю б у ш а. Попробуй, Силушка. Может, и разломаешь?

Медведь Сила ударяет лапой по сундуку, он разлетается в щепки. Серебряный ларец вылетает из сундука и оказывается за кустами. Все начинают его искать.
Переплут находит.

П е р е п л у т. Вот, вот ларец, нашёл!

Все сбегаются к нему.

Л ю б у ш а. Ой, наконец-то мы отмучаемся!

П т и ц а Ч у р. Покажи-ка, Переплут, дай взглянуть!

М е д в е д ь С и л а. Молодцы мы, превратиться мне в пень, если вру!

Б у с л а й. Вот он — заветный свиток!

Л ю б у ш а. Морозко слов заветных дождётся. Зеркало снова правдой засветится. Вот счастье-то!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Перед домом Морозки. Высокие сугробы. Причудливый кустарник в инее. Чуть вдалеке виднеется фасад белого затейливого теремка. Входит Пава. Озирается.

Пава. Это что ж такое? Зима посреди весны. Холодище. Кто ж это в этом паршивом месте меня по-царски одарить может? И где тут замараха какие-то заветные слова ищет? Ох, Павушка, умница, давай соображай, как быть да узлы распутывать.

Слышны приближающиеся голоса.

Чу! Никак, кто-то идёт! Спрячусь тут за сугробом да погляжу кто да что.

Входят Любуша, Буслай, Птица Чур, Переплут и Медведь Сила.

Любуша. Вот почти и дошли. Во-он он, Морозкин белый теремок.

Птица Чур. Тут и расстанемся. Птенчик мой заждался меня, не дождётся никак.

Любуша. Уж как мне вас благодарить, друзья дорогие, и не придумаю. *(Ставит ларчик со свитком прямо на снег возле сугроба, где прячется Пава. Подходит к Медведю, гладит его.)* Силушка, спасибо тебе, добрый медведь.

Медведь. Да чего уж там. Я хоть и медведь, а людей люблю. А тебя, умница, полюбил как родную дочь.

Любуша. Переплут, и ты прощай, и за помощь твою спасибо тебе.

Переплут. Вовсе и ничего не стоит. С тобой говорить — радость одна, а я радоваться люблю, я весёлый.

Любуша. Прощай, Птица Чур, птенчику привет передай.

Птица Чур. Прощай, девица! Прощай, добрая душа! И ты, молодец — отважное сердце. Да не потеряйте ларчик с заветным свитком, спешите к Морозке с радостью.

Медведь Сила, Переплут и Птица Чур уходят. Любуша

и Буслай, взявшись за руки, идут их проводить, машут им вслед. Не замеченная ими Пава высовывается из-за сугроба.

Пава. Дурацкая эта птица сказала — здесь свиток. *(Вынимает свиток из ларчика и исчезает за сугробом.)*

Любуша и Буслай возвращаются.

Буслай. Любуша, уж не сон ли мне снится?

Любуша. Буслаюшка, свет мой, сокол ясный, бесстрашная головушка!

Буслай. Для тебя, росинка моя, никого не убоюсь!

Любуша. Надежда ты моя!

Буслай. Домой вернёмся, свадьбу сыграем, никогда не расстанемся.

Любуша. Никогда.

Буслай. Бери ларчик, пойдём к Морозке, теперь-то он, верно, доволен будет.

Любуша берёт с земли ларчик.

Любуша. Буслай, что-то ларчик вроде как-то легче стал!

Буслай. Да что ты! С чего б ему?

Любуша. Правда. Погляди. *(Протягивает ларчик Буслаю.)* Видишь?

Буслай торопливо открывает крышку.

Буслай. Пустой он! Украден свиток?

Любуша. Как так пустой? Да где же он? Наверно, выкатился. Давай поищем, Буслаюшка, куда ж он делся?

Буслай. Украли свиток. Да только кто сумел? Чья злая воля?..

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Морозкина горенка. Морозко мрачный ходит взад-вперёд. Сверкающие шторы раздвинуты. Между ними видно погасшее ледяное зеркало. Из часов вылетает белая сова, начинает ухать. Морозко загоняет её обратно. Часы останавливаются.

Морозко. Без слов волшебных
Зеркало мертво.
И как же быть теперь?
Хотя бы как узнать, ушло ли лето,
Пора ли с заморозком первым
Идти на землю?
Да, плохо, горько, что оно погибло.
А если Любуша сама погибнет?
С её душою нежной,
И кротостью,
И дружелюбным сердцем?
Как стыдно мне,
Что правду о Буслае
Я от неё хотел укрыть.
Эх, друг Морозко!
Как мог хотеть ты,
Чтобы она осталась здесь,
В твоём холодном царстве?
Ты позабыл, зачем по осени идёшь на землю,
И поле кутаешь лебяжьим одеялом,
И колыбельные метельные поёшь?
Зачем укладываешь спать зверьё,
Чтоб меньше рыскали да землю не будили?
Что птиц за море гонишь,
Чтоб меньше щебетали,
Чтобы спала земля,
Чтоб отдыхала,
Да набиралась сил
К весне.

(Вздыхает.)

А у людей весна бывает в сердце,
Тогда оно, согретое лучами,
Любить стремится.
Тогда душа у человека — как цветок.
А ты хотел держать в морозе вечном
Цветок расцветший —
Горячее и нежное девичье сердце!

Что сделаешь теперь?
Там, за тремя дремучими лесами,
Владенье не моё!
Чу! Слышатся шаги!

(Подбегает к двери, распахивает настежь.)

Вернулась, Любуша! Входи!

Входит Пава.

Ты кто такая?
Зачем непрошеной явилась?
Тебя я насмерть заморожу!

Пава. Фу-ты! Не очень-то задавайся! Я не люблю, когда на меня кричат. Я у себя — одна-единственная.

Морозко. Да замолчи!
И отвечай толково —
Зачем явилась?

Пава. Ты прежде золото давай мне! И царские наряды. И денег мешок! А после начинай кричать.

Морозко. Узнаешь ты сейчас,
Каков я в гневе!

Пава. Сейчас ты у меня гнев на милость сменишь. Ты это видал? *(Показывает свиток, который держала за спиной.)*

Морозко. Что это?

Пава. Свиток со словами, которые тебе нужны.

Морозко. Дай сюда!

Пава *(прячет свиток за спину)*. Нет уж! Я про твои тайны прознала. Я жизни своей не пожалела, через все болота и зыбучие пески прошла, через серые туманы. Ты меня сперва озолоти.

Морозко. Где Любуша?

Пава. А кто такая?

Морозко *(в сторону)*.
Не верю этой печке толстой,
Ни слову, ни единому.

Но свиток — верный.
Ну ладно. Притворюсь.

(Обращается к Паве.)

Что ж, девица,
Пойди вот в эту кладовую,
Там золота и серебра,
И самоцветов дивных
Себе в карманы наложи,
Да с вешалок сними
И платье царское.
А мне пожалуй свиток.

Пава. А не обманешь?

Морозко *(открывая дверь в кладовую)*. Гляди!

Из двери вырывается голубоватое сияние. Пава устремляется в дверь. Морозко берёт свиток у неё из рук, разворачивает его, читает.

«Я, повелитель ночи вечной,
Правитель звёзд,
Ветров хозяин,
Велю держащему
Перстами этот свиток
Сказать слова заветные,
Мне одному лишь ведомые, так:
«Дивное диво,
Зеркало правдиво,
Ко мне оборотись,
Правдой осветись!»

Льдина как бы освещается изнутри. Видно, как возле сугроба стоят над пустым ларцом Любуша и Буслай.

Буслай. Нет его нигде. Теперь уж ясно, что украден свиток.

Любуша. Украден. А это значит, что заморозит меня Морозко, страшной карой покарает.

Буслай. Нет, не отдам тебя. Сумею защитить.

Любуша. Буслаюшка, сама я Морозке виновата. Да только не жалею. Потому что правду о тебе узнала. А с

правдой и умереть не страшно. Прощай, мой сокол, любезный мой. Пойду к Морозке за расплатой.

Буслай. Нет, я с тобой.

Морозко задёргивает сверкающий занавес.

Морозко. Так значит, Любуша нашла заветный свиток!

Опасности презрев,
Прошла все три дремучих леса
И добротой своей
В друзей надёжных обратила
Лесные существа.

Ну вот!

Морозко снова весел!
Входите! Дверь не заперта!

Входят Любуша и Буслай.

Буслай. Меня морозь, Морозко, карай как хочешь, а Любушу не трогай.

Морозко. За что ж карать!
Вот свиток —
Заветные слова начертаны на нём.

Буслай. Он попал к тебе?

Морозко. Добыли вы,
Добыла храбрость,
И верные сердца,
И дружба.
А подлость,
Жадность хитрая — украла.

(Распахивает дверь кладовой.)

Иди. И в новом облике
Всем покажись.

Из двери медленно выходит похожая на Паву снежная баба. Все ахают.

Любуша. Сестрица Пава?

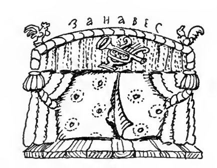
Морозко. За алчность и предательство
Девица эта
Пусть сохранит обличье снежной бабы.
Весной пусть тает,
А зимою
Пусть многократно её повторят дети,
И забавляются,
И потешаются над ней.
Тебя же, Любуша, как обещал,
Я награжу по-царски.

Морозко взмахивает руками, загораживая Любушу. Когда он от неё отходит, она преображена — платье её сверкает, на голове — роскошный убор.

Теперь прощайте все.
Ты, баба снежная,— обратно в кладовую.
А вас *(Любуше и Буслаю)* я вмиг верну
на землю.

На мгновенье свет гаснет. Когда он зажигается, Морозко один. Он раздёргивает сверкающий занавес. Загорается зеркало. В нём — Буслай и Любуша на зеленеющей, расцветающей весенней земле.

Буслай, Любуша. Прощай, Морозко, до зимы!

ЗАКОЛДОВАННОЕ КОПЫТЦЕ

Пьеса в двух действиях, восьми картинах
по мотивам русской народной сказки
«Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алёнушка.
Иванушка, он же — Козлёночек.
Князь Светозар.
Пантелей, Харитон — слуги князя.
Ведьма.
Первый скоморох.
Второй скоморох.
Филин.
Гости на свадьбе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бедный крестьянский домик, старый плетень, у крыльца черёмуха. На крыльце сидит А л ё н у ш к а. На ней чистенький вылинявший сарафан, лапти, голова повязана цветастым платочком, русая коса перекинута наперёд, глаза грустные. Алёнушка латает Иванушкину рубашку.

А л ё н у ш к а *(работает, поёт).*

Ах да у соловушки крылья
примахалися, примахалися,
Ах да сизы пёрушки, ах да поломалися,
поломалися.
Ах да у сиротки-то кудри развивалися,
развивалися,
Ах да слёзы горькие, ах да разбежалися,
разбежалися...

Над домом пролетает ворона, Алёнушка следит взглядом за её полётом.

Ох, что ж это ты, Алёнушка, рассиделась, распелась. Собираться ведь пора. Некогда слёзы лить. Не князья какие-нибудь, самим о себе заботиться надобно. А уж с тех пор, как батюшка с матушкой умерли,— и подавно. *(Зовёт.)* Иванушка, братец, иди-ка сюда! *(Скрывается в доме.)*

Сцена погружается в темноту. Высвечивается маленькая ведьмина тайная избушка. В ней стоят большие напольные часы. В печи горит огонь, на таганке кипит чугун, от него идёт пар. На овальном столе сидит Ф и л и н. В е д ь м а ложкой с длинным черенком помешивает в чугунке. Гулко бьют часы.

Ведьма. Варится зелье, варится. Вода из чёрного колодца принесена. Сейчас тирлич-травы подкину, пар пойдёт, всё и узнаю. *(Сыплет сухую траву, мешает ложкой, над котлом поднимается густой пар. Приглядывается.)* Что? Неужели моего ведьминого века всего неделя осталась? От трёхсот лет — и всего неделя! А, Филин? Ну, говори!

Филин *(у него загораются глаза)*. Неделя!

Ведьма. Врёшь ты всё, уши врастопырку!

Филин. Не вру. Неделя.

Ведьма. А потом — конец, и я в ворону обращусь?

Филин. Так.

Ведьма. Нет, не так! Быть не может, чтоб колдовством, да чарами, да злобством моим ничего добиться нельзя было!

Филин. Нельзя.

Ведьма. Молчи! Неужели триста лет я уже прожила и веку моему конец? Нет, нет, не согласна я! Должно же быть средство, как мой век продлить! Филин!

Филин. В чёрной книге гляди.

Ведьма. И то! Как же это я могла про колдовскую книгу забыть! Есть, есть ещё во мне и злость, и умение, и сила! Помню, помню, как чёрную книгу добыть! *(Колдует, водит руками над столом.)* Шиялда, шибулла, кочилла, появись, чёрная книга, со дна морского, из-под бел-горюч камня Алатыря. Саяна, маяна, ликалу, стом!

На столе появляется толстенная чёрная книга. Ведьма разыскивает в ней нужную страницу.

Не враз и найдёшь! Сколько страниц отлистать?

Филин. Семью семь, да семижды семь, да семьдесят семь.

Ведьма перелистывает книгу. Это даётся ей с трудом, потому что книга очень велика и страницы её толсты. Читает.

Ведьма. «Гираба, наюра, згинь...» Ага, вот что. Вот как это надо понимать: чтобы ведьме век продлить, так надобно на болоте вечный цветок найти, а коли его пять лепестков сорвать, да по ветру пустить, да колдовские слова сказать, так тут как раз триста лет ведьминого

сроку прибудет, а там что загадывать. *(Задумывается.)* Так-то оно так. Да вечный цветок ведь не всем покажется. Тайный это цветок.

Филин. Читай.

Ведьма *(проборматывает)*. «Чигана, магина, бумрерла...» А, вот что! Цветок этот только мальчик может найти. Да чтоб был сиротой. Да чтобы Иваном звали. Да чтобы сам беленький-беловолосенький, а в волосах чёрная прядочка.

Филин. Так.

Ведьма. Ох, нелегко такого найти! Всего неделя и осталась!

Бьют часы.

Филин. Неделя, да уж полчаса прошло!

Ведьма. Спешить, спешить надо, времени не терять!

Свет в избушке постепенно гаснет, как бы истаивает. Освещается сцена. Старая дверь скрипит. На крыльцо выходит Алёнушка.

Алёнушка. Иванушка, ну где же ты, чего не идёшь?

С улицы вбегает Иванушка. Одет бедно, босой, у него льняные, «под горшок» стриженые волосы, только впереди — одна прядь чёрная.

Иванушка. Сестричка Алёнушка, а я с ребятишками в утёню играл. Весело! *(Показывает.)*

Плыла утеня
Через сине море,
Как ты, утеня,
Ножки намочила?

Этак вот и этак
Ножки намочила,
Этак вот и этак
Ножки намочила!

Алёнушка. Маленький да глупенький ты у меня!

Иванушка. А вот и нет! В городки играли — я все городки выбил!

Алёнушка. Вот богатырь! На-ка вот рубашку, надень её да лапоточки поди обуй!

Иванушка. Для чего? Жарко ведь!

Алёнушка. *(печально)*. Уходим мы с тобой.

Иванушка. *(беспечно)*. Куда?

Алёнушка. В Воскресёнки. Село там большое...

Иванушка. На ярмарку?

Алёнушка. Смешной ты. Что же нам, бескопейным на ярмарке делать? Или ветром торговать станем? Или птичий грай покупать? В услуженье я там наймусь.

Опять над двором пролетает ворона. Иванушка хочет запустить в неё камнем, но она скрывается из виду.

Иванушка. Да зачем это?

Алёнушка. Хлеб да одёжа в лесу не растут, на лугу не родятся. Кормить-то нас некому. Самим заработать надо. Так и проживём.

Во двор входит Ведьма.

Ведьма. Здравствуйте, деточки. *(В сторону.)* Нашла! Ай да ведьма! Беленький, с чёрной прядочкой! Он!

Алёнушка. Здравствуй, тётенька.

Ведьма. Слыхала я, сироты вы?

Алёнушка *(отвечает неохотно)*. Сироты.

Иванушка боится, жмётся к Алёнушке.

Ведьма. Небось и есть-пить нечего?

Алёнушка *(неохотно поддерживая разговор)*. Да уж что... Негусто, нежирно, несолоно...

Иванушка *(испуганно)*. Алёнушка, пойдём в дом

Алёнушка *(успокаивает)*. Да полно, что ты?

Ведьма. Не бойся, мальчоночка. Как звать-то тебя?

Алёнушка. Иванушкой.

Ведьма *(в сторону)*. Он! Он! *(Алёнушке.)* Я вашему горю помочь хочу.

Алёнушка *(обрадованно)*. Да можно ли?

Ведьма. Я братца к себе в услужение возьму.

Алёнушка *(разочарованно)*. Мал он ещё прислуживать. *(Привлекает Иванушку к себе.)*

Ведьма. Да что ж за мал, когда я тебе за его службу немалые деньги заплачу. И кормить стану. Разве тебе не будет легче?

Иванушка. Алёнушка, я боюсь.

Алёнушка *(твёрдо).* Прости, тётенька. Нам собираться пора. Деньги-то лучше я сама заработаю. А уж большие ли, малые ли, как судьба судила. Не прогневайся. *(Кланяется Ведьме, уходит в дом, уводит с собой Иванушку, крепко держа его за руку.)*

Ведьма. Тьфу! Вот ведь какая несогласная! Ни кола ни двора, заплата на заплате, а гордая! А ведь он это, тот самый! Иванушка! С белой головкой! С чёрной прядочкой! Ему на болоте вечный цветок откроется. Так в чёрной книге сказано. Ах ты незадача! Ведь как он нужен мне, цвет этот, ведьмин мой век продлить! А иначе — быть мне простой вороной навсегда! *(Бросается к крылечку, хочет рвануть дверь и войти, потом передумывает.)* Нет, такая супротивница разве добром отдаст! Ладно! По-хорошему не отдаст, по-плохому отниму. При мне ещё моя злость и колдовская сила. *(Исчезает.)*

Над двором пролетает ворона. Из дому выходят Алёнушка и Иванушка.

Алёнушка *(оглядывается, видит, что во дворе никого, успокаивается).* Вот и собрались мы с тобой, братец.

Иванушка *(беспечно).* А в Воскресёнках ярмарка бывает. Как денежки заработаем, купишь мне печатного прянична?

Алёнушка. А как же. Непременно куплю.

Иванушка. Вот хорошо-то!

Алёнушка. Присядем-ка с тобой перед дорожкой посидим.

Присаживаются рядом на крылечке.

Помнишь, покойный батюшка, как с ярмарки едет, всё бывало песенку поёт.

Иванушка. Помню. А мы с матушкой ему навстречу выходим!

Поют вместе. Алёнушка печально, Иванушка беспечно.

Оба. Еду, еду на горку,
Прихлыстываю,

Еду, еду я с горки,
Присвистываю.
Как бежит, бежит лошадушка,
Как везёт подарки батюшка,
Бежит Ванюшка вбежки́,
Несёт Ванюшка мешки.
Насыпай подарки, батюшка,
Своему сыночку Ванюшке.

Оба встают.

Алёнушка *(кланяясь)*. Прощай, батюшкин и матушкин дом, прощай, белая черёмуха. Идём новую жизнь начинать!

Иванушка *(весело)*. Идем в Воскресёнки, в большое село!

Уходят. Высвечивается ведьмина тайная избушка. Ведьма читает чёрную книгу.

Ведьма. Так, так, так, ага. Понятно всё. Ну, не уйдёшь ты от меня, А-лё-нуш-ка! Мой будет братец. Мой. По-хорошему не отдала, поневоле отдашь!

Бьют часы.

Ох, время-то будто на вороных летит!

Филин *(бесстрастно)*. Неделя осталась, да уж без трёх часов.

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Опушка леса. На опушке невысокие ёлочки, рядышком стоят берёза, осина и клён. Вдоль опушки три дороги — встречаются и расходятся. У обочины колодец «журавль». Светит яркое солнышко. Издали, всё приближаясь, слышится бодрая песенка. Её поют два голоса. Входят Алёнушка и Иванушка.

Оба. Уж вы ветры мои, ветерочки,
Уж вы тоненькие голосочки,
Вы не дуйте, ветры, на лесочки,
Вы не дуйте, вы не дуйте во бору на сосну.

Со вершинушки сосны ветки гнутся,
Они гнутся, гнутся, не согнутся,
Ко вершинушке злые пчёлы вьются,
Они вьются, вьются, не привьются.

Алёнушка. Устал, братец?

Иванушка. Нет, сестрица. А далеко ль ещё?

Алёнушка. Недалеко уже. Тут вот видишь — три дорожки друг с другом встретились, да и расстаются.

Иванушка. А мы по какой пойдём?

Алёнушка не успевает ответить. Слышны звуки сопели, деревянной барабанки. Навстречу выбегают скоморохи.

Первый скоморох. Здорово, девица!

Алёнушка *(кланяясь)*. Здравствуйте, весёлые люди.

Второй скоморох. Верно. Скоморохов весёлыми людьми называют.

Первый скоморох. А у тебя, милая, чего это из глаз печалинка выглядывает?

Второй скоморох. Не годится так, девица!

Первый скоморох. А вот мы тебя потешим. Авось ты, девушка, и улыбнёшься!

Скоморохи играют на сопели и на барабанке, потом, отложив инструменты, пляшут, кувыркаются.

А вот как охотнички волка приручали.

Второй скоморох. А вот как они его грамоте обучали.

Первый скоморох *(изображая охотника)*. Хватит тебе, волк, клыки на овец точить. Надо нам тебя грамоте обучить.

Второй скоморох *(изображая волка)*. Лучше я поутру овечку задеру.

Первый скоморох. Будешь ты волк-грамотей.

Второй скоморох. Ох, люблю ягнят — овечьих детей.

Первый скоморох. Давай повторяй: А, Б, В.

Второй скоморох. Как поем, поваляюсь на траве.

Первый скоморох. Говори, сероух: В, Г, Д.

В т о р о й с к о м о р о х. Побежали зайчатки по бороздe.
Маленьки, складненьки,
зайчатки сладеньки.

П е р в ы й с к о м о р о х. Ах ты, волк, неучён, сер!

В т о р о й с к о м о р о х. Вот кабы я говядинки поел!

П е р в ы й с к о м о р о х. Ах ты, прожора! Что ты всё про еду. Тут попал волк в беду! Уж как охотнички волка связали, уж как охотнички волка наказали!

Шуточно разыгрывают сценку, изображая всё, о чём говорят. «Охотник» побеждает и вяжет «волка», «волк», стоя на четвереньках, умильно просит пощады и т. п.

П е р в ы й с к о м о р о х. На коров, на овец ты клыков не точи, лучше ты, волк, грамоту учи! Авось поумнеешь! Авось подобреешь!

Иванушка смеётся.

А л ё н у ш к а. Спасибо вам, весёлые люди, потешили нас.

П е р в ы й с к о м о р о х. Далеко ли, девица, идёшь-направляешься?

А л ё н у ш к а. В Воскресёнки. Слыхали?

В т о р о й с к о м о р о х. Слыхали. Скоморохи — много по земле ходоки, многого всего знатоки.

П е р в ы й с к о м о р о х. А какой дорогой идти думаешь?

А л ё н у ш к а *(показывает)*. Да вот этой. Она покороче.

Скоморохи переглядываются. Первый скоморох берёт пригоршню дорожной пыли, сыплет, качает головой. Второй скоморох делает то же самое.

П е р в ы й с к о м о р о х. Не ходи этой дорогой.

В т о р о й с к о м о р о х. На ней пыль не по-доброму клубится.

П е р в ы й с к о м о р о х. Дорога эта шагов не слышит, бедой колышет!

А л ё н у ш к а. Да что вы, добрые люди! Дорога, она и есть дорога! Эта — короче, так братец у меня меньше

устанет. Спасибо вам на ласке, на доброй потехе. Счастливо вам!

Скоморохи. Да и тебе чтоб не лихо! А всё бы лучше дальней дорогой идти. *(Уходят.)*

Иванушка. Алёнушка, а не страшно?

Алёнушка. Чего нам бояться, если какой разбойник набежит, взять-то у нас нечего. Пойдём коротким путём, Иванушка.

Алёнушка и Иванушка уходят. Появляется Ведьма.

Ведьма *(приглядывается к следам на дороге)*. Ишь, легко как ступает, след-то лёгкий оставляет, а Иванушка-то мой всё вприпрыжечку! Да только эта дорога мне послушная, я чары на дорогу наведу, будет вас она кругами водить да назад приводить. *(Колдует.)* Летит ворон, каменны ноги, крутит-вертит пути-дороги, не в лесу стоячем, не в бору дремучем, а тут, тут, тут, при моих глазах, при Алёнкиных слезах, слово моё ведьмино нерушимое! *(Подходит к колодцу.)* Нет уж, водицы вам не оставлю. *(Колдует.)* Водица-водица, река-царица, в день при солнце, в ночь при месяце выпей воду из колодца, чтоб ни капельки, ни росиночки.

Вода из колодца поднимается облаком пара и исчезает.

Так-то вот. *(Заглядывает в колодец.)* Сухо. Сушь, сушь, жар... *(Машет рукой.)*

Осина, берёза и клён желтеют, сухие листья начинают осыпаться, кружиться в воздухе.

А теперь-то главное своё дело сотворю. *(Колдует.)*

Злые ветры, буйны ветры, поспешите
Да высоки травы жаром иссушите,
Завертитесь, злые вихри, без причины
Да нашлите на Алёну три кручины,
Целых три кручины да четвёртое горе,
Чтобы братца ей лишиться вскоре!

Жар донимает, пот выступает. Вот тут будет коровье копытце, полное водицы. *(Наливает воду прямо из рукава, зло смеётся.)* Вода-то заговорённая, кто

напьётся, телёночком обернётся, а тут — лошадиное копытце, полное водицы, кто напьётся, жеребёночком обернётся, а тут — козье копытце... *(Приговаривая, наливает воду.)* Уж кто не выдержит да напьётся — тому уж не миновать козлёночком сделаться. Не утерпит Иванушка, мальчоночка, тот уж непременно попьёт! Хи-хи-хи! С живностью — с телёночком-жеребёночком — кто Алёну в услуженье возьмёт?! И разговаривать не станут! Тут она мне его и уступит. А я уж знаю, что дальше делать! Чу! Идут! Завертела их дорожка заколдованная! *(Прячется в лесу.)*

Слышна песня. Входят Алёнушка и Иванушка.

Алёнушка *(поёт)*.

Ах да не одна во поле дороженька пролегала,
Частым ельничком, белым березничком она зарастала,
Частым ельничком, белым березничком, осинничком горьким.
Ах уж и нельзя мне к родной матушке в гости проехать...

Иванушка. Алёнушка, что это мы всё идём, идём, никак не дойдём?

Алёнушка. Я и сама не пойму, пора бы уж и дойти. Вроде короткой дорогой пошли.

Иванушка. Алёнушка, жарко, пить хочется.

Алёнушка. Да нечего попить.

Иванушка. А ты воды из колодца достань.

Алёнушка подходит к колодцу. Ведро скрипит, раскачиваясь. Алёнушка заглядывает в колодец, перевешиваясь через сруб.

Алёнушка. Пересох колодец: ни капельки в нём нет.

Иванушка. Ну, в реке зачерпни.

Алёнушка. До реки ещё дойти надо. Потерпи, братец.

Иванушка. Может, хоть рубашку скину?

Алёнушка. Нельзя, Иванушка, жар и вовсе спалит. *(Смотрит на небо.)* Красное солнышко, хоть малым облачком заслонись! Ветер-ветерок, хоть малую тучку пригони, хоть малым дождичком обрызни!

И в а н у ш к а. Не хотят?

А л ё н у ш к а. Нет, не слышат.

И в а н у ш к а. Алёнушка, пи-и-и-ить!

А л ё н у ш к а. Солнышко всё высушило, братец. *(Ходит, обращается к цветам.)* Колокольчик-цветик, дай братцу хоть росиночку. *(Наклоняется к цветку, но тот сам вянет от засухи.)*. Ромашка-белоснежка, может, у тебя хоть капелька есть?

Ромашка молчит, венчик её клонится к земле.

Иванушка, потерпи чуток.

Медленно трогаются в путь. Иванушка отходит в сторону, сам заглядывает в колодец, словно хочет убедиться, что воды там и в самом деле нет. Обходит колодец кругом.

И в а н у ш к а. Алёнушка, гляди! Тут вода! За колодцем полный лошадиный след! Я попью!

А л ё н у ш к а *(подбегает к нему)*. Ой, нет, нет, не пей, Иванушка, что-то сердце щемит. Слышишь, колодец скрипит, словно о чём-то предупреждает.

И в а н у ш к а. Чудится тебе. Чего бы это ему скрипеть? Да и чему от лужицы быть недоброму?

А л ё н у ш к а. Неоткуда в такую сушь луже быть. Уж не колдовская ли вода в копытце? Ну как напьёшься да и сделаешься жеребёночком. Уж потерпи ещё малость! Эх! Скоморохи-то добрые остерегали!

И в а н у ш к а *(недовольно)*. Ладно уж. *(Делает шаг и снова вскрикивает.)* Алёнушка, вода!

А л ё н у ш к а. От жары тебе мерещится.

И в а н у ш к а *(становится на колени перед водой)*. Да нет! Вот она! Погляди! В коровьем копытце! Я попью! *(Тянется к воде.)*

А л ё н у ш к а. Стой, не пей, злая это вода! Попьёшь да ещё в недобрый час телёночком и обернёшься.

Деревья машут ветками, словно беспокоятся, словно хотят предупредить об опасности.

И в а н у ш к а. Каким ещё телёночком! Вовсе она не злая. Дождевая небось!

А л ё н у ш к а. Берегись, братец! Дождя давно не было. Пойдём-ка лучше отсюда поскорей.

И в а н у ш к а. Вот ведь ты какая! Пойдём... Ой!

А л ё н у ш к а. Что? Что? Не зашибся ли, Иванушка?

И в а н у ш к а *(становится на колени)*. Тут козье копытце, глубокенькое, в нём водичка чистая, донышко видать, я попью!

Алёнушка не успевает его остановить, он припадает к земле и пьёт. На солнце находит туча. Начинает дуть ветер. Солнце гаснет, на мгновение становится темным-темно. Когда сцена снова освещается, на сцене рядом с Алёнушкой — К о з л ё н о ч е к.

А л ё н у ш к а. Иванушка, братец мой родненький, говорила же, предупреждала! *(Опускается рядом с Козлёночком на колени, гладит его, плачет.)*

Козлёночек печально мекает.

К о з л ё н о ч е к. Алёнушка-а! Сестрица моя-а!

А л ё н у ш к а. Ах, горькие, горькие мы с тобой! Вода-то заговорённая, заколдованная.

Из-за деревьев выглядывает В е д ь м а.

Как же теперь жить, куда деваться? Никто меня в услуженье с козлёночком не возьмёт. *(Плачет.)*

Ведьма потирает руки. Она направляется к Алёнушке, но снова отступает в лес, потому что неожиданно слышится свист, конский топот, лай собак. На опушку с разных сторон выбегают К н я з ь С в е т о з а р, П а н т е л е й и Х а р и т о н — его слуги.

Х а р и т о н. Ну что ты, Пантелей, на дороге стал? Вот хворостина еловая! Заяц-то в аккурат на меня бежал!

П а н т е л е й. Да я как лучше хотел. Думал, князь как раз и выстрелит.

Х а р и т о н. Ах ты, кукушка с хохлом.

К н я з ь С в е т о з а р. Полно браниться, Харитон. *(Замечает Алёнушку и Козлёночка.)*

Они испуганно жмутся друг к другу.

А л ё н у ш к а *(Козлёночку)*. Молчи, Иванушка!

К н я з ь С в е т о з а р. Девушка? Ты тут одна?

Алёнушка *(еле слышно, показывая на Козлёночка)*. Не одна. Вот.

Пантелей. Не пугайся, князь Светозар прост — не сердит.

Харитон. Козлёнка-то своего на ярмарку, что ль, ведёшь?

Алёнушка *(загораживая Козлёночка)*. Нет, нет!

Князь Светозар *(в сторону)*. Как хороша! Коса до полу, а глаза — как васильки во ржи. А ведь простая крестьяночка. *(Алёнушке.)* Ты откуда, чья ты, милая?

Алёнушка. Чья во поле былинка? Ничья. Сирота.

Князь Светозар *(в сторону)*. Точно я её когда во сне видел, точно я голос этот и раньше слышал.

Алёнушка *(в сторону)*. Князь, а как с ровней со мной говорит. И смотрит так ласково. Век бы в его глаза глядела не отрывалась.

Князь Светозар. А зовут тебя как?

Алёнушка *(слегка кланяясь)*. Алёной.

Князь Светозар. А я — князь Светозар. Вот полевали мы — охотились, да удачи нам сегодня нет.

Алёнушка. Не тужи, князь, в другой раз повезёт.

Князь Светозар *(в сторону)*. Может, мне сейчас как раз и повезло так, как никогда прежде и не мечталось, не виделось. Точно полевой цветок цветёт — ясная, доверчивая. Только в глазах печаль.

Алёнушка. Спасибо за приветливый разговор, а нам в дорогу пора.

Князь Светозар. Погоди, милая. Скажи мне, что ты так печально глядишь? Горе у тебя?

Алёнушка молчит.

Пантелей. Эх ты, Алёна, румянена-белёна, горе — что волна в море: набежит да отбежит. Скажи, может, мы твоему горю помощники?

Князь Светозар. Ты прав, Пантелей. Пойдём, девушка, с нами. Расскажешь нам о себе.

Алёнушка. Как можно, я вас совсем не знаю.

Харитон. Подумаешь, ровно княжна какая, чванится!

Пантелей. Не опасайся, скромница.

Х а р и т о н. Козлёнок-то вроде бы к княжему двору ни к чему. Надо на базар свести.

А л ё н у ш к а. Нет, нет! Не пойду я с вами, я с ним не расстанусь.

В е д ь м а *(одетая старой крестьянкой, выходит из-за деревьев, в сторону).* Вот и мой час настал! *(Кланяясь.)* С добрым здоровьицем. Грибочков не надо ли? *(В руках у неё лукошко с грибами.)* Посолить-посушить да зимой побаловаться?

К н я з ь С в е т о з а р. Нет, бабушка, благодарствуем, не надо.

В е д ь м а. Ой, а козлёночек как бы мне в хозяйстве пригодился! Может, продадите козлёночка? У меня деньги-то есть. *(Достаёт из-за пазухи платок, начинает развязывать.)*

Козлёночек порывается что-то сказать, Алёнушка его гладит, не даёт говорить.

А л ё н у ш к а. Нет, нет, непродажный он. Нет!

К н я з ь С в е т о з а р. Да убери ты свои деньги, старая.

Х а р и т о н. Ну, девка, ум овечий, язык заячий, ведь берут козлёнка, продавай, да без животины-то с нами и ступай на княжий двор — дело тебе найдём.

П а н т е л е й. Ишь как козлёночка-то она жалеет, видно, сердечко у неё доброе.

Х а р и т о н *(топает на Козлёнка).* Пшёл, козелок!

А л ё н у ш к а. Не обижай его! Маленького нехорошо обижать.

К н я з ь С в е т о з а р. Добрая ты, хорошая, Алёнушка.

А л ё н у ш к а. Да откуда ж тебе знать?

К н я з ь С в е т о з а р. Душа человека в глазах светится.

А л ё н у ш к а *(робко).* И у тебя глаза добрые.

К н я з ь С в е т о з а р *(в сторону).* Решиться или нет? Всё равно мне её не забыть, в душе у меня расцвели васильки эти лазоревые, глаза её! *(Алёнушке.)* Ну, коли добрым я тебе показался, поди за меня, девушка, замуж!

А л ё н у ш к а. Ах! Да как же это!

Х а р и т о н. Батюшки, простую крестьянку, девку-замарашку — в княгини!

Пантелей. Вот это, господин наш, хорошо сказал. Хозяюшка нам нужна. Честным пирком да и за свадебку!

Ведьма *(злорадно)*. Вот и слову конец, моему делу венец — сейчас она мне Иванушку и отдаст. *(Алёнушке, с издёвкой.)* Ну что, княгинюшка, козлёнок тебе теперь и вовсе ни к чему! Продавай или так отдай от милости своей княжеской!

Князь Светозар. И правда, Алёнушка, зачем он нам? Отдай, да и поедем.

Алёнушка. Спасибо за честь, светлый князь. Да не могу я за тебя замуж идти.

Ведьма. Это ещё что удумала?

Князь Светозар. Неволить не стану. Только за что мне отказываешь?

Алёнушка *(показывает на Козлёночка)*. Вот заботушка моя. Нельзя мне козлёночка оставить.

Князь Светозар. Всего и причина?

Алёнушка. Только это. Не во гнев тебе, князь.

Князь Светозар *(весело)*. Да полно! Возьмём с собой и козлёночка, кому он помеха!

Алёнушка *(шёпотом, смущаясь)*. Тогда я согласна.

Алёнушка, князь Светозар, Пантелей и Харитон идут по дороге. Козлёночек, повеселев, бегает, взбрыкивает ножками. Ведьма недобро глядит им вслед. Этот взгляд чувствует на себе Алёнушка. Она оборачивается. Ведьма принимает то обличье, в котором она приходила к ним в первый раз нанимать Иванушку в услужение. Алёнушка её узнаёт.

Ах!

Ведьма. Что, узнала? Доберусь я до тебя, отдашь мне братца, отдашь! Да ещё не забудь, коли жива душа узнает, что не козлёночек он, а мальчик, так уж на веки веков он козлёночком останется. А смолчишь — может, ещё и надежда есть!

Сцена пустеет, над лесом летит ворона. Сцена гаснет. Освещена ведьмина избушка. Бьют часы.

Филин *(произносит)*. Неделя осталась, да уж полдня прошло.

Ведьма *(протягивает руку).* Ну-ка, силы тёмные, лукошко мне сюда!

В руках у неё оказывается лукошко.

Ну-ка, шиялда, шибулда, кочилла — малины заговорённой!

В решето сыплется малина.

Отведает Алёна малинки! Погодите, отниму Иванушку! Продлится ещё мой век!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На княжьем дворе готовятся к приходу молодых. Пантелей и Харитон приносят ковры, настилают их от ворот к крыльцу княжьего терема. На крыльце ожидающие молодых гости.

Харитон. Ты что ж это изнанкой кверху кладёшь! Вот хворостина еловая! Скажу хозяину — прогонит.

Пантелей. Да ведь я как лучше хотел.

Харитон. Пошевеливайся, поторапливайся, уж в колокол ударили, в трезвон затрезвонили, сейчас молодые прибудут.

Пантелей. Радость-то! Молодая хозяюшка уж как ласкова!

Харитон. Ум у тебя овечий! Какая она хозяйка? Голь перекатная. Ещё и с козлёнком! Уж не ведьма ли?

Пантелей. Полно тебе!

Вбегают скоморохи.

Первый скоморох. Не тут ли свадьба? *(Второму скомороху.)* Дорога на княжий двор указала. Гляди, Васюта, не тут ли она?

Второй скоморох. Не тут ли пир-гулеваньице? *(Первому скомороху.)* Гляжу, Митрофан, да не вижу пока.

Харитон. Вас кто сюда звал? Готовоежи, лишь бы на дармовщинку попользоваться!

Пантелей. Харитоша, не надо так, на свадьбе всякий, званый и незваный,— гость. А без скоморохов и свадьбы нет. Входите, входите, люди весёлые!

Скоморохи кланяются. За ними тут же появляется Ведьма. Она одета крестьянской женщиной.

Ведьма. Мир да радость да красно солнышко! Не хотите ли лесной душистой малины к свадебному столу? Молоду княгинюшку угостите. Дёшево отдам. *(Кланяется.)*

Харитон. Погоди, пойду спрошу. Нужна ли, не нужна ли... *(Ворча, уходит.)*

Пантелей, пятясь, несёт к столу длинную лавку, задевает Ведьму, та едва удерживается на ногах. Одна ягодка выкатывается из лукошка. Первый скоморох быстро незаметно наклоняется, подбирает её.

Первый скоморох *(Второму скомороху)*. Видишь? Непростая малина.

Второй скоморох. Вижу. Смекаешь?

Первый скоморох. То-то, что смекаю. Гляди, и след на земле от неё тяжёлый какой. Тёмная, заколдованная эта малина.

Ведьма *(Пантелею)*. Да ты что, али уж браги напробовался?

Пантелей. Да я же лавку несу! Я же как лучше хочу. Гостям чтобы сидеть вольготно.

Возвращается Харитон.

Ведьма. Ну что, батюшка, малинка понадобится ли? Уж свежа! Уж душиста!

Харитон. Давай лукошко. *(Протягивает руку.)*

Первый скоморох *(бросаясь между Ведьмой и Харитоном, в сторону)*. Отравит ведь! *(Громко.)* Ой, глядите, чудо какое!

Пантелей. Что это там, милок?

Первый скоморох. Яичко варёное покатилось, а из него, глядь,— цыплёнок выклюнулся. *(В руках у него маленький пушистый цыплёнок.)*

Второй скоморох. К добру это, к добру! *(Ведьме.)* Вижу, какая эта малина!

Харитон. Да кто тебе поверит. Вот гуляка непутёвый, ум овечий!

Ведьма *(про себя)*. Времени-то ведьминого в обрез!

А тут эти пустозвоны путаются! Да, никак, прознали чего-то. Спрячусь покамест. *(Уходит.)*

Пантелей. Чудо какое! К добру! К добру! Примета хорошая!

Крики: «Ведут, ведут!» Играет музыка. Во двор входят молодые: Алёнушка и князь Светозар. Рядом с ними Козлёночек. Бегущие впереди дети осыпают их хмелем. Гости, пришедшие вместе с ними, поют.

Мужские голоса. Берёза белая,
Берёза кудрявая,
Куда ты клонишься,
Куда приклоняешься?

Женские голоса. А туда клонюсь я,
Туда приклоняюсь,
Куда ветер веет.

Мужские голоса. Алёнушка-душенька,
А ты куда ладишься?

Женские голоса. Туда я, подруженьки,
Куда меня муж ведёт,
Суженый да ряженый.

Гости, стоящие на крыльце, выходят им навстречу, благословляют молодых хлебом-солью, бросают на них ячмень и пух, приговаривая: «Совет да любовь, быть вам сытыми, как сытен ячмень, жить в согласье лёгком, как лёгок гусиный пух»,— подают на подносе молоко, приговаривают: «Пейте, пейте бело молочко, молочко свеженькое, пресненькое, чтобы были ваши детушки все белым-белы с личика».

Пантелей. До чего же хорошо!

Харитон. Гляди, и козлёнок ни на шаг не отстаёт! вот наваждение! Ведьма и есть!

Гости и молодые с Козлёночком уходят в терем, Пантелей и Харитон накрывают столы скатертями, уставляют яствами. Суета. Готовится свадебный пир. В этот момент двери в тереме растворяются, все поворачиваются к крыльцу, говорят: «Молодые идут! Князь с княгинюшкой». Выходят на крыльцо князь Светозар, Алёнушка, Козлёночек. У Алёнушки коса расплетена на две, заложена венцом вокруг головы. Все, находящиеся во дворе, радостно приветствуют молодых. Столы уже накрыты. Гости рассаживаются за столами.

Первый скоморох *(Второму скомороху).* Васюта, что ж делать нам?

Второй скоморох. Не портить же людям свадьбу, Митрофанушка!

Первый скоморох. А намекнуть всё же надобно. Вдруг она снова придёт.

Князь Светозар *(скоморохам).* А ну, потешьте, повеселите мою молодую жену, ребятушки! Представьте что-нибудь.

Скоморохи выходят вперёд, кланяются князю, Алёнушке и гостям, играют на сопели и барабанке, приплясывают, затем вместе говорят скоморошье свадебное присловье.

Первый и Второй скоморохи. Уж как княгинюшка извозчиков нанимала, семь пар коней, а восьмой — воз. А кто бы, кто скоморошечков да подвёз? Играют, играют скоморошечки от села до села. Чтобы добрый князь да Алёнушка весела бы была.

Первый скоморох *(поднимая с земли платок, оброненный Ведьмой, и повязывая его на голову, старушечьим голосом).* Уж как шла ведьма ведьмущая по дороге, как плелись-заплетались ведьмины ноги, как завязывала ведьма на платке три узла, как тащила ведьма три лукошка зла. Не калина, не малина, а горе-злосчастие.

Второй скоморох. А навстречу ведьме князь молодой. Молодой, удалой, приветливый.

Разыгрывают сценку.

(Изображая князя.) Как живёшь-поживаешь, бабушка-задворенка? Далеко ль идёшь, лукошки несёшь?

Первый скоморох *(изображая Ведьму).* Куда иду, то неведомо, чего несу, то не сказано. *(Про себя, от лица Ведьмы.)* А тебя, князя, изведу, нашлю на тебя беду.

Второй скоморох *(за князя).* Уж не калинка ли, малинка в лукошке твоём? Очень я лесную малинку люблю.

Первый скоморох *(про себя, от лица Ведьмы).* Съешь, съешь, князенька, малинки моей, отведай. Такая к тебе хворь привяжется, что хлебом не заешь, квасом не запьёшь, в бане не замоешь. *(Князю.)* Уж малинка моя

хороша, росами мочена, зорями поена, отведай, князь.

Второй скоморох *(якобы берёт лукошко и ест малину)*. Ой, ой, смертушка пришла, малина-то зельями отравными мочена, чёрными водами наговорными поена. *(Шуточно умирает.)* Ах, ах, конец мне пришёл. *(Так же шутливо оживает.)* Прочь пошла, ведьма ведьмущая!

Шуточная погоня и борьба.

Пантелей. Харитон, это они не про ту ли торговку, что приходила? Уж не ведьму ли они почуяли?

Харитон. Да будет тебе!

Пантелей. Скоморохи — много ведают...

Скоморохи. Побасенка мала, да на ум навела. *(Кланяются.)*

Князь Светозар. Чудно́ ваше представление, весёлые люди. Да уж ладно, как умеете.

Алёнушка. Спасибо вам за потеху!

Входит Ведьма, кланяется.

Ведьма. Совет да любовь, князь с княгинюшкой. Дак вот я давеча малинки-то приносила, так ещё свеженькой сходила набрала. Угодно ли будет?

Князь Светозар *(вставая из-за стола)*. Малинки? *(Оглядывается на скоморохов.)* Малинки, говоришь?

Ведьма *(кланяясь)*. Малинки, батюшка князь Светозар.

Князь Светозар. Может, малинка и добра, да что-то после представления про ведьму есть её не хочется. Не стану гневом пир омрачать, а только иди, тётенька, отсюда по-хорошему. Малина нам нынче не нужна!

Ведьма *(в сторону)*. Это всё скоморохи-пустозвоны. И как они его предупредить сумели? А время-то, время-то, как вода из худого ведра,— по капельке бежит! Ну, ужо у меня, ужо! *(Раздосадованная, уходит.)*

Идёт весёлый пир, слышна песня:

Ой, как светел месяц
В ясно небо вышел,

В ясно небо вышел
Да зарёй вечерней.
Он считал на небе
Ясны-чисты звёзды.
Он считал-просчитывал,
Одной не досчитывал,
Искал свою звёздочку
Да зарёй вечерней.
Звёздочка ночная
Наша-то Алёнушка,
Князюшка желанный.

Сцена гаснет, высвечивается ведьмина потайная избушка. Бьют часы.

Филин. Неделя, да с ущербом, уж без целого дня.

Ведьма. Эх, осина-сиротина! Скоморохи мне всё дело испортили! Дня, говоришь, нет! Плохо, да ничего, ещё шесть осталось!

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

На дворе князя Светозара через день. Пантелей колет дрова. Харитон ходит туда-сюда, относит дрова, ворчит. Козлёночек жмётся к Пантелею, видно, что ему очень непривычно в доме князя. Алёнушка и князь — на высоком крыльце.

Князь Светозар. Оставь вышиванье своё, Алёнушка, ведь нужды в нём нет. Девушки тебе всё разошьют да вышьют. Привыкай.

Алёнушка. Не умею я без дела быть, сложа руки праздно сидеть. Может, привыкну?

Князь Светозар. Конечно, привыкнешь. Времени ещё совсем не прошло.

Князь спускается с крыльца, подаёт руку Алёнушке, помогая сойти по ступеням.

Пойдём с тобой над рекой пройдём. Воздух там от цветов диким мёдом пахнет, жаворонки в небе поют.

Алёнушка *(нерешительно)*. Пойдём.

Князь Светозар. Что ты задумалась?

Алёнушка. Ив... козлёночка с собой возьмём?

Князь Светозар *(с лёгкой досадой)*. Да пусть он на дворе останется, здесь с ним ничего плохого не будет.

Алёнушка. А кто... кто же за ним приглядит?

Князь Светозар. Пантелей вон.

Алёнушка делает Козлёночку знак молчать, нехотя следует за князем.

(Про себя.) Козлёночек да козлёночек, странно мне...

Пантелей. Непременно пригляжу, хозяюшка, всё как лучше сделаю.

Князь Светозар и Алёнушка уходят.

Что, пострел, поиграть, что ль, с тобой? Как же это с козлятами, как с ребятёнками, что ли, играют? Ну, вставай, я считать буду. *(Считает.)*

Заря-зареница,
Красная девица,
По полю ходила,
Ключи обронила,
Ключей не нашла,
За водой пошла!

Ага! Тебе убегать, а мне догонять!

Бегают по двору. Пантелей натыкается на Харитона, который несёт дрова. Харитон рассыпает дрова, падает, ушибается.

Харитон. Хворостина еловая! Ты что, совсем ум потерял?

Пантелей. Харитоша, не бранись. Я хотел как лучше — козлёночка поразвлечь, хозяюшке радость будет. И козлёночек-то, знаешь, ровно всё понимает, ровно что сказать хочет.

Харитон. Снеси лучше дрова на кухню, я упарился!

Пантелей. Ну что ж, я снесу. Не бранись только. Я же как лучше хочу.

Пантелей подбирает дрова, уходит с охапкой, Козлёночек убегает следом. Он, видимо, боится Харитона. Открывается калитка. Входит Ведьма, она выглядит молодой крестьянкой.

Ведьма. Здравствуй, светик.

Харитон. Здравствуй. Чего тебе?

Ведьма *(показывая глазами вслед ушедшему Пантелею)*. Хочу с тобой словом перемолвиться. Всё ждала у калитки, когда этот нескладень уйдёт. Уж больно он мне не нравится.

Харитон. Хорошо, хоть одна сорока с глазами объявилась. А то хозяин всё: «Пантелеюшка, Пантелеюшка». И хозяйка не хуже него: «Пантелеюшка, Пантелеюшка». Ух, глаза б не глядели!

Ведьма. Вот и я то же говорю.

Харитон. Ты, умница, за делом каким пришла?

Ведьма. Помоги мне, чтоб меня в княжий дом прислуживать взяли.

Харитон. Да у нас прислуги и своей — только знай корми. Дворни-то хватает. Нет, девка, со стороны не возьмут!

Ведьма. Вот я и думаю, чтоб не со стороны.

Харитон. Темно говоришь. Непонятно мне.

Ведьма *(шёпотом)*. Ты скажи, что, мол, сестра я твоя, из родной деревни приехала. Как твоя деревня зовётся?

Харитон. Мякинино.

Ведьма. Ну вот, из Мякинина, мол, сестра меньшая, Матрёна. Возьмите, мол. *(Передаёт ему платок, завязанный узлом.)* Вот, держи, тут серебра сколь-нисколь. Пригодится тебе. А тому пентюху — Пантелеем, что ли, зовут? — ничего не сказывай.

Харитон, поколебавшись секунду, прячет деньги. Возвращаются Пантелей и Козлёночек. Увидев Ведьму, хоть она и на этот раз в новом обличье, Козлёночек пугается, жмётся к ногам Пантелея.

Харитон *(Пантелею)*. Вот, сестрица из деревни пришла, Матрёной звать. Просится к нам служить.

Ведьма. Служить, батюшка, служить. *(Кланяется. Про себя.)* Вот он, вот он, козлёночек. С чёрной прядочкой. Сейчас со двора уведу, и дело моё сделается.

Пантелей. Это уж как князь решит.

Пантелей набирает охапку дров и опять уходит. Козлёночек пытается идти за ним, но Ведьма загораживает ему дорогу.

Ведьма. Какой козелок хорошенький! *(Харитону.)* Пойду-ка я, братец, его пока на зелёном лужку попасу, что он у вас тут, на дворе, травка не та. *(Козлёночку.)* Пойдём.

Козлёночек не трогается с места, Ведьма и Харитон пытаются подогнать его к калитке, но он упирается и вот-вот закричит. Однако Ведьма делает знак, и он спохватывается и просто жалобно блеет. Прибегает Пантелей. Одновременно в калитку торопливо входит Алёнушка, следом за ней спешит князь Светозар.

Алёнушка. Что? Что козлёночек плачет?

Ведьма кланяется Алёнушке и князю.

Ведьма. Он не плачет, я его на лужок гоню.

Алёнушка. Ой!

Князь Светозар. Да кто ты?

Харитон. Это вот сестрица моя из деревни. Прими, князь, её в услужение к нам. Из Мякинина она, Матрёной звать.

Ведьма. Из Мякинина, из Мякинина, Матрёна я.

Князь Светозар. Сестра, говоришь? Вот и хорошо, Алёнушка, тебе девушка ещё одна служить будет.

Ведьма. Стараться буду, угождать буду.

Алёнушка. Супруг мой, ни к чему это, я сама справляться люблю.

Ведьма. Ишь, какой у вас козлёночек: беленький, с чёрной прядочкой. Я его пасти буду. На травке, на муравке, по ельничкам, по березничкам.

Алёнушка. Не надо! Светозарушка, любезный муж, откажи!

Князь Светозар. Да что ты, Алёнушка! Харитону ведь сестра она. Пусть при брате живёт и тебе послужит.

Харитон *(позвякав в кармане серебром)*. Вот и я говорю!

Князь Светозар. Да решено уж. *(Уводит опечаленную Алёнушку в дом.)*

Алёнушка тревожно оборачивается и, несмотря на молчаливое недовольство князя, зовёт с собой Козлёночка. Ведьма кидается следом, потом, спохватившись, останавливается.

Ведьма *(в сторону)*. Стой! Куда ж это! Время-то уходит! *(Харитону.)* Ну вот, «братец», теперь и я тут живу — рядышком. *(В сторону.)* Ах, мало, мало времени остаётся. Ну да авось ещё успею — мой будет Иванушка. Сорвёт мне вечный цветок на болоте! Сорвёт!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Ночь. Ведьмина тайная избушка. Ведьма с досадой захлопывает чёрную книгу.

Ведьма. Уж так братца любит, что никак его не отбить! Филин, Филин, время моё истекает! Знаешь, что со мной будет?

Филин. Вороной станешь на вечные времена!

Ведьма. Не хочу! Не хочу! Такую тоску на неё нагоню, что забудет козлёночка стеречь! Разгорайся, пламя адское! *(Взмахивает рукой, загорается пламя.)* Падите, травы! *(Сыплется трава, Ведьма берёт пучок травы в правую руку.)* Выйдите из земли, злые коренья! *(В левой руке у неё оказываются причудливые корни каких-то растений.)* Травами оботрусь, кореньями окурюсь, не устоит против меня ни зверь, ни гад, ни любой человек. *(Колдует.)* На горе сыр дуб стоит, он без ветра шатается, без дождя уливается, так бы и Алёна, Светозарова жена, Иванушки сестра, без печали печалилась, без беды слезами горючими обливалась. Словом моим крепким — ключ и замок — заколдованы слова шиялда, шибулда, кочилла, гутц! Будет теперь Алёна тяжкой истомой томиться, горькой неволей мучиться, сама не поймёт отчего. *(Зачерпывает кружкой пламя, оно горит в кружке, Ведьма размахивает кружкой, свет гаснет, некоторое время видно только пламя, затем всё гаснет, и освещается горница в тереме князя Светозара.)*

В горнице Алёнушка и Козлёночек.

Алёнушка *(гладит Козлёночка. Напевает).*

Туманно красное солнышко, туманно,
Что во тумане красна солнышка не видно,
Печальна красна девица, печальна,
Никто её кручинушки не знает.
Ни батюшка, ни матушка родные,
Ни белая голубка на рябине,
Печальна красна девица, печальна,
Никто не может злому горю пособить...

Ах ты, братец мой Иванушка, родненький мой. Уж как бы счастливо мы с тобой жили тут, кабы не тайная наша беда-кручина. И сказать никому нельзя, нельзя и с милым другом печалью нашей поделиться.

Козлёночек. Алёнушка, почему нельзя? Что ты мне всё молчать велишь?

Алёнушка. Тсс. Никто и прослышать и проведать не должен, что ты мальчик. Тогда на веки вечные козлёночком останешься.

Козлёночек. А так?

Алёнушка. А так ещё надежда есть. Сама хоть и не знаю какая. Заколдовала тебя ведьма ведьмущая, наложила на тебя заклятие страшное. Не забудь: ни с кем, кроме меня, не разговаривай! Запомни!

Козлёночек. Алёнушка, я боюсь.

Алёнушка. Тсс, молчи. Кто-то идёт.

Входит князь Светозар.

Князь Светозар. Что ты печальна нынче с утра, Алёнушка, душенька?

Алёнушка. Да нет, так чего-то, худо можется.

Князь Светозар *(встревоженно).* Не обидел ли, не огорчил ли я тебя ненароком?

Алёнушка. Что ты, что ты, мил-сердечный друг, ласковый мой!

Князь Светозар. Вот поеду в город, привезу тебе золотые мониста, подвязь жемчужную, серьги яхонтовые.

Алёнушка. Не надо, не надо, я и так счастлива, подарками мне счастья не прибавишь.

К н я з ь С в е т о з а р. А всё ж печалишься, не пойму отчего. Точно таишь ты что-то от меня. А?

А л ё н у ш к а. Да нет... нет... ничего.

К н я з ь С в е т о з а р. Неужели мне, другу и мужу своему, не можешь довериться? Видно, не привыкла ещё. А может, не крепко любишь?

А л ё н у ш к а. Больше жизни люблю, Светозар, сердце мое!

К н я з ь С в е т о з а р. Так докажи мне это.

А л ё н у ш к а. Чем же? Как доказать?

К н я з ь С в е т о з а р. Расскажи, что томит тебя.

А л ё н у ш к а *(в порыве любви и откровенности)*. Послушай, милый мой... *(Спохватившись.)* Нет... я хотела сказать... денёк сегодня ясный какой.

К н я з ь С в е т о з а р. Не пойму я тебя. Открой мне, отчего ты этого козлёночка всё при себе держишь?

А л ё н у ш к а. Ах, не спрашивай, не спрашивай!

К н я з ь С в е т о з а р. Вот и любовь твоя. Веры у тебя нет ко мне. Не заслужил, значит.

Входит Х а р и т о н.

Х а р и т о н. Матрёна сказывала, ты, князь, к охоте велел всё готовить. Так готово.

К н я з ь С в е т о з а р. Я? Не припомню. Разве я приказывал?

Х а р и т о н. Как же. Уж и кони осёдланы, и собаки на сворки взяты, и егерь уже пришёл.

К н я з ь С в е т о з а р. Ну и добро. Не собирался, так соберусь.

А л ё н у ш к а. Не покидай меня, свет мой. Отмени охоту.

Х а р и т о н *(про себя)*. Ишь волю взяла! *(Уходит.)*

К н я з ь С в е т о з а р. Нет, зачем же.

А л ё н у ш к а. Сердце не на месте у меня, всё чудится, быть беде. Останься.

К н я з ь С в е т о з а р. Пойду в поле свою обиду развею. Любимая у меня жена, да скрытная.

А л ё н у ш к а. Не в обиду тебе, не могу сказать.

К н я з ь С в е т о з а р. Ну, так и не говори. Только с

тайнами друг от друга — что за любовь. *(Сердитый, уходит.)*

Алёнушка обнимает Козлёночка, плачет.

Козлёночек. Скажи князю, Алёнушка. Только не убивайся так.

Алёнушка. Нельзя, Иванушка.

Козлёночек. Ну так я сам скажу! Сам я тебя не послушался, пусть я теперь сам и пропадаю.

Алёнушка. Не смей! Мало тебе — раз не послушался! Большей беды захотел! Ни с кем не говори, слышишь! Никогда. Слово дай нерушимое. Даже Пантелею доброму не говори.

Козлёночек. Ладно, сестрица. Не нарушу слова.

Входит Пантелей.

Алёнушка. Ты что, Пантелей?

Пантелей. Ты одна тут, хозяюшка? Словно кто меня позвал. Или почудилось?

Алёнушка *(торопливо)*. Да, да, почудилось.

Пантелей. Не прогневайся, хозяюшка. Может, скоморохов позвать, повеселят они тебя? *(Про себя.)* А может, и скажут что. Байка их из головы не идёт. На душе покоя нет.

Алёнушка. В другой раз. Невесело что-то. *(Отходит в глубь комнаты, глядит в окно.)*

Пантелей. Ну что ж, и в другой раз хорошо. *(Поклонившись и потрепав Козлёночка по лбу, выходит.)*

Торопливо входит Ведьма.

Ведьма *(бросаясь к Козлёночку)*. А, наконец-то... *(Замечает Алёнушку.)* Наконец-то я, хозяюшка, тебя нашла.

Алёнушка. Что, Матрёна?

Ведьма. Хозяин на охоту отбыл.

Алёнушка. Я знаю.

Ведьма. Велел тебе передать, чтобы не печалилась, не кручинилась, а шла бы с козлёночком гулять на бережок.

Алёнушка *(с сомнением)*. Мне он ничего не говорил.

Ведьма. А от крыльца отъехав, передал. И мне велел

с тобой идти, тебя развлечь да поберечь. *(В сторону.)* Да собирайся скорей, времени нет, цветок на болоте увянуть успеет!

Алёнушка. Что ж, я Светозара не ослушаюсь.

Ведьма. Как можно! Скорее — гулять на бережок. Да козлёночка с собою взять не забудь. Ну идём, идём, хозяюшка-княгинюшка. *(Про себя.)* Пропасть тебя возьми! Я уж и платок повязала, и твою шаль узорчатую принесла.

Алёнушка. Нет, нет. Пантелея ко мне пришли. Я с Пантелеем пойду.

Ведьма *(про себя)*. Тьфу-ты! Пантелей!

Ведьма уходит, входит Пантелей.

Алёнушка. Пантелеюшка, страшно мне. Что-то недоброе в доме поселилось, а не знаю что. Словно кто-то злой из углов глядит.

Пантелей. Полно, хозяюшка. Князь в поле уехал, вот ты и кручинишься.

Алёнушка. И то! Надо наважденье с себя стряхнуть! Пойдём с козлёночком на бережок.

Пантелей. И я с вами. Охраню, оберегу, обидеть не дам.

Уходят. Сцена гаснет, загорается ведьмина потайная избушка.

Ведьма. Филин, сколько?

Филин. Два дня с минуточкой.

Бьют часы.

Ведьма *(над книгой)*. Ну, всё. Только это мне и осталось. Сделаю так, что никто не отличит ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по поступи! *(Кричит в исступлении.)* К бесу, к лесу, в омут головой! Да скорее!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Лесистый берег реки. Много цветов. Деревья стоят зелёные. Поют птицы. Закуковала кукушка. Внезапно оборвала песню. Всё стихло. Послышалось «Ау, ау!». Из лесу на берег выбегает Алёнушка, следом Козлёночек.

Алёнушка. Ой, как в лесу, на воле хорошо! *(Гладит Козлёночка.)* Может, ещё всё и обойдётся, Иванушка? Может, кончится колдовство, ты опять мальчиком станешь.

Козлёночек. Тогда и с князем Светозаром ты мирно да ладно заживёшь, да, сестричка?

Алёнушка. Да, маленький! *(Прислушивается.)* Тсс. Не забудь — ты нерушимое слово давал!

Вбегает Пантелей.

Пантелей. Вот вы как быстро, еле вас догнал.

Козлёночек подходит к Пантелею.

Что, не набегался? Ну, так давайте считаться, будем в прятки играть. Он ровно мальчоночка — всё понимает.

Алёнушка. Ну что ж, поиграем, чтоб не скучал козлёночек.

Алёнушка, Козлёночек, Пантелей становятся друг против друга.

Пантелей *(говорит считалку)*.

Как на горке на горе,
Во тесовом во дворе,
Иванушка бродит
Да хохлаток кормит.
Вы мои хохлатушки,
Вы мои цыплятушки,
Золотое перо,
А в дому — добро.
Чему быть — тому быть,
А тебе водить!

Хозяюшка, тебе водить досталось!

Алёнушка. Ну, бегите, хоронитесь, а я зажмурюсь.

Пантелей и Козлёночек убегают прятаться. Алёнушка честно не подсматривает.

(Спрашивает.) Пора?

Голос Пантелея. Нет.

В это время Ведьма выходит из леса. Алёнушка стоит зажмурившись и её не видит.

В е д ь м а *(подходит совсем близко)*. Хозяюшка! Княгинюшка! Беда стряслась! Беда!

А л ё н у ш к а *(вздрагивает)*. Что? Что случилось?

В е д ь м а. Козлёнок с крутого берега в реку упал, тонет!

А л ё н у ш к а. Где? Где? Скорее, скорее!

В е д ь м а. Да вот тут, тут, за овражком, за овражком! За ивами!

А л ё н у ш к а *(подбегает к самому берегу)*. Где он? Где?

В е д ь м а. Да вон гляди — в омуте!

Алёнушка низко наклоняется с берега. Ведьма толкает её. Алёнушка падает. Всплеск, брызги. Ведьма заходит за дерево и тут же выходит из-за него в обличье Алёнушки.

Что, по-моему вышло! Обернулась я Алёнушкой! Теперь всё в моей власти — всё!

Вбегает К о з л ё н о ч е к, останавливается как вкопанный перед Ведьмой. Ведьма делает к нему движение, но тут появляется П а н т е л е й.

(Про себя.) И этот комар здесь!

П а н т е л е й *(ничего не подозревая)*. Что, хозяюшка, не смогла нас отыскать? Вот как мы схоронились!

В е д ь м а *(приторно-сладко)*. Давай-ка, Пантелеюшка, домой ступай да самовар ставь.

П а н т е л е й. Ты что, уж не простыла ли у реки, хозяюшка? Голос вроде с хрипотцой...

В е д ь м а. Обыкновенный голос, что это ты удумал?

Козлёночек бегает, мечется по берегу, останавливается над омутом.

К о з л ё н о ч е к *(про себя)*. Это не Алёнушка! Это она! Ведьма! Ведьма! Что же делать мне? Сказать Пантелею? Князя звать? Нельзя! Я ведь нерушимое слово дал!

В е д ь м а. Козлёночек, ребёночек, пошли со мной! *(Пантелею.)* Я сказала — самовар иди поставь, что не идёшь, Пантелеюшка?

П а н т е л е й *(про себя)*. Точно подменили её. Вроде хозяюшка, а вроде и нет! *(Ведьме.)* Нет, я уж одних вас не оставлю, я вас должен от всякого лиха беречь. Я с тобой, хозяюшка, и с козлёночком вместе пойду.

Ведьма. Вот ведьмино лихо! Времени-то совсем ничего осталось! Ну пойдём домой, да скорее, скорее! *(В сторону.)* Авось там без хозяйки-то проще дело слажу!

Уходят.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Высвечивается ведьмина избушка. Бьют часы.

Филин *(мрачно)*. День-то уж последний идёт.

Избушка гаснет, освещается сцена. Обстановка пятой картины — горница в доме князя Светозара. Ведьма подталкивает Козлёночка, он упирается, не идёт.

Ведьма. Иди, иди. Я-то знаю, какой ты козлёночек. И ты знаешь, какая я Алёнушка. То-то. Сейчас опять мальчиком станешь. Да уж нет сестрицы твоей. Мне, мне будешь служить! Пойдём с тобой по мхам да кочкам, по болотам зыбучим, отыщешь ты мне вечный цветок. *(Начинает колдовать.)* Шиялда, шибулда.

Входит Пантелей.

Что тебе?

Пантелей *(поражён)*. Хозяюшка... самовар... это... поспел.

Ведьма. Не нужен мне самовар. Ступай. Вот тебе ремешок узорчатый в подарок от меня. *(Протягивает ремень.)*

Козлёночек делает движение в сторону Пантелея, но Ведьма предупреждает это движение и отгоняет его.

Пантелей *(рассматривая ремешок)*. Спасибо.

Ремешок странный, он в руках Пантелея, точно живая змея, извивается. Пантелей, озадаченный, уходит, Козлёночек жмётся в угол, Ведьма снова начинает колдовать.

Ведьма. Вот и мой час настал! *(Колдует.)* Как пойду я не дорогой — бездорожицею, из избы дверьми, из

двора воротами, на край синя моря, как скажу я ключевые слова, шиялда, шибулда...

Входит Пантелей.

Пантелей. Хозяюшка, там любимцы твои пришли.

Ведьма. Какие ещё любимцы?

Пантелей. Как же, Василий да Митрофан, скоморохи. Ты ж песни их всегда слушаешь! А вот и они!

Входят Первый и Второй скоморохи.

Первый скоморох. Вот и снова свиделись!

Второй скоморох. Доброго здоровья, княгиня-матушка!

Ведьма. Кто велел? Кто позвал? Недосуг сейчас, уходите!

Скоморохи поворачиваются и уходят, уходя, подзывают Пантелея.

Первый скоморох *(шёпотом, Пантелею)*. Гляди, братец, неладно у вас.

Второй скоморох. Хозяйку то ли сглазил кто, то ли это и вовсе не она.

Пантелей *(шёпотом)*. Я и сам думал, да как же не она, когда и по голосу, и по волосу, и по выступке вылитая Алёнушка, хозяйка моя.

Первый скоморох. Ой, гляди, парень.

Второй скоморох. Приглядывайся!

Скоморохи уходят.

Пантелей. Да что ж это такое! Беда над нами нависла, а развести — не умею! *(Уходит.)*

Ведьма *(Козлёночку)*. Ну-ка, иди сюда!

Козлёночек не трогается с места.

Иди-иди! Не слушаешься? Ничего, послушаешься. Сестрицу-то твою захочу — из омута подыму, захочу — на дне реки оставлю. Ну, подойдёшь по-хорошему?

Козлёночек неохотно подходит.

(Колдует.) Вороны-сороки,
Полночные сроки,

Холмы да угоры,
Чёрны разговоры...

По-моему будет, по-моему! *(Продолжает колдовать.)*

Слетайтесь-ка, ветры из чёрных стран,
Обретает свой облик отрок Иван,
Развеется, забудется...

Входит князь Светозар.

Князь Светозар. Алёнушка, душенька, размыкал я свою обиду по полю, давай, светик, по-хорошему жить!

Ведьма *(в сторону)*. Да что ж это, осина горькая! Князя-то что так рано с охоты бесы принесли! *(Князю.)* Давай, давай, любезный.

Князь Светозар. Что ты, Алёнушка? Вроде голос у тебя чуть с хрипотцой. Уж не простыла ли?

Ведьма. И то, любезный друг, простыла. Так и ты в поле не озяб ли? Вот отвар из трав добрых, давай вместе попьём, авось всё и наладится. *(Подносит князю кружку, делает вид, что пьёт.)*

Князь Светозар. Ты и травы умеешь готовить, умница моя. Я вроде здоров, да давай выпью, раз твои ручки сами травы собирали, сами готовили. *(Пьёт из кружки.)*

Козлёночек подходит к князю, ему хочется всё рассказать, предупредить, но данное Алёнушке нерушимое слово не позволяет. Он пытается делать знаки, но князь его не понимает.

Да что ты, козлик? Не до тебя, не до тебя! Алёнушка... *(В сторону.)* Что-то в голове как странно зашумело, мутиться стало.

Ведьма. Ступай, любезный муж, Пантелей самовар вскипятил. Попарься, чаю попей, потом побеседуем.

Князь Светозар. Что-то ты на себя сегодня не похожа. *(Берёт её за руку, подводит к окну.)* Вроде ты, а вроде бы — и нет.

Ведьма. Я, кому ж ещё быть! *(С торжеством.)* Разве не похожа?

Князь Светозар. Похожа. Глаза твои, синие, да не

солнцем светят, а льдом стынут. Руки твои белые, да нетёплые стали.

Ведьма. Ступай, баня протопится, берёзовый веничек пропарится. Я без тебя лучше обойдусь. Буду прежней.

Князь Светозар. Как знаешь. *(Пожимая плечами, уходит.)*

Ведьма. Да что ж это, пропасти на вас нет, время-то моё вот-вот истечёт! *(Машет рукой.)* Филин, много ль времени осталось?

Освещается ведьмина избушка.

Филин. Час да минуточка!

Ведьма. Час? Да где ж мне за час успеть цветок найти! Всё! Конец мне! Конец!

Избушка гаснет. Освещается сцена. Ведьма повторяет: «Конец мне, конец!» — хватается за голову. Козлёночек радуется.

Рано радуешься! Злости-то у меня ещё много осталось. За час да за минуточку я вам всем отомщу, зла ещё много успею наделать! Много! *(Кричит.)* Харитон!

Входит Харитон.

Харитон. Хозяюшка, Матрёна-служанка пропала куда-то и не видать её.

Ведьма. Не твоя забота. Ты вот что, Харитон! Вели разложить костры высокие, да вскипятить котлы чугунные, да наточить мечи булатные.

Харитон. Велю в одночасье. А зачем бы, хозяюшка?

Ведьма. Козлёнка зарежем да сварим! Заболела я, молодой козлятиной полечиться надо. Живо ступай!

Козлёночек в ужасе.

Харитон. Я мигом, хозяюшка! *(Уходит.)*

Ведьма. Мне конец, да и вам несдобровать! Не пожить без меня, не порадоваться!

Входит князь Светозар.

Князь Светозар. Алёнушка, ты велела костры разложить? Ты велела ножи точить?

Ведьма. Я, муженёк суженый, я.

Князь Светозар. Может ли быть? Ты, голубка кроткая, ты, моя ласточка ясная, так козлёночка любила, а теперь загубить хочешь? Что-то мне худо можется, не пойму ничего.

Ведьма. Заболела я, Светозар, муж мой дорогой...

Князь Светозар. Заболела? Что с тобой, милая?

Ведьма. Голова болит, и душа болит, и свет белый не мил, так козлятинки хочется!

Князь Светозар. Неужели другого средства нет тебя вылечить?

Ведьма. Видела я сон пророческий, мне во сне объявлено, чтобы поела я молодой козлятинки, тогда и вылечусь, тогда и прежней стану, голубкой твоей кроткой.

Князь Светозар. Что это со мной? Нету сил сну противиться... Нету сил, точно зельем каким опоённый... *(Ложится на лавку, засыпает.)*

Ведьма. Теперь долго проспит... Так ли всё, как сказала, сделают? Пойти самой приглядеть. *(Направляется к двери, возвращается.)* Только наперёд тебя привяжу, чтоб не убежал, Иванушка! *(Зло смеётся, привязывает Козлёночка, уходит.)*

В окно просовывается рука, потом другая, показывается Пантелей, с трудом влезает в горницу.

Пантелей. Скоморохи правду сказали. Неладно тут. Нечисто. *(Кидается к князю.)* Хозяин любезный, пробудись, беда!

Князь не шевелится.

Князь! *(Замечает, что Козлёночек привязан.)* А это зачем? Отвяжу тебя, беги, сердечный.

Козлёночек и Пантелей скрываются. Входит Ведьма.

Ведьма. Ну, отыграюсь я! Костры горят! Котлы кипят! Ножи точат! Ведьме конец, но и тебе с сестрицей — тоже... *(Замечает, что Козлёночек исчез.)* Где ты прячешься? Под столом? Под лавкой? Кто посмел? Всех погублю, всех, изменники! Сыскать мне козлёнка! Немедля сыскать! Харитон! Живо!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

То же самое место на берегу, что и в шестой картине. Только солнце не светит, только не поют птицы. Пасмурно, печально. Прибегает Козлёночек, глядит в реку, в омут.

Козлёночек *(жалобно причитает)*.

Сестрица моя Алёнушка,
Выплынь, выплынь на бережок!
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезать!

Из-за деревьев выглядывает Пантелей. Прислушивается. Слышится слабый и печальный голос Алёнушки.

Алёнушка *(голос)*.

Не могу, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли!

Пантелей. Батюшки мои! Небушко чистое! Солнышко ясное! Что ж это сделалось! За князем, за князем бежать! Будить его!

Козлёночек *(не заметив Пантелея, продолжает причитать)*.

Сестрица моя Алёнушка,
Выплынь, выплынь на бережок!
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезать!

Алёнушка *(голос)*.

Ах, братец мой Иванушка,
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли.

Когда Алёнушка отвечает, прибегают Ведьма и Харитон. Харитон прислушивается к голосу Алёнушки. Он в полном недоумении.

Ведьма. Вот он, вот! Лови его, Харитон, да скорее в котёл! Ну!

Харитон *(не трогаясь с места).* А... а там, в реке, кто ему откликается?

Ведьма. Вот осина-сиротина, лови, я тебе приказываю! Тащи, я тебе приказываю!

Ведьма кидается к Козлёночку, но ошеломлённый Харитон удерживает её.

Козлёночек *(поглощённый своим горем, не замечает их).*

Сестрица моя Алёнушка,
Выплынь, выплынь на бережок!
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезать!

Алёнушка *(голос).*

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли!

Ведьма рвётся к Козлёночку, Козлёночек старается от неё спрятаться. Харитон поражён увиденным, стоит в недоумении.

Ведьма. Харитон! Лови его! Несметной казной тебя награжу!

В это время вбегают князь Светозар, Пантелей, скоморохи. Они отталкивают Ведьму, растягивают сеть. Харитон тоже старается им помочь. Они забрасывают сеть и достают со дна омута Алёнушку. Ведьма как бы без сил стоит, прислонившись к стволу дерева.

Свет гаснет. Высвечивается избушка Ведьмы. Бьют часы.

Филин. Нет ни дня, ни часа, ни минуточки. Кончился ведьмин век!

Филин, чёрная книга, стол, часы исчезают, избушка пуста. Сцена снова освещается. Выходит солнце. Снова поют птицы, кукует кукушка. Над лесом летит ворона. Ведьмы нет.

Князь Светозар. Алёнушка! Росинка моя прозрачная, слезинка моя горькая!

Алёнушка. Светозар, милый мой, суженый! Как же долго я в тёмном омуте пробыла!

Все смотрят туда, где только что была Ведьма.

Харитон. Так то правда! Ведьма ведьмущая хозяйку погубить хотела!

Козлёночек скачет от радости, перекувыркивается несколько раз. Из-за деревьев выбегает Иванушка.

Иванушка. Алёнушка, я слово-то нерушимое сдержал!

Князь Светозар. Кто это?

Алёнушка. Это брат мой, Иванушка-козлёночек!

Князь Светозар. Диво-дивное!

Пантелей. Чудо совершилось! Хозяюшка, милая, здравствуй!

Харитон *(кланяется)*. Простите меня, хозяин с хозяюшкой. Прости и ты, Пантелеюшка. Виноват я вам всем! Сам я хворостина еловая оказался!

Иванушка. А ведьма не вернётся?

Скоморохи. Ведьме теперь весь век вороной летать!

Скоморохи играют на своих инструментах и поют.

Первый скоморох. Брат размилый, брат Васюта,
Сказочка рассказана!

Второй скоморох. Сказочка рассказана.

МАНУК — ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ

Пьеса в двух действиях, семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь.
Назир — первый министр.
Манук — охотник.
Гаянэ — красавица.
Вишап — чудовище.
Старушка — волшебница.
Ашот — Зелёный воин, брат Гаянэ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Царские покои. Высокое сводчатое окно. Со стен свешиваются ковры с изображением женоголовых птиц. Низкие тахты крыты коврами и завалены расшитыми мута́ками (валики, набитые шерстью) и подушками. На низком столике — узкогорлый кувшин и блюдо с фруктами. Вбегает Царь. На голове шитая жемчугом плоскодонная шапочка. Чёрные брови, седая борода, орлиный нос. Парчовая широкорукавная одежда, туфли-бабуджи, с загнутыми носками, без пяток.

Царь. Что? Вы все забыли, кто у вас царь? А?

Назир *(с восточным поклоном)*. Ты — царь, а я твой верный назир.

Царь. А раз я царь, значит, будет по-моему. Я хочу жениться!

Назир. Но, великий царь...

Царь. Где невеста? Где моя невеста?

Назир. Но, премудрый царь...

Царь *(кричит)*. Чтоб вы ослепли, чтоб вы засохли, горанак-чёранак, я хочу жениться!

Назир. Осмелюсь...

Царь. Не смей! Я хочу жениться!

Назир. Но, светлый царь, в нашем царстве больше не осталось невест.

Царь. Как не осталось?! Несите зеркало!

Назир. С тех пор как ты решил жениться, о великий царь, в зеркале твоём каждый день появлялось изображение девушки...

Ц а р ь *(перебивая)*. Знаю! Знаю! Эту девушку находили, приводили ко мне.

Н а з и р. И она тебе не нравилась.

Ц а р ь. Ну и что?

Н а з и р. Так ведь, солнцеликий царь, девушек-то больше не осталось!

Ц а р ь. Всё равно найдите!

Н а з и р. Прости меня, но девушки не лук в огороде, нужно время, чтоб подросли новые.

Ц а р ь. Неси зеркало!

Н а з и р. Но ему некого изображать, всех девушек ты уже отверг.

Ц а р ь *(в истерике)*. Принесите зеркало, моё зеркало! *(Хлопает в ладоши, сошвыривает с ног туфли, кидает в назира подушкой.)*

Н а з и р. Да будет воля твоя! *(Убегает.)*

Ц а р ь *(один, поёт, приплясывает)*.

Мне невеста ночью снится,
Правда. Так. Так.
Ужас, как хочу жениться,
Правда. Так. Так.
Я высок, и прям, и строен.
Правда. Так. Так.
Я хорош и ладно скроен.
Правда. Так. Так.
Говорят, что староват я,
Правда. Так. Так.
Ну уж тут не виноват я.
Правда. Так. Так.
Я невест перебираю.
Правда. Так. Так.
За меня пошла б любая.
Правда. Так. Так.
Не найду себе по нраву.
Правда. Так. Так.
Перерыл я всю державу.
Правда. Так. Так.

Где моё зеркало?

Н а з и р *(задыхаясь, тащит зеркало, накрытое*

покрывалом. Прислоняет к стене отдувается). Фух, тяжело, рама тяжёлая!

Царь. Откинь покрывало, я посмотрю!

Назир. Не стоит трудиться, царь! Зеркало может отразить только твой солнечный лик и моё недостойное лицо. Но девушки оно нам не покажет.

Царь. Не может быть. Я ведь хочу жениться!

Назир. Женись, великий царь.

Царь. Но мне не нравятся невесты моего царства. *(Поёт.)*

Одна из них косая,
Другая — босая,
У третьей слишком чёрный глаз,
Четвёртая — чесалась,
А пятая — кусалась.
Что? Нет, чихнула восемь раз.

Назир. Осмелюсь возразить. Были ведь и прекрасные девушки. *(Поёт.)*

Была одна как роза в саду,
А другая как чинара пряма.
И была одна как персик в цвету,
А другая точно песня сама.
А одна была как пенный Раздан.
А другая так тиха, как Севан.
И была одна как в небе звезда,
А другая — точно горный туман.

Царь. Перестань! Лучше откинь покрывало!

Назир. Ну, раз ты так хочешь, повелитель.

Назир сбрасывает покрывало с царского зеркала. В зеркале лицо прекрасной девушки.

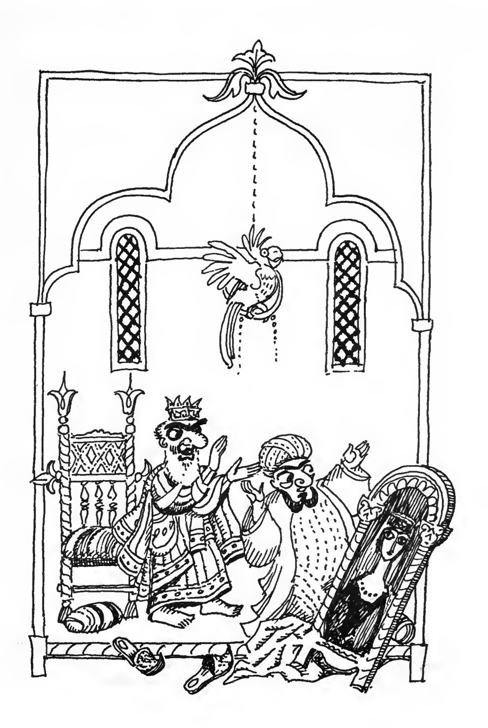
Царь и Назир *(вместе, перебивая друг друга).* Ах! Кто это? Какая красавица!

Царь. Седлай коня, бери кинжал, иди ищи эту девушку.

Назир. Но, великий царь... Я не могу...

Царь. Что? Возражать?! Своему царю?

Назир. Но этой девушки нет в нашем царстве.

Царь. Все горы обыщи, все долины обшарь, семь раз поднимись на Масис, семь раз спустись вниз. Отправляйся!

Назир. Не могу!

Царь. Без разговоров! А я пойду принаряжусь. Эй, слуги! *(Уходит, напевая.)*

Мне невеста ночью снится.
Правда. Так. Так.
Ужас, как хочу жениться.
Правда. Так. Так.

Назир *(один)*. Жениться, жениться. *(Показывает царю вслед «нос».)* Старый козёл. Тьфу! *(Глядит на изображение девушки в зеркале.)* Ах, хороша! Вай, хороша! Джан, хороша! Но где я её найду?

Из-за сцены доносится песня:

На горной вершине белый снег.
Узка меж уступов тропа моя.
Меня не засыплет белый снег,
Легка на тропе стопа моя.

Скачет по скалам гордый джейран,
О, как ты крепка, скала моя.
Как ни стремителен гордый джейран,
Его настигнет стрела моя

Входит охотник **Манук**. Он высок, черноглаз, черноус, очень обаятелен. На нём баранья шапка, бурка, узкие чёрные сапоги. Он несёт на плечах убитого им джейрана.

Манук. Многие лета здравствовать, назир.

Назир. Что тебе, Манук?

Манук. Принёс царю джейрана Убил в горах.

Назир. Оставь и убирайся.

Манук. Слушаюсь, назир.

Манук, кланяясь, уходит.

Назир *(хлопает себя по лбу)*. Ах я дурак, сушёная бастурма! Эй, как тебя, постой, вернись!

Манук *(возвращается)*. Я здесь, назир.

Н а з и р. Посмотри сюда. *(Указывает на зеркало.)*

М а н у к. О, какая красавица!

Н а з и р. Царь хочет жениться на этой девушке.

М а н у к *(почти не слушает)*. Глаза её — стрелы. Сердце моё загорается огнём!

Н а з и р. Я тебе говорю, царь хочет на ней жениться.

М а н у к *(зачарован)*. Да, да, жениться...

Н а з и р. Ты знаешь её?

М а н у к. Никогда не видел.

Н а з и р. Так отправляйся, разыщи её да приведи ко мне, слышишь?

М а н у к *(не отрываясь от зеркала)*. Где же найти её?

Н а з и р. Горы обыщи. Долины обшарь. Семь раз поднимись на Масис семь раз спустись вниз, найди и приведи ко мне.

М а н у к. Горы обыщу. Скалы переверну. Все леса исхожу. Я найду тебя, красавица! *(Убегает.)*

Н а з и р *(вдогонку)*. Приведи в мой дом! Ах, хорошо! Он найдёт, жизнью рискнёт, а я привезу её к царю. Скажу, я нашёл Ах, молодец, назир вот голова, назир!

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Высокие горы На переднем плане · лес. Входит охотник М а н у к.

М а н у к. Ох, искал я на горах, искал в долинах, все леса обшарил, все скалы облазал. Устал.

Что-то шуршит в кустах. Манук вскидывает лук, прицеливается, опускает его и роняет стрелу.

Нет, что-то случилось со мной. Не могу я живое убивать. Странно, а ведь я охотник.

Манук устало опускается на большой заросший камень. Задумывается. Поёт.

Я ищу тебя повсюду я ищу,
А ты не знаешь,

Без тебя я жить не буду, я грущу,
А ты не знаешь,
Весь я в нежность превратился, запылал,
А ты не знаешь.
Я совсем с дороги сбился, я устал,
А ты не знаешь.

(Повторяет мотив без слов. Настораживается.) Кто-то идёт? Эй, кто там идёт?

Входит Старушка. Лоб и рот повязаны платком. Только глаза блестят и торчит крючковатый нос. Она несёт дрова, тяжело ступая по горной тропе. Не замечает Манука. Бормочет.

Старушка. Нет у меня сына. Нет у меня внука. И никто мне не скажет ласково «нани́-джан».

Манук. Нани́-джан, нани́! *(Подбегает к ней.)*

Старушка. Ой, кто это меня, словно мать свою, окликает?

Манук. Это я, охотник Манук. Дай помогу тебе.

Старушка. Что ты здесь делаешь, охотник Манук?

Манук. Ах, нани, не расспрашивай. Дай лучше тебе пособлю. *(Пытается снять дрова.)*

Старушка. Я и правда устала. Посижу.

Манук. Садись, нани, тут тебе будет удобно. *(Расстилает бурку, усаживает старушку, помогает сбросить дрова.)*

Старушка. Спасибо, сынок.

Манук. Где ты живёшь, нани?

Старушка. Вон там, на горе моя хижина.

Манук. Так высоко! Ты голодна, нани-джан?

Старушка. Очень голодна, сынок.

Манук. Вот тебе лаваш, вот овечий сыр, подкрепись.

Старушка *(бурчит под нос)*. Твоя доброта — твой хлеб у рта, а людская злость как кинжал насквозь.

Манук. Что-что?

Старушка. Так, ничего. Спасибо тебе. Я пойду. *(Встаёт.)*

Манук помогает ей нагрузить дрова.

Манук. Жаль, некогда мне тебя проводить.

Старушка. Не тревожься.

Манук. Я обратно пойду — загляну к тебе, чем-нибудь помогу.

Старушка. Будь счастлив. *(Уходя, оборачивается, подкидывает дрова. Поленья и сучья рассыпаются, там, где упала дровина, вырастает цветок. Манук ошарашен.)*

Манук. Что это?

Старушка *(молодым голосом)*. Ты думал, юноша, что встретил старуху...

Манук. А кто же ты?

Старушка. А я волшебница гури́-пери́, и я знаю о твоей печали.

Манук *(бросается к ней)*. Нани-джан!

Старушка *(продолжает говорить молодым голосом)*. Вот тебе за твоё доброе сердце огненный меч! *(Ударяет оземь палкой, раздаётся звон, в руках у неё оказывается блестящий меч.)*

Манук. С кем же мне сражаться, нани? Я ведь девушку ищу.

Старушка. Девушку, что ты ищешь, зовут Гаянэ. Унёс её вишап — много лет назад, она ещё девочкой была.

Манук. Вишап? Страшное чудовище?!

Старушка. Да. И стережёт её в неприступной пещере.

Манук. Не испугаюсь я вишапа. Но как мне его пещеру разыскать?

Старушка. Иди прямо на солнце. Дойдёшь до Зелёной страны.

Манук. Что это за страна?

Старушка. Это страна вишапа. Сам всё увидишь. Меч мой поможет тебе в пути, защитит от злого человека.

Манук. Я и вишапа им зарублю!

Старушка. Нет. Моё волшебство против вишапа бессильно.

Манук. Как же мне быть?

Старушка. Победить вишапа может только отважное сердце.

Манук. Нани-джан!

Старушка. Прощай. *(Исчезает.)*

Манук *(разглядывает меч)*. «Иди прямо на солнце»,— сказала мне гури-пери.

Всходит солнце.

Огненный меч выручай меня. *(Уходит.)*

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Граница Зелёной страны. Зелёные холмы. Причудливые деревья с зелёными стволами. Светит зелёное солнце. Из-за дерева выходит Зелёный воин. Он в широких зелёных шальварах, перепоясан зелёным шёлковым поясом, на голове — зелёный тюрбан, в руках — зелёная сабля. Прохаживается взад-вперёд, как часовой.

Зелёный воин. Никто не смеет пересечь границу Зелёной страны. Зарублю, искрошу, в плове сварю! Берегись! Раз-два, горы-скалы. *(Останавливается.)* Вот опять! О я несчастный! Я не хочу быть злым, а этот проклятый вишап заколдовал меня. О я несчастный!

Голос Манука *(за сценой поёт)*.

Лежит на вершинах белый снег.
Узка между скал тропа моя.
Меня не засыплет белый снег
Легка на тропе стопа моя.

Зелёный воин *(вздрагивает)*. Раз-два, горы-скалы, стой, кто идёт?

Манук *(входит)*. Мир и добро тебе, честный воин.

Зелёный воин. Раз-два, горы-скалы. Поворачивай назад!

Манук. Что же ты так нелюбезен?

Зелёный воин. Да я не нарочно, милый человек. *(Вздрагивает.)* Раз-два, горы-скалы, поворачивай назад, пока цел! *(Размахивает саблей.)* Берегись!

Манук. Погоди.

Зелёный воин. Никаких разговоров. Или прочь, или изрублю тебя в куски. *(Набрасывается на Манука.)*

Манук *(в сторону)*. Он погибнет, если я хотя бы прикоснусь к нему огненным мечом.

Зелёный воин. Берегись, горы-скалы, я снесу тебе голову!

Сражаются. Зелёный воин почти что побеждает Манука. Манук выхватывает огненный меч. Зелёный воин падает на колени. Вот меч сейчас заколет Зелёного воина, и путь через Зелёную страну свободен. Но рука его с мечом медленно опускается.

Манук. Встань, брат мой!

Зелёный воин. Брат? Что ты сказал — брат?

Манук. Я так сказал. *(В сторону.)* Не могу я убить человека.

Зелёный воин *(скачет, пляшет, выкрикивает)*. Я спасён! Я спасён! Я спасён!

Манук. Ты лишился рассудка, честный воин!

Зелёный воин. Да. Да. Да. То есть нет! Нет! Нет! Ты не знаешь, что ты для меня сделал!

Манук. Сделал? Да я чуть не убил тебя!

Зелёный воин. Ты меня спас, расколдовал!

Манук. Как так?

Зелёный воин. Я свободен, свободен!

Манук. От кого? От чего?

Зелёный воин. Слушай. Я крестьянский сын. Зовут меня Ашот. Меня заколдовал вишап.

Манук. Вишап?

Ашот. Я прятал от него сестрёнку свою — Гаянэ, которую он хотел унести.

Манук. Гаянэ? Она твоя сестра?

Ашот. Да. Я умолял его, чтобы он меня взял вместо неё.

Манук. Ну, ну, дальше!

Ашот. Но он украл мою сестру. А потом выследил и меня.

Манук *(нетерпеливо)*. Что же он с тобой сделал?

Ашот. Сказал: «Охраняй вход в мою страну, стань собакой. И будь таким злым, как цепной пёс».

Манук. Что же было дальше?

Ашот. Волшебница гури-пери...

Манук. Гури-пери?

А ш о т. Да. Она очень добрая. Только у неё нет власти против вишапа.

М а н у к. Ну ну, рассказывай.

А ш о т. Она смогла только помешать ему превратить меня в собаку.

М а н у к. И как же?

А ш о т. Оп превратил меня в Зелёного воина, и на меня иногда помимо моей воли стала нападать злость. А ещё вишап сказал: «Если кто, несмотря на твою злость, назовёт тебя своим братом, ты освободишься».

М а н у к. Мы побратаемся с тобой!

Слышен отдалённый грохот

А ш о т. Это летит вишап!

М а н у к. Беги!

А ш о т. Нет, я останусь здесь!

М а н у к. Но он порубит тебя!

А ш о т. Я притворюсь злым. Ты сам беги.

М а н у к. Нет, Ашот один я отсюда не уйду. Я должен спасти Гаянэ.

А ш о т. Брат мой, дай мне твой серебряный пояс.

М а н у к. Возьми.

А ш о т. Он будет всегда со мной

М а н у к. Зачем он тебе?

А ш о т. Если он почернеет, я узнаю, что ты в беде, и поспешу тебе на помощь.

Грохот усиливается

Беги всё время на восход солнца. А я постараюсь задержать здесь вишапа.

М а н у к убегает

Раз-два, горы-скалы! Берегись! Зарублю, искрошу, в плове сварю!

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Жерло горной пещеры. Рядом лежит камень, который, по-видимому, обычно закрывает вход. Вокруг входа в пещеру растут необычные деревья, их обвивают ветви, похожие на лианы, с веток свисают мрачные плющи.

Гаянэ сидит на скамейке, прядёт шерсть. На ней длинное бордовое бархатное платье с белой шёлковой вставкой на груди, расшитый по подолу золотом бархатный передник, несколько рядов бус, спускающееся с головы на плечи белое кружевное покрывало. Длинные чёрные косы, прямой нос, большие миндалевидные глаза.

Гаянэ *(вздыхает)*. Велел мне шерсти напрясть и смотать тысячу клубков. Он будет вышивать подушки. *(Встала, ходит по сцене.)* Ненавижу его! Он столько зла творит! А потом садится вышивать подушки! Брат мой Ашот, где ты? *(Опять садится прясть. Прядёт, задумывается, поёт.)*

Где ты, свет зари, посвети сюда.
Ты, звезда, гори, погляди сюда,
Ты, орёл, пари, долети сюда.

Но орёл парит, не летит сюда,
Но звезда горит, не глядит сюда,
Только мне судьба плакать здесь всегда.

Не бывать весне, мой любимый брат,
Не видать во сне, мой любимый брат,
Нет пути назад, мой любимый брат.

Пропадаю я здесь, погибаю я здесь, в пещере у вишапа!

Слышится голос Манука:

На горной вершине белый снег,
Узка между скал тропа моя,
Меня не засыплет белый снег,
Легка на тропе стопа моя.

Вбегает **Манук**. Бросается к Гаянэ.

Гаянэ *(испугавшись)*. Кто ты?
Манук. Я охотник Манук.
Гаянэ. Как ты проник сюда?

Манук *(показывает меч)*. Огненный меч помог мне.

Гаянэ. А мне уж ничего не поможет! *(Опускает голову.)*

Манук. Что ты! Я пришёл спасти тебя от вишапа.

Гаянэ. Ах, мне всё равно, раз мой брат Ашот погиб!

Манук. Нет! Он жив!

Гаянэ *(встрепенувшись)*. Ты просто меня утешаешь?

Манук. Нет. Я побратался с ним.

Гаянэ *(вскакивает)*. Не смейся над бедной девушкой!

Манук. Посмел бы я!

Гаянэ. Где же он?

Манук. Я освободил его от чар вишапа. Он ждёт нас на границе Зелёной страны.

Гаянэ. Так значит, ты настоящий друг! *(Бросается к Мануку. Смотрит в его лицо. Он ей очень нравится.)*

Манук *(очнувшись)*. Бежим, Гаянэ?

Гаянэ *(взглянув на солнце)*. Бежим! Вишап скоро вернётся.

Манук. Нам надо успеть.

Гаянэ. А камень?

Манук. Да. Надо завалить вход в пещеру, чтобы он нас не сразу хватился. *(Пытается сдвинуть камень. Камень не сдвигается. Пытаются вдвоём. Безуспешно. Отчаяние.)*

Гаянэ. Что же делать?

Манук *(выхватывает меч)*. Огненный меч, выручай нас! *(Ударяет по камню мечом, камень сам подкатывается к выходу из пещеры и затыкает его.)*

Убегают Мануки Гаянэ. Секунду сцена пуста. Затем слышится грохот, и появляется вишап. Это — чудовище на манер китайского дракона, одноголовый. Одновременно и страшный и комичный.

Вишап. Вот я и дома! Ну, Гаянэ, напряла мне шерсти? *(Глядит на пещеру. Понижает голос.)* Спит, наверно. Тсс... Она спит. *(Разглядывает мотки шерсти.)* Ха-ха-ха! Буду вышивать. А потом разбужу Гаянэ. Пусть ещё прядёт.

Когтистая лапа ходит вверх и вниз с иголкой, чудовище вышивает. Потом, оставив работу, поёт и приплясывает. Из огромной пасти вырываются языки пламени.

Хорошая вышивка, молодец я, молодец! Эй, кто там? Да нет, никого, почудилось...

Что вам до меня,
Я вам не родня,
Лучше бойтесь вы
Моего огня,
Я вас не люблю,
Я вас опалю,
Сколько вас в роду,
Всех вас изведу.
Я лихой вишап,
Молодой вишап,
Очень злой вишап,
Всех вас изведу.

Гаянэ! Вставай, Гаянэ! Шерсть кончилась!

Прислушивается, наклоняя голову набок, как собака. Дует на камень. Камень откатывается, в и ш а п исчезает в пещере и тут же появляется.

А-а-а! Обокрали! Ограбили! Где девчонка? Что? Убежала? Убежала! Догнать её, догнать, сейчас же догнать! Далеко от меня не убежишь! Ха-ха-ха! *(Улетает.)*

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Снова царские палаты. Ц а р ь стоит у раскрытого окна.

Ц а р ь *(подпрыгивает от нетерпения)*. Ну, где же назир? Где моя невеста? Эй, слуги! Тьфу, не дозовёшься никого! Чтоб вы ослепли, чтоб вы засохли, горанак-чёранак. *(Опять подходит к окну.)* Ну, где они? Где назир? *(Начинает петь свою песню.)*

Мне невеста ночью снится,
Правда. Так. Так.
Ужас как хочу жениться.
Правда. Так. Так.
Я красив, и прям, и стро...

(Обрывает песню на полуслове.) Что я вижу? Назир! Назир не прячься за угол! Иди сюда!

Входит Назир, низко кланяется, робеет.

Где моя невеста?

Назир. О премудрый царь!

Царь. Я спрашиваю, где невеста?

Назир. Но, светлый царь...

Царь. Где невеста? *(Топает ногами.)*

Назир. Я отправил за ней охотника.

Царь *(в ярости)*. Кого?

Назир. Манука.

Царь. Как ты посмел?!

Назир. Но, великий царь, он лучше меня...

Царь. Конечно, он лучше тебя!

Назир. Нет. Он лучше меня знает лес.

Царь. Лес?!

Назир. И горы.

Царь. Горы?!

Назир *(упавшим голосом)*. Горы.

Царь. Пошёл вон, пошёл вон и без невесты не возвращайся.

Царь выталкивает Назира, подбегает к окну кричит в окно.

Бегом, бегом, старая бастурма, а ну, скорее, скорее! *(Отвернувшись от окна, в публику, явно предвкушая удовольствие.)* Сейчас он её приведёт!

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Лес, дремучий и таинственный. Светит луна, поблёскивают звёзды. По лесу, перебегая от дерева к дереву, крадётся Назир.

Н а з и р *(шёпотом)*. Ау. *(Кашляет; испугавшись, закрывает рот рукой.)* Ау! Никого. *(Ему что-то показалось.)* Ой! *(Пятится, натыкается на дерево, пугается, прячется за стволом, выглядывает.)* Вернуться? Но царь велит меня казнить! Нет надо идти. Ау! Ау! *(Уходит.)*

Входит М а н у к. Он ведёт Г а я н э за руку

Г а я н э. Я больше не могу, Манук.

М а н у к. Ещё немного, и мы дойдём до границы Зелёной страны.

Г а я н э. Нет, Манук, у меня нет больше сил.

М а н у к. Тогда отдохнём здесь. *(Расстилает бурку, укладывает Гаянэ.)* Поспи. Я постерегу твой сон.

Гаянэ засыпает. Манук сидит рядом, поёт.

М а н у к. Если был бы я солнцем
Я светил бы тебе одной.
Если был бы я речкой,
Ноги мыл бы тебе одной.
Если был бы я ветром,
Овевал бы тебя одну.
Если был бы я певчей птицей,
Воспевал бы тебя одну.
Спи, а звезда на небе
Станет ярче блестеть.
Спи, молодая чинара
Станет листвой шелестеть.

Слышен грохот. На сцену врывается в и ш а п. Он пока что не замечает Манука и Гаянэ. Манук вскакивает и стоит поражённый, загораживая собой Гаянэ.

В и ш а п *(нюхает воздух)*. Она должна быть где-то близко. *(Повернулся, увидел Манука.)* А-а, это ты украл мою пряху, мою Гаянэ? *(Кидается к Гаянэ.)*

Манук загораживает девушку. Вишап старается обойти Манука, но тот ловко поворачивается, размахивая своим мечом. Пантомима — бой. Вишап начинает одолевать Манука, поспешно подбираясь к спящей Гаянэ. В это время вбегает А ш о т Зелёный воин.

А ш о т. Брат, держись! Твой пояс почернел. Я пришёл к тебе на помощь!

Битва. Дерущиеся отходят в глубь сцены. В это время вбегает Н а з и р. Он в испуге летит сломя голову. Сослепу чуть не натыкается на дерущихся. Разглядел. Испугался. Пятится. И вдруг видит Гаянэ. Узнаёт. Девушка крепко спит.

Н а з и р. Эй, царская невеста, проснись! Крепко спишь, а? Устала, а? Не отвечает! Слушай, вставай! *(В сторону.)* Я её приведу, значит, я её отвоевал у вишапа. *(Со страхом оглядывается на чудовище.)* Значит, я молодец. Эй, пошли? Не отвечает. Ну ладно. *(Взваливает Гаянэ на плечи и уносит.)*

Битва опять на авансцене. Вдвоём Ашот и Манук непобедимы. Вишап сражён. Он едва открывает глаза. Манук и Ашот ставят на него один — правую, другой — левую ногу.

А ш о т. Мы одолели тебя, злое чудовище.

М а н у к. С тобой покончено. Вдвоём с братом мы непобедимы.

А ш о т. Манук, стукни его ещё раз огненным мечом, пусть он превратится в собаку, как меня хотел превратить.

М а н у к. Нет, брат мой. Собака — хороший зверь. Преданный. Превращу я его лучше в драного голодного шакала.

Манук ударяет вишапа огненным мечом, тот превращается в шакала и с воем удирает.

Гаянэ, проснись, дорогая!

А ш о т. Гаянэ, сестричка!

Ошеломлены исчезновением девушки. Бродят, зовут, ищут за деревьями.

А ш о т. Кто-то её украл.

М а н у к *(в отчаянии)*. Горе мне, горе! Гаянэ, где ты?

З а н а в е с

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Снова царские палаты.

Царь *(у окна)*. Уже утро. *(Капризным голосом, топая ногой.)* Чтоб вы ослепли! Ой, вон назир! Ведёт! Нет, несёт! Почему несёт?

Вваливается Назир, кладёт спящую Гаянэ на тахту.

Назир. О великий царь, вот эта девушка!

Царь *(подбегая к тахте)*. Вай, хороша, джан, хороша!

Назир. Воистину.

Царь *(будит Гаянэ)*. Но она не просыпается!

Входит Старушка гури-пери.

Старушка. Многие лета здравствовать тебе, царь!

Царь. Что? Кто ты такая?

Старушка. Странница, о великий царь.

Назир. Кто пустил её, эй, стража!

Царь. Вон отсюда!

Старушка. Что ж, я уйду. *(Отходит к выходу.)*

Царь. Назир, разбуди девушку!

Назир. Я будил — она не просыпается.

Царь. Что ж, она и на свадьбе будет спать?

Старушка *(делая шаг вперёд)*. Прекрасная Гаянэ будет спать...

Царь *(рявкает)*. Что?!

Старушка *(продолжает)*. Спать, пока не придёт тот...

Назир. Кто? Убирайся отсюда!

Старушка *(спокойно продолжает)*. Тот, кто нашёл её и отвоевал у вишапа.

Царь. У вишапа?

Назир. Это я отвоевал её у вишапа для своего царя.

Старушка. Нет, не ты, обманщик.

Назир. Я.

Старушка. Тогда попробуй разбуди девушку.

Назир *(подбегает к тахте)*. Вставай, вставай, проснись!

Старушка. Вот видишь, великий царь!

Царь *(Назиру)*. Что? Обманывать своего царя? Ах ты бастурма сушёная, ах ты змея!

Старушка. Воистину змея *(Подходит, ударяет Назира ладонью по плечу.)*

Назир проваливается. Появившаяся на его месте змея, извиваясь, выползает вон. Тут же входят Ашот и Манук, отругиваясь от невидимой стражи.

Царь. А это ещё кто?

Ашот. Я Ашот, крестьянский сын.

Манук. Я охотник Манук.

Царь. Охотник Манук? Где я слышал это имя?

Ашот *(увидел на тахте сестру)*. Вот она! Гаянэ! Что с тобой?

Манук. Как она сюда попала?

Царь. Назир принёс её сюда.

Манук, Ашот. Так это назир украл её во время боя!

Ашот. Гаянэ! Почему она не встаёт, Манук? Она умерла?!

Старушка *(подходит к Мануку)*. Ты узнаёшь меня, сынок?

Манук. Конечно, нани-джан.

Старушка. Подойди к девушке, сынок.

Царь. Не подходи, это моя невеста!

Манук *(отпихивает царя плечом, наклоняется и целует Гаянэ)*. Гаянэ!

Гаянэ *(просыпаясь)*. Манук, бежим скорей, я боюсь вишапа. *(Оглядывается вокруг.)* Ах, где это я?

Ашот. Гаянэ, сестричка моя!

Царь. Проснулась! Чудо! Проснулась!

Старушка. Потому что её коснулся тот, кто освободил её, кто ради неё рисковал жизнью.

Царь. Скорей, скорей выходи за меня замуж, красавица!

Манук. Она моя невеста!

Царь. Что? Чтоб вы ослепли!

Старушка. Вот ты и ослепни.

Ашот и Манук. Ты и ослепни! Сам получи то, что призываешь на головы других!

С т а р у ш к а. Так и будет. *(Взмахивает рукой.)* Станешь слепым кротом!

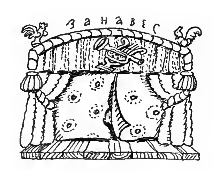
Ц а р ь проваливается. На его месте появляется к р о т. Старушка ещё раз взмахивает рукой, к р о т находит дверь и уходит.

Ну вот, дети мои.

М а н у к, Г а я н э, А ш о т. Ах, нани-джан, спасибо, нани!

С т а р у ш к а. Быть тебе, Манук – отважное сердце, царём! Быть тебе, терпеливица Гаянэ царицей. Быть тебе, добрый человек Ашот, у царя назиром. Правьте народом по доброте и справедливости. Вот теперь можно и свадьбу сыграть. А я отправлюсь вон на ту высокую гору где живут волшебницы гури-пери. Все, все, все будьте счастливы!

З а н а в е с

ЗВЕЗДОХОД ФЕДЯ

Космическая сказка в двух действиях с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Папа — учёный-изобретатель.
Федя — звездоход, его изобретение.
Маг Мрак — космический маг, не переносит людей.
Дроп — его слуга.
Галактион — ключник.
Ая — девочка-звезда.
В эпизодах
Пёс.
Кот.
Звёзды.

ПРОЛОГ

На просцениуме — современный городской пейзаж. Вбегает Папа. Это немолодой человек с седой шевелюрой и пышными седыми усами. На нём брюки, клетчатая ковбойка и куртка. Под мышкой — рулон бумаги.

Папа. Какое событие! Какое открытие! Я открыл источник здоровья на планете Тарий!

Прямо перед ним выскакивает маг Мрак. Лицо его — условно человеческое. Длинный нос, брови кустами, губы вытянутые. Белоснежная манишка, галстук-бабочка, стёганый ватник, яркие клетчатые брюки, на голове цилиндр.

Маг Мрак. Неправда!

Папа. Как это неправда? Это научный факт. Я это доказал — те-оре-ти-че-ски. Вычислил. Обосновал. *(Кладёт рулон возле себя на землю, начинает шарить по карманам.)* Сейчас докажу. Только очки надену. Куда это девались мои очки?

Маг Мрак *(хватает рулон)*. Ничего не докажешь. Ничего не докажешь. Сейчас я тебе устрою научное закрытие.

Папа. Это нечестно — закрывать открытие.

Маг Мрак. У людей нечестно. А я маг. Маг Мрак. Мне всё можно.

Папа. А хоть бы и маг. Закрывать открытия стыдно.

Маг Мрак. Это у людей стыдно. А у меня всё не как у людей.

Папа. Всё равно — отдай. *(Дёргает мага за руку.)*

Рулон оказывается у Папы, потому что маг отпускает его, хватаясь за сердце.

Маг Мрак. Ой. Ой-ой-ой! Сердце. Не дотрагивайся! Я от людей заболеваю.

Папа *(жаждет поделиться открытием)*. Ладно, я как-нибудь без очков. *(Разворачивает рулон.)* Видишь, это планета Тарий.

Маг Мрак. Ой, сердце! Я умираю.

Папа *(не глядя на мага, протягивает ему огромную белую таблетку)*. На. Прими валидол. Помогает от сердца. Так вот. На этой планете есть источник. Там течёт вода здоровья.

Маг Мрак. И этот человечишка будет мне ещё рассказывать! Это же моя планета! Я её хозяин.

Папа. Да? Какая удача, что я тебя встретил! Я полечу с тобой. Я привезу воду здоровья. И все люди будут всегда здоровы, молоды, веселы.

Маг Мрак. Ни за что и никогда!

Папа *(опешив)*. Почему?

Маг Мрак. Ни один человек не должен ступить на мою планету. Мой отец запретил отдавать источник людям!

Папа. Кто же твой отец?

Маг Мрак. Отойди подальше. Мой отец — великий маг Тайна!

Папа. Ну и что?

Маг Мрак. Вы, люди, раскрыли множество его тайн. Тайну полёта — раз, тайну океана — два, тайну атома — три, тайну Луны — четыре!

Папа. Это научный факт. Ну и что дальше?

Маг Мрак. За это мой отец сделал так, чтобы я не мог переносить людей. Чтобы у меня от них болело сердце.

Папа. Для чего?

Маг Мрак. Чтобы я случайно не открыл людям тайну нашей планеты.

Папа. Но я же раскрыл эту тайну! Это научный факт!

Маг Мрак. Смотрите-ка, разгадал! Ну и что? Там человек жить не может!

Папа. Но источник-то там есть!

Маг Мрак. Есть. Да я его на ключ запру — раз, ключ спрячу — два. И всё тут.

Папа. А я попробую его разыскать.

Маг Мрак. Ничего у тебя не получится. Ни-че-го не полу... Ох, сердце... Не могу я рядом с вами, людьми.

Маг Мрак пропадает.

Папа *(кричит вдогонку)*. До свидания! Скоро увидимся! Где же всё-таки мои очки?

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Папина комната. Посредине — старый письменный стол с двумя тум бами, завален бумагами. Прямо на полу стоит огромный глобус. На стенах — непонятные таблицы, карта звёздного неба. В комнате Папа, Пёс и Кот.

Папа. Маг Мрак, подумать только! Для того и мрак, чтобы его рассеять. Говорит, не найду ключа. Не может быть, найду! Вода здоровья там есть. Это научный факт. Значит, надо только ключ отыскать. Для науки это пустяк. Котик! Пёсик! Вы слышали, я сделал открытие?!

Кот и Пёс мяуканьем и лаем всячески выражают своё восхищение и радость. Папа подбегает к столу, производит какие-то вычисления.

Сейчас же полечу! Стоп!.. Ничего не выйдет. Он же сказал, что человек там выдержать не может! Вот беда! Что же мне делать? Кого послать на планету Тарий?

Кот. Мяу!

Папа. Что ты?

Кот. Мяу!

Папа. Да нет, ты не сумеешь.

Кот уходит, обидевшись.

Пёс. Гав!

П а п а. Ты хочешь полететь?

П ё с. Гав!

П а п а. Собаки, правда, уже летали в космос. Но тебе не справиться с этим магом. Нет, оставайся дома.

Пёс уходит, опустив хвост. Папа взволнованно ходит по комнате.

Где же всё-таки мои очки? Эх, был бы у меня сын, он бы сразу нашёл. Сын! Конечно! Придумал!

Папа садится, начинает мастерить. Вскакивает, разыскивает какие-то детали. Бормочет научные термины: «Перфорация, компьютер». Опять садится. Свинчивает. Сколачивает. Припаивает. Сваривает. Работая, напевает.

Папа Карло, добрый человек,
Из полена сделал Буратино.
А теперь ведь на дворе двадцатый век,
Я создам космического сына.

Славный малый, мальчик-звездоход
Полетит на дальнюю планету.
Ключ добудет, воду привезёт
И найдёт мои очки при этом!

Звездоход в общем готов. Это полумальчик-полуробот. У него очень симпатичная мордашка.

Зведоход готов! Это научный факт! *(Папа вытягивает у звездохода на голове усики-антенны.)* С этими антеннами ты будешь хорошо слышать, сын мой! Слышишь?

Звездоход шевелит антеннами. Папа щёлкает выключателем у него на спине. В глазах звездохода загораются электрические лампы.

Теперь ты будешь хорошо видеть. Видишь, да?

Звездоход мигает лампочками.

Да, ты ещё не умеешь разговаривать. Будем учиться говорить. *(Щёлкает выключателем.)* Скажи-ка: папа.

З в е з д о х о д *(металлическим голосом)*. Компьютер.

П а п а. Что? Скажи: па-па.

З в е з д о х о д. Перфорация.

П а п а. Да нет же: па-па.

З в е з д о х о д. Па-параллель.

Папа. Ах ты батюшки! Я же забыл запрограммировать человеческий словарь. Научные термины попали в него, пока я его строил. *(Что-то поправляет.)* Теперь в тебе все слова есть. Скажи: папа.

Звездоход. Па-па.

Папа. Вот и хорошо. Научишься понемногу.

Звездоход. Помногу.

Папа. Что?

Звездоход. Ногу.

Папа. Не понимаю.

Звездоход. Гу.

Папа. Плохо дело, слова распадаются в нём на части. Надо ещё подрегулировать. Попробуй скажи, сынок: «небо».

Звездоход. Обен.

Папа. Нет, мне это не нравится. Скажи: «вода».

Звездоход. Адов.

Папа. Вот беда! Слова получаются наоборот. *(Что-то ещё подкручивает.)* Теперь, кажется, всё должно быть в порядке. Скажи теперь: «Папа, я твой сын звездоход».

Звездоход. Папа, я твой сын звездоход, звездоход, звездоход, звездоход...

Папа. Стой, стой, стой! Заедает. *(Опять что-то доделывает.)* Что же это в самом деле? Где ж это всё-таки мои очки? Ну, ещё раз: «Папа, я...»

Звездоход *(перебивает)*. Па-па, я уже научился говорить «папа», я уже хорошо говорю «папа».

Папа. Фу, ну наконец-то речь отладил.

Звездоход. Папа!

Папа. Да, сынок?

Звездоход. Как меня везут? Нет, как меня возьмут? Нет. Как меня зовут?

Папа. Звездоход.

Звездоход. Не-е-ет, это не имя.

Папа. Ты можешь сам выбрать себе имя. Вот другие ребята не могут. Их называют раньше, чем они научатся говорить. В твоём словаре имена тоже перечислены.

Звездоход. Хорошо. *(Быстро проговаривает.)* Колявасясаша славамиша. Пусть меня зовут Федя.

Папа. Очень славное имя.

Федя. Очень. Чрезвычайно. В высшей степени...

Папа. Постой, постой. Не говори сразу столько одинаковых слов.

Федя. Хорошо. Ладно. Непременно. Обязательно. Так и будет.

Папа. Опять! Достаточно ведь и одного слова. Понял?

Федя. Понял.

Папа. Отлично. А теперь давай поучимся ходить. *(Ведёт Федю за руку, тот шагает сначала очень неуверенно.)* Раз, два. Шаг, два.

Федя шагает всё быстрее и быстрее, потом вырывает руку и начинает бегать по комнате.

Федя. Я умею ходить! Я умею ходить! И-эх! Я умею бегать! *(С разбегу вскакивает на глобус, перебирает ногами, глобус вертится под ним как сумасшедший.)*

Папа. Постой, постой, что это ты делаешь? *(Сталкивает Федю с глобуса.)*

Федя. Бегаю!

Папа. Бегать-то ты бегаешь, это научный факт. А теперь тебе предстоит понять самое главное. Ты должен полететь на далёкую планету.

Федя. А почему нету?

Папа. Чего?

Федя. Пла. Ты же сказал: пла-нету.

Папа. Ты не торопись и слушай внимательно. Далеко-далеко, высоко в небе есть планета. Её зовут Тарий. Там находится источник здоровья. Но он заперт. Её хозяин — маг Мрак. Тебе надо найти ключ, отпереть источник с водой и привезти воду людям.

Федя. Понял, понял, я привезу!

Папа. Но не думай, что это так легко.

Федя. Я умный. Я сильный.

Папа. Сильный должен быть ещё и добрым. Сейчас отрегулирую программу доброты. *(Что-то ещё подкручивает в звездоходе.)*

Федя. Папа, ты ведь тоже добрый.

Папа. Ну что об этом говорить.

Федя. Ты очень добрый, папа.

Папа. Ах ты маленький мой сынок. Тебя бы ещё поучить! Потренировать! Да вот приходится посылать тебя в такой далёкий путь.

Федя. Ты не беспокойся, я справлюсь.

Папа. Справишься, я верю. Надо мне тебя ещё против огня закалить и сделать так, чтобы никакая буря не была для тебя опасна. *(Обходит Федю кругом, что-то подлаживает, подкручивает.)* Так... Сто градусов, тысяча, две тысячи. Хорошо. Теперь волну. Три. Пять. Девять. Двенадцать баллов. Я думаю, всё.

Федя. Папа.

Папа. Что, Феденька?

Федя. *(ласкается)*. Ты хороший.

Папа. Сыночек! И ты у меня хороший получился. Да, послушай. Вот здесь, в этой пуговке, сильное оружие острый луч. *(Вытягивает луч из пуговки.)*

Федя. Мне он очень нравится. *(Хватает луч и начинает им фехтовать.)*

Папа еле от него увёртывается.

Папа. Стой, стой! *(Забирает у него луч и прячет обратно в пуговицу.)* Смешной ты у меня. Как я буду о тебе беспокоиться!

Федя. Да нет, папа, ты не беспокойся.

Папа. Запомни ещё. Ты умеешь хорошо ходить, но тебе нельзя попадать в яму, Феденька. Ты сам не сможешь выбраться из неё. Ты слишком тяжёлый. Не попадай в яму! Не выберешься.

Федя *(с жаром)*. Нет. Никогда. Ни в коем случае. Ни под каким видом.

Папа. Если будет тебе очень трудно, то в крайнем случае ты можешь меня вызвать. У тебя есть три элемента для трёх сеансов связи с Землёй. Запомни: только три. Вызывай меня в самом крайнем случае.

Федя *(видно, что он немного трусит)*. Хо-ро-шо.

Папа. Эх, спокойнее было бы лететь самому, но пока туда можно только звездоходу. А теперь посидим перед дорогой.

Входят Кот и Пёс. Все садятся. На просцениуме изображён космодром. Ракета стоит готовая к отлёту. Федя садится в неё. Грохот, музыка полёта, световые эффекты. Ракета уносится ввысь.

(Один.) Федя! Сынок! Я буду очень о нём беспокоиться. *(Шарит по карманам.)* Куда же всё-таки подевались мои очки?

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

На планете Тарий. В саду стоит дом мага Мрака. Фасад представляет собой круг. Окна и дверь образуют рожицу. Две трубы торчат рожками. Странное дерево растёт, раскинув корни в воздухе. Крупные листья кроны расположены внизу, у земли. Возле дерева стоит бочка, вроде тех, в которых солят огурцы. Входит маг Мрак, тащит в руках огромный ключ.

Маг Мрак. Я самый великий и умный космический маг. Маг Мрак. На моей планете Тарий всё чудесно устроено, потому что здесь всё не как у людей. *(Медленно прохаживается перед домом. Останавливается.)* А что это такое? Дерево опять позеленело! Безобразие. У нас всё должно быть не как у людей. Дрон! Дрон!!!

Вбегает слуга Дрон. Он высокий, худой, выглядит как существо, сделанное из корня или коряги.

Дрон *(запыхавшись)*. Я, хозяин!

Маг Мрак. Почему листья зелёные?

Дрон. Сейчас перекрашу. Зеленеют, чуть отвернёшься!

Маг Мрак. Не смей отворачиваться! Ты что, не знаешь — на нашей планете всё должно быть таким, чтоб люди не могли тут быть и минуты!

Дрон *(уныло)*. Знаю.

Маг Мрак. Вот и следи! Не выношу людей! Они отняли у меня все мои тайны. Только и осталось теперь что тайна источника здоровья. Ну, что уши развесил? Марш за краской! А то опять тебя переделаю!

Дрон. Не надо, не надо переделывать! *(Убегает.)*

Маг Мрак. Вот. *(Показывает ключ.)* Я запер воду здоровья на ключ. Я спрячу ключ у себя. А Галактиона

для вида назначу ключником. Смотрите у меня, я вас всех запутаю! Дрон!

Входит Дрон. Несёт ведро с лиловой краской. Начинает красить листья.

Дрон *(уныло)*. Что, хозяин?

Маг Мрак. Я воду здоровья на ключ запер. А Галактиона ключ сторожить назначил. Понятно тебе?

Дрон. Понятно.

Маг Мрак. Смотри у меня! Работай — раз. Старайся — два. И не болтай — три. А я пойду позавтракаю на сон грядущий. *(Уходит в дом.)*

Дрон *(перекрашивая листья в лиловый цвет)*. Несчастный я. Всё время маг меня переделывает. Я уже забыл, каким я был раньше. И никто не помнит. И никто сказать не может. Дерево! Ты ведь уже давно живёшь на свете. Скажи, ка́ким я был раньше? Молчишь... *(Обходит дерево кругом, продолжает красить.)*

Маг Мрак *(из окна)*. Дрон!

Дрон. Да, хозяин!

Маг Мрак. Ты не забыл? Я воду здоровья запер на замок, а Галактиона поставил ключ сторожить. *(Исчезает.)*

Дрон *(продолжает красить и говорить с деревом)*. Маг мне сказал, что он меня сам сделал себе в услужение. А мне кажется — нет. Что-то мне помнится, что я был другим, только каким — вот что не вспомню никак.

Маг Мрак *(из другого окна)*. Дрон!

Дрон. Я здесь!

Маг Мрак. Слышу, что здесь. Покрасил уже?

Дрон. Не успел ещё.

Маг Мрак. Болтаешь. Всё расспрашиваешь? Дело не делаешь. Будешь за это стеклянным.

Дрон *(сохраняя те же очертания, становится стеклянным. Продолжает разговаривать с деревом, но уже изменившимся голосом)*. Вот! Теперь ходи стекляшкой и бойся разбиться! *(Всхлипывая, докрашивает дерево.)*

Маг Мрак *(снова появляясь в окне)*. Дрон!

Дрон *(пугается)*. Я!

Маг Мрак. Где моё снотворное?

Дрон. Где ему быть? В бочке.

Маг Мрак. Кидай! Я не могу заснуть в этой проклятой тишине.

Дрон *(ворча, подходит к бочке)*. Всё не как у людей. *(Наклоняется к бочке, вытаскивает оттуда какие-то шарики, бормочет.)* Три грома, четыре молнии, хватит ему, наверное, чтобы уснуть.

Маг Мрак. Ну, скоро, что ли? А то я рассержусь — раз, расстроюсь — два.

Дрон. Готово, готово, кидаю! *(Швыряет в окно громы и молнии.)*

Гром грохочет, молнии сверкают. Когда всё смолкает, раздаётся храп.

Уснул. Э-хе-хе! Ты понимаешь, дерево, что я теперь стеклянный! *(Передразнивает Мага.)* Работай — раз, старайся — два... О-хо-хо! Пойду сорняки сеять.

Дрон уходит направо, слева входит Звездоход Федя.

Федя. Интересно. Любопытно. Занятно. Увлекательно. *(Ходит, осматривается.)* Где же тут может быть источник, а? *(Включает глаза-фары. Поворачивается. Светит.)* Нет. И ключа не видно. *(Шевелит антеннами, прислушивается.)* И ничего не слышно. *(Замечает бочку, подходит к ней.)* Может быть, здесь? *(Перевесившись в бочку, вытаскивает оттуда шарики и начинает их подбрасывать.)*

Гремит гром. Прибегает Дрон.

Дрон. Что это? Кто это?

Федя. Я — звездоход Федя. *(Протягивает руку.)* Давай знакомиться.

Дрон *(в ужасе отскакивает)*. Ой, ты железный! Ты меня разобьёшь. Я тебя боюсь. Хозяин! Хозяин!

Федя *(делает шаг к Дрону с протянутой рукой)*. Не бойся.

Дрон. Боюсь! Спасите! Хозяин! Хозяин! Нет. Он так не проснётся. Его можно разбудить только тишиной. *(Не сводя глаз с Феди, пятясь, отступает.)* Тихо. Тихо. Тсс. Тсс. Тсс.

Маг Мрак *(появляясь в окне)*. Как ты смеешь меня будить?

Дрон. Хозяин! Тут звездоход! Железный! Он меня разобьёт!

Маг Мрак *(выбегает из дома)*. Будешь картонным! Посмел разбудить, так будешь теперь картонным.

С Дроном опять происходит метаморфоза, он по силуэту — тот же, а по материалу — картонный.

Убирайся, чтоб я тебя не видел! *(Маг замечает Федю. Медленно к нему подходит.)* Кто ты, прелестный незнакомец?

Федя. Я — звездоход Федя.

Маг Мрак. Так. Так. Федя — это земное имя.

Федя. Да, я прилетел с Земли.

Маг Мрак. Прекрасно, прекрасно, я тебе рад. Пойдём, я покажу тебе всю свою планету.

Маг Мрак и Федя уходят вместе.

Конец второй картины

ПРОСЦЕНИУМ

Инопланетный пейзаж. Проходят Маг Мрак и Федя.

Маг Мрак. Следуй за мной, я счастлив познакомить тебя со всеми моими владениями.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Плантация мухоморов на планете Тарий. Мухоморы огромного роста, тщательно ухожены, подвязаны к палочкам, как бобы на огороде. Слева — яма, прикрытая листьями. Она видна из зрительного зала, а Феде не видна. Входят маг Мрак и Федя.

Маг Мрак. Ну как, нравится тебе у нас?

Федя. Да, очень интересно.

Маг Мрак. Здесь мой слуга Дрон выращивает мухоморы.

Ф е д я. А для чего это?

М а г М р а к. Ты удивлён, мой юный друг Федя? У нас тут всё не как у людей. Мы едим только рагу из мухоморов, а пьём только воду. У нас великолепный природный источник воды здоровья.

Ф е д я. А где он? Я хочу туда.

М а г М р а к. Я тебя туда и веду. *(Подталкивает Федю к яме.)* Это наш обычай — первым делом попотчевать гостя водой здоровья. Она свежа — раз, вкусна — два, целебна — три.

Ф е д я. Я с удовольствием её попробую.

М а г М р а к. Вот сюда, сюда, здесь уже недалеко.

Федя делает ещё один шаг и проваливается в яму. Видна только его голова с усиками антенн.

Ф е д я. Ой!

Звук усиленно работающего мотора.

Я не могу отсюда выйти, помогите мне.

М а г М р а к. Ах, как печально. Но тебе придётся остаться в этой яме навсегда, прекрасный незнакомец! *(Утрачивая любезность.)* Я догадался, что ты прислан с Земли. Но людям никогда не добраться до моей воды здоровья! Посиди тут, в яме. Поплачь. Поржавей хорошенько. Дрон! Куда ты девался, Дрон? *(Исчезает.)*

Ф е д я *(один)*. Что же мне делать? Звездоходы не умеют плакать, а то бы я заплакал. Как жалко огорчать папу. Но сам я не вылезу. Яма слишком глубока. Слишком. Преувеличенно. Чересчур. Больше, чем надо. Ох, я опять говорю лишние слова. Но теперь всё равно. Больше я никогда не увижу папу... А если попробовать выйти на связь? Папа сказал, в крайнем случае.

Видно, как вспыхивают лучи в глазах у Феди, вращаются антенны, слышится звук, похожий на позывные искусственного спутника Земли.

Папа! Папа! Папа! Слушай! Слушай! Слушай!

Г о л о с п а п ы. Федя! Федя! Федя! Слушаю! Слушаю! Слушаю! Что случилось?

Ф е д я. Папа! Я... попал... в яму...

Папа. Плохо.

Федя. Плохо. Скверно. Ужасно. Отвратительно.

Голос папы. Не трать элемент связи на лишние слова. Слушай.

Федя. Да.

Папа. Тебя может поднять только энергия звёздного луча. Понял?

Федя. Понял. Сообразил. Осознал. Уяснил.

Голос папы. Так вот, тебе надо...

Голос обрывается и смолкает.

Федя. Папа! Папа! Что надо сделать? Ой, я потратил энергию на лишние слова! Сеанс связи кончился. Что же делать?

Маг Мрак приводит Дрона.

Маг Мрак *(Дрону)*. Сиди, смотри, стереги. Не смей отлучаться. Не смей болтать. *(Уходит.)*

Федя. А ты кто такой? Тоже маг?

Дрон. М-м-м.

Федя. Не понимаю.

Дрон. М-м-м.

Федя. Ты что, не умеешь говорить?

Дрон. Очень даже умею. Только я мага боюсь. Он меня всё время переделывает, превращает и превращает. И никто не помнит, каким я был. Ты не знаешь, каким я был, нет?

Федя. Нет, откуда же!

Дрон. Вот видишь. И ты не знаешь. И дерево не знает. И Галактион. Он говорит только «да», «нет» и «не знаю».

Федя. Как это так?

Дрон. Чтоб не проговориться. Что он ключник.

Федя. Какой ключник?

Дрон. Он стережёт ключ от воды здоровья.

Федя. А где?

Дрон. Где?.. Ой, дождь собирается! Я картонный, я размокну!

Федя. Беги, спрячься от дождя!

Дрон. Маг не велел мне отлучаться. Ну ладно.

Я побегу, только ты никому не говори, что я ушёл. *(Убегает.)*

Раздаётся музыка. С неба падают маленькие лучистые звёздочки

Федя. Какой тут интересный дождь! Звёздный!

Музыка становится громче, звёздный дождь гуще. С неба на плантацию мухоморов спускается Ая — девочка-звёздочка.

Ая *(осматривается, пока не замечает Федю).*

Где тут леса? Где тут поля?
Нет, это вовсе и не Земля.
Нету здесь птиц. Не растёт трава.
Мама опять оказалась права.

Мама сказала: «Ты слишком мала,
Ты бы, дочурка, чуть-чуть подросла.
Ты понапрасну, дочка, спешишь,
Ты до Земли и не долетишь».

Что же теперь я отвечу маме?

Федя. Звёздочка, подойди сюда.

Ая. Ой, кто это там? Что ты делаешь в яме?

Федя. Я — звездоход Федя. Я прилетел сюда с Земли, маг Мрак заманил меня в яму. А ты откуда?

Ая. Я с неба спустилась. Зовут меня Ая.
Звезда я. Но только пока небольшая.
Я слышала сказку про песни земные.
Они не такие, как наши,— иные.
За песней земною лететь я решилась,
Но не долетела. И здесь очутилась.

Федя. Ты ведь звезда! А папа сказал мне, что мне может помочь только звёздный луч. Протяни мне луч, Ая!

Ая протягивает Феде лучик, но он слишком тонок и непрочен.

Ая. Я слишком слаба. Я слишком мала.
Мама помочь бы тебе смогла.
Зачем я была так глупа и упряма!
Вон видишь звезду? Это светит мама.
Мама, я больше не буду, прости!

Лучом надёжным сюда посвети.
Пусть тёти и сёстры тоже посветят.
Надо помочь звездоходу Феде.

Раздаётся музыка. К Феде протягиваются звёздные лучи. Федя держится за них руками и выходит из ямы.

Федя. Спасибо, Ая! Как мне тебя благодарить? Хочешь, я возьму тебя с собой на Землю?

Ая. Конечно, с тобою я полечу.
Я песню земную услышать хочу.

Дрон *(вбегая)*. Он опять грозит меня превратить! Федя, где ты? *(Глядит в яму.)* Тут нет? Сбежал?

Федя. Я здесь Дрон.

Дрон. Вылез? А это кто?

Федя. Это Ая. Она звезда.

Дрон. Она умеет говорить?

Федя. Конечно, умеет.

Дрон. Девочка-звезда, ты не знаешь каким я был раньше?

Ая. Что было раньше — совсем я не знаю.
Я ведь звезда совсем молодая.

Федя *(Дрону)*. Где Галактион, известно тебе?

Дрон. И... известно.

Федя. Тогда веди нас к нему.

Дрон. Да как же? Я ведь у мага в услужении...

Федя. Дрон! Ты подумай! Ведь он же злой. Он всем только одно зло приносит.

Дрон. Да...

Федя. Так стоит ли такому служить?

Дрон. А ведь верно. Ведь правильно. Идёмте! Я от веду. А там будь что будет!

Уходят. Входит маг Мрак.

Маг Мрак. Дрон! Дрон!.. Хм... Спрятался. А что поделывает звездоход? Сидит — раз, скучает - два, ржа веет — три. О, я самый великий, мудрый и хитрый маг! *(Заглядывает в яму.)* Убежал!

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Другая часть планеты Тарий. Зловещий пейзаж. Уходящие ввысь горы. Толстое дерево с оранжевым стволом и голыми ветками щупальцами. Дорога серпантином поднимается в гору.
Входит маг Мрак.

Маг Мрак. Неужели Дрон повёл его к Галактиону? Надо принять меры! *(Скатывает дорогу с горы, точно ковровую дорожку.)* Вот так они отсюда не выберутся. Ну и пусть себе гуляют хоть сто лет! *(Скрывается за горой.)*

Федя, Ая, Дрон идут, делают круг, появляются опять.

Федя. Стойте, мы здесь уже были.

Дрон. Это маговы штучки!

Ая. Я очень устала, я гасну, слабею,
Я по небу только ходить умею.

Федя. Дрон, посиди здесь с Аей, пусть отдохнёт, я кое-что проверю по приборам. *(Ходит, вглядывается в дорогу, измеряет её.)*

Дрон. Ну что? Расскажи, что ты там видишь?

Федя. Кто-то свернул дорогу колесом. Мы ходим по кругу.

Дрон. Что же нам делать?

Ая. Ах, какой печальный случай,
Мне страшно, дрожит мой каждый лучик.

Федя. Луч! Ая, ты мне напомнила. У меня есть пря мой луч, он поможет нам выпрямить дорогу!

Федя достаёт луч из пуговицы, луч светит на гору прямо от подножия к вершине. Дорога распрямляется и ложится параллельно лучу – прямо от подножия к вершине.

Дрон. Ты совершил чудо!

Федя. Нет, папа говорит, это научный факт. Папа изобрёл этот луч и дал мне его с собой.

Федя Дрон, Ая уходят по прямой дороге и скрываются за верши ной горы.

Конец четвёртой картины

ПРОСЦЕНИУМ

Мрачный горный пейзаж.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Пещера Галактиона. Высокие каменные своды. Галактион выцарапывает на стене какие-то неведомые письмена. Это чрезвычайно странное существо, помесь дракона и кота. Морда кошачья, лапы короткие, хвост драконий.

Галактион. На чём я остановился? *(Читает написанное.)* «Я, славный космический дракот, посажен стеречь ключ, которого у меня вовсе и нет. Мне его не доверяют». *(Говорит сам себе.)* Унизительно, очень унизительно. *(Продолжая читать.)* «Меня заключил в пещеру маг Мрак, чей род менее древен, чем мой. Космические дракоты очень древние и ведут свой род неизвестно от кого». *(Пишет.)* «Меня зовут Галактион, и, следовательно, моим именем названа Галактика. Маг Мрак всё время обзывает меня тупицей, отчего нестерпимо страдает моё достоинство. Ужаснитесь, потомки! Он велел мне, знатоку древнего языка дракотов, говорить только три слова: «да», «нет» и «не знаю». *(Бросает писать, ходит взад-вперёд по пещере.)* Да, нет, не знаю. Да, нет, не знаю. Разве не унизительно?

В пещеру входит маг Мрак.

Маг Мрак. Галактион! Это ты разговариваешь?

Галактион. Да.

Маг Мрак. Тут есть кто-нибудь?

Галактион. Нет.

Маг Мрак. С кем же ты говоришь?

Галактион. Не знаю.

Маг Мрак. Тупица! Слушай, к нам на планету прилетел с Земли звездоход. Если он доберётся сюда...

Галактион. Да.

Маг Мрак. Что да?

Галактион. Нет.

Маг Мрак. Что нет?

Галактион. Не знаю.

Маг Мрак. Тупица. Если сюда кто-нибудь придёт, не смей ничего говорить.

Галактион. Да.

Маг Мрак. Пусть никто не узнает, что у тебя нет ключа. Если проболтаешься, никогда не выйдешь из пещеры. *(Уходит.)*

Галактион. Тьфу! Звездоход! Тоже будет оскорблять меня, наверно. Кто-то идёт?

В пещеру входят Федя, Ая, Дрон.

Дрон. Здравствуй, Галактион. *(Феде.)* Будь с ним приветливее, он очень обидчив. *(Ае.)* Будь поласковее.

Федя. Добрый день, моё почтение, приветствую вас, глубокоуважаемый Галактион. Мы к вам по важному делу.

Галактион. Да? Однако он вежлив, этот землянин.

Дрон. Ты можешь хоть раз в жизни поговорить?

Галактион. Нет... Не знаю. Уходите.

Дрон. Галактион, звездоходу нужен ключ.

Галактион. Ничего не знаю про ключ. Оставьте меня в покое.

Ая. Ах, милый, милый Галактион,
Ласковый кот и могучий дракон,
Вы от нас не ждите беды.
Нам просто нужен ключ от воды.

(Гладит Галактиона.)

Федя. Любезный, высокочтимый, достопочтенный и многоуважаемый Галактион! Я не могу вернуться на Землю без воды здоровья. И никто, кроме вас, мудрого и достойного хранителя ключа, не может нам помочь.

Галактион *(в сторону)*. Ах, от этих речей заживают раны моего израненного самолюбия... Но нет. Он сейчас назовёт меня тупицей... *(Обращаясь ко всем.)* Оставьте меня! Я занят и не имею желания с вами беседовать.

Федя. Я понимаю, мы вам помешали. Нам жаль, что мы оторвали от дел знаменитого и уважаемого дракота.

Галактион *(в сторону)*. Он чрезвычайно любезен. Он так почтителен со мной! *(Феде.)* Послушайте, я не знаю, где находится ключ.

Дрон. Как это? Ты же ключник!

Федя. Нет ли тут ошибки?

Галактион. Увы! Я только назван ключником. Но я — никто. Маг хранит ключ у себя. Он его мне не доверяет. Не доверяет!

Федя. Это оскорбительно для вашего достоинства.

Галактион. Наконец-то я понят. И как глубоко понят!

Федя. Так пойдёмте с нами искать ключ.

Галактион. Я не могу отсюда выйти.

Федя. Почему?

Галактион. Вход заперт волшебной чертой, которую не может переступить дракот.

Федя. Там её нет! Мы её разрезали лучом.

Дрон. Пойдём, Галактион. Ты, оказывается, хорошо говоришь. Может быть, ты мне скажешь, каким я был раньше?..

Галактион. Нет. Я не помню. Маг столько раз тебя переделывал! А за приглашение — спасибо. Я догоню вас. Я только допишу послание потомству!

Конец пятой картины

ПРОСЦЕНИУМ

Фасад дома, в котором живёт маг Мрак. Федя, Ая и Дрон совещаются.

Федя. Дрон, ты пойди пока заговори мага, а мы посмотрим в саду.

Дрон. Хорошо. Только я позову тебя, если он начнёт меня превращать.

Федя. Иди, Дрон. И в случае чего — крикни.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната в доме мага Мрака. Потолок — купол. Стол, на котором постелена постель. На кровати стоит посуда. На полу — цветочные горшки. В них растёт колбаса.

М а г М р а к *(подходит к «цветку»-колбасе, наклоняется, нюхает)*. Славно всё устроено на моей планете. Всё не как у людей!

Входит Д р о н.

Ты где так долго был?

Д р о н. Звездоход прогонял.

М а г М р а к. Как?

Д р о н. Я ему рассказал, какой у меня хозяин могущественный и сильный.

М а г М р а к. Ну и что же?

Д р о н. Улетел обратно на Землю.

М а г М р а к. Врёшь ты всё.

Д р о н. Нет, нет. Он прямо кверху взлетел.

М а г М р а к. Врёшь, всё врёшь! Он не может на Землю лететь. Уж я-то знаю! Ты посмел меня обмануть! Будешь за это невидимым! *(Машет рукой — Дрон исчезает.)*

Г о л о с Д р о н а. Федя, Федя, на помощь!

Вбегает Ф е д я.

Ф е д я. Дрон, где ты?

Г о л о с Д р о н а. Я здесь! То есть меня нету. В углу. Он меня превратил...

М а г М р а к. Ах так! Сам пожаловал! *(Быстро обегает вокруг Феди.)* Огонь! Сожги его, огонь!

Вокруг Феди вырастают языки пламени. Федя их спокойно перешагивает.

Ф е д я. Звездоход не горит в огне, маг.

М а г М р а к. Вода, утопи его! Буря! Буря!

От пола поднимаются волны.

Ф е д я. Звездоходу не страшна буря, маг.

Вода исчезает. Входит А я.

А я *(Феде)*.

Я сад и вдоль и вокруг обошла.
Я никакого ключа не нашла.

Маг Мрак. Входите, входите, милая барышня. Кто вы такая?

Ая. Я имени своего не скрываю.
Я с неба звезда. Зовут меня Ая.
На вашей планете недавно гощу.
Я ключ от воды вместе с Федей ищу.

Федя. Ая, не признавайся ему, это маг Мрак.

Маг Мрак. Милая Ая, зачем вам искать ключ, я вам его подарю.

Федя. Ая, берегись! Не верь ему!

Маг Мрак. Вы так хороши, что для вас никакого ключа не жаль. А вы мне подарите на память о приятной встрече всего один луч.

Ая. Что делать! Я дам вам на память свой луч.
Но вы мне за это подарите ключ!

Федя. Ая, остерегайся!

Федя не успевает помешать Ае. Она протягивает луч магу и тут же оказывается в его руках. Федя вооружается своим лучом-шпагой. Идёт борьба за Аю. Вдруг окно распахивается, и в него влетают громы и молнии. Это невидимый Дрон вышел во двор и швыряет огромные дозы снотворного для мага.

Голос Дрона. Федя, Ая, держитесь, он сейчас завалится спать!

Маг ослабевает, он начинает зевать. Засыпает прямо на полу.

Федя. Молодец, Дрон. Но где же всё-таки ключ?

Галактион *(заглядывает)*. Маг повержен? А ключа вы ещё не нашли?

Федя. Нет. Мы не знаем, как его разыскать.

Галактион. Рад помочь. Из пещеры я первым делом отправился в мой родовой замок. Необходимо было привести себя в порядок. И там я обнаружил древнюю дракотскую книгу, где сказано, что магические ключи надо искать по звуку. У них особый звон, который не улавливает простое ухо.

Федя. Но у меня не ухо, а антенны. Тише! Не мешайте мне слушать!

Федя кружит по комнате, шевеля антеннами, прислушиваясь к звукам, слышным ему одному. Все ходят за ним по пятам.

Нашёл! Нашёл! Я слышу, как он позванивает! *(Ныряет под кровать и вытаскивает оттуда ключ.)*

От наступившей было тишины просыпается маг Мрак.

Маг Мрак. Что? Ключ нашли? Ну, держитесь, голубчики! *(Размахивает руками.)* Космический ураган! Дуй!

Страшный ветер расшвыривает Аю, Федю и Галактиона по углам.

Федя. Ая! Галактион! Держитесь! *(Старается добраться то до него, то до неё.)* Только рядом мы сможем выстоять! Я знаю!

С трудом преодолевая напор ветра, Федя добирается сначала до Аи и, схватив её, приближается к Галактиону. Все становятся стеной против мага. Ветер стихает. Маг опускает руки.

Маг Мрак. Они умеют поддерживать друг друга, как люди. Значит, тут я бессилен. Ладно! Я улечу на другую планету! У меня в запасе ещё несколько тайн.

Федя. Но люди всё-таки получат воду здоровья!

Маг Мрак. Это мы ещё посмотрим! *(Улетает через окно.)*

Федя. Ая, Галактион! Отоприте воду. Пора собираться в путь.

Конец шестой картины

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Папина комната, как в первой картине. Папа ходит взад-вперёд, смотрит на часы, нервничает. За ним ходят Пёс и Кот.

Папа. Срок подходит.

Кот. Мяу.

Пёс. Гав!

Папа. Я так тревожусь! Почему, почему он больше не вышел на связь? *(Смотрит на часы.)* Пора уже. А его всё

нет. Опаздывает. Дети всегда опаздывают. *(Ходит по комнате. Обо что-то спотыкается. Наклоняется, поднимает, вертит в руках.)* Боже мой! Два элемента связи! Я недосмотрел! Положил только один вместо трёх! Проклятые очки! *(Садится к столу. Роняет голову на руки. Поза полного отчаяния.)*

Через окно впрыгивает яркий звёздный луч, натягивается. По нему в комнату спускаются Федя, Ая, Галактион и бочка с водой, которую держит невидимый Дрон.

Федя. Папа!

Папа. *(вздрагивает).* Это ты?! Сынок! Федя! Ты жив!

Федя. Папа! Маг Мрак расплавил ракету. Мы добрались до Земли по звёздному лучу. Нам помогла Аина мама. Она протянула луч до самой Земли.

Папа. Кто это с тобой?

Галактион. Я — небесный дракот Галактион, потомок древних космических дракотов и друг вашего сына.

Ая. Я — звёздочка Ая. Я с неба — за песней.
Что может быть песен земных чудесней!

Федя. Мы нашли ключ. Мы добыли воду. Дрон, принеси сюда бочку.

Бочка сама движется к Папе.

Папа. Какой Дрон? Почему бочка идёт сама? Это не научный факт!

Федя. Её несёт Дрон. Маг Мрак превратил его и теперь он невидимый. Дрона это очень огорчает.

Папа *(водит рукой по воздуху, очерчивает невидимого Дрона).* Так. Контуры сохранились. Сейчас. Сейчас. *(Берёт невидимого Дрона за руку, ведёт к столу, что-то над ним производит.)* Так-так. Странно. Картон. Стекло. Дерево.

Появляется Дрон в том виде, как зритель увидел его впервые.

Федя. Дрон!

Папа. Вот ты какой!

Дрон. А вы не можете узнать, какой я был раньше?

Папа. *(с сожалением).* Нет. Тут какой-то секрет, который я пока не могу разгадать. Тебя заколдовал маг. А как — я пока не знаю. Этим ещё предстоит заняться науке.

Дрон. Кто же я? Неизвестно...

Папа. Не огорчайся, Дрон. Ты — наш друг, а это самое главное.

Федя. Ты — мой друг!

Ая. Станешь ты прежним опять, но не вдруг.
Помни, мой милый, что ты — наш друг!

Дрон. Как хорошо иметь друзей!

Папа. Однако, друзья, испытаем воду здоровья!

Все *(вместе).* Испытаем, попробуем!

Папа. Я — первый. Все исследователи всегда пробуют свои открытия на себе. Это научный факт! *(Пьёт воду. И тут же становится молодым.)*

Федя. Папа, какой ты красивый!

Папа. Друзья мои! Я помолодел! Это научный факт. Вон где мои очки! Но они не нужны мне больше!

Все радуются, Кот и Пёс танцуют на задних лапах. Только Ая невесёлая.

Почему ты грустишь, звёздочка Ая?

Ая. Вспомнила небо и маму-звезду я,
И хочется слышать песню земную.

Папа. За чем же дело стало? Споём звёздочке нашу земную песню.

ПЕСНЯ

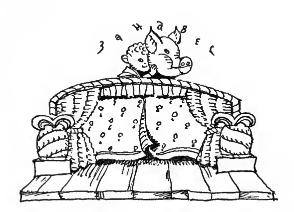
Здесь, на Земле, леса и поля,
Горы, долины и реки.
Ты хороша, планета Земля,
И будешь прекрасной вовеки.

Сердцем своим навсегда мы с тобой,
Но нет нам предела и грани.
Неба далёкого свод голубой
К себе нас зовёт и манит.

Мысль улетает всё дальше ввысь,
Мысль человека — птица.
А звёзды затем на свет родились,
Чтоб к звёздам мечтой стремиться.

По небу тихо плывут облака,
Как корабли в море.
И то, что не совершилось пока,
Всё совершится вскоре.
ВСЁ СОВЕРШИТСЯ ВСКОРЕ!

Занавес

ЗВЁЗДНЫЕ МАСТЕРА

Новогодняя сказка в двух действиях, девяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Учёный Волк.
Снеговик.
Медвежонок Снитли.
Лисёнок Рыжий Так.
Зайчонок Добрыня.
Ледянщик-дед.
Ледянщик-внук.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Зима в сказочном лесу. В самом центре сцены — огромный пень в разрезе. В нём уютно расположилась «Ледяная мастерская». Здесь живут мастера-ледянщики — Дед и Внук. Слышится негромкий мелодичный звон. Дед поднимает голову. Звон обрывается.

Дед. Куда же это внучек пропал? Послал его в лес за сосульками, надо их все собрать да к Новому году посеребрить, а его всё нет. *(Ходит взад-вперёд.)* Идёт? Нет. Не идёт. Ай-ай-ай! А ведь нам ещё снежинки сделать надо и развесить.

С шумом, шлёпнув большую корзину об пол, вваливается Ледянщик-внук.

Внук. Дедушка!

Дед. Куда же ты пропал, внучек маленький?

Внук. Дедушка, сосулек-то сколько! С ними замучаешься. Одна низко висит, другая высоко, не дотянешься. Мне бы одному их и не дотащить!

Дед. Кто ж помог-то?

Внук. Ой, дедушка. Я в лесу с лисёнком познакомился. Он такой нехитрый, нехитрый! Он не хочет быть как все лисы. Его Рыжий Так зовут.

Дед. И что же? Он тебе корзину донёс?

Внук. Да.

Дед. И узнал, где мы живём?

Внук. Ничего, дедушка, он никому не скажет!

Дед. Ну, смотри... Давай за работу. Будем снежинки мастерить.

Внук. Дедушка, у меня снежинки не получаются.

Дед. Покажу ещё раз, учись.

Дед и Внук *(оба дружно стучат молоточками и поют).*

На весёлой наковаленке
Мы куём, куём, куём,
Старый дед и внучек маленький —
За работой мы поём.
Мы скуём сосульки звонкие
И снежинки для зимы.
На стекле узоры тонкие
Выводить умеем мы.
Проводов сплошная линия
Хороша, как никогда,—
В бахроме лесного инея,
В голубых алмазах льда.

Дед. Видишь, получилось!

Дед и Внук растягивают по мастерской змейки сверкающего инея.

А теперь сосульками займись.

Внук. Дедушка, ну что сосульки! Главное-то когда?

Дед. Обожди, успеем.

Дед и Внук растягивают по стенам гирлянды сосулек.

Внук. Ну, теперь, дедушка, можно её принести?

Дед. Ну уж ладно, неси нашу красавицу!

Внук выходит и тут же возвращается. Он приносит большую прекрасную ледяную звезду. Устанавливает её посреди мастерской. Дед и Внук обходят её вокруг, осматривают. Дед выстукивает её молоточком, как доктор, прислушивается к звону.

Внук. Как, дедушка?

Дед. А вот послушай.

Внук. Чего-то не хватает?

Дед. Прислушайся и пойми — чего! Ты же должен вырасти настоящим ледянщиком!

Внук. Кажется, понял! Сейчас принесу! *(Приносит пёстрые банки.)*

Дед *(смотрит на этикетки)*. Правильно! Добавим ложечку воробьиной песенки.

Внук. Дедушка, а вот тут лягушачий хор!

Дед. Ну и кваканья чуть-чуть добавим!

Внук. А вот тут погляди что.

Дед. А, это кап-кап — льётся летний дождик.

Внук. Дедушка, а летом на заре пастух играет и коровы мычат.

Дед. Ха-ха-ха! Коровы, говоришь? Что ж, добавим, у каждого своя песня.

Внук. У листьев — своя, у яблок — своя. И даже у комара — своя, да, дедушка?

Дед. Ну конечно. И все песенки должны собраться вместе и встретиться под Новый год. Слышишь, как они все звучат?

Ледянщики постукивают по звезде молоточками, она звенит.

Дед и Внук *(поют)*.

Есть песня у метели
И есть у ручейка,
Есть песенка у ели
И у березняка,
У вербы на опушке,
У жабы и лягушки,
У рыжика, волнушки
И у бурундука.
И надо слушать песни,
Молчать и не дышать,
Потом все песни вместе
Слегка перемешать.
И будет новогодний
Прекрасный звонкий звон,
И в Новый год, сегодня,
В лесу раздастся он!

Внук. Дедушка, а если бы мы не сделали звезду?

Дед. Даже подумать страшно!

Внук. А что было бы?

Дед. Всё время в нашем лесу был бы декабрь.

Внук. Ой, как это?!

Дед. Так. Было бы тридцать второе декабря, тридцать третье, сто двадцать пятое... И не было бы праздника, и так бы никогда не наступила весна.

Внук. Как хорошо, что звезда готова! *(Подпрыгивает от радости, поёт.)*

На свете так бывает,
Что только раз в году
На ёлке зажигают
Прекрасную звезду.
Звезда горит, не тает,
Блестит прекрасный лёд.
И сразу наступает
Счастливый Новый год!

Дед. Запомни, внучек маленький, ни один ледянщик ещё никогда не опоздал сделать к Новому году самую красивую звезду. И никогда не оставил лес неукрашенным. Пойдём-ка с тобой иней и сосульки в лесу развесим, бери корзину.

Внук притаскивает корзину.

Внук. Эй, сосульки, марш в корзину! *(Складывает в корзину. Затем сматывает иней в клубок и тоже укладывает в корзину.)* Всё в порядке, дедушка!

Дед. Вот и славно. Теперь можно лес украшать!

Берут корзину с инеем и уходят.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дома у Волка. Большое окно. За окном зимний лес. Видно, как падают снежинки. Открыта форточка. Через неё доносится частушечная мелодия. Кто-то тренькает на балалайке. Волк сидит за столом зажимая уши лапами. Вскакивает, с треском захлопывает форточку

Волк. Не дают сосредоточиться! Зайцы, лисы всякие там. Шумят. А наука требует тишины. *(Подходит к*

огромным счётам, похожим на шведскую стенку. Считает.) Так. Необходимо научно вычислить, когда наступит весна. Значит, пять миллионов лет от луны до весны, пять миллионов муравьёв от стены до сосны, итого девять с половиной... зайцев. Тьфу! При чём тут зайцы? Сбивают вот ничего и не выходит. Сначала. Значит, так...

Порывы ветра распахивают форточку. Тут же в комнату врывается незатейливая мелодия балалайки. Волк снова захлопывает форточку.

Нет, не работа, а мучение! Снеговик! Снеговик!

Вбегает Снеговик.

Я тебя зачем нанял?

Снеговик. Погодите! Сейчас вспомню! *(Размахивая метлой.)* Тишину подметать!

Волк. Что?!

Снеговик. Виноват, оговорился. Тишину соблюдать.

Волк. А ты что?

Снеговик. Виноват, зазевался, в снежки заигрался.

Волк. Наука требует чего?

Снеговик. Погодите! Соображу. Как раз этого самого: тишины!

Волк. А почему шум под окном?

Снеговик. Погодите! Сейчас всё сделаю. *(Убегая.)* Всех выслежу. Всех разгоню.

Волк. Итак, если подняться до луны вверх, а потом спуститься до земли вниз, а потом перемножить всех зайцев... Что? Опять зайцы? Ну при чём тут зайцы? Ой! Голова разболелась! Где настойка из волчьих ягод? Где отвар из волчьего лыка? Опять шумят? Не могу больше! Худо мне...

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Опушка леса. Ёлка в сверкающем снегу. Медвежонок, Зайчонок и Лисёнок готовятся к новогоднему концерту.

Медвежонок. Начинаем! Начинаем репетицию!

Снеговик, незамеченный, выглядывает из-за ёлки.

Лисёнок *(Медвежонку)*. Ты уж не обижайся. Я всё время думаю: вдруг ты как раз в Новый год уснёшь? Медведь всё-таки! Медведи-то зимой спят!

Медвежонок. Я как раз не сплю!

Зайчонок. А почему же тебя прозвали Спитли?

Медвежонок. А потому — меня всё время спать укладывают и все друг у друга спрашивают: «Спит ли? Спит ли?» А я всё слышу и не сплю.

Лисёнок. Тогда, выходит, ты медвежонок наоборот!

Медвежонок. А ты думал! Ну ладно, давайте репетировать! *(Начинает тренькать на балалайке.)*

Зайчонок. Я первый!

Лисёнок *(Зайчонку.)* А ты не побоишься петь частушки про Волка?

Зайчонок. Я? Зайчонок Добрыня? Да я никогда ничего не боюсь! Хвостик у меня нисколечко не дрожит! Посмотрите и убедитесь! *(Поворачивается спиной.)*

Все внимательно рассматривают его хвостик. Даже Снеговик высовывается из-за ёлки.

Медвежонок. Выходит, ты тоже зайчонок наоборот! Ну, давайте репетировать! *(Тренькает на балалайке.)*

Зайчонок. Главное, чтобы никто не узнал про наш концерт. Это сюрприз.

Медвежонок. Я никому не скажу.

Зайчонок. И я никому.

Лисёнок. И я постараюсь. Хотя мне и будет трудно. Я ведь всегда говорю так, как есть.

Зайчонок. За это тебя и прозвали Рыжий Так!

Лисёнок. Да. Терпеть не могу этих лисьих «обхитри-проведи»! Не хочу быть таким, как все лисы!

Зайчонок. Выходит, и ты наоборот.

Медвежонок. Начали! Начали!

В тот момент Снеговик задевает еловую ветку, снег с неё осыпается. Все устремляются туда, но Снеговик успевает раскатиться на три сугроба.

Да никого нет, птица, наверно, пролетела. Тут только сугробы. Рыжий Так, начинай!

Медвежонок аккомпанирует на балалайке, все поют по очереди.

Лисёнок. Скоро будет Новый год
На лесной опушке!
Собирайтесь в хоровод,
Звери и зверушки!

Зайчонок. Скоро Волк сюда придёт,
Уваженье Волку!
Он считает целый год,
Только всё без толку!

Медвежонок. Рыжий Так, лезь на сугроб, а то тебя не видно.

Лисёнок *(залезает на один из сугробов, от Снеговика).*

Есть у Волка Снеговик,
В услуженье нанят.
Он на всех кричать привык,
Только тем и занят!

Сугроб подскакивает. Лисёнок чуть не падает.

Эй, кто это меня спихивает с сугроба?

Зайчонок. Да никто не спихивает. Сам слезай, теперь я буду на сугробе петь.

Снеговик ты снеговой,
Белый, не раскрашенный!
Машешь ты своей метлой,
Да совсем не страшно нам!

Вот. И хвостик нисколечко не дрожит. Посмотрите сами! *(Поворачивается спиной, и все с уважением смотрят на его хвост.)*

Все. И правда, не дрожит!

Л и с ё н о к. Хорошо, что мы так поём. Люблю правду. Терпеть не могу этих лисьих «обмани-надуй»!

З а й ч о н о к *(голосом Волка)*. Науке нужно что? Тишина.

Л и с ё н о к *(смеётся)*. Ой, как похоже!

М е д в е ж о н о к *(голосом Снеговика)*. Погодите! Сейчас я их всех разгоню, проучу, утихомирю...

Л и с ё н о к. Ну точь-в-точь!

З а й ч о н о к. Ну всё. Мы к празднику приготовились. А уж ледянщики не подведут. Они своё дело знают.

М е д в е ж о н о к. Принесут звезду.

З а й ч о н о к. Она загорится на ёлке, и наступит в нашем лесу Новый год.

Л и с ё н о к. И будет праздник!

М е д в е ж о н о к. А потом всё станет теплеть и светлеть, и никто не будет меня спать укладывать.

Л и с ё н о к *(вскакивает на сугроб)*. И снег растает.

М е д в е ж о н о к. Совсем не будет никакого снега!

Ком снега, на котором стоит Лисёнок, подпрыгивает. Лисёнок чуть не падает.

Л и с ё н о к. Ой, кто это толкается? Ты, Спитли?

М е д в е ж о н о к. Нет, я не толкался, я только сказал: «Совсем не будет никакого снега! Будут лужи!»

Л и с ё н о к *(спрыгивает с неспокойного «сугроба»)*. И зацветут цветы!

З а й ч о н о к. И капустка в огороде поспеет! Ну ладно, побегу печь пироги!

Л и с ё н о к. А я делать фонарики!

М е д в е ж о н о к. Поскорее всё сделаем и пойдём встречать ледянщиков.

Л и с ё н о к. Поможем звезду донести. Я уже помог сегодня маленькому ледянщику.

М е д в е ж о н о к. Ты?!

Л и с ё н о к. Ну да. Мы вместе целую корзину сосулек несли. До самого дома!

М е д в е ж о н о к. Значит, ты знаешь, где они живут?

Л и с ё н о к *(шёпотом)*. Знаю. Только это тайна. Не спрашивайте меня больше ни о чём. Я ведь не умею говорить неправду.

Зайчонок. Ну ладно, ладно. Пошли. У меня уже, наверно, тесто подошло!

Лисёнок. А у меня клей на плите стоит!

Разбегаются.

Снеговик *(складывается)*. Вы слыхали? Сначала — звезда. Потом — Новый год. А потом!.. Ужас! Даже сказать не могу! Снег превратится... ой, ужас, даже сказать не могу во что! А я и не знал, что весна — это так страшно! Пропал! Погиб! Что же делать, что делать? Думай, думай, снеговая голова! *(Стремительно убегает.)*

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Снова в доме у Волка. Волк с нетерпением ждёт Снеговика.

Снеговик *(вбегает)*. Всё пропало, серый хозяин!

Волк. Что пропало?

Снеговик. Тишина. Спокойствие. Наука. Такая будет балалайка, такие частушки, что уши тают, м-м, вянут!

Волк. Не может быть!

Снеговик. Может. Они про вас такие обидные частушки поют!

Волк. Громко?

Снеговик. Оглушительно!

Волк. Это надо прекратить!

Снеговик. И поскорее, серый хозяин. Иначе — обидно. А главное — очень громко.

Волк. Давай рассуждать научно.

Снеговик. Некогда научно. Надо бежать.

Волк. Куда бежать?

Снеговик. Ледянщики звезду смастерили. Только загорится звезда — лужи потекут.

Волк. Какие лужи?

Снеговик. Погодите! Я хотел сказать — не лужи

потекут, а песни польются, частушки. Такой шум начнётся, что вся наука кувырком полетит.

Волк. Иди и забери звезду!

Снеговик. Один я не могу. Тут нужна вся ваша учёность, серый хозяин. Потому что неизвестно, где ледянщики живут.

Волк. Ерунда. Сейчас вычислю. Значит, так. Камень не плавится, лёд ничем не славится, логарифмы, четыре рифмы, сложить пополам, девять ям, тринадцать в тетрадке, восемь в остатке. М-м-да. Получается, что они живут в Калифорнии.

Снеговик. Вы уж слишком научно за дело взялись, серый хозяин. Они тут, в лесу, где-то живут. И про это знает Лисёнок. А может, он уже и Зайчонку рассказал.

Волк. И что же?

Снеговик. Надо их опередить.

Волк. Ну и опережай себе. Ты мне мешаешь работать.

Снеговик. Серый хозяин...

Волк. Ты ещё здесь?

Снеговик. Серый хозяин, вы бы мне помогли...

Волк. В чём ещё тебе помогать?

Снеговик. Ледянщиков отыскать... От их звезды вам ведь помеха в работе. Ведь шуму не оберёшься...

Волк. М-м-м... шум я не люблю.

Снеговик. Вот-вот, шум будет, а вы не любите.

Волк. Ну ладно. Так и быть. Выручу тебя при помощи науки. Дай мне шарф и варежки. И пошли к твоему, этому, поросёнку.

Снеговик. К Зайчонку!

Волк. Да, да. К Зайчонку.

Уходят.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

В лесу перед домиком Зайчонка. Из трубы идёт дым. З а й ч о н о к возле крылечка набирает поленья в охапку и поёт.

З а й ч о н о к. Печка жарко топится.
Новый год торопится.
Взял я масло и муку,
Пироги я сам пеку.
Пироги пшеничные,
Сдобные, отличные!
Сами в рот влетают,
Так во рту и тают.
(Уносит дрова в дом.)

Входят В о л к и С н е г о в и к.

В о л к. Здесь?

С н е г о в и к. Погодите! Соображу. Да, здесь!

На крыльцо выбегает З а й ч о н о к.

В о л к. Ты Зайчонок?

З а й ч о н о к. Я. Зайчонок Добрыня.

В о л к *(отступая на шаг)*. Никитич?

З а й ч о н о к *(скромно)*. Нет, Заич.

В о л к *(успокоившись)*. А-а-а... Тогда вот что. Добрыня Заич, объясни нам научно, где живут ледянщики?

З а й ч о н о к. Зачем вам они?

С н е г о в и к. Ты с кем это разговариваешь? Перед тобой — сам Волк!

З а й ч о н о к. Вижу-вижу. А что такого особенного? Волк как волк.

В о л к. По науке ты обязан меня бояться!

З а й ч о н о к. Нет, не боюсь. Видите *(поворачивается к нему спиной)*, и хвостик не дрожит!

В о л к. Итак, где живут ледянщики?

З а й ч о н о к. Вы их сегодня на празднике увидите!

В о л к. Кажется, я тебя сейчас укушу! Я хоть и учёный, но всё-таки волк!

З а й ч о н о к. Э, нет, не дамся! *(Убегает в дом и запирает двери.)*

Снеговик начинает барабанить в дверь, но Зайчонок и не думает отпирать. Ничего не узнали и пошли к Лисёнку.

В о л к *(отдуваясь)*. Глупый Заяц. Не помещается в науку. Выпадает.

С н е г о в и к. А они такие про вас частушки распевают. Весь лес смеяться будет. Может, вы ещё раз попробуете вычислить, где живут эти ледянщики?

В о л к *(бормочет)*. Длина заячьего уха, шмель и муха, делённые, умноженные, вчетверо сложенные... Получается, что они живут в Южной Америке!

С н е г о в и к. Опять что-то не так!

В о л к. Наверно, где-то вместо умножения сделал деление. Ничего не выходит.

С н е г о в и к. Да, не выходит. А тут лужи!..

В о л к. Какие лужи?

С н е г о в и к. Не лужи, а стужи. Заяц боится стужи и не выходит.

В о л к. Жди меня тут. Я только возьму компас и сейчас же назад. По компасу мы их непременно разыщем.

В о л к уходит. Снеговик стоит пригорюнившись. Мимо Снеговика, не замечая его, пробегает М е д в е ж о н о к С п и т л и. Он взбирается на крылечко и стучит в дверь.

М е д в е ж о н о к. Добрыня, выйди на крылечко!

З а й ч о н о к *(из-за двери)*. Заходи!

М е д в е ж о н о к. Лучше ты выйди, у тебя печка топится, как бы меня в тепле в сон не стало клонить.

З а й ч о н о к. Сейчас выйду!

С н е г о в и к. О чём они говорят? А вдруг Лисёнок им рассказал, где ледянщики живут? Как бы узнать? Думай, думай, снеговая голова! *(Прячется.)*

З а й ч о н о к *(выходит из дома)*. Знаешь, Спитли, ко мне Волк со Снеговиком приходили.

М е д в е ж о н о к. Зачем?

З а й ч о н о к. Где ледянщики живут, спрашивали.

М е д в е ж о н о к. Ой! Для чего это?

Зайчонок. Не знаю.

Медвежонок. Может, звезду хотели украсть?

Зайчонок. Ой!

Медвежонок. Может, хотят, чтобы Нового года не было?

Зайчонок. Батюшки! Посмотри, у меня хвостик не дрожит? *(Поворачивается спиной.)*

Медвежонок *(смотрит)*. Нет, не дрожит.

Зайчонок. Ну тогда ещё ничего. Надо скорее идти Лисёнка предупредить. Они его перехитрят и узнают адрес ледянщиков.

Медвежонок. Я побегу.

Зайчонок. Погоди! Вместе пойдём! Только помоги мне из печки пирог вынуть.

Медвежонок и Зайчонок скрываются в доме.

Снеговик. Ага! Значит, только Лисёнок знает адрес! Ну хорошо! Серый хозяин! Что я узнал! *(Убегает.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Двор и домик Лисёнка. В домике стенка опущена так, что мы видим внутренность комнаты. Лисёнок пытается сладить с огромными ножницами.

Лисёнок *(меланхолично)*. Какие я красивые фонарики склеил! *(Вздыхает.)* Всё равно скажут: «Не сам сделал, папа с мамой за него работали». Думают, Лисёнок — значит, хитрый. Думают, рыжий — значит, обманщик. А я всегда всё говорю так, как есть. Терпеть не могу лисьих «схитри-проведи».

Стук в окно.

Войдите. Кто там?

Входят Волк и Снеговик.

Волк? Снеговик?

Снеговик. Хм, хм. Лисёнок, скажи-ка нам правду.

Волк. Этого не может быть! По науке лисятам положено хитрить.

Лисёнок *(чуть не плача)*. Ну вот, опять не верят.

Снеговик. Погодите, погодите! А вдруг он скажет правду, а, серый хозяин?

Волк. Где живут ледянщики?

Лисёнок. Ой, а зачем вам?

Волк. М-м-м...

Снеговик. Ой, серый хозяин! *(Подумав.)* Понимаешь, Лисёнок, звезда тяжёлая, мы хотим помочь ледянщикам нести звезду.

Волк. Вот именно, точно так. Строго научно.

Лисёнок. И я с вами пойду!

Волк. Нет, нет. Ты с нами иди только мысленно.

Лисёнок. Как это?

Волк. Ну так, воображай. Иди теоретически.

Снеговик. Ну как бы ты шёл, будто и на самом деле идёшь!

Лисёнок. Очень просто! Сначала пошёл бы направо, потом налево, потом прямо, а потом свернул бы у третьего сугроба. Вот и всё.

Волк. Понятно. Запоминаем. *(Глядит на компас.)* Направо — юг, налево — север.

Снеговик. Пошли, серый хозяин.

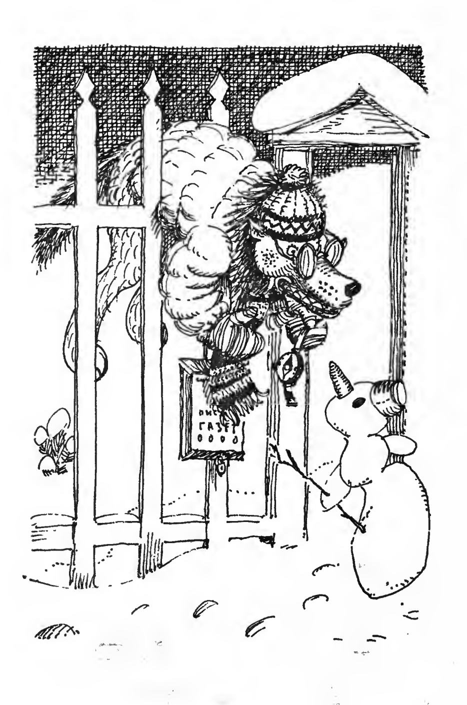
Волк и Снеговик выходят во двор.

Скорее, серый хозяин! Адрес есть — всё в порядке.

Волк. Подожди, подожди. Это что же получается? По науке все лисята хитрят и обязательно говорят всё наоборот.

Снеговик. Да? Погодите! Соображу. Он сказал направо — значит, налево идти, что ли?

Всё, что произносит Снеговик, Волк проделывает.

В о л к. Он сказал идти на юг — значит, идём на север. На севере забор. Мы в него уткнёмся носом. А надо ходить через калитку.

С н е г о в и к. Ну тогда пошли через калитку.

В о л к. Нельзя через калитку. По науке и по компасу обязаны через забор.

С н е г о в и к. Тогда лезьте по науке через забор, а я — следом.

Волк неуклюже карабкается через забор. Обрывается. Снеговик пытается перепрыгнуть, но у него ничего не получается.

Помогите!

Волк разбирает его и перебрасывает через забор по частям. Потом сам вскарабкивается на забор и застревает на нём.

В о л к. Снеговик! Лес кончился. Дороги нет.

С н е г о в и к *(показываясь в калитке)*. Значит, Лисёнок сказал нам правду. *(Стаскивает Волка с забора.)*

В о л к. Выходит, и Лисёнок выпадает из науки.

С н е г о в и к. Скорее, серый хозяин. Бросьте свой компас! Ох, не забыть бы — поворот за третьим сугробом...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Дорога в зимнем лесу. В о л к и С н е г о в и к торопятся к ледянщикам за звездой.

В о л к. Зачем я ввязался в это странное дело!

С н е г о в и к. Так ведь чтоб шуму не было!

В о л к. М-да. Послушай, а правильно ли мы идём?

С н е г о в и к. Погодите! Соображу. Всё правильно.

В о л к. Если уж брать эту звезду, то мы должны прийти не позже расчётного времени.

С н е г о в и к. Надо идти всё прямо и прямо, пока не будет три сугроба.

Вдруг издали слышатся голоса зверят.

В о л к. Расчётное время оказалось ошибочным.

С н е г о в и к. Тс-с. Вы прячьтесь за ёлкой, серый хозяин. А я им устрою «три сугроба». *(Раскатывается на три сугроба.)*

Вбегают з в е р я т а.

М е д в е ж о н о к. Так поступают только люди во сне.

Л и с ё н о к. Спитли, милый, они спросили, я ответил.

З а й ч о н о к. Надо было схитрить.

Л и с ё н о к. Но ты знаешь: терпеть не могу всякие эти «проведи-надуй»!

М е д в е ж о н о к. Ну ничего. Может, ещё успеем. *(Радостно.)* Ой, смотрите!

Л и с ё н о к. Точно! Три сугроба! Раз, два, три. Сворачиваем у третьего.

Все считают: «Раз-два-три». Убегают.

С н е г о в и к *(быстро складывается)*. Ха-ха-ха! Серый хозяин! Не будет никаких луж!

В о л к *(появляется из-за дерева)*. Каких луж?

С н е г о в и к. Чушь! Я говорю: их перехитрить ничего не стоит. Даже мне, с моей снеговой головой! *(Идёт рядом с Волком и напевает полушёпотом.)*

Надо нам спешно, спешно, спешно
Здешних ледянщиков отыскать.
И тогда уж, конечно, конечно,
Весенних луж никому не видать.

З а н а в е с

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Ледяная мастерская, как в первой картине. Ледянщики ещё не вернулись из лесу. Звезда стоит посредине мастерской. Как только В о л к и С н е г о в и к входят, она начинает тихонько позванивать.

С н е г о в и к. Вот она! Погодите! Сейчас мы её разобьём! И никто... Никогда...

В о л к *(любуется)*. Постой, постой. Она сделана точно по науке! Лапы не поднимаются.

С н е г о в и к. А про шум забыли, серый хозяин?! А про частушки?!

В о л к. Ничего не забыл. Наука требует тишины.

С н е г о в и к. Так что же вы? Бейте, серый хозяин!

В о л к *(замахивается лапой и опускает её)*. Но это самая красивая звезда из всех, что известны науке.

С н е г о в и к. А лужи?!

В о л к. Какие лужи?!

В этот момент в мастерскую вбегают з в е р я т а, окружая звезду, не дают подойти к ней Волку и Снеговику.

З а й ч о н о к. Успели! Хотят звезду разбить!

М е д в е ж о н о к. Не проспали!

Л и с ё н о к *(Волку)*. Зачем же вы меня обманули?

З а й ч о н о к. Волк, я тебя не боюсь! И хвостик у меня не дрожит! Посмотри! *(Поворачивается хвостиком.)*

В о л к *(ошарашен)*. Вот дети пошли! Ну совсем не по науке! Медвежонок зимой не спит, Лисёнок не хитрит, Зайчонок не боится. Что это с ними? А может быть, что-нибудь случилось с моей наукой?

С н е г о в и к. Не время рассуждать, серый хозяин! Скорей разбейте звезду! Вы же сильный!

В о л к *(снова замахивается лапой и опускает её)*. Нет, лапа не поднимается. Такая красота...

С н е г о в и к. Какая красота! Лужи! Не хочу весны!

Никем не замеченные, входят л е д я н щ и к и.

Д е д. Как это не хочешь весны? Нельзя без весны. Если не будет весны, травы погибнут в холодной земле, перелётные птицы прилетят и замёрзнут...

В н у к. А медведи-то? А ёжики? А бабочки? Так и не проснутся, если весна не наступит!

С н е г о в и к *(ко всем)*. Погодите! Погодите! А я-то как же?.. Мне что же теперь, погибать? Не хочу таять! Не хочу Нового года!

В н у к. Зачем тебе погибать?

Д е д. Этого вовсе не требуется. Можешь лето перезимовать в мастерской. У нас есть холодильники...

В н у к. Льдильники, морозильники, снежильники...

Д е д. Мы тебя приютим на лето. Правда, маленький?

В н у к. Конечно, дедушка!

З а й ч о н о к. Ты будешь летом спать, как зимой медведи.

М е д в е ж о н о к. Все, кроме меня!

З а й ч о н о к и Л и с ё н о к *(Снеговику).* Теперь не боишься Нового года?

С н е г о в и к. Да, если бы я раньше знал... Мне так страшно было...

Д е д. Ну, пора. Берите звезду и скорей — на опушку, скоро настанет Новый год.

З а н а в е с

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

На опушке большая ель. На ней горит, переливается и позванивает новогодняя звезда. М е д в е ж о н о к весело играет на балалайке.

Л е д я н щ и к и *(поют).*

Тихо ель качается.
Старый год кончается.
Хорошо в лесу зимой,
Лес украшен бахромой,
Звонкий снег искрится,
Иней серебрится.

М е д в е ж о н о к.

Лезть в берлогу под сосну —
Никакого толка.
Ни за что я не усну,
Я пляшу под ёлкой.

З а й ч о н о к.

Я пою и кувыркаюсь!
Кто сказал, что заяц трус?
Никогда я не пугаюсь,
Никого я не боюсь!

Л и с ё н о к.

Всем, конечно, интересно:
До чего ж лисёнок честный!
Откровенно вам скажу:
Просто слов не нахожу!

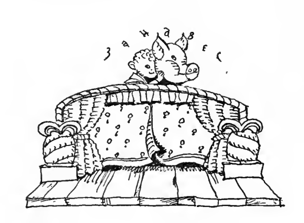

В с е *(вместе).*

Тихо ель качается.
Старый год кончается.
Смех, веселье, игры, шутки,
Песни, радость, пляски!
Хорошо нам всем живётся
В новогодней сказке!

Занавес медленно закрывается. Часы бьют двенадцать раз.

КОНЕЦ

КУКАРЕКУ

Пьеса-сказка в двух действиях, шести картинах

ДЕЙСТВУЮТ

Петушок — поэт.
Наседка — его жена.
Пик, Пип, Филипп — цыплята.
Кошка.
Хрюшка.
Лягушка.
Корова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор. Плетень. Избушка под соломенной крышей. Слева от избушки — две молодые берёзки. Между ними натянута верёвка. На верёвке вместе с бельём сушится «кукареку» — четыре платка, на каждом из которых вышито по слогу «ку», «ка», «ре» и «ку». Светает. В небо медленно поднимается солнышко. Со скрипом открывается дверь избушки. Во двор входит Петушок.

Петушок *(прохаживаясь и слегка охорашиваясь)*. С добрым утром! Как хорошо я выспался! Ах да! Я забыл вам сказать. Меня зовут Петушок. Я — поэт. Пишу стихи.

Кто про школу позабудет,
Встретив утро на боку,
Непременно тех разбудит
В нужный час ку-ка-ре-ку!

(Голос у него на последнем слоге срывается.) Ой, что это? *(Петушок снова произносит «кукареку» по слогам, поочередно трогая лапкой платки на верёвке.)* Последнее «у» слегка недосохло. Жена вчера с вечера выстирала моё «кукареку». Я её попросил. Оно у меня слегка запылилось. А всякий поэт должен держать своё «кукареку» в чистоте.

Дверь избушки скрипит, на крылечке показывается Наседка.

Н а с е д к а. Муженёк, завтрак на столе. Иди, мой голубок!

П е т у ш о к. Я — Петух. Я — поэт. А она — голубок. Но не ссориться же мне с ней? Иду!

П е т у ш о к уходит в дом. Потихоньку открывается окошко, в него высовывается голова П и п а.

П и п *(в окошке вертит головой)*. Братья! За мной!

Ц ы п л я т а по одному выскаивают из окна.

Поняли?

П и к. Какой ты умный, Пип.

П и п. Точно, Пик. Я — умный.

Ф и л и п п. Объясни толком, Пип. Я не понял.

П и п. Вечно ты...

П и к. Какой ты глупый, Филипп.

Ф и л и п п. Я не глупый, я маленький.

П и п. Не слушай. Видишь, папино «кукареку» сушится. Мы его сейчас с верёвки стянем и будем учиться кукарекать.

П и к. Как ты здорово придумал, Пип! Мы уже большие, а нам всё не дают кукареть.

П и п. Не кукареть, а кукарекать.

П и к. Правильно, кукарекать.

Ф и л и п п. А разве нам уже можно?

П и п. А мы без спросу, понял?

Ф и л и п п. Ой, без спросу нехорошо.

П и п. Тогда ступай домой, деточка.

П и к. Ну ладно, начинаем!

П и п. Чур, я беру себе «ку» и «ка», ты, Пик, бери «ре», а Филиппу дадим второе «ку».

П и к. Хитрый какой! Бери себе первое «ку», а я себе «ка» и «ре» возьму!

П и п. Нетушки! Я первый придумал кукареку стащить.

Цыплята толкаются, выстраиваются в ряд, снова отпихивают друг друга, перестраиваются, по-мальчишечьи «петушатся».

Ф и л и п п. А мама говорила, стаскивать ничего нельзя.

Пик. Мы же не насовсем, а только пока папа завтракает.

Пип. Никто и не узнает!

Филипп. А если узнают?

Пип. Ну тебя, трусишка, мокрая курица.

Пик. Ну давай скорей!

Цыплята с трудом снимают «кукареку» с верёвки, подпрыгивают, промахиваются. В конце концов на верёвке остаются только прищепки. Цыплята волокут платки с «кукареку», роняя по дороге, возвращаясь и суетясь. Они кладут их на землю и прячутся за крылечком так, что зритель их видит а выходящий из дома - не заметит.

Пип. Чур, я первый!

Пик. Правильно. Потому что ты старший.

Пип *(пробует кукарекать)*. Ку-ка-пии! Ой, не вышло! Пик, дай мне «ре».

Пик. Не дам, хитрый какой! Я сам буду пробовать! Филипп, дай-ка мне «ку»! *(Отпихивает Филиппа и кричит.)* Ре-ку! Реку! *(Срывается на писк.)* Ой! И у меня не выходит!

Пип *(строго)*. Филипп! Почему ты стоишь дрожишь?

Филипп. Я боюсь.

Пип. Чего это?

Филипп. Да-а, папа рассердится. Мама расстроится.

Пик. Вечно ты... Мокрая курица!

Пип. Пошли за сарай! Там нас никто не увидит!

Пик. Пип, а если папа уже позавтракал?

Пип. Не позавтракал. Мама будет его долго ещё кормить. Мы успеем.

Цыплята убегают, унося «кукареку» с собой. Из двери выходит Петушок.

Петушок. Ну и жена у меня! Пока пять тарелок пшённой каши не съешь, не выпустит. Но не ссориться же с ней? *(Выходит на авансцену.)* Какое утро прекрасное! Солнце. Ни облачка. Так и хочется говорить стихами. Вот, к примеру, вчера я сочинил стишок. *(Декламирует.)*

Гляди, кругом раздолье
Невиданной красы.

И зреют в чистом поле
Весёлые овсы.
И созревает просо
В полях на берегу.
А я скажу вам просто:
Друзья...

(Закашливается.) Что такое? Я не могу сказать... Ну... своё главное слово... *(Зрителям.)* Ну подскажите. Вот-вот. Это самое... *(Закашливается.)* Попробую второй куплет снова. Может, с разбегу получится.

И созревает просо
В полях на берегу.
А я скажу вам просто:
Друзья...

(Закашливается.) Что ж это такое? *(Оборачивается к верёвке и видит, что «кукареку» там нет.)* Жена! Наседка!

Наседка выбегает на крыльцо.

Наседка. Что, мой голубок?

Петушок. Где? *(Закашливается.)* Где моё это самое... главное слово моё где? Оно висело тут на верёвке!

Наседка. Я не убирала. Батюшки, где же оно? Оно тут было!

Петушок и Наседка растерянно мечутся по двору, ищут «кукареку» и не находят.

Петушок *(в изнеможении)*. Нет нигде.

Наседка. Ах, нету, нету, муженёк.

Петушок. Пропало моё самое главное слово! А что я без него? Я без него даже и не Петушок. И не поэт вовсе.

Наседка. Ах, почему?

Петушок. Потому что у каждого поэта должно быть своё собственное главное слово. Я без него не смогу писать стихов!

Наседка. Ах-ах-ах!

Петушок. Ладно, жена. Не ахай. Пойду я по свету своё главное слово искать. Авось где-нибудь да сыщется.

Наседка. Ой, не ходи. Иди лучше ещё пшённой каши поешь.

Петушок. Глупая ты у меня.

Наседка. А ну как в дороге простудишься? Заблудишься? Подавишься? Отравишься?

Петушок. Да полно тебе. Найду своё главное слово и вернусь. Иди домой, корми ребят.

Наседка уходит в дом, тут же возвращается.

Наседка. Не оступись! Не простудись! Да покушать возьми что-нибудь на дорожку! *(Уходит.)*

Петушок. Собираться пора. *(Выносит из дома рюкзак. Собирается в путь.)* Ладно. Хлебушка с собой возьму. Да посошок. Да походную песенку. Сочинил я её, когда был поэтом. Сейчас вспомню. *(Сначала напевает мелодию, проборматывает слова, потом поёт.)*

Лишь шагнёшь за порог,
Сразу сотня дорог
Побежит от тебя без оглядки,
Через мост, через брод,
Прямиком от ворот —
Всё вперёд в огород
Через грядки!
По зелёным лугам,
По крутым берегам
Побежит в неизвестность дорога.
Ты придёшь в чудный край,
Только пой и шагай,
Всё шагай от родного порога!

Да. Такая песенка. Что ж. Пора в путь!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Перед занавесом шагает Петушок.

Петушок *(поёт)*. Через мост, через брод,
Прямиком от ворот —
Всё вперёд,

В огород
Через грядки...

Занавес открывается. Тот же плетень, что и в первой картине. Огород. На плетень взобрались листья тыквы, покачиваются два подсолнуха, тянутся стрелки лука. Возле плетня растёт лопух. Стоит маленький хлевушок с загончиком. Это домик Хрюшки. Хрюшка спит на земле возле своего корытца. Петушок подходит к Хрюшке.

Хрюшка, Хрюшка, толстобрюшка, если б ты была подружка, ты б на грядке не спала, а в беде бы помогла.

Хрюшка *(лениво поднимается)*. Разбудил! Ну что тебе надо-то?

Петушок. Хрюшка, у меня беда!

Хрюшка *(почёсывается о забор загончика)*. Какая это беда?

Петушок. Понимаешь, моё главное слово пропало!

Хрюшка *(почёсывается)*. Какое это слово?

Петушок. Ну, это к... к... *(закашливается)* петушиное, знаешь ведь!

Хрюшка. А, знаю, слыхала.

Петушок. Ну вот. А ты не видела, куда оно девалось?

Хрюшка *(заглядывает в корытце, нюхает, убеждается, что оно пусто)*. Вот уж не видала его нигде. Не знаю, куда ты его девал.

Петушок. Просто ужас! Что же мне делать?

Хрюшка *(почёсываясь)*. Ну давай, что ли, вместе поищем! Гляди, в корытце нету!

Петушок. Нет.

Хрюшка и Петушок ходят по огороду, заглядывают под листья, глядят под лопухами. Хрюшка подставляет Петушку спину, он забирается на неё и заглядывает «в лицо» подсолнухам.

Хрюшка. Лопух такой здоровенный! Может, под листом?

Петушок. Нету. Только тут дождевой червяк сидит.

Хрюшка. Может, оно на подсолнушках греется?

Петушок. Посмотрим. Нет. Не греется.

Хрюшка. Может, на луке качается?

Петушок. Ох, нет, не качается.

Хрюшка *(подходит к плетню, почёсывает бок)*. Ох, даже бок зачесался. Нету нигде.

Петушок. Что же мне, бедному, делать?

Хрюшка. Что же тебе, бедному, делать?.. Знаю. Я тебе свой хрюк подарю. Слушай. *(Напевает и неуклюже приплясывает.)*

Самый лучший в мире звук
Это поросячий хрюк,
Хрю-хрю-хрю,
Хрю-хрю-хрю,
Я тебе его дарю.

Ну что, берёшь?

Петушок. Спасибо, Хрюшка-подружка. Мне твоего хрюка не надо. У каждого поэта должно быть своё собственное главное слово.

Хрюшка. Беда с этими поэтами. Ну ты сообрази, ведь хрюкать — это красиво и поэтично. Послушай снова:

Самый лучший в мире звук
Это поросячий хрюк,
Хрю-хрю-хрю,
Хрю-хрю-хрю,
Я тебе его дарю.

Ну что берёшь?

Петушок. Нет, спасибо. Мне своё главное слово найти бы.

Хрюшка. Тогда не мешай. Я буду спать.

Хрюшка укладывается на землю возле корытца, поворачивается ко всем спиной и засыпает.

Петушок. Хрюшка! Спит и разговаривать не хочет. Что ж, пойду дальше. Может, где-нибудь да отыщется моё главное слово. *(Поёт.)*

По зелёным лугам,
По крутым берегам
Побежит в неизвестность дорога.

Декорации слегка смещаются. Движется плетень. Появляются грядки с другими овощами — над грядками высятся вползающие на палки стебли гороха, раскачиваются красноватые листья свекольной ботвы, кивают головками расцветшие маки. Из-за них мелькает спина Кошки, то показывается, то скрывается. Вдруг она неожиданно появляется целиком, и Петушок с ходу на неё натыкается.

Кошка. Ф-р-р! Ну вот, помешал мне!

Петушок. Ой, это ты, Кошка? Как я испугался! Что ты тут делаешь?

Кошка. Я за мышкой гналась. Да вот из-за тебя упустила. Но я не сержусь. Обожаю поэтов.

Петушок. Извини, Кошка. Мне надо тебе один вопрос задать.

Кошка. Задавай. Только быстро. Мне надо мышку ловить.

Петушок. Ты тут повсюду бегала. Ты не видела моего к... к... *(закашливается)* ну, моего главного слова?

Кошка. Какого?

Петушок. Ну, этого... *(Закашливается.)*

Кошка. А что случилось?

Петушок. Пропало оно совсем. А без этого слова я не могу писать стихи.

Кошка. Фррр! Я тебя выручу!

Петушок. Как?

Кошка. Кое-что подарю.

Петушок. Спасибо! А что?

Кошка. Слушай. *(Поёт.)*

Если хочешь быть поэтом,
Мяу-мяу напиши.
А слова мур-мур при этом
Так для рифмы хороши!
Мяу-мяу — без лишних слов.
Мур-мур-мур — и стишок готов!

Хорошо?

Петушок. Хорошо. Но мне-то не легче.

Кошка. Как же это «не легче». Ты пойми. Я даю тебе мои «мяу» и «мур», пользуйся, пока не найдёшь своё слово! Ну, бери, и до свиданья!

Петушок. Ах нет, Кошка. У каждого поэта должно быть своё собственное главное слово.

Кошка. Не понимаю. Я ж говорю, поэты такие загадочные. Ой, вон мышка! *(Кидается в горох и исчезает.)*

Петушок. Что ж, дальше пойду. Мне без моего главного слова жизни нет. *(Грустно поёт.)*

По зелёным лугам,
По крутым берегам
Побежит в неизвестность дорога,
Ты придёшь в чудный край,
Только пой и шагай,
Всё шагай от родного порога.

Декорации передвигаются. Петушок оказывается у реки. На берегу растёт плакучая ива. В воде цветут белые кувшинки, вода почти вся покрыта их широкими листьями.

Река. Дорога кончилась.

Лягушка выпрыгивает из воды и тут же ныряет обратно. Петушок шарахается в испуге. Лягушка выскакивает снова.

Лягушка. Вздор! *(Снова прыгает в воду. Тут же появляется на листе кувшинки.)* Чушь!

Петушок. Что ты говоришь?

Лягушка. Говорю «чушь». Дорога не кончилась. Река — тоже дорога. *(Снова прыгает в воду и опять появляется на берегу.)* А что ты тут делаешь?

Петушок. Ищу. У меня моё главное слово пропало.

Лягушка. Какое?

Петушок. Ну, это... к... к... ну, знаешь ведь!

Лягушка. А может, оно в реке?

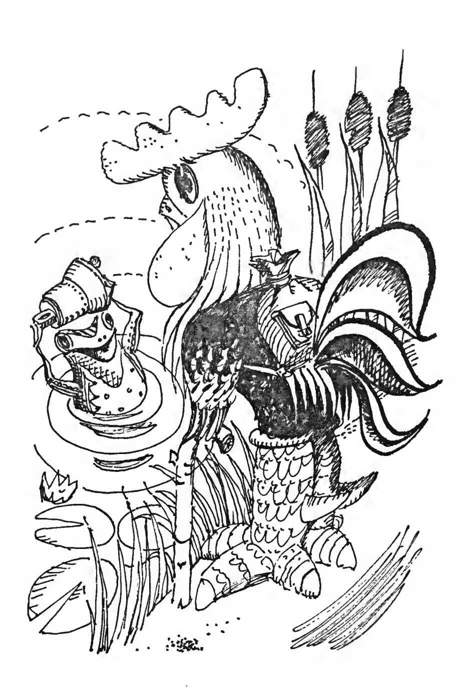
Петушок. Как это?

Лягушка. Все же любят всякий мусор в речку бросать. Может, и слово твоё закинули?

Петушок. Как ты можешь...

Лягушка, не дослушав, кидается в воду и выскакивает оттуда с большим ржавым ключом.

Лягушка. Не это?

Петушок. Да что ты!

Лягушка снова плюхается в воду и появляется на листе с дырявым ботинком.

Лягушка. Это?

Петушок. Да, Лягушка, послушай.

Лягушка ныряет и оказывается на берегу с коровьим колокольчиком.

Лягушка. Смотри, наверно, вот оно!

Петушок. Что ты, в самом деле!

Лягушка бросает колокольчик в воду.

Лягушка. Ну, я уж не знаю, чего тебе ещё.

Петушок. Да у меня же слово пропало, слово, а не вещь! А ты всё прыгаешь и не слушаешь, что я говорю.

Лягушка. Слово? Ну, это не беда! Это можно поправить!

Петушок. Как, Лягушка, как?

Лягушка. Не как, а ква.

Петушок. Что?

Лягушка. Ква, говорю. Из «ква-ква» отличные стихи и песенки получаются. Ты забыл! Ты же мне сам песенку сочинил! *(Поёт.)*

Веточка колышется,
Шелестит листва.
Отовсюду слышится
Звонкое «ква-ква».
В дождевую лужицу
Поглядишь едва,
Сразу обнаружится —
Там сидит «ква-ква».
Ходит цапля бережком —
С клювом голова.
Да сидит теперь уже
Под водой «ква-ква».

Петушок. Что же, песенка как песенка. Только мне не «ква-ква», а своё слово надо. У каждого поэта должно быть своё главное слово.

Л я г у ш к а *(обидевшись)*. Я тебе «ква-ква» и не предлагаю. Мне самой надо. До свиданья! *(Прыгает в воду.)*

П е т у ш о к. Ну вот. А от реки дорога домой обратно поворачивает. И всё. Нету нигде моего главного слова. А без него я не поэт. Без него я даже и не петух. Что же это за петух, который к... к... *(кашляет)*, который петушиного слова сказать не может! Пойду домой, лягу спать и даже, может, просыпаться не стану.

Дорожная песенка звучит уныло, в медленном темпе. Махнув зрителям крылом, П е т у ш о к печально уходит.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация первой картины. Крадучись, появляются ц ы п л я т а.

П и п. Всё тихо. Родитель ещё завтракает.

П и к. Правда, Пип. Ещё завтракает.

Ф и л и п п. И я есть хочу.

П и п. Не ной. Вешайте «кукареку» на место.

Цыплята подпрыгивают, старательно вешают «кукареку» на верёвку.

П и к. Пип, а почему мы всё-таки как следует кукареть не можем?

П и п. Не кукареть, а кукарекать.

П и к. Кукарекать.

Ф и л и п п. Потому что не завтракали.

П и п. Да замолчи ты, мокрая курица. Ладно, пошли кашу есть, потом научимся.

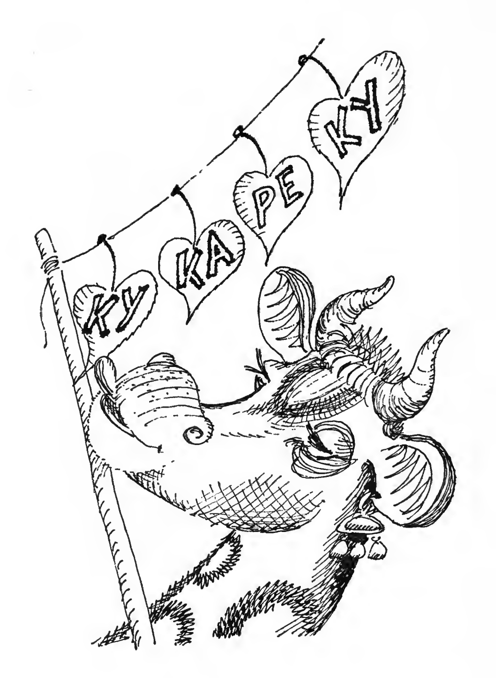
Ф и л и п п. Кукареть?

П и к. Кукарекать, дурачок.

Ф и л и п п. Мама, он меня ругает.

Все ц ы п л я т а скрываются в избушке. «Кукареку» покачивается на верёвке. Из-за плетня появляется коровий хвост, делает несколько взмахов, вслед за тем показываются два рога, а потом уже и коровья морда.

К о р о в а. Никого нет. Никто гостью не встречает и ничем не угощает. *(Входит во двор. Бродит по двору.*

КУ
КА
РЕ
КУ

Съедает пару цветков. Останавливается перед верёвкой с «кукареку».) А это что? «Ку-ка-ре-ку». Может, это вкусно? *(Сжёвывает и проглатывает «ку».)* Ничего. *(Сжёвывает и проглатывает остальное.)* А теперь и песенку спеть не вредно. Ля-ля-ля. *(Берёт ноту «ля», как бы себя настраивая.)* Хорошо. Начинаю петь. *(Разевает рот и неожиданно для себя разражается оглушительным «ку-ка-ре-ку».)* Ой! Что это? *(Ещё раз пробует голос и опять кукарекает.)* Ха-ха-ха! Я научилась кукарекать, как наш поэт Петушок. Я буду кукарекать! Это будет восхитительно. Я люблю, чтобы мной восхищались! А то с тех пор, как пропал мой серебряный колокольчик, от меня никто не приходит в восхищение. Может, я и стихи сочинять могу? Попробую! Стихи про соловья.

В зелёном лесу
На бузинном суку
Поёт соловейко
«Ку-ка-ре-ку».

Это стихи! Конечно, стихи! Я стала поэтессой! Ещё попробую. Про кошку.

Сидела кошка на окне,
Она мурлыкала во сне.
А котик с бантом на боку
Ей сказал «ку-ка-ре-ку».

В этот момент из окошка высовывается Филипп, говорит «Ой» и снова прячется.

Восхитительно! Упоительно! Пойду запишу! Все будут мной восхищаться!

Корова удирает. Цыплята один за другим выпрыгивают из окна.

Пип. Филипп, ты сам видел?

Филипп. Видел. Она съела. А потом закукарекала стихами.

Пик. Почему же ты сразу нас не позвал?

Филипп. Да-а, я боялся.

Пик. Чего?

Филипп. А вдруг она бодучая?

Пик. Пип, что ж теперь будет?

Пип. Хорошего мало. Папа стихов писать не сможет. *(Голосом Петушка.)* Ведь у каждого поэта должно быть своё главное слово.

Пик. Филипп, сбегай к маме, узнай, где папа.

Филипп убегает в дом.

Пип. Да, положение.

Пик. Пип, а что, если...

Не успевает договорить, появляется Филипп.

Филипп. Папа... Мама говорит, что такая беда, такая беда, он пошёл своё главное слово искать. Ой, что же будет! *(Начинает реветь.)*

Пип. Значит, так, братцы. Пошли домой к корове, объясним ей, попросим, чтоб отдала.

Филипп. А если она бодаться начнёт?

Пип. Тихо. За мной.

Цыплята идут со двора. На крылечко выходит Наседка.

Наседка. Куда? Куда? Зачем? Кашу не доели!

Цыплята убегают.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Другой участок огорода. Уже знакомый плетень. Капустные грядки, несколько высоких стеблей конопли, кружевная морковная ботва. Вбегают цыплята. Они очень возбуждены. Поэтому быстро бегают между кочанов капусты. Пип, взмахивая крылышками, взлетает на плетень, Пик взбирается на кочан капусты, Филипп беспомощно подпрыгивает на месте.

Пип. Всё из-за тебя, трусишка.

Филипп. Почему это?

Пик. Потому: «бодучая, бодучая».

Пип. А теперь неизвестно, где её искать.

Ф и л и п п. А вдруг и правда бодучая?

П и п. Всё равно. Хоть бодучая, хоть брыкучая. Мы обязаны вернуть папино главное слово.

Слышится мелодия Хрюшкиной песенки. Появляется Х р ю ш к а. Она подходит к плетню, почёсывается и с явным удовольствием поёт свою песенку.

Х р ю ш к а.

Самый лучший в мире звук
Это поросячий хрюк.
Хрю-хрю-хрю,
Хрю-хрю-хрю.
Так пою и говорю.

(Замечает цыплят.) Здравствуйте! Вы что тут делаете?

Ц ы п л я т а *(наперебой)*. Корову ищем, она папино главное слово сжевала, может, она бодучая, а нам всё равно папино слово надо обратно на верёвку повесить!

Х р ю ш к а. Так вот кто забрал у нашего поэта его главное слово! А он-то его ищет!

Ц ы п л я т а. Тётя Хрюшка, помоги нам. Нам надо Корову найти.

Х р ю ш к а. Что ж, надо подумать. *(Почёсывается.)* Надо подумать...

Из-за деревьев выскакивает К о ш к а.

К о ш к а. Стой, стой! Держите, это мышка, мышка! *(Видит всю компанию, останавливается.)* Соседка Хрюшка? Добрый день. *(Показывает на цыплят.)* А эти юноши кто?

Цыплята выстраиваются перед ней в ряд.

П и п. Мы цыплята.

П и к. Корова сжевала у папы его главное слово.

Ф и л и п п. С верёвки! А мы отнимаем!

П и к. Уж ты отнимешь!

Ф и л и п п. Пип, что он меня обижает! Я маленький.

К о ш к а. Постойте, юноши. Кто украл, и что украл, и у кого?

Х р ю ш к а. Корова у нашего Петушка его главное

слово стянула. А он его по всему свету ищет — кукарекать не может. Ни так, ни в рифму!

Кошка впрыгивает на плетень и, пройдясь по нему взад-вперёд, усаживается и начинает заниматься туалетом. Она лижет шёрстку, моет мордочку лапкой, говорит с цыплятами лениво и снисходительно.

Кошка. Ах, вот оно у кого! Бедный Петушок! Обожаю поэтов!

Пип. Тётя Кошка, помоги нам! Нам надо разыскать Корову.

Пик. Папино слово у неё отобрать!

Кошка. Почему же вы, мальчики, папе сами не сказали об этом?

Цыплята *(невнятно)*. Пи-пи-пи...

Кошка. Что вы мямлите? Не понимаю.

Цыплята *(мнутся)*. Пи-пи-пи...

Хрюшка. Объясняйте толком.

Пип. Мы... это... мы сами его сначала стащили.

Кошка. Фрр! Какой позор!

Пип. Потому мы его сами найти должны.

Цыплята *(все вместе)*. Помоги нам, тётя Кошка! Помоги нам, тётя Хрюшка!

Кошка. Ах, мальчики, мало вас наказывали! Но коль вы в беде, надо вам помочь!

Вдруг из-за конопли появляется коровий хвост. Скрывается. Тут же доносится звонкое «ку-ка-ре-ку».

Хрюшка. Вот она, тут, за плетнём.

Кошка. Так хватайте лапы в лапы и бежим!

Снова слышится «ку-ка-ре-ку».

Цыплята. Это папочкино слово, папино, в точности!

Все перебираются через плетень и бегут. Через некоторое время из-за стеблей конопли «выплывает» Корова.

Корова. Это ли не удивительно? Могу сочинять стихи! *(Вертит головой, призывая в свидетели всё, что растёт в огороде.)*

Муравей ползёт, ползёт,
Лодку на спине везёт.

Бросит лодочку в реку́,
Пропоёт «ку-ка-ре-ку».

Корова раскланивается. Она кланяется капусте, конопле, морковной ботве.

Вам нравится? Вы мной восхищены? Конечно, восхищены, просто сказать стесняетесь. Вы только послушайте. Это же очаровательно!

Сойки по небу летят,
Облака догнать хотят.
Вдруг застыли на бегу,
Чтобы спеть «ку-ка-ре-ку».

Из-за плетня появляются цыплята, Кошка, Хрюшка.

Все вместе *(находясь на разных уровнях)*. Вот она! Вот! Корова!

Корова. Вы пришли на мой концерт? Вы будете слушать стихи и аплодировать?

Кошка. Обожаю поэтов. Только не таких, которые воруют чужие стихи. Фрр. Таких презираю.

Корова. Так я не хочу. Мной надо восхищаться.

Хрюшка. Этого не хватало. Отдай сейчас же цыплятам петушиное слово. Они его отцу снесут. Он очень огорчается.

Цыплята. Тётя Корова, отдай, пожалуйста!

Корова. Ну уж нет!

Хрюшка. Как не стыдно!

Кошка. Ты хоть мальчиков пожалей.

Цыплята начинают плакать.

Корова. Вы что это? Если я отдам «кукареку», то стихов писать не смогу. Кто же тогда будет мной восхищаться? Колокольчик-то мой пропал! Я по бережку гуляла и колокольчик потеряла.

Кошка. Ты отдай Петушку его главное слово. И будешь добрая. Добротой все восхищаются.

Корова. Доброта внутри. Она спрятанная. А мне надо, чтобы всем сразу заметно было.

Кошка. Что сразу заметно — так это красота! *(Кошка изящно растягивается на плетне.)*

Корова. Правильно! Я отдам вам «кукареку» в обмен на мой колокольчик. Найдите мой колокольчик с серебряным звоном. И все будут мной восхищаться.

Хрюшка. Совесть у тебя есть?

Кошка. Где ж мы его возьмём?

Корова. Где хотите, там берите, а я иначе «кукареку» не отдам.

Быть поэтом так приятно,
За строкой низать строку:
Так смешно и так занятно
Говорить «ку-ка-ре-ку»!

Прощайте! Приходите ко мне с колокольчиком! *(Корова, задрав хвост, «уплывает» за коноплю.)*

Хрюшка. Вот ещё морока. Надо искать колокольчик.

Пип. Ребята, за дело!

Все рассыпаются по огороду в поисках колокольчика. Ворошат капустные кочаны, то исчезают в морковной ботве, то неожиданно появляются. Кошка вальяжно ходит взад и вперёд по плетню, указывая лапкой то в одном, то в другом направлении.

Цыплята *(плачут)*. Пи-пи-пи, нету нигде!

Кошка. Подождите-ка! Ведь корова сказала: «Я по бережку гуляла, колокольчик потеряла». Пошли скорее к реке! Может, он там!

Все. Скорее, скорее к реке, на берег!

Убегают.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Берег реки. По берегу скачет Лягушка, ловит комаров.

Лягушка. Хоп! Ещё один комарик! Вкусно, но мало! Хоп! Ещё один! Ничего, но не сытно! Хоп! Так уже лучше.

Прибегают Кошка, Хрюшка и цыплята. Они очень спешат и очень возбуждены, поэтому тараторят, перебивая друг друга.

Все вместе. Лягушка, Корова утащила «кукареку», бедный наш папочка, она теперь стихи сочиняет, это мы, пи-пи-пи, виноваты.

Лягушка. Вздор. Ничего не понимаю. «Бедная корова сочиняет папочку». Вздор. *(Говоря это, Лягушка то появляется на берегу, то снова ныряет в воду.)*

Цыплята *(плачут)*. Пи-пи-пи, бедный папочка!

Хрюшка. Помолчите, мелюзга. Кошка, говори ты.

Кошка *(усаживается и начинает лизаться)*. Понимаешь, Лягушка, я обожаю поэтов, они такие загадочные.

Хрюшка *(перебивает)*. Ты не о себе, о деле говори.

Кошка. Нет, я так не могу. Мне не дают говорить.

Лягушка. Вы можете объяснить, что стряслось?

Кошка. Потерялся серебряный колокольчик.

Лягушка. Объясните толком!

Кошка. Корова сжевала у Петушка его главное слово, теперь кукарекает и стихи сама сочиняет, а бедный Петушок от расстройства может заболеть...

Вбегает Наседка.

Наседка. Заболел, заболел Петушок, мой муженёк, опасно заболел. Я пошла искать его главное слово, да что я, наседка-домоседка, могу? Куд-куда? Куд-куда я пойду?

Цыплята. Пи-пи-пи.

Наседка. Дети? Вы здесь? Одни? Без обеда?

Лягушка. Ну вот теперь уже всё совсем запуталось.

Кошка. Всё распутается, если найти коровий колокольчик, тогда она отдаст Петушку его главное слово. И он поправится.

Наседка. Куд-куда, куд-куда нам идти за колокольчиком?

Лягушка. Где ж она его потеряла?

Кошка. Корова сказала: «Я по бережку гуляла, колокольчик потеряла». Она теперь стихами разговаривает.

Все рассыпаются по берегу, ищут, не находят, приходят в уныние.

Все. Нигде нет.

Наседка *(кудахчет)*. Ужас, ужас, он погибнет, мой Петушок.

Цыплята. Пи-пи-пи, папочка погибнет.

Медленно входит грустный и больной Петушок. Наседка и цыплята бросаются к нему.

Наседка. Зачем ты встал с постели! Доктор не разрешает!

Цыплята. Папочка!

Петушок. Я пришёл, чтобы с вами проститься.

Наседка. Куд-куда, куд-куда ты опять собрался, голубок?

Петушок. Никуда. Просто я уже, наверно, никогда не поправлюсь. Я не могу жить без своего главного слова.

Все ахают и охают.

Лягушка. Вздор! Я не помню, что такое колокольчик, но в реке столько всякого мусора, наверно, и он там! Сейчас достану!

Лягушка ныряет в воду и выскакивает оттуда, вынося всякие отбросы: консервную банку, уже знакомые зрителям ржавый ключ и башмак, ведро без дна, граммофонную трубу. Каждый раз, как она выныривает, все с надеждой устремляются к ней и тут же откатываются от неё в глубоком разочаровании. Наконец раздаётся серебряный звон, и Лягушка выскакивает с колокольчиком в лапке.

Может, это?

Все. Это, это, молодец, Лягушка!

Петушок. Какие вы странные! Чему вы радуетесь? Что колокольчик бедному поэту, который потерял своё собственное главное слово!

При этих словах раздаётся «кукареку» и появляется Корова.

Корова. Кто тут звонит в мой колокольчик?

Я по бережку гуляла,
Колокольчик потеряла.
Чтобы разогнать тоску,
Я пою ку-ка-ре-ку!

П е т у ш о к. Это моё главное слово. Корова, верни его мне!

К о р о в а. Сначала повесьте на меня мой восхитительный колокольчик. Я не могу, чтоб мной никто не восхищался.

Л я г у ш к а. Наклонись. А то я не достану.

Лягушка подпрыгивает, но не допрыгивает до коровьей шеи. Корова наклоняется, Лягушка вешает на неё колокольчик.

К о р о в а. Вот теперь я восхитительна вдвойне. Кукареку!

Х р ю ш к а. Нечестно! Отдай Петушку его слово.

К о р о в а. Конечно, отдам. Это я пошутила. Берите.

Корова делает вид, что собирается уходить.

Н а с е д к а. Куд-куда же ты? Куд-куда же ты?

Ц ы п л я т а. Пи-пи-пи! Тётя Корова, пожалей нашего папочку!

К о р о в а. Это я пошутила. Отдам, отдам уж. Берите. Я с колокольчиком достаточно восхитительна. Корова разевает рот и кукарекает. Ой! Теперь я не знаю, как от него избавиться!

П е т у ш о к *(всё ещё слабым голосом)*. Я тебя научу. Это знает всякий поэт. Надо говорить своё главное слово, и тогда чужое от тебя отцепится.

К о р о в а. М... М... Ой, я разучилась. Ой, помогите.

Корова пытается мычать. Сначала у неё ничего не получается. Но по мере того, как звук её собственного голоса крепнет, у неё из пасти появляются платки с петушиным «кукареку». Все бросаются к ней, тянут платки и, вытянув их, падают на землю. Все, кроме Кошки, которая «дирижирует» с плетня. Все кидаются с платками к Петушку.

Ц ы п л я т а. Папочка, вот твоё главное слово!

Н а с е д к а. Голубок, ты теперь поправишься, надо только кашки покушать!

Х р ю ш к а. Ну, порядок! *(Почёсывается о плетень.)*

К о ш к а. Наш поэт будет жить! Обожаю поэтов!

Петушок немного приободряется, хлопает крыльями и кукарекает

П е т у ш о к. Спасибо вам, жёнушка, дети! Спасибо вам, друзья мои, Кошка, Лягушка и Хрюшка. Я, наверно, опять смогу писать стихи. Я сейчас попробую.

Утром солнце всходит в небе,
Пишет светлую строку.
Я же буду, где б я ни был,
Утром петь «ку-ка-ре-ку».

Друзья мои! Я снова поэт! Кукареку!

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

СЕСТРА ЛЕТНИЦА

Повести-сказки

ВЕСЕЛО И ГРУСТНО

Стихи

СОСНЫ ШУМЯТ

Повести

ЗВЁЗДНЫЕ МАСТЕРА

Пьесы для чтения и представления

Литературно-художественное издание

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Токмакова Ирина Петровна

СЧАСТЛИВО, ИВУШКИН!

Стихи, повести, сказки, пьесы

Избранное

Ответственный редактор
Н. А. Терехова
Художественный редактор
М. А. Федоровская
Технический редактор
В. К Егорова
Корректоры
И Н Мокина, Э, Н Сизова

ИБ № 13233

Сдано в набор 27.08.90. Подписано к печати 20.10.91 Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бум. типогр. № 2 Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 40,13. Усл. кр.-отт. 41,25. Уч.-изд. л. 31,3 + 1 вкл. = 31,35. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5377

Цена 8 р.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Токмакова И. П.

Т51 Счастливо, Ивушкин! Избранное: Стихи, повести, пьесы/Предисл. В. Александрова; Худож. Л. Токмаков.— М.: Дет. лит., 1992.— 638 с.: ил.

ISBN5—08—002729—0

В книгу вошли повести-сказки «Маруся ещё вернётся» и другие; пьесы, написанные по мотивам русских народных сказок стихи.

Т $\frac{4803010201-020}{М101(03)-92}$ Без объявл. **ББК 84Р7**

